

СЭМ ХАЙЕС

# Восколках тумана



НОВЫЙ РОМАН-ЗАГАДКА ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА "МОЯ ЧУЖАЯ ДОЧЬ"

## Annotation

В жизни случаются периоды, когда беды наваливаются одна за другой, когда чудится, что весь мир ополчился на тебя и твоих близких. Именно это происходит с Джулией, героиней нового романа Сэм Хайес, автора бестселлера «Моя чужая дочь». Джулия твердо решила развестись с мужем, которого многие годы искренне любила. Но вскоре крушение брака покажется ей мелкой неприятностью, на которую и внимания обращать не стоит. Сначала с ее матерью произошла таинственная метаморфоза: в одночасье всегда жизнерадостная и бодрая женщина превратилась в немощную старуху, пораженную необъяснимой немотой. А через несколько дней, выгуливая собаку, Джулия обнаружит на пустоши свою лучшую ученицу, изувеченную и исколотую ножом. Но это только начало сгущающегося кошмара... А корни истории уходят в прошлое, скрывающее страшную тайну, рассказать о которой словами невозможно. О ней можно только молчать. Иначе осколки прошлого располосуют настоящее, обратив его в призрачный туман...

---

- 
- [Пролог](#)
- [Джулия](#)
- [Марри](#)
- [Джулия](#)
- [Мэри](#)
- [Марри](#)
- [Джулия](#)
- [Мэри](#)
- [Марри](#)
- [Джулия](#)
- [Мэри](#)
- [Джулия](#)
- [Марри](#)
- [Джулия](#)
- [Мэри](#)
- [Марри](#)
- [Джулия](#)

- [Марри](#)
- [Мэри](#)
- [Джулия](#)
- [Марри](#)
- [Джулия](#)
- [Мэри](#)
- [Джулия](#)
- [Марри](#)
- [Мэри](#)
- [Джулия](#)
- [Марри](#)
- [Мэри](#)
- [Джулия](#)
- [Марри](#)
- [Джулия](#)
- [Марри](#)
- [Мэри](#)
- [Джулия](#)
- [Мэри](#)
- [Марри](#)
- [Джулия](#)
- [Мэри](#)
- [Марри](#)
- [Джулия](#)
- [Марри](#)
- [Джулия](#)
- [Мэри](#)
- [Марри](#)
- [Джулия](#)
- [Марри](#)
- [Джулия](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)

---

*Моему брату Джо с любовью*

*В осколках  
тумана*



## Пролог

В детстве все мы рано или поздно узнаём, что на свете есть вещи, о которых нельзя говорить вслух, что некоторые слова способны породить ужас. Мне исполнилось четыре года, когда я пошла в детский сад и впервые узнала, что на свете бывают папы. Обнаружив, что у всех других девочек имеются отцы, я спросила маму: «А где мой папа?» До того момента я и не подозревала, что у человека должен быть папа. Ведь никто не упоминал о нем. Словно его никогда и не было.

Однажды воспитательница попросила нас нарисовать семью. И я нарисовала отца, о существовании которого до того дня понятия не имела. Высоченный, он горделиво смотрел на меня густо-синими глазами — того же оттенка, что и мои собственные. Он улыбался, а руки его были раскинуты, приглашая броситься к нему, вонзиться в него с такой силой, что он пошатнется, отступит назад...

— Смотри, это папа! — объявила я маме, размахивая еще непросохшим рисунком.

Мы шли домой. И вдруг она отбросила мою руку. Я подняла голову, но разглядеть выражение маминого лица не сумела, не заметила ее внезапной суровой угрюмости — меня слепило солнце. Тогда-то она и заговорила об отце, единственный раз в жизни. Я навсегда запомнила, как тем ясным сентябрьским днем мы возвращались на нашу ферму.

— У тебя нет отца, Джулия. Не говори о нем больше. Никогда. — Она прижала к губам указательный палец.

И я послушалась.

Я давно уже взрослая женщина, у меня свои дети, но та давняя прогулка по-прежнему свежа в моей памяти, и я по-прежнему не знаю, как сказать о том, чего у тебя никогда не было. Как найти слова, если ты их просто не знаешь?

Сама суть речи, звуки, соскальзывающие с губ и растворяющиеся в воздухе, делают каждого из нас уникальным. И когда слова начинают жить собственной жизнью, возникает история. Осколки непроговоренного прошлого тонут в тумане настоящего.

## Джулия

Я обнаружила ее совершенно случайно. На заиндевевшем от мороза лугу. Мертвенное лицо, посиневшие губы в засохшей крови. Широко раскрытые глаза буравят зимнее небо. Она не двигалась. Бледная кожа тоже словно искрилась от инея, а красные ногти напоминали горсть рассыпавшихся бусин.

— Грейс...

Я упала на колени, лихорадочно нашаривая в кармане телефон. Стянула с себя куртку, укрыла ее. Голые ноги торчали из-под куртки, неестественно выгнутые, припорошенные снегом.

— Грейс, что с тобой? — Я никак не могла поверить, что она жива.

Она вывернула голову, и тонкая кожа на шее натянулась. Открыла рот, и я увидела, что губы подернуты белесой коркой.

— Грейс, что случилось?

В последний раз я видела ее, когда она положила на мой стол сочинение по английскому и стремительно, как водится у подростков, вылетела из класса. Семестр подошел к концу, и все мы с нетерпением ждали Рождества. Из-за целого вороха событий — я имею в виду и маму, и Марри — я до сих пор так и не проверила сочинение.

— Док...тор, — прохрипела она едва слышно, через силу.

— Я уже вызвала «скорую», Грейс. Тише, тише. — Я прижала к себе изломанное тело, укрывая собой от ветра.

Через луг к нам мчался Мило; тяжело дыша, он остановился рядом и внезапно лег на голые ноги, торчащие из-под куртки, точно желая согреть. Его дыхание облачками пара обволакивало колени девушки.

Через двадцать минут у подножия холма, где заканчивалась тропинка, показалась карета «скорой помощи». Грозовая пустошь — обычное место для выгула собак, но мало кто взбирался до причудливой каменистой чаши, напоминавшей амфитеатр. В детстве я часто поднималась сюда, чтобы затем сбежать вниз, в вырытый

человеком кратер, — колени подгибаются, волосы трепещут на ветру, собака заходится в отчаянном лае, не отставая от чокнутой хозяйки.

Марри притворялся, будто бежит со мной наперегонки, но всегда поддавался.

— Деточка, ты меня слышишь?

Врач осторожно высвободил Грейс из моих рук. Их было трое — двое мужчин и женщина. Следом спешили полицейские, двое, оставляя прерывистое стаккато на бело-зеленой траве.

— Я нашла ее в таком состоянии, — сказала я, неуклюже нащупывая объяснение. Все казалось нереальным. — Выгуливала собаку. — Холода я не чувствовала, хотя и просидела все это время без куртки. Вот только внутри все окоченело. — Мне показалось, что она не живая, пластмассовая.

Выброшенный манекен. Бесполезная кукла из магазина, засиженная мухами.

— Как тебя зовут, милая? — спросила докторша.

— Грейс. Грейс Коватта. Ее отец итальянец, — сказала я.

— Грейс, девочка, ты меня слышишь?

Пока докторша пыталась заставить Грейс заговорить, ее напарник завернул девочку в одеяло, обшитое теплозащитной фольгой, и открыл маленький чемоданчик с приборами. Грейс подсоединили к небольшому кислородному баллону, и чемоданчик пискнул, уловив слабые признаки жизни.

— Она рассказала вам, что случилось?

Я покачала головой.

— Я выгуливала собаку моей матери. Пес погнался за кроликом, я повернулась, чтобы позвать его, и тут... — Мир перед глазами вдруг размылся, я изумленно прищурилась, вглядываясь сквозь туман. — И тут увидела Грейс. Взгляните на ее ноги. С ними что-то не так.

— Ее осмотрят в больнице. Кровотечения уже нет. — Докторша снова склонилась над Грейс и заговорила, четко артикулируя слова. Так люди ведут себя с моей Флорой, будто она слабоумная. — Мы положим тебя на носилки, Грейс, потом отвезем в больницу. — У нее

был большой, подвижный рот. Говорящая золотая рыбка.

Девочка все молчала. Просто смотрела на докторшу. Медленно, с трудом облизала неестественно распухшим языком губы, словно собираясь что-то сказать. И снова молчание.

— Боже. — Я с силой дернула Мило за поводок. Знакомое действие, напомнившее, почему морозным декабрьским утром я оказалась на этом лугу.

Медики суетились, полицейские огородили площадку, вызвали подмогу. Грейс уложили на складные носилки. Когда ее понесли по тропинке, я пошла рядом. Ее тело под одеялом подрагивало в такт шагам санитаров. Она молчала, слова застыли за пересохшими губами.

— Грейс, ты написала прекрасное сочинение. На высший балл. — Я коснулась укрытого фольгой плеча, словно надеясь, что смогу вернуть ее к реальности.

Своим ученикам я дала задание написать две тысячи слов о том, что они думают о зле. Сочинение почти на свободную тему — еще одна попытка пробудить вдохновение. Работы я так и не проверила, но хотела, чтобы Грейс и в самом деле получила высшую оценку.

— Что с ней случилось? — спросила я, когда мы свернули к деревне. — Есть какие-нибудь улики или... — Я не договорила, задохнувшись. Дыхание сбилось, потому что я почти бежала, стараясь не отставать; сзади одышливо трусил Мило. Его присутствие успокаивало.

— Ее осмотрят врачи. Вы родственница?

— Нет, ее учительница.

Вот и деревня. Грозовая пустошь перетекла в грунтовую дорогу, усыпанную осенней листвой. Дорогу, сколько себя помню, всегда так и называли — Грозовой. Мама рассказывала, что зимние бури выворотили здесь из земли три старых дерева.

*Мама рассказывала.*

Однажды она сказала, что зло любит троицу. Треугольники неприятностей. На мгновение забыв о случившемся, я думала о ней, о Марри, о себе. О нашем треугольнике боли.

Карета «скорой помощи» и полицейская машина перекрыли



дорогу. В сумраке мельтешили голубые всполохи полицейского маячка, привлекая зевак. Рябь новостей наверняка уже добралась до соседних деревушек, оттуда переключает в города и на первые полосы газет. Через несколько часов вечерние газеты выстрелят заголовками с именем Грейс.

Командой полярных исследователей мы потянулись к машинам, и вот перед нами именно те, кого я и ожидала здесь увидеть. Пожиратели новостей. Тотчас вспомнилось, почему мы уехали из деревни: надоело это сарафанное радио, которое работает быстрее, чем электронная почта. Если бы Грейс не лежала сейчас на носилках, я бы попросту ушла, порадовавшись, что больше здесь не живу. Двадцать восемь миль — не расстояние, но, перебравшись в соседний городок Или, мы обрели анонимность.

Я накинулась на зевак. словно волнорез, противостоящий приливу, я защищала Грейс от непрошеного внимания и в результате пропустила момент, как ее внесли в машину. Не пожелала ей удачи или доброго пути, не сказала, что надеюсь вскоре увидеть в школе.

Спустя несколько секунд «скорая помощь», воем сирены разгоняя толпу, рванулась по дороге. Ее место тут же заняла еще одна подоспевшая полицейская машина. Без сил я опустилась на ледяную траву, ко мне подошел полицейский и попросил рассказать все, что я знаю. И я рассказала, и он все записал, включая единственное слово, сорвавшееся с губ Грейс.

Пятница, а я все еще на ферме, занимаюсь мамиными делами. А что мне остается, верно? Отправиться выгуливать лабрадора, обнаружить жертву жестокого нападения, вернуться домой и засесть за газеты. Реальность, в которую проскользнул кошмар.

— Мама, — ласково говорю я, беру ее ладонь и подношу к губам. — Грейс по-прежнему в больнице.

Девушка там уже четыре дня. Не может ни ходить, ни говорить. Никто не знает, сколько времени займет выздоровление, никто не рискнет даже предположить.

Мама смотрит на меня, и я пытаюсь понять: она слегка повернула голову? Во взгляде мелькнул интерес? Она не знакома с Грейс, но я сообщила ей, что девочка — моя ученица. На прошлой неделе я много рассказывала маме — в основном всякую чепуху о

том, чем занимаются ее внуки, что поддельывают два подростка, мамины воспитанники. Из-за случившегося я временно взяла их под свою опеку. Я полагала, что мой шок передастся и маме, но ничего не произошло. Мама пуста. Ее глаза остались сухи, а тонкая ниточка рта вялая, как и прежде. Мама шевелится, лишь когда я подаю ей чашку с чаем или тарелку. Я буквально слышу, как скрипят ее суставы, когда она ест, словно кто-то перешептывается за ее спиной.

— Говорят, что бедняжка Грейс много лет проведет в инвалидной коляске. Ей предстоят долгие месяцы реабилитации. Врачей беспокоят травмы головы. — Я вздыхаю, и мне чудится, будто мамина грудь чуть вздымается — эхо моего вздоха, дуновение печали за хрупкой грудиной. — Хочу навестить ее. — Целую маму в макушку.

В кухню влетают дети, и я выкладываю на тарелки приготовленные для них сэндвичи. Алекс запихивает мягкий хлеб в рот, не успев сесть за стол. Провожу рукой по волосам Флоры и подвигаю ее стул к столу. Мамины подростки опаздывают.

*Апельсиновый сок?* — показываю я Флоре.

Она кивает и улыбается. Я готовлю сэндвичи для наконец объявившихся подростков, и они выскальзывают из кухни, прихватив бутерброды с собой. В последние дни они держатся поодаль, мудро избегая смятения, окружающего маму.

— Спасибо, — оборачивается в дверях девочка и нервно взглядывает на меня, нерешительно улыбаясь.

Ее брат молчит. Он меня беспокоит. Иногда пропадает на несколько часов, сплошь и рядом возвращается весь в грязи.

Со стуком ставлю на стол стаканы и замираю, оглядывая кухню. С годами в доме мало что изменилось. Окно по-прежнему дребезжит на ветру, а если дождь сопровождается северным ветром, то на подоконнике собирается лужа. Вдоль стен выстроились старинные буфеты из сосны, забитые фамильным фаянсом, стеклом, щербатыми столовыми сервизами, детскими рисунками, кружевными салфетками, коробками с веревками, тубиками клея, тесьмой, сломанными ручками и старыми счетами. Каменные плиты на полу, пожалуй, темнее, чем мне запомнилось, а стены пожелтели, но пахнет здесь по-прежнему: дымом, стряпней и любовью.

— Может, вам с Флорой одеться потеплее и сходить после обеда

к «тарзанке»? — предлагаю я Алексу, но останавливаюсь на полпути к раковине. — Впрочем, нет, слишком уж холодно. Посмотрите лучше кино, вы же захватили с собой какие-то диски.

Кто-то надругался над Грейс. Сломал, изрезал ее тело и оставил голой на поле. Я обнимаю детей. Нельзя им играть на улице, пока мы живем в доме бабушки.

— Нет, мы хотим пойти на луг! Там вовсе не холодно. И Грэдин вечно там пропадает. Почему ему можно, а нам нельзя?

Алекс не ноет, но излагает свои доводы. Научился этому у отца? И так же, как и отец, понимает, что доводы не помогут. Решено — значит, решено. Я строго смотрю на него, потом снова подхожу к матери.

— Мама, — спрашиваю мягко, — хочешь сыра?

Ответа я не жду, но все равно всегда спрашиваю. Уже не помню ее голос, хотя с тех пор, как она замолчала, и прошла-то всего неделя. Никто не знает, почему мама не говорит.

Ставлю ей на колени тарелку с сэндвичем.

— Если придвинешься к огню еще ближе, то превратишься в тост. — Ловлю себя на том, что разговариваю с мамой, будто воспитательница в детском саду. — Алекс, вы погуляете с папой, но позже. Он придет в пять. — Я словно извиняюсь за запрет играть на улице.

Алекс расцветает в улыбке и тотчас превращается в маленького Марри. У него круглое живое личико, а предвкушение, горящее в глазах, несоразмерно предстоящему событию. Он так похож на моего мужа, которого, как мне кажется, я знаю как облупленного. Флора тянет меня за руку и вздыхает.

*Что?* — раздраженно чертит она в воздухе пальцем, сдвинув брови.

*Папа,* — рисую я в ответ. — *Заберет вас в пять.*

Флора, забыв о сэндвиче, бежит к бабушке и уютно устраивается у нее на коленях, потеснив тарелку. Похоже, Флора не рвется на прогулку. Со вздохом натягиваю резиновые перчатки, собираясь вымыть посуду. У мамы нет посудомоечной машины. А также стиральной машины, сушилки, телевизора и даже электрического

чайника. Когда мы приезжаем к ней в гости, то влезает в теплые свитера, а дети берут с собой переносной DVD-плеер.

— А куда мы с папой пойдем? — спрашивает Алекс, расправляясь с сэндвичем.

— Не знаю, но надеюсь, не на его ужасную лодку. Тем более вечером. — Я погружаю руки в мыльную пену, представляя, как Флора соскальзывает в реку, не в силах даже позвать на помощь. Ее рот наполняется водами Кема. — Наверное, поедете играть в боулинг или лакомиться пиццей.

Мысль о том, что вечер они проведут в городе, успокаивает. Там с ними ничего не может случиться.

— Или в гости, — добавляет Алекс.

— В гости? — быстро повторяю я. Надеюсь, Алекс ничего не заметил. В гости к мужчине или к женщине? Наши жизни уже расходятся.

Алекс пожимает плечами. Я оставляю эту тему, потому что раздаётся звон. Это Флора сбросила мамину тарелку на пол.

*Ничего страшного,* — машу я руками в желтых перчатках, в стороны летят хлопья пены.

Флора прячет улыбку, уткнув лицо в бабушкино плечо, а та нерешительно обнимает ее. Давно я не видела маму такой оживленной.

Марри опоздал на час. Бросаю ему ключи от машины — ожесточеннее, чем собиралась. Он ловит их у груди — удивленный, обиженный, — но по выражению лица я вижу, что он прекрасно меня понимает. Его машина в мастерской, ждет ремонта. Наверняка еще долго там пробудет. Я молюсь о том, чтобы он не посмел катать детей на лодке или пить за рулем моей машины. Нет, конечно, я могу ему доверять.

— Извини, я...

— Дети! — Мне не интересно, почему он опоздал и почему на нем лишь тонкий свитерок, когда на дворе вся земля в инее. — Входи и закрой дверь, а то замерзнешь.

Входи в мой детский сад, думаю я. И все-таки мне хочется укутать Марри одеялом, а потом и самой забраться под него. Я вздыхаю, сознавая, что такие моменты минули навсегда.

— Как ты поживаешь? — спрашивает он. — После того как...

— Будешь чай? — перебиваю я, сразу пожалев, что спросила. Потребуется вечность, чтобы чайник закипел, а я не хочу, чтобы дети вернулись в ночи. Кроме того, нам придется вести неловкую беседу, прихлебывая обжигающий чай и пуская камешки по поверхности светской беседы, только бы не сказать того, что нужно сказать. Слишком поздно для слов. — У меня все хорошо, спасибо. О Грейс пока никаких новостей нет.

Марри задумчиво кивает:

— Да, чай — это здорово. — Он встает спиной к огню и обращается к моей матери: — Мэри... — Он не знает, что еще сказать. — Как вы?

Мамин взгляд уткнут в колени Марри. Она не отвечает, только чуть сглатывает и моргает. Я прохожу мимо них и ставлю чайник на плитку.

— Все по-прежнему, — говорю я. Это неправильно — отвечать за нее, ведь Дэвид советовал обращаться с мамой так, словно она в порядке. — Дэвид... то есть доктор Карлайл регулярно ее навещает.

— А что, доктора и в наши дни ходят к больным на дом? — Марри потирает щетинистый подбородок.

— Ты отращиваешь бороду? — Зря я упомянула о Дэвиде.

— И часто он вас навещает? — не сдается Марри.

— Заходил вчера и обещал быть завтра. — Насыпаю заварку в чайник. В Нортмире не ведают, что такое чайные пакетики. — Похоже, мама рада его визитам.

— А ты?

Я вздыхаю и изображаю на лице усталость.

— Я же не больна, Марри. Мне врач не нужен.

— Ты рада его визитам? — сухо и твердо спрашивает он.

Я невольно опускаю голову.

— Марри, пожалуйста...

Алекс, услышав голос отца, вбегает в кухню и с порога начинает упрашивать сразиться с ним в видеоигру.

— Может, покажешь папе новую игрушку в ресторане? — предлагаю я, радуясь передышке.

— Мы идем в ресторан, вот как? У меня есть четыре часа, чтобы провести их с детьми, и они уже распланированы. Как мило.

— Ну, один час ты потратил, потому что опоздал, — бормочу я.

Марри сдергивает с вешалки пальто Алекса, набрасывает сыну на плечи. На кухне появляется Флора. Она явно рада отцу, хотя и столь же явно грустит оттого, что покидает меня, пускай лишь на пару часов. Ее тоже быстро облачают в пальто.

Они уходят, впустив в кухню порыв ледяного ветра.

— Привезу их в десять, — бросает напоследок Марри таким знакомым небрежным тоном.

— *В девять!* — кричу я зло.

Остаток вечера молча сижу рядом с матерью и думаю о том, что случилось с моей семьей.

## Марри

Могло быть и лучше. Я собирался поцеловать ее, когда вошел в дом, сказать, как замечательно она выглядит, хотя веки у нее опухли, а волосы явно нуждались в расческе. Я думал надеть новые брюки и починить машину. И если бы все прошло хорошо, пригласил бы Джулию присоединиться к нам... Флора показывает, что хочет в туалет.

— Сторожи стол, приятель, — говорю я Алексу. Он уже собрал фрагменты головоломки на подставке.

— Хорошо, пап.

Дело не в том, что она не хотела меня видеть. Я же знаю Джулию. Господи, я знаю ее чуть ли не с рождения! Она почти не смотрела на меня, пялилась на чайник, на пол, на свои ногти. Значит, у меня есть надежда. Обычно Джулия избегает смотреть на то, что хочет получить. Следовательно, она хочет меня.

Размышляю об этом и улыбаюсь. Флора выходит из женского туалета.

*Помыла руки?* — жестами спрашиваю я, она демонстрирует маленькие, еще влажные пальчики.

Мы возвращаемся к столу. Пицца недурна, но ем я машинально. Для Алекса колбаска пепперони чересчур острая, и я отдаю ему половину своей пиццы. Прошу сына еще раз перечислить, что на прошлой неделе подарил ему Санта, и он с удовольствием рассказывает о подарках, к которым я не имею отношения. Под конец сын заявляет, что Санта-Клауса не существует и нечего считать его ребенком.

Флора нетерпеливо требует ванильного мороженого, и когда его приносят — потому что я не в силах ей отказать, — выясняется, что у мороженого те же цвет и запах, что и у ее волос, и я вспоминаю, какой она была в младенчестве и сколь сладкой и цельной была тогда жизнь.

— А что случилось с той девочкой, которую мама нашла на лугу? — Алекс с рекордной быстротой расправился с шоколадным мороженым.

— С Грейс Коваттой?

Какой смысл скрывать имя? Оно во всех газетах. В деревне Уизерли, если кто стукнется головой, уже большая новость, так что сейчас местные жители пребывают в упоении. Спустя пару часов после того, как Джулия обнаружила девочку, журналисты разбили лагерь вдоль слякотных обочин деревни, и спутниковые тарелки, обращенные к небу, торопливо принялись рассылать шокирующую весть. Минуту несколько дней, но в «Трех подковах» по-прежнему торчат репортеры, охочие до информации и домашней стряпни.

— Ее избили, приятель. Но она выздоровеет.

— А кто на нее напал?

— Полиция старается это узнать. — Мне не хватает слов, чтобы объяснить одиннадцатилетнему мальчику смысл жестокого нападения.

— Но как они узнают?

Алекс мечтает стать полицейским, когда вырастет, — как дядя Эд.

— Они проведут криминалистическую экспертизу. Допросят девочку. Обыщут территорию.

Довольно. Я видел, как случившееся подействовало на Джулию, и не хочу вмешивать сына, каким бы взрослым он ни пытался казаться.

*Пойдем, — показываю я Флоре. — Как насчет горячего какао на лодке?*

Хорошо, что тропинка, ведущая к берегу, подмерзла и затвердела. Если Джулия заметит глину на обуви, она сразу заподозрит обман, а мне меньше всего хочется ее обманывать, а то она скажет, что в таких делах я мастер.

— Осторожно!

Алекс переступает зазор, в котором плещется вода, и запрыгивает на заднюю палубу, а Флора коротко ахает, когда я подхватываю ее за талию и ставлю рядом с братом.

*Не подходи к краю, — в тысячный раз показываю я девочке, и*



она раздраженно приставляет к голове большой палец:

*Знаю.*

Ей восемь лет, но она куда умнее меня.

Я подаю детям дымящиеся кружки с какао, и вскоре в каюте уже тепло и уютно. Через полчаса я подбрасываю угля, и плита так нагревает воздух, что становится невыносимо. Я слегка приоткрываю люк.

— А почему бабушка не разговаривает? — спрашивает Алекс. — Она что, тоже оглохла, как Флора? — У сына уже проступает пушок над верхней губой, и я думаю, что можно по пальцам одной руки пересчитать годы, оставшиеся до того момента, как он начнет бриться. — Мама говорит, что бабушка онемела.

Это территория Джулии. Слышу, как под ногами потрескивает лед.

— Твоя бабушка тоже больна. — В моем сознании ее немота невольно сплелась с историей Грейс Коватты; два несчастных случая, перевернувших жизнь Джулии, связаны, хочу я того или нет.

*Папа, а почему ты не пьешь какао?* — это заботливая Флора.

*Не хочу,* — отвечаю я.

Она спрашивает, разве мне не хочется пить после острой еды, и я, верно поняв ее, наливаю себе виски. Мы целый час смеемся, рассказываем друг другу истории и лежим, закутавшись в толстые одеяла, на палубе, выжидая, когда повсюду разольется лунный свет и можно будет увидеть в воде зубастую щучью пасть. Но мы видим в воде лишь наши веселые улыбки.

В двенадцать лет Джулия едва не утонула. Я могу показать на ее теле все отметины и шрамы, рассказать о случаях, оставивших их. Лето выдалось такое жаркое, что, когда мы полуднем катили на велосипедах по шоссе, асфальт был словно густая патока. «Не гони!» — кричала Джулия. Ее волосы сверкали на солнце, подпрыгивая завитками красного золота. Она изо всех сил пыталась за мной угнаться, а я отчаянно крутил педали. Глупо, конечно, но для меня было важнее продемонстрировать Джулии, что я езжу быстрее всех, чем подождать ее. Мик, на пять лет меня младше, помог ей снести

велосипед на берег и перекинул через перелаз у пруда; велосипед он при этом задрал до нелепости высоко, желая показать, как он силен. А я должен был присматривать за ними.

Втроем мы устроились на мостках, врезавшихся в пруд. Удочка принадлежала Мику. Я захватил наживку. Джулия лежала на теплых досках, а мы спорили, кому насаживать червей. Солнце щипало нас за шеи, и тонкие ноги Джулии покраснели.

— Кто хочет искупаться? — спросила она, резко приподнявшись. Возможно, ей надоело слушать наши пререкания или же просто стало жарко, но не успели мы опомниться, как она стянула майку и в лифчике и шортах подошла к краю мостков.

— Только не ныряй, Джу, — сказал я, вспомнив, что обещал ее матери.

И все-таки наживка меня заботила в тот момент больше. Я так и не поднял на нее взгляд. На воду мы посмотрели, лишь когда собрались закидывать удочку. О Джулии напоминала уже затихающая рябь.

— Где она? — Глаза метались по поверхности пруда. — Джулия! — крикнул я и ладонью прикрыл глаза от солнца. Я ждал, что из воды вынырнет ее напряженное лицо, она жадно втянет воздух и улыбнется. — Джулия!

— Не знаю, — ответил Мик. — Да что с ней станет...

И если бы солнечный свет в тот день не был столь резок, я бы вряд ли разглядел ее лицо в сумеречной глубине. Она плыла на спине — ноздри раздуты, глаза широко раскрыты, а из виска струится тонкая красная ленточка.

— Черт, — выдохнул за моей спиной Мик, когда я спрыгнул с пристани.

Нырнув, я схватил ее, вырвался из воды и крикнул Мику, чтобы он помог мне вытащить ее. Не знаю, как нам это удалось, но мы вытянули ее по гнилым мосткам, в кровь расцарапав спину. В тот день мне больше всего запомнилось, какие мягкие у нее губы. Я впервые поцеловал Джулию Маршалл.

— Ты опоздал, — сурово говорит она.

Выдавливаю улыбку. Вдруг Джулия растает, как в детстве? Но ей не до улыбок. Дети протиснулись внутрь, я же застрял на пороге. Наполовину снаружи, наполовину внутри дома, в котором провел три четверти детства.

— Всего на полчаса, — оправдываюсь я, бросая взгляд на часы. Но где же часы, удивляюсь я, рассматривая пустое запястье. Понадобилось несколько секунд, чтобы до меня дошло: я не помню, где их оставил.

— На два! — вопит она. — Я чуть с ума не сошла!

Джулия пытается захлопнуть дверь, но не может, мешает моя нога. Я смеюсь, хотя боль зверская. Крики Джулии гложут, щеки ее розовеют. Она распахивает дверь, подается ко мне. Она совсем близко — на расстоянии удара или поцелуя. Мы практически соприкасаемся носами, и я улавливаю внутри дрожь инстинкта, предупреждающую — отступи, и поскорее. Но я не обращаю на совет внимания, до того хочется хотя бы на секунду ощутить близость Джулии. Возможно, другого шанса и не будет.

— Ты пил. Я доверила тебе детей, машину, а ты пил, черт побери! — Она делает глубокий вдох и морщится от отвращения. — Господи, Марри! Да как ты мог? — Она бьет кулаками по стене.

— Ты только подумай: дети... машина. Знаешь, Марри, такого болвана, как ты, еще поискать.

Она падает на стул и прячет лицо в ладонях.

— Ты ошибаешься. Я выпил позже.

Джулия поднимает глаза:

— Это когда же?

— На лодке. — Я прикусил язык. Вырвалось все-таки!

— Когда же ты поймешь, что я не хочу, чтобы мои дети поднимались на это корыто?

— Я приготовил им какао, и мы пытались разглядеть рыбин в лунном свете.

Джулия вздыхает.

— Если бы они упали, ты бы этого даже не заметил, потому что ты был... — Она не в силах произнести это слово.

— Пьян, Джулия? Ты это имела в виду?

Она кивает, на меня не смотрит.

— И они бы утонули, как ты тогда? Ты упала в пруд, а я тебя вытащил...

Мы возвращаемся в тот день. Солнце жарит всю, прожигая дыры в нашей коже, а я высасываю из ее горла бурую жижу. Рядом надрывается Мик, но я не слышу. В груди Джулии что-то клокочет. И вот она снова жива. И глаза ее снова наливаются синевой. Я не смею признаться себе — старший брат ее лучшей подруги, вызвавшийся присмотреть за малышкой, — что мои поцелуи длились дольше, чем требовалось.

— Я выпил немного виски, Джулия. Одну или две порции. Вот и все. Мы сидели в лодке и выглядывали рыбину в воде. Было весело. Пицца и мороженое им надоели. Мне очень жаль. Я не хотел тебя расстраивать.

— Сегодня одну порцию. Завтра две. На следующий день — три. — Она взвешивает в руке чайник.

— Теперь все по-другому.

— Неужели?

Джулия поворачивается к плите, и я ее не узнаю. Изгибы тела, мягкость, сияние — все пропало. Она похудела, стала хрупкой — вот-вот разобьется. И тут появляется он, подходит к Джулии, вдыхая воздух, которым должен дышать я, произносит слова, которые вертятся на языке у меня. Джулия отводит взгляд, а я смотрю то на нее, то на него.

— Все будет хорошо. — Его глубокий голос даже мне кажется убедительным. Меня он еще не заметил, но я-то замечаю, как его рука ложится на плечо Джулии. — Поверь. — Эффектная улыбка.

Джулия дергается и в упор смотрит на меня. Поправляет завиток волос.

— Дэвид, — нервно произносит она. Я понимаю: ей хочется как можно быстрее с этим покончить. Джулия не стала бы выставять его напоказ. Она боится причинить мне боль. — Это Марри, отец Алекса и Флоры.

Дэвид оборачивается.

— Рад познакомиться, Марри. Дети у вас чудесные. — Я даже не заметил, как он пересек кухню, но ко мне уже тянется ладонь — для ритуального рукопожатия, которое подтвердит, что такой расклад меня устраивает. — Я доктор Дэвид Карлайл, — добавляет он, — лечащий врач Мэри.

Я молчу, потом тупо спрашиваю:

— Правда?

Беру его руку, ощущаю теплую гладкость кожи и понимаю, что вот он — момент, когда Джулии наконец удастся от меня ускользнуть.

— Твоя мать сейчас спит, — обращается он к Джулии, — лекарство поможет ей отдохнуть.

— Спасибо, что зашел, — мягко говорит Джулия. На меня она больше не смотрит. Я наблюдаю, как она сжимает губы, разглаживает свитер, выпрямляется. Она явно рада, что момент, которого она боялась, миновал безболезненно.

— А я и не знал, что бюджет министерства здравоохранения позволяет докторам наносить домашние визиты.

Дэвид молчит, обдумывая мое замечание. По лицу его разбегаются дружелюбные морщинки.

— В принципе, вы правы. Но Мэри — особая пациентка. Джулия очень беспокоится о ней, и я решил зайти. Мне несложно. — Докторская улыбка буквально озаряет кухню.

Теперь понятно, почему Джулия ослеплена.

## Джулия

Наступило Рождество. Мы извлекли из чулок подарки, съели индейку, запустили фейерверки и, как обычно, покатали в Уизерли, чтобы поздравить маму. Она не любит без надобности покидать ферму. Но в это Рождество все было иначе, словно из нашей жизни выкачали энергию.

— А у папы будет индейка? — спросил Алекс, когда мы ехали по шоссе к Нортмиру.

— Захочет — приготовит.

Я и не задумывалась, какой рождественский ужин ожидает Марри. Попыталась отогнать эту мысль, но безуспешно.

— А подарки? — не отставал Алекс.

Образ праздника, который его отец провел в одиночестве, стал еще более мрачным. Мы свернули к ферме, и я про себя выговорила маме за переполненный почтовый ящик — похоже, его не опустошали уже несколько дней. Резко затормозив, я выскочила из машины и сгребла отсыревшие газеты. Ветер с дождем хлестали лицо.

— Знаешь, мы можем собрать для него что-нибудь вкусное, когда он заедет за тобой завтра. — Я вытерла лицо и вырулила на длинную подъездную дорожку.

Алекс не спешил радоваться.

— Вы с папой вечно заняты и подарки друг другу не купили. А у нас с Флорой для вас общий подарок.

Я хотела сказать, что в этом году все иначе, потому что мы с папой расстались. Мы больше не любим друг друга. И не собираемся ничего дарить. Но ради Алекса я готова была купить Марри подарок — как только откроются магазины. Мы красиво завернем его, напишем открытку, и Алекс с Флорой преподнесут его отцу на второй день Рождества. Но Алекс все не успокаивался. Когда мы остановились у дома, он предложил купить бутылку виски — «Ведь папа его любит, правда?».

Я расстегнула ремень безопасности и помогла освободиться

Флоре.

*Мы приехали,* — оживленно показала она и вынырнула из машины навстречу Мило. Он почему-то не особо обрадовался нам, да и вообще выглядел странно: грязный, понурый.

— Мило, что случилось, малыш?

Взгляд мой наткнулся на катышки навоза, они были повсюду на обычно безупречно чистой галечной площадке. У крыльца две козы увлеченно обгладывали растения в горшках. Веревка, на которой сушили белье, оборвалась, на траве валялись простыни. Рядом с козами сустились цыплята.

Далеко не идиллическая картинка деревенской жизни, которую обычно являл миру Нортмир. Так непохоже на мамину ферму Она бы такого просто не допустила.

Я постучала в заднюю дверь, но ждать ответа не стала. Вытащила из сумки ключи, и мы быстро вошли внутрь. Очаг в кухне не горел, и это само по себе было странно. Обычно оранжевые угли в камине мерцают с сентября по март, обогревая весь дом.

— Мама! — позвала я. — Мы приехали.

У меня заныло сердце.

— А куда ушла бабушка? — удивился Алекс.

Пальто мы так и не сняли.

— Мама! — Я распахнула дверь в коридор и крикнула уже во весь голос, чтобы было слышно по всему дому: — Мама, это мы! Ты здесь?

Странно, что не видно и ее подопечных, уж их-то должно было взволновать появление гостей. Я с ними еще не встречалась и, по сути, мало что знала о брате и сестре, которые недавно поселились у мамы, взявшей их под опеку. Но в доме стояла тишина, нарушаемая лишь нашим дыханием да клацаньем когтей Мило по каменным плитам кухни.

— Дети, вы подождите здесь. И Мило пусть побудет с вами. Мне кажется, он истосковался по ласке.

Я обратилась к Флоре, предлагая ей позаботиться о Мило. Руки у меня дрожали, и лицо дочери напряглось.

Оставив детей в кухне, я поднялась по лестнице. Наверное, у нее грипп, а может, расстройство желудка и она не встает с кровати, пыталась я себя успокоить. Когда же мы разговаривали в последний раз? Обычно это происходит раз в неделю, и сейчас мы созванивались каких-то три дня назад. И она прекрасно себя чувствовала, радовалась приближению праздника, хотя так и не согласилась встретить Рождество у нас. Слишком уж она привязана к ферме. Только здесь она чувствует себя в безопасности.

— Мама, ты дома? — Я больше не кричала. Старалась говорить веселым голосом — а вдруг окажется, что с ней все в порядке и она просто зачиталась у себя в спальне, в обществе чашки горячего чая и коробки салфеток. — Мама!

Я заглянула во все комнаты второго этажа, затем поднялась в отремонтированную мансарду над амбаром, где жили приемыши.

— О, привет! — преувеличенно весело поздоровалась я, увидев в сумраке два бледных лица. — Меня зовут Джулия. Вы не видели Мэри? — Мама всегда настаивала на том, чтобы дети называли ее по имени.

Они пожали плечами. Мальчик и девочка, подростки. Кажется, в этот раз маме досталась сложная задача.

— Вы видели ее сегодня?

Я заметила на полу упаковочную бумагу. Похоже, им выдали подарки.

— Да, — ответила девочка. — Она где-то здесь. Но она с нами не разговаривает. Даже не пожелала счастливого Рождества.

— Ну что ж... Тогда я желаю вам счастливого Рождества. Потом познакомимся поближе.

Спустившись по лестнице, я заглянула в кабинет, столовую, кладовку и, наконец, в гостиную, которую, если честно, в последний раз использовали по назначению, когда хоронили дедушку. В доме жило несколько поколений Маршаллов.

— Мама, — окликнула я, вздохнув с облегчением. Она сидела в синем плюшевом кресле. — А я уж забеспокоилась. С тобой все в порядке?

Мама смотрела на погасший камин. В доме было так холодно,



что дыхание паром вылетало изо рта. Я медленно подошла к ней, опустилась на корточки, ослабев от страха. Неужели она умерла?

— Мама! (Она моргнула и открыла глаза.) Мама, что случилось? Поговори со мной, ради бога!

Я коснулась ее руки, потянула за рукав, провела пальцами по ее щеке. Кожа под прохладным слоем пудры была теплая, но глаза бессмысленно глядели в пространство.

— Мама, с тобой все в порядке? Хотя бы кивни. Тебе больно? Ты заболела?

— Бабушка! — В комнату ворвался Алекс. За ним следовала более осторожная Флора. — Счастливого Рождества, бабушка!

Я предупреждающе подняла руку, чтобы они не запрыгивали на нее. Мама выглядела такой хрупкой, вот-вот рассыплется.

— Алекс, принеси стакан воды.

Флора, не обратив на меня внимания, вскарабкалась на худые колени бабушки.

*Счастливого Рождества, бабушка. Мне подарили лошадку. И платье, видишь?*

Флора колыхнула складки сливового шелка, в это платье она влюбилась еще в ноябре.

Появился Алекс со стаканом воды.

— Спасибо, милый, — поблагодарила я, вглядываясь в мамино лицо. Губы сжаты, брови сдвинуты, лицо — мрачная гримаса. Нет, это не мама.

*Бабушка, — чертила в воздухе Флора, — пожелай мне счастливого Рождества.*

Она соскользнула с коленей, напуганная странным поведением обычно веселой бабушки. А та будто ничего не заметила. Лишь слегка пошевелилась, когда Флора отступила.

— Что это с бабушкой? — спросил Алекс, уже погрузившись в видеоигру, полученную на Рождество.

— Наверное, устала, — предположила я. — Устала и забыла про праздник. Мама, очнись. — Я взяла ее за руку. Ледяная. — Пойдем на

кухню, разведем огонь. Попьем чаю, поболтаем.

Я осторожно потянула ее, и, к моему облегчению, она встала. Колени у нее подрагивали, а изгиб спины повторял очертания кресла, но она встала, демонстрируя понимание и готовность слушаться.

— Ну вот, — заворковала я, — пойдем, согреемся.

Молчание.

Сегодня снова зайдет Дэвид. Попросила я его об этом нерешительно, не настаивая, ему ведь тоже необходим отдых. Но от моих извинений он отмахнулся. Маму Дэвид осматривал накануне вечером и пообещал сделать это еще раз. Он сказал, что хочет меня видеть, и я, конечно, почувствовала себя польщенной.

Алекс вприпрыжку устремляется открывать дверь — в полной уверенности, что это его отец, но я опережаю сына. Сегодня теплее, да и ветер утих. Все на улице выглядит усталым, понурым, жухлым. Стараюсь взять себя в руки.

— Привет, — говорю я, широко распахивая дверь.

За моей спиной топчется Алекс. Он словно не замечает дружелюбного приветствия Дэвида — тот взъерошил ему волосы. Мой сын увертывается от его руки. Дэвид наклоняется и целует меня в щеку.

— Привет, — говорит он без улыбки. Снимает длинное пальто. На нем джинсы и пуловер с треугольным вырезом, обтягивающий широкие, но худые плечи. Судя по плоскому животу, ему не случается переедать даже в Рождество.

— Новое? — спрашиваю я, забирая у него пальто, и тут же смущаюсь.

— Давно купил на распродаже, — отвечает он, обрадованный моим интересом. — Честно говоря, я не любитель ходить по магазинам, но я одолжил старую куртку... — Он на мгновение умолкает, смотрит на меня сверху вниз, затем продолжает, совершенно забыв про куртку: — Джулия, ты меня беспокоишь. За несколько дней ты сильно сбавила в весе. — Он больше не улыбается, лицо хмурое.

Я тронута его вниманием. Он кладет мне руки на плечи.

— Все хорошо. Правда. — Почувствовав, что краснею, быстро меняю тему: — Гипервентиляция у мамы прекратилась, но сердцебиение слишком частое. Может, лекарство не помогло?

Прищурившись, он пристально вглядывается в мое лицо. На секунду мне чудится, что он знает, о чем я думаю.

— Ну, пойдем. Где наша пациентка?

Дэвид подхватывает саквояж и направляется к лестнице. Я следом.

— Мэри, — тепло, словно всю жизнь знал маму, произносит он, входя в спальню. — Как вы себя чувствуете? Таблетки помогли? — Ответа он не ждет. Поднимает безвольную мамину руку — она лежит ровно там же, куда он ее вчера положил, измерив пульс.

Я сглатываю, глядя, как бережно он обращается с моей матерью. Дэвид такой добрый и терпеливый. Я знаю, он не причинит ей вреда.

— Все нормально? — спрашиваю я, когда он заканчивает осмотр.

— В общем, да. — Он достает из сумки стетоскоп и через ночную сорочку прослушивает грудь.

— Ну что?

— Все хорошо.

Он измеряет температуру. И с температурой все в норме.

— И все же с ней что-то не так, правда? — спрашиваю я. Мама, похожая на тень, лежит в постели, и не в моих силах остановить это внезапное угасание. — Прости, — добавляю я, чтобы скрыть дрожь, — я плохо спала.

Точнее, вообще не спала. Из-за мамы. Из-за Грейс. Из-за Марри.

— Пойдем. — Дэвид берет меня за локоть и выводит на лестничную площадку, прикрыв дверь в спальню.

Мне вдруг становится тепло и уютно, как ребенку. Так, наверное, чувствует себя Флора, когда Марри подхватывает ее на руки. Стоя у окна, мы смотрим на поля, на лужайку, заросшую грязноватой короткой травой. Мамины козы выедают ее под корень. У меня не осталось сил делать вид, будто все идет как обычно.

— Должно быть, с твоей матерью что-то случилось и это событие стало причиной ее нынешнего состояния. — Дэвид делает паузу, глядя куда-то вдаль. — Как ты думаешь, что могло произойти? — Он переводит на меня внимательный взгляд, будто мне ведома причина, по которой моя мать онемела.

— Понятия не имею, — пожав плечами, честно отвечаю я. — В ее жизни не происходило ничего, что способно было вызвать такое потрясение.

Солнечные лучи ласкают кожу, я чувствую взгляд Дэвида, он смотрит так, будто видит меня впервые. Я улыбаюсь. Щеки наливаются жаром.

— Джулия, обещаю, я сделаю для нее все, что в моих силах, — медленно говорит он.

— Ее жизнь всегда была... замечательной. Да, именно так. — Я показываю на животных, пасущихся на лужайке, на огород. Даже зимой картинка идиллическая. Вдаль убегают аккуратные квадраты полей. — Видишь? Все идеально. Может, она огорчилась из-за того, что бельевая веревка оборвалась и козы потоптали ее полотенца? — Смех мой трудно назвать веселым.

— Нужно провести кое-какие обследования, Джулия. Томографию мозга, психологические тесты, полный анализ крови. Сказать об этом твоей матери не трудно, но согласится ли она? Очевидно, она нуждается в медицинской помощи. Я сделаю все, что в моих силах, — повторяет он.

Хотела бы я наблюдать у такого заботливого врача, когда была беременна Алексом! Я вспоминаю небрежного юнца, который и беременности бы моей не заметил, не сообщи я о ней с порога.

— Но если начнет противиться, то это здорово, — замечаю я, отгоняя неприятное воспоминание. — Если она заговорит, я имею в виду... Ох, Дэвид, она почти ничего не ест, не может о себе позаботиться. Мы здесь уже неделю, мою ее, вожу в туалет. Что с ней?

Дэвид смотрит на протертый ковер. Я помню, как еще в детстве бегала по его узорам.

— Без результатов анализов я ничего не могу сказать. Возможно, она пережила травму...

— Несчастный случай?

— Бывают и другие травмы, — говорит он. — Необязательно физического плана. Надеюсь, томография выявит, в чем проблема.

Мы идем вниз по лестнице. Дэвид непринужденно обнимает меня за плечи. Мне уже не так тоскливо.

— Я изучил медицинскую карту твоей матери. Ничего серьезного. За последние десять лет она всего пару раз наносила визит доктору Дэйлу, моему предшественнику, да и то из-за ерунды. Я начал работать в медицинском центре этой осенью, ко мне она пришла лишь однажды, незадолго до Рождества, у нее воспалился палец. В остальном же никаких жалоб, она была абсолютно здорова.

— Палец?

Мы снова на кухне, в сердце старого фермерского дома. Дэвид садится на старый диванчик рядом с камином. Мне приятно смотреть на него, но тут вспоминается Марри, который тоже всегда сидел на этом диване.

— Воспаление кутикулы. Заурядный нарыв. На всякий случай я выписал антибиотики.

Я задумываюсь. Мама никогда не упоминала про нарыв на пальце. В последний раз мы болтали исключительно о Рождестве, мама рассказала, какие подарки купила для Алекса и Флоры, а я отчитала ее, поскольку обожаю сюрпризы. Еще я пообещала испечь пироги с мясом. Потом мама поболтала с внуком. Словом, все было как обычно.

— Она никогда не упоминала, что у нее болит палец.

— С ним уже все в порядке. Антибиотики помогли.

— Неужели обычный нарыв на пальце мог стать причиной такого состояния?

Дэвид улыбается наивности моего вопроса, но улыбка тут же исчезает с его лица, когда он замечает мое беспокойство.

— Нет, Джулия. Подозреваю, причина намного серьезнее.

Каким-то образом я оказываюсь на диване рядом с Дэвидом. Так мы и сидим, беседуем, пьем чай, и постепенно выясняется, что у нас много общего. Проходит час, и он приглашает меня на ужин. Дэвид

говорит, что хотел бы лучше узнать меня. Я киваю, соглашаясь, и вдруг осознаю, что впервые целый час не думала о Марри.

## Мэри

Я люблю жить одна. Но одна — не значит в одиночестве. В доме столько привидений, что хватило бы на целую деревню. Воспоминания, которые хранят эти стены, наполняют мои глаза слезами, а от смеха по лицу разбегаются морщинки. В общем, как бы я ни стремилась к уединению, мне оно не дано. Обрывки счастья заставляют меня жить, но при этом я так стискиваю кулаки, что костяшки белеют от напряжения. Я искусно иду по канату — он столь туго натянут, что может порваться от легчайшего дуновения ветерка. Но я пообещала себе, что никогда не упаду. Больше никогда. Еще у меня есть животные. Число их постоянно меняется — в основном я держу кур и коз. И разумеется, Мило, мой старенький лабрадор. Он хозяин в доме и отвечает за то, что здесь происходит. Когда-то я завела овцу редкой породы, но она сдохла. Между болотцем на восточном пастбище и деревенским прудом ежедневно маршируют мои уточки. У меня жили коты, кролики, шетландский пони — когда Джулия была девочкой — и целая стая собак.

И дети. Целые орды перебивали здесь за долгие годы. Дети стали лекарством, хотя сначала я этого не понимала. Джулия повзрослела, и мне понадобилась какая-то новая цель, занятие, на котором я могла бы сосредоточиться. Тогда-то в нашу счастливую и размеренную жизнь проникли дети, нежеланные чужие дети. Плохие дети. Трудные дети. Сбежавшие из дома. Испуганные. Забитые. Несчастные. Временное опекуновство — вот как называется моя нынешняя жизнь. Порой мне требуется передышка. Иногда я вспоминаю всех своих детей и думаю, что если сложить их вместе, то получусь я сама. Они помогли мне избавиться от боли. В общем, я никогда не бываю совсем одна.

Бренна и Грэдин. Такое впечатление, что родители высыпали горсть случайных букв-фишек из игры «скраббл» и составили из них имена. Ко мне они приехали на пару месяцев. Отец избивал их с тех пор, как они научились ходить, а три дня назад мать подожгла дом. Она сделала это для того, чтобы спасти детей, — попыталась вырвать прежнюю жизнь с корнем, в клочья разорвать привычный ход вещей. Мне же нужно собрать эти клочки, соединить и подарить детям покой. В конце концов, это лучшее, что я могу для себя сделать.

Иногда мне трудно поверить, что такое происходит в старой доброй Англии. Бренна и Грэдин родились и выросли в Кембридже, городе, буквально пропитанном образованием и культурой, возможностями и надеждами. Они росли среди живописных пейзажей, тут и туристические тропы, и прекрасные реки, и таинственные болота. Да и до моря рукой подать. Но вместо счастливого детства им достался отец, на корню погубивший все их надежды, задавивший счастье в зачатке. А моя задача — научить их нормальной жизни. Самые простые, обыденные вещи могут стать для них ключом к будущему. И думаю, у нас все получится.

Я десятки раз видела таких, как Бренна с Грэдином. И каждый раз, когда я помогаю исцелиться одному из них и нежно подталкиваю его к будущему, излечиваюсь и я сама, пусть самую малость. Но я немного опасаясь, что даже несчастные дети всего мира не исцелят меня полностью.

Увидев Бренну и Грэдина, я с первой же минуты поняла, что придется нелегко.

Утром обнаружилось, что из жестянки в кухонном шкафчике пропало тридцать фунтов. Деньги, отложенные на развлечения.

— Где Бренна? — спрашиваю я у Грэдина, посасывая палец. Побаливает уже несколько дней.

Я вижу, что мальчику хочется сказать правду, но он попросту не способен на это. Он пожимает плечами. Я чувствую запах немытого тела.

— Ты принял душ утром? — Я рассматриваю палец.

Парень снова пожимает плечами.

— Это ты взял деньги?

— Нет.

— Бренна?

— Нет.

— Я отложила их для вас на выходные. Вы могли бы пойти в кино и перекусить в кафе. Съесть пиццу, например. (Он уже успел сообщить, что пицца — любимая его еда.)

Грэдин ухмыляется и начинает насвистывать. Я-то думала, он



признается, выходит, ошиблась. Слишком тороплюсь.

— Крошка, — мурлычет он, оборачиваясь к двери. Прибыла его сестра. Грэдин улыбается ей, ему шестнадцать, и он на два года старше ее, но запросто могло бы быть и наоборот. — Слушай, Крошка, она тут болтает, мы, типа, ее деньги стырили.

У Грэдина мягкий, детский голос, круглые сглаженные согласные, а гласные словно обернуты фланелью.

— Как же! Мы ничего не брали. — Бренна, напротив, яркая, как нарядная пуговица. Она кладет руки на плечи брата. — Сами, наверное, потратили. — Во взгляде ее вызов.

— Я так не думаю, — спокойно говорю я, наблюдая за ними, за каждым сокращением лицевых мышц, за каждым движением век, за руками Бренны, лежащими на плечах Грэдина.

Пальцы девочки впиваются в мускулы брата. Ложь — это искусство.

— Эй! — вскрикивает он. — Ты чего?

Бренна едва заметно дергает плечами. Это я тоже замечаю.

— А может, их стащил тот парень, ну, тот, что привез уголь. Он же попросился в сортир.

А она не сдается, подумала я. Хладнокровная девочка, ведет себя так, будто и впрямь невиновна. Зато Грэдин ерзает на стуле, словно его обвиняют во всех смертных грехах.

— Наверное, так все и было, — говорю я и принимаюсь готовить обед.

— Ничего я не крал! — вдруг вопит Грэдин и подскакивает к столу.

Раз — и стол перевернут, сыр, хлеб, ножи и чашки разлетаются по полу. Я отшатываюсь, и, к счастью, нож не вонзается мне в ногу. Кричать на Грэдина я не собираюсь. В его жизни было достаточно криков.

Важно, чтобы ему верили. Жизнь, построенная на лжи, никуда не годится.

— Раз ты говоришь, что не брал денег, значит, так оно и есть, Грэдин. Поможешь убрать?

Вот так мне удалось познакомиться с ними — понять, как они реагируют на обвинение в том, чего они не делали. Кстати, в той жестянке не было никаких денег.

Палец к середине дня разнылся нещадно, так что я не могла ничего делать. После вспышки Грэдина оставлять детей одних не хотелось, но и к врачу надо было сходить. Уже очевидно, что это нарыв, и, хотя я не выношу эскулапов, без медицины на этот раз не обойтись. Последние дни я тешила себя надеждой, что если делать вид, будто с пальцем все в порядке, то он уgomонится. Увы, не сработало.

До Уизерли двадцать минут на автобусе. Города, большие или маленькие, мне не по нутру — слишком много суеты, суматохи, слишком много людей, которые пытаются мечты претворить в реальность. Должно быть, я поступаю умнее, расхаживая по своему канату, вот только никуда я так и не пришла.

Автобусная остановка рядом с отделением хирургии, на окраине города. Ну, с этим я справлюсь. Но я предпочла бы никогда не покидать пределов фермы, и нарыв на пальце — досадная помеха, от которой начинает подрагивать мой туго натянутый канат. Как же я понимаю Грэдина, сама бы с удовольствием сейчас опрокинула какой-нибудь стол.

Пока автобус разрезает лоскутное одеяло безотрадных полей, я вспоминаю свой последний визит к врачу. Доктор Дэйл, весьма приятный мужчина на седьмом десятке. Несколько лет назад я заболела бронхитом, и, когда голос окончательно сел, Джулия заставила меня записаться на прием. Конечно, она была права, как и доктор Дэйл, благоразумно прописавший мне антибиотики, но я не раз размышляла о том, что бы случилось, если бы я не поддавалась тогда на уговоры Джулии. Вернулся бы голос или нет?

Автобус подъезжает к остановке, и я втолковываю себе, что визит к врачу не займет много времени и для беспокойства нет ни малейшей причины.

В одиночестве стою на тротуаре, автобус с грохотом уезжает, обдав меня выхлопами. Я все делаю правильно.

Регистраторша мрачно слушает, как я признаюсь, что записалась на срочный прием по столь пустяковому поводу. «Палец страшно

болит, — хочется крикнуть мне, — и внутри полно гноя!» — но регистраторша обводит взглядом две дюжины пациентов, которые покорно ждут, надеясь, что их осмотрят, прежде чем кабинет закроется на обеденный перерыв.

— Присядьте. — Она вздыхает и колотит по клавиатуре.

Я послушно опускаюсь на стул и достаю из сумки книгу. Не выношу праздности, всегда хочется заполнить ожидание чем-то полезным.

Через двадцать минут раздается короткий сигнал и экран под потолком высвечивает мое имя. Значит, мне пора в кабинет с синей табличкой. Палец горит как в огне.

На каждой двери висит цветная табличка. Я направляюсь к указанной и вдруг вспоминаю, что дома закончилось молоко. На обратном пути надо зайти в магазин на углу. Поворачивая дверную ручку, я думаю, как там Бренна с Грэдином. Надеюсь, ведут себя разумно. Вот с такими обыденными мыслями я вхожу в длинный белый коридор. И тут меня осеняет, что, должно быть, цветные таблички на дверях означают тип медицинской проблемы. Я без стука переступаю порог кабинета.

Вместо доктора Дэйла, ссутулившегося над стопкой папок, я вижу другого мужчину, который печатает на компьютере. Он не поднимает головы.

— Садитесь, я сейчас закончу.

— Спасибо, — шепотом произношу я. Неужели меня так расстроило отсутствие доктора Дэйла? Или тут что-то другое?

Наконец он переключает внимание на меня, наши глаза встречаются в тысячный раз, и жжение в пальце отступает перед огнем, разливающимся в груди. Меня словно стянули гигантским эластичным бинтом, я не могу дышать, не могу говорить. Мне хочется закричать, но я не в силах даже пошевелить языком.

Он все смотрит на меня. Тридцать лет сжались в одну секунду.

— Чем могу вам помочь, миссис... — Врач едва заметно хмурится и медлит, словно сомневается, что это подходящее обращение.

Меня так трясет, что я ни в чем не уверена. Он отворачивается к

монитору, читает мое имя, затем снова устремляет взгляд на меня. Глаза у него цвета стали.

— Мисс Маршалл?

Да, все так. Улыбка, нос, уши, шея, плечи, спина, ноги, руки. Все.

А он уже явно принял решение, он не из тех, кто теряет время даром. В стальных глазах нетерпение, точно он всю жизнь ждал этого момента. Мне даже почудилось, что он вот-вот встанет, подойдет, похлопает меня по спине, пожмет руку, поцелуем клюнет в щеку.

Я дышу — это все, что мне доступно. Собираю всю свою смелость, гордость и силу, чтобы не выскочить из кабинета, и пытаюсь заговорить — спокойно, как обычный пациент, понятия не имеющий, кто он такой. Главное, быстрее покончить с этим. Тогда я смогу уйти, запрыгнуть на свой канат и начать все заново. Я хочу сказать, что у меня болит палец — *у меня болит палец*, — но слова не выходят. Я молча протягиваю руку.

— Позвольте взглянуть.

*Хватит трястись*, умоляю я свое тело, но дрожь не прекращается, и врачу приходится держать меня за руку.

— У вас воспалительный процесс. Как это случилось?

Он так близко. Чувствую тепло его тела. У него чуть подрагивает подбородок или это мне только кажется?

Я разлепляю губы, но и только. Хочу сказать, что занозила палец, когда возилась в курятнике, но слова бесформенным комом застревают в горле. Гноем набряк не только мой палец, но и голова, в мозгу теснятся мутные картинки: цыплята в курятнике, нескончаемый дождь, размывающий все вокруг, Грэдин, переворачивающий стол, озеро и...

Доктор улыбается. Кривой зуб ему исправили.

— Не беспокойтесь, пустячная инфекция. У вас есть аллергия на что-нибудь?

Он смеется — возможно, нервничая, — и просматривает записи в моей медицинской карте. Похоже, он просто не знает, что сказать.

Я качаю головой.

Спустя несколько секунд рецепт напечатан, и доктор протягивает мне листок:

— Принимайте три раза в день в течение недели.

Он снова смеется. Умолкает, открывает рот, чтобы что-то сказать, но тут же опускает голову. Мы молчим.

— Делайте ванночки из горячей соленой воды и старайтесь чаще держать палец вертикально. — Голос дрожит от напряжения, слова натянуты и полузадушены. Он подается вперед, опираясь на локоть, приближает ко мне лицо. — И не вздумайте вскрывать нарыв. — Голос его строг, но тут он снова улыбается, мгновенно превратившись в дружелюбного доктора. Откидывается на спинку кресла и щелкает мышкой, намекая, что ждет следующего пациента.

Ловко он вывернулся. Словно ничего не знает, словно не знаком со мной, словно в жизни меня не видел. Все, конец.

Я выскальзываю из кабинета, закрываю дверь и смотрю на табличку: доктор Дэвид Карлайл.

## Марри

— Ужин? Ты собираешься ужинать с врачом твоей матери? — я взвешиваю ее слова. Возможно, все не так плохо, как кажется.

— Да, собираюсь поговорить с ним о маме. И о других делах. Это не то, что ты думаешь. Правда.

Джулия дрожит. Она стоит передо мной, держа детей за руки. Ей не хочется их оставлять, но и другого выхода у нее нет, раз она приняла приглашение на ужин.

Не сдержав улыбки, я качаю головой:

— Теперь моя лодка не так уж и плоха, да?

Честно говоря, я рад тому, что она нуждается во мне. Хотя бы так, раз нет доверия. Вот только не нравится, что у нее свидание с другим мужчиной.

— Не выпускай их на улицу. Я не задержусь.

На ней серое полупальто и шапочка из бледно-розового мохера. Я знаю, что у нее есть и перчатки в цвет, но она их не надела. На уставшем лице лужицами радостного волнения розовеет румянец.

— А если мы захотим пойти погулять? — резко спрашиваю я и тотчас жалею об этом.

— Нет.

— Но...

— Марри, прошу тебя! Позаботься, чтобы детям было тепло и удобно, пока меня нет. Всего три часа. Это что, так сложно?

Конечно, Джулия. Это очень сложно. Мы знаем друг друга всю жизнь, у нас двое детей, и мы до сих пор муж и жена. Я знаю, что будет, если поцеловать ямку на твоей шее. Я видел, как ты рожала двух детей. Я спас тебе жизнь. Ты умывала мне лицо, когда меня рвало. А теперь ты идешь ужинать с каким-то докторишкой. Это очень сложно, черт бы тебя побрал! Но я молчу.

— Ты права. Пара пустяков. Вы идете в дорогой ресторан?

Джулия вздыхает с облегчением. Даже улыбается.

— Дэвид предложил «Три пера» в Бурвелле. Говорят, они отлично готовят бифштексы.

Она наклоняется и целует Алекса, потом Флору. Девочка показывает, что останется в лодке, что бы ни говорил папа. Я тоже готовлю вкусные бифштексы. Я мог бы поджарить для тебя.

— А что, если им остаться ночевать у меня? Наверняка они будут спать, когда ты вернешься. Будет жестоко их будить.

— Нет, я заберу их сегодня. Завтра воскресенье, поспят подольше.

С Джулией спорить бесполезно. Не сейчас. Это раньше я возражал, если мне не нравился цвет, в который она собиралась покрасить ванную, или купленная мне рубашка. Возражал вполне определенно. А она упорствовала. Никогда не сдавалась. Но мы продолжали жить вместе.

— А если я засну?

Вырублюсь, если выражаться точнее. Мы оба это подумали.

— Я постучу, громко. Или посильнее раскачаю лодку.

— Ладно, буду смотреть телевизор, — вру я, — и не засну.

Джулия отпускает детские ладошки — я вижу, как ей не хочется оставлять детей, — и снова целует сына и дочку.

— Спасибо, Марри, — говорит она и по тропинке спешит к мосту, туда, где Бурвелл-роуд встречается с рекой Кем. Видимо, припарковала машину где-то поблизости и теперь рванет в Бурвелл, чтобы поужинать с доктором Добряком.

— Эй, ребята, — громко говорю я, — хотите поиграть в жмурки на крыше «Алькатраса»? С ножами наперевес?

Джулия на секунду замедляет шаг, но тут же спешит дальше, и вскоре мы ее уже не видим.

— А что такое алькатрас? — спрашивает Алекс.

— Моя лодка, глупыш. — Я помогаю ему забраться на борт.

— Ну ясное дело! Но *что* это? — Ему всего одиннадцать лет, откуда ему знать?

— Тюрьма, — отвечаю я и понимаю: так оно и есть.

Я на пять с половиной лет старше Джулии. Разница небольшая, но только не в детстве. Тогда я злился из-за того, что нас разделяет целая вечность.

В Джулию я влюбился, когда ей было меньше недели от роду. Ее нежная кожа напоминала бархатистые крылья бабочки, она едва могла сфокусировать взгляд, и я поцеловал крошечную ручку, когда никто этого не видел. Она обхватила пальчиками мою нижнюю губу, я отодвинулся, и она зацепила ноготком кожу. От боли я дернулся, и малышка чуть не свалилась с моих детских коленей. Это был первый ее след, оставленный на мне. Нельзя сказать, что я не имел до этого дела с младенцами. Полгода назад у меня родилась сестра. Лишь спустя несколько недель я осознал, что морщинистое, визжащее существо, целиком завладевшее мамой, — не просто временное затруднение в нашей умиротворенной семейной жизни. Нет, Надин отныне с нами навсегда, и, хотя я честно старался, привыкнуть к ней не получалось. С Джулией все было иначе.

Однако если бы не сестра, я бы никогда не познакомился с Джулией. Люди с младенцами обычно кучкуются, вот и моя мать подружилась с Мэри Маршалл. У обеих маленькие дочери, так что есть о чем поговорить и что сравнить. С годами ферма Маршаллов стала для меня вторым домом.

Наш первый визит продлился недолго. В доме было полно людей. Я помню, как спрашивал себя: а что здесь делает викарий? Он подходил к гостям и утешал их, как будто кто-то умер. Разве рождение ребенка — не счастливое событие? Люди улыбались и ворковали с малышкой Джулией, но за этим скрывалась глубокая грусть, которую чувствовал даже пятилетний ребенок.

В тот день Мэри Маршалл получила множество подарков. В основном они предназначались Джулии. Теплые чепчики, детские книжки, связанные крючком одеяла, ползунки и крошечные распашонки. Мама подарила ей плюшевого зайца и горшочек со сливками. Сливки были домашние, а зайца она сшила сама. Но Мэри Маршалл неподвижно сидела на диване у камина — на том самом диване, куда нам, детям, не разрешали садиться, — и едва обращала внимание на свою малышку.

В следующий раз я влюбился в Джулию на Рождество. Не помню, в каком году это было, но она уже всю ходила. Значит, ей



было года два. А я был уже совсем большим мальчиком. Я рассказал Джулии, почему в этот день нужно дарить подарки, и упрямил ее отдать мне свои сладости и разрешить поиграть с новыми игрушками. Сначала она протестовала, кричала, но потом благоговейно принялась наблюдать, как я расставляю ее цветные кубики. Я построил кривоватую стену, поставив кубики буквами вверх так, чтобы получились наши имена. Джулия и Марри. Теперь мы вместе. Она расплакалась, когда стена рухнула. Но никто не подхватил ее на руки, не принялся утешать, укачивать, менять подгузник, никто не забрал ее у меня.

Я помню, Мэри Маршалл редко выбиралась в город — если вообще выбиралась. Дети часто замечают подобные вещи, собирают кусочки бессмысленной информации из взрослой жизни, чтобы вытащить из памяти спустя десятилетия и сложить в единую картину. Говорили, что Мэри больна. Она боялась открытых пространств, новых мест, других людей, незнакомцев. Сначала соседи приходили посидеть с ней. Они подбадривали ее и смеялись. Мать как-то сказала, что они пытаются вернуть ее к жизни. Но я-то прекрасно догадывался, почему Мэри не желает никуда выходить: ведь у нее есть Джулия!

Я был слишком мал, чтобы понимать, почему матери-одиночки скрывают свое положение, а ребенок-безотцовщина сродни позорному клейму, — и это в 1977 году, когда вся страна напропалую веселилась, облачившись в красно-бело-синие цвета,<sup>[1]</sup> и все лето устраивались вечеринки, забеги с яйцом в ложке и публика до утра отплясывала на дискотеках. В тот год Британия по-настоящему праздновала, и именно на фоне всеобщего патриотического ликования и нескончаемого веселья Мэри Маршалл объявили, что ей следует стыдиться.

Когда Джулия пошла в начальную школу Святого Августа, я готовился к переходу в местную среднюю школу. Мне оставался всего год, чтобы научить ее правилам, царящим на игровой площадке. Я помню, как она стояла там, и ее ноги, которым суждено обрести формы лишь почти два десятка лет спустя, были обтянуты белыми носочками. Она походила на ангела, печального ангела. Волосы затеняли лицо, в глазах блестели слезы. Ей было одиноко, она хотела к маме.

Я пересек игровую площадку. Мне было плевать, что подумают

друзья, увидев, как я вожусь с первоклашкой. Я хотел защитить ее, подхватить на руки и отнести домой, где она будет в безопасности.

За минувшие пять лет Мэри Маршалл сумела взять себя в руки и стала идеальной матерью. Дорога была трудной, но она ее одолела. Джулия нуждалась в матери так же, как та нуждалась в дочери. Они вместе ухаживали за козами, в феврале окоченевшими пальцами втыкали в землю семена латука, летом варили имбирный лимонад и угощали им меня — со льдом и мятой, — так они играли в кафе. Джулия каталась на приземистом шетландском пони по кличке Альфи и хохотала до упаду, когда я взгромоздился на беднягу. Ноги мои свисали почти до земли. Неудивительно, что Мэри Маршалл тоже влюбилась в свою Джулию.

Кем-то брошенный мячик угодил ей в висок. Я видел, как Джулия старается не заплакать. У нее дрожал подбородок, губы кривились, а глаза быстро наполнялись слезами. Я остановился, не дойдя до нее. Я был так близко и все же так далеко, и пользы от меня никакой. В то мгновение я поклялся себе, что никому не позволю причинить боль Джулии Маршалл.

Похоже, дети довольны. Трескучий переносной телевизор показывает размытую картинку, а Флора даже не жалуется, что нет субтитров. Они смотрят криминальную передачу. Расследуется старое дело об убийстве. То и дело эксгумируют какие-то трупы. Я спрашиваю, не хотят ли они посмотреть мультфильм. Поднявшись, опрокидываю свой стакан.

— Тише, папа! — стонет Алекс. — На самом интересном месте!

Флора прячет куклу под подушками. Она изображает, что судорожно ее ищет, а найдя, нежничает, прижимает к себе. Затем снова сует под подушки, и все повторяется сначала. Может, копирует то, что увидела по телевизору? Я переключаю канал, не обращая внимания на протесты Алекса.

— Хотите чего-нибудь? — спрашиваю я, забыв показать это Флоре. Себе наливаю виски. — Что ж, будь здоров, приятель, — говорю я и, ничего не услышав в ответ, падаю на огромную подушку, которая служит креслом.

В «Алькатрасе» всего одна каюта, а внутри одна маленькая кушетка. Катер спустили на воду в 1972-м, и есть в нем то особое

обаяние, что присуще старым вещам, — в основном благодаря горчичным занавескам и отделке из дерева. Но двигатель работает прекрасно, а корпус вполне крепкий. Теперь «Алькатрас» — мой дом.

— Дети, вы в порядке? — снова спрашиваю я.

Если я чую перегар, то Джулия и подавно учует. Не то чтобы меня это заботило — в такой поздний час, да после изрядного количества виски. Нет, я знаю, что это важно, но я так набрался, что сейчас мне все равно. Алекс нехотя подтверждает, что они в порядке, и переключает канал. Да я и сам вижу, что у них все хорошо. Ведь они сидят в шести футах от меня. Смотрят на трупы по телевизору, пока папочка накачивается виски. У нас все превосходно.

Но где же Джулия? Внезапно я вспоминаю, где она сейчас, хотя весь вечер упорно пытался забыть. Наверное, перегнулась через стол и ее лицо всего в паре дюймов от физиономии доктора Добряка. Или же сияет улыбкой — более яркой, чем все улыбки, которые она дарила мне, вместе взятые. Расспрашивает его о карьере, о машине, о том, где он проводит отпуск. Сознает ли она, что он намного старше ее, старше и богаче, а значит, может дать ей все то, чего не могу дать я?

Я вскакиваю и принимаюсь метаться по каюте, раскачивая катер.

— Да ему под полтинник, — бормочу я себе под нос, пытаюсь утешиться мыслью, что в сравнении с ним я мальчишка. — А то и за полтинник. Да он старик. Зачем ей сдался старик?

И что, спрашивается, не так со мной? — недоумеваю я, выливая в бокал остатки из бутылки.

## Джулия

Грейс Коватта похожа на ангела. На печального ангела. Я разглядываю девушку и на миг представляю на ее месте повзрослевшую Флору. Вздрагиваю и на секунду закрываю глаза, отгоняя образ. Сложно определить, где проходит граница между белыми больничными простынями и хрупким телом Грейс. Я помню ее совсем другой: веселой, дерзкой девчонкой, которая за словом в карман не полезет.

Она не знает, что я здесь. Ей выделили отдельную палату в травматологии, и я гляжу на нее через смотровое окошко. В палату входит полицейский. Когда я пришла, в больницу пытались проникнуть два репортера. Их не пустили. Вот он, новый мир Грейс Коватты. Интересно, где ее мать? Ведь если бы Флора лежала здесь, небрежно укрытая простынями, я бы и на секунду не покинула палату.

Я показываю охраннику пропуск, который дал Эд, мой родственник. Он инспектор полиции и ведет это дело. Меня уже допросили, и, пока никого не арестуют, от меня вряд ли что-то понадобится. Охранник смотрит на пропуск, потом на меня.

— Я вела у нее английский, — объясняю я, чтобы он не принял меня за ее мать. — Это я ее нашла, — виновато добавляю шепотом, как будто если бы не я, ничего бы не случилось.

Охранник кивает и впускает меня внутрь.

— Грейс, — мягко говорю я.

Она не спит. Разглядывает потолок. Грудь с каждым вдохом слегка приподнимает простыню.

— Это миссис Маршалл. Из школы.

Грейс моргает.

— Как ты себя чувствуешь?

Глупый вопрос. Половина лица опухла и в кровоподтеках. Да и остальные части тела, что мне видны — шея, кисти рук, плечи, — украшены так же. Тогда, на ледяном лугу, никаких кровоподтеков я почему-то не заметила. Бледная и окоченевшая, она скрючилась на

подернутой инеем траве.

— Мы все переживаем за тебя, милая.

Грейс не отвечает. Медсестра предупредила, что она еще не может говорить. Девочка показывает на кружку, если хочет пить, и жестами просит, чтобы ее перевернули. Слова по-прежнему не даются истерзанному языку. Она никому не может рассказать, что с ней приключилось.

— Я бы давно пришла тебя проведать, но моя мать заболела. — Пусть Грейс знает, что я за нее волнуюсь. Я была бы рада сказать, что Эд поймает того, кто с ней это сделал, и надолго засадит за решетку. — Ну вот я и здесь, — более веселым тоном добавляю я. — Мой пес Мило передает тебе привет. Он попросил тебя лизнуть.

Грейс поворачивает ко мне голову. Она три раза моргает и открывает рот. Показывается язык — распухший, испещренный черными стежками. Я закрываю глаза, по моему телу пробегает дрожь, я роняю голову на постель.

— Ох, Грейс! Не бойся, они поймают этого подонка!

Но я не до конца верю в то, что говорю. По словам Эда, команда следователей работает не покладая рук, но до сих пор им так и не удалось найти улику. Грейс подвергли тщательному обследованию, взяли мазок на ДНК, но результаты из лаборатории пока не пришли. Да и станет ли делиться Эд информацией?

Я беру девочку за руку, слегка удивившись тому, какая она теплая. Грейс Коватта, моя отличница, жива. Она смотрит на стакан с водой, стоящий на столике у изголовья.

— Хочешь пить?

Она кивает, и я вкладываю между ее губ соломинку. Она придерживает трубочку двумя пальцами. Странно, но, похоже, пальцы целы.

— Как твои ноги? — спрашиваю я, после того как она утоляет жажду.

Рука Грейс начинает подрагивать. Она пытается мне что-то сказать, пытается быть храброй. Медсестра рассказала, что хирурги четыре часа сшивали сухожилия на обеих ногах, чтобы после долгих месяцев реабилитации она смогла ходить, почти не хромя.

— Надеюсь, все скоро заживет, — говорю я. — Да, посмотри, что сделали для тебя одноклассники!

Я достаю открытку, которую подписали все мои ученики. Это придумала одна из подруг Грейс. Ее мать объехала всех ребят, чтобы собрать подписи. На большой открытке резвится добродушный слон. Школьники расписали ее сердечными пожеланиями, словами сочувствия и надежды. *И не забудь поскорее выздороветь!* — призывают над слоном крупные синие буквы.

Уж этого она не забудет.

Как было бы хорошо хоть один вечер не думать об искалеченной Грейс, о маминой немоте, о том, что Марри так и не подписал документы на развод. Двенадцать лет я не была на свидании. С незапамятных времен я замужем за Марри, так что в свиданиях не было нужды. Но теперь мы живем раздельно, почти развелись, и нужда появилась. При мысли о том, что кто-то хочет быть со мной, узнавать меня, открывать передо мной дверь, гладить мою руку, у меня перехватывает дыхание. Конечно, в юности я ходила на свидания. Сначала с Марри, но мы вскоре расстались, потом помирились, опять расстались, опять помирились, и так бесчисленное количество раз.

Теперь все иначе. Наш разрыв окончательный.

Когда в отношениях с Марри наступал антракт, я встречалась с Миком Хопкинсом — этот тихоня хвостом таскался за мной, не вынимая изо рта леденец на палочке; или с Дэмиеном Мак-Рори, этим вундеркиндом, которому я нравилась лишь потому, что у моего дедушки имелась внушительная библиотека; или с Джеймсом Итоном, самым симпатичным из всех, — насколько я слышала, он оказался геем; или, наконец, с Питом Дювалем. Я была уверена, что с Питом у нас серьезно. Он был чемпионом по многоборью, и ему удалось поцеловать меня с языком на целых шесть месяцев раньше, чем это сделал Марри. Даже сейчас при мысли о Пите Дювале у меня слегка екает сердце.

Но в итоге остался Марри, мой вечный Марри. Мне исполнилось семнадцать, ему двадцать два, и мы объявили, что будем вечно любить друг друга. Нет, серьезно. Мы верили, что наша любовь предначертана судьбой, что наше личное созвездие где-то в космосе

определило наше будущее. Иногда мне кажется, что и любовь, и брак упали на нас с неба.

До свидания остается два часа, и я в панике, поскольку не знаю, что надеть. И еще мне стыдно, что я думаю о свиданиях и нарядах, когда мама и Грейс в таком состоянии. Я роюсь в шкафу, выгребая давным-давно забытые тряпки, сваливаю кучей на полу и в изнеможении падаю на кровать. Это так непохоже на меня — волноваться, выбирая наряд перед свиданием. Лежу, уткнувшись лицом в подушку, и вдруг понимаю: как это приятно — быть непохожей на себя.

Я позвонила Надин и договорилась, что дети проведут вечер у любимой тетушки, после чего вместе с детьми помчалась домой в Или, чтобы переодеться перед свиданием с Дэвидом. Кроме того, я собиралась проверить, как там дом, и забрать почту. Бренна и Грэдин были увлечены изучением фермы и окрестностей и обещали никуда не уходить.

Я ехала к маме на Рождество, а застряла гораздо дольше. В нашем домике было холодно и промозгло, странно, но за дни, пока мы отсутствовали, здесь будто все изменилось, стало незнакомым. Я бродила по затхлым комнатам — маленькой гостиной, крошечной столовой, где Алекс и Марри любили побренчать на гитарах и на предельной громкости, изводя соседей, слушали пластинки Эрика Клэптона, — и тщетно пыталась припомнить былое счастье.

Все меняется, говорила я себе, и это хорошо.

Я провела пальцем по антикварному буфету. Буфет не такой уж антикварный — его сделали в сороковых годах, — но когда Марри подарил его мне, я была счастлива. Я заприметила этот буфет, а потом лишь однажды упомянула о нем в телефонном разговоре с Надин. Марри все замечал, он всегда был таким. Был.

После отчаянной пробежки по магазинам я переоделась в обновки, подхватила детей и вернулась на ферму, где обнаружила сообщение от Надин. Она не сможет посидеть с детьми, потому что ее срочно вызвали на работу. Надин работает в больнице, и мне ничего не оставалось, только смириться.

— Марри, — прошептала я и на мгновение прикрыла глаза.

Так быть не должно. Это неправильно, что когда я думаю о том, что мой муж — *отец моих детей* — посидит с ними вечером, сердце

наполняется тревогой. Конечно, он их любит, в этом я никогда не сомневалась. Я вижу, как он смотрит на них, когда они зашнуровывают ботинки, собираясь на прогулку, слышу, как он неровно и глубоко дышит, когда Флора подбегает к нему и обнимает, а Алекс грубовато хлопает по плечу. Да, Марри их любит. Проблема в том, что бутылку он любит еще больше.

— Что это? — Сложный вопрос. В голосе Алекса отвращение, но вообще-то он должен благодарить свою счастливую звезду за то, что перед ним на тарелке не вареная брокколи, а наскоро сварганенные спагетти.

— Запеченный морской черт с сальсой из томатов, чили и кориандра. Ешь давай. — Я вытираю руки полотенцем и криво улыбаюсь Алексу. Обычно я не ограничиваю меню вареными макаронами с кое-как покроеманными овощами, но сегодня — другое дело. Я тороплюсь, и отсутствие разносолов на столе — невысокая цена за несколько часов... радости.

— Ты же знаешь, я не люблю вареную морковку! — Алекс тыкает вилкой в оранжевые кружочки.

Я смеюсь и делаю вид, будто забираю у него тарелку. Флоре никак не удастся разрезать гренок. Встав сзади, помогаю дочери распилить пересушенный хлеб и целую в макушку. У меня странное ощущение — будто мне снова семнадцать лет и жизнь только начинается. Собственно, так оно и есть — жизнь только начинается, по крайней мере моя новая жизнь. Моим детям нужны безопасность и стабильность. А мне — сильный, надежный, любящий человек.

Перед уходом я дважды чищу зубы. На всякий случай.

Впервые я учуяла алкоголь в дыхании Марри, когда мне было восемь. Тогда я не знала, что это такое. Запах показался приятным, напоминал о взрослой жизни и о летних днях у пруда, когда Марри присматривал за нами.

Я понятия не имела, почему, хлебнув из лимонадной бутылки, он хохочет над глупыми шутками, валяясь с приятелями на траве и позволяя нам с Надин делать все что заблагорассудится.

Когда мне исполнилось двенадцать, Марри уже был достаточно взрослым, чтобы отдавать отчет в своих поступках. Однажды он



принес коктейль собственного изобретения из рома и черной смородины.

— Это как сок, — сказал он. — Попробуй. Увидишь, что будет. Не понравится — ничего страшного.

Я смотрела на него во все глаза. Мне хотелось расположить его к себе, доказать, что я не ребенок. Марри был частью моей жизни с самого рождения, он был мне как брат. Но я знала, что в брата нельзя влюбляться. Залпом я проглотила жидкость и улыбнулась Марри.

Он расхохотался, сказав, что теперь у меня фиолетовые губы.

Не знаю, что стало причиной — ром или вирус, но следующие три дня я провалялась в постели. С тех пор я не притрагивалась к алкоголю.

— Вина? — предлагает Дэвид.

— Нет, спасибо. — Моя рука, сжимающая бокал, дрожит. — Я не пью. — Подливаю себе воды. Дэвид не настаивает и не пытается пристыдить. — Кроме того, я за рулем.

Разумеется, за рулем, думаю я. Не стоило этого говорить. Если бы я не приехала на машине, Дэvidу пришлось бы везти меня обратно. И к чему бы это привело?

— Господи, — едва слышно шепчу я, удивляясь своим мыслям.

— Прости? — тепло улыбается Дэвид, и страхи вдруг улетучиваются. Он такой спокойный, собранный, его словно окружает аура уверенности и сочувствия. Наверное, потому-то он и семейный врач.

— Нет, ничего. Просто вспомнила о детях. — Конечно, я вру, но ложь заставляет задуматься о том, не играют ли они на дороге у реки, пока Марри напивается в стельку.

— Они остались... с отцом? — На последнем слове Дэвид хмурится.

— Да. — Я киваю и глотаю воду, чтобы увильнуть от более пространного ответа.

Мне не по себе оттого, что мы сразу заговорили о Марри. Дэвид заботливо дает мне передышку, предлагая принести из бара какой-

нибудь более заманчивый напиток, уходит и возвращается с ананасовым соком и меню.

— Ты бывала здесь раньше? — Он оглядывается по сторонам, явно довольный выбором ресторана.

Здесь оживленно, весело, пахнет домашней едой. Подходящее место, чтобы лучше узнать друг друга. Сейчас, оказавшись с ним наедине, я верю, что у нас и правда может получиться.

— Нет, никогда, — отвечаю я и на миг представляю, что у камина сидит не Дэвид, а Марри; его лицо освещено пламенем, склонившись над меню, он водит пальцем по списку блюд.

— Здешние стейки буквально тают во рту. Но тут все вкусно. Не промахнешься.

— Ты что, владелец этого заведения? — шучу я.

Сейчас мы не в Нортмире, и здесь нет мамы, которую он мог бы осмотреть, так что беседу я поддерживаю с трудом. То и дело она затухает. Я — будущая разведенка — на свидании с мужчиной, которого видела всего несколько раз. Стараюсь не обращать внимания на аккуратно подстриженную бородку, край которой ныряет за воротник, на то, как он щурит глаза, улыбаясь. В его волосах чуть серебрится седина, на макушке они немного длиннее и слегка взъерошены. Видно, что Дэвид следит за собой. И одевается стильно. Любопытно, он заметил, сколько женщин заинтересованно глянули в его сторону, когда мы вошли сюда?

— Ничего подобного, — смеется он, — но я часто ужинаю в ресторанах и люблю отыскивать новые приятные места.

Дэвид смакует вино. Марри к этому времени осушил бы третий бокал и подумывал о том, чтобы заказать еще одну бутылку.

— Так что я знаю, куда приглашать прекрасных дам. — Он передает мне меню.

Под столом я сбрасываю туфли — единственный не новый предмет туалета, который на мне сегодня. Невольно улыбаюсь.

— Прекрасных дам! — поддразниваю я. — И много их у тебя?

— Ага! — веселится он, и по лицу разбегаются морщинки. — Сотни. А если честно, я ни с кем не встречаюсь. У меня нет подруги. — Он пристально смотрит на меня. — Понимаешь, когда

рабочий день заканчивается, времени на общение не остается. Но я надеюсь, что вскоре познакомлюсь с множеством очаровательных местных жительниц. — Дэвид отпивает глоток вина. — О, с одной я уже познакомился!

Даже и не помню, когда мне делали комплименты. Дэвид явно стремится показать, что готов к отношениям и хочет дальнейшего их развития.

— Я закажу крабовые оладьи. А ты?

— Стейк, конечно. С кровью.

Перед глазами вдруг встает изуродованное лицо Грейс. Мы молчим. Тишину прерывает лишь потрескивание горящих поленьев. Должно быть, лицо у меня странное, потому что во взгляде Дэвида удивление и обеспокоенность.

— Прости за плаксивость, — бормочу я, прежде чем он успевает спросить, в чем дело. — Эти две недели выдались тяжкими.

— Прекрасно тебя понимаю. — Пальцы Дэвида касаются моей ладони.

Незнакомая рука, не рука Марри, и я замираю, напрягшись всем телом, мне стыдно от того, что ощущение кажется приятным. Дэвид пожимает мои пальцы, встает и идет к бару, чтобы сделать заказ. Я смотрю, как он — высокий, не ниже шести футов, — объясняет молоденькой официантке, как приготовить стейк, и заказывает напитки. Я наблюдаю за его движениями, жестами и догадываюсь, что он флиртует; девушка смеется, а он исподволь, вперемешку с шутками втолковывает, как пожарить мясо. Ну и что такого, говорю я себе и перевожу взгляд на камин.

Дэвид возвращается.

— Готово, — объявляет он и ставит передо мной стакан.

Мне хочется спросить, знаком ли он с этой девушкой, но это прозвучит грубо. Дэвид врач, так что он знает здесь всех.

Мы болтаем без умолку. О путешествиях, любимых книгах, фильмах и видах спорта. Нежимся в облаке из смеха и дружеского тепла, но на большую близость пока не решаемся. Вскоре приносят заказанные блюда, и мы приступаем к еде. Разговор длится и длится, будто мы не виделись лет десять и теперь хотим наверстать

упущенное.

— Значит, это у тебя впервые? — спрашивает он. (Краб падает с моей вилки и шлепается в соус.) — Ты впервые вышла в свет с тех пор, как вы с Марри расстались? — поясняет Дэвид то, что и так понятно.

— Да. Мы с Марри... очень долго прожили вместе. — Я отмечаю, что он не сказал *свидание*, обошелся без намека на нечто большее, чем просто ужин, и меня одолевает легкое разочарование. Чувствую себя будто на собеседовании в отделе кадров. Стоит ли говорить, что Марри был моим первым и единственным? — Если ты так долго... — Нет, не могу. — Мы с Марри еще в детстве влюбились друг в друга. (Похоже, эта новость заинтересовала Дэвида.) Ты понимаешь, мне сложно...

Как бы донести до него, что считаю этот вечер свиданием и надеюсь, что впереди их будет немало? Ведь не скажешь об этом прямо. А что, если он так не думает?

— Конечно, понимаю. — В глазах его сочувствие. — Выходит, Марри знает тебя лучше всех на свете. — Дэвид кладет на тарелку вилку с ножом.

— Наверное.

Я делаю глубокий вдох, залпом глотаю остатки ананасового сока и ухожу в туалет. Мне следует думать не о Марри. Мне следует думать о Дэвиде. Ну что тут сложного?

— Он замечательный, — говорю я своему отражению в зеркале над раковиной и стираю остатки помады. Как бы она не размазалась. — Так что хватит глупить.

Возвращаюсь в зал, взглядом нахожу Дэвида, и это приводит меня в чувство. Сажусь за стол и снова приступаю к еде. Он предлагает попробовать легендарный стейк с его вилки, а я нерешительно спрашиваю, не хочет ли он попробовать крабовую оладью. Мы смеемся, когда оладья шлепается на скатерть. Но я никак не могу прогнать мысль о том, как закончится вечер.

Спустя примерно час Дэвид помогает мне надеть пальто и мы выходим из теплого ресторана на открытую всем ветрам улицу. После душного помещения прохладный воздух кажется приятным. Что угодно, лишь бы отдалить момент, когда мы расстанемся или не

расстанемся, поцелуемся или не поцелуемся.

— Может, прогуляемся немного? — предлагает Дэвид и идет вперед, будто уже получил согласие.

— Конечно, — поспешно говорю я. Догоняю его, и он берет меня под руку.

На улицах Бурвелла тихо. Это симпатичный маленький городок, затерявшийся среди холмов Кембриджшира. Здесь никогда ничего не происходит. Если не считать сегодняшнего вечера, конечно.

— Ты уже поменяла фамилию? — спрашивает Дэвид.

Я вспоминаю, какой шум поднял Марри, узнав, что после свадьбы я оставлю девичью фамилию.

— Меня всегда звали Джулия Маршалл, — отвечаю я. Это было верное решение. Теперь не нужно суетиться и менять фамилию.

— А когда вы с Марри расстались?

— В июле прошлого года. Пятнадцатого июля, в субботу, в три часа двадцать минут.

— Ну и точность! — Дэвид сочувственно сжимает мой локоть.

— В это время пришел слесарь, чтобы поменять замок. Марри даже не было рядом. Он был... — Я умолкаю. Еще рано. Нельзя, чтобы пьянство Марри набросило тень и на меня. — В общем, его там не было, вот и все. И хорошо.

Вспоминаю взгляд Марри, когда я подошла к нему в баре. В тот момент он не помнил, кто я такая, не говоря уже о том, что должен был заехать на каток за Алексом.

— Ты был женат? — спрашиваю я. Прошное Дэвида покрыто тайной. Он с большим интересом расспрашивает обо мне и моем детстве, но о себе почти не распространяется.

— Нет, — смеется он. — Мне всегда удавалось отложить этот момент, отвертеться. Да, были женщины... женщина. — Он внезапно замедляет шаг, почти останавливается. — Но подходящий момент так и не наступил. Не судьба, наверное. — Я вижу, он не хочет развивать эту тему.

Мы уже у автобусной остановки. Дэвид поворачивается ко мне.

— Мне кажется, у нас много общего. — Вздох, пауза. Он решает: — Я бы хотел снова с тобой увидеться. И больше о тебе узнать.

— Было бы здорово, — поспешно отвечаю я, даже не задумавшись о том, что может означать его предложение.

Беру его за руки. Он так близко, и от удовольствия у меня кружится голова. У него сильные и заботливые ладони. Он высвобождается и обнимает меня. В это мгновение мне снова семнадцать и Марри наконец объяснился. Он сильный. Он рядом. И больше мне ничего не нужно.

— Мне только тридцать, — бормочу я по-идиотски. По лицу блуждает улыбка. Дэвид хочет снова меня видеть. Ну конечно, он понимает, разница в возрасте у нас солидная. Глупо, да, но я не знаю, что еще сказать.

— Хорошо тебе, — улыбается он, ничуть не удивившись.

— Мне нравятся зрелые мужчины, — признаюсь я. Это правда. Особенно сейчас.

Дэвид провожает меня к машине и целует. Скользнув по щеке, его губы едва-едва не касаются моего рта. Но я все равно чувствую их жар, теплое дыхание на коже, страсть, которую скрывает Дэвид. Он медлит, не отстраняясь, и сердце мое колотится все сильнее. Это ощущение остается со мной до самого дома.

## Мэри

После визита к врачу все слова, которые я хотела выкрикнуть, пробкой застряли у меня в горле, и женщина, которую я сотворила за десятилетия, стремительно распадается на части. Я молчу. Не могу выдавить ни звука. Это высшая степень самосохранения. Впрочем, сейчас мне говорить не с кем, и спустя несколько часов, уже дома, мерзкая пробка в горле превращается в затор сродни тому, что перекрывает канализацию, — так сильно он воняет.

Страхи вернулись. Полный комплект давних ужасов. И теперь мне есть что терять.

Бренна и Грэдин поначалу даже не обратили внимания на мое молчание. Позже они, конечно, отметили мою немоту, но вряд ли их измученное сознание могло подсказать, что нужно делать в такой ситуации. Они едва-едва способны позаботиться о себе самих. Должно быть, их настораживает мое поведение, но сейчас они вдали от своего папаши-садиста, а это для них главное. Несколько раз дети спрашивали, что я подарю им на Рождество, и, не получив ответа, недоуменно переглядывались. По своему обыкновению, они переругиваются, учиняют бедлам в ванной и сметают все съестное в доме. В первый день я все-таки сумела приготовить еду: сэндвичи, запеканка, какао — и даже постирала одежду.

Время утекало, час за часом.

А потом зазвонил телефон.

— Мэри... это... — Человек вздохнул. Помолчал. — Дэвид.

Я повесила трубку.

Минут десять стояла, упершись взглядом в стену, сжимая трубку, навалившись на нее, словно придавливая к аппарату, чтобы тот не зазвонил. Не помогло. В тот вечер телефон звонил дважды.

— Мэри, это вас. — Бренна протянула трубку.

Я не взяла, не шелохнулась в своем кресле. Она нахмурилась. Даже сидя в другом конце комнаты, я слышала, как он надрывается: «Алло, алло?» — и каждый звук вгрызался в мои внутренности. Дэвид Карлайл вгрызался в меня.

Измученная тем, что он решился со мной связаться, посмел войти в мой дом — пусть вторгся лишь его голос, — я упала на кровать и беззвучно зарыдала.

В канун Рождества все стало еще хуже. Дело не только в том, что я не могла говорить, хотя в мозгу за минуту проносились тысячи слов, посредством которых я пыталась понять, что происходит, и разработать план. Я лишилась не только голоса, но сил; энергия оставила мое тело. В сознании словно что-то взорвалось, и меня замкнуло. От энергичной, упрямой, решительной женщины осталась немощная, пораженная ужасом оболочка.

— Нам нечем заняться, — жаловалась Бренна.

Дети недовольно бубнили, что на Рождество все смотрят телевизор, лакомятся сладостями, наливаются лимонадом. Я достала из сумочки двадцать фунтов. Они знают, где находится деревенский магазин. Он еще открыт.

— Мэри, а как же вы? — Мой ступор пробудил беспокойство даже в Грэдине.

Раньше мальчик меня тревожил. Теперь я думала лишь о себе.

В рождественское утро им уже было все равно, говорю я или нет. Бренна и Грэдин развели, куда я спрятала их подарки, и теперь объедались шоколадом, резались в игры и даже читали купленные для них книги. Брат с сестрой наверстывали детство, которого их лишили. И я должна бы помочь им в этом, но сил хватало, лишь чтобы дышать.

Днем приехала Джулия. Меня она нашла в синем плюшевом кресле — в него садились только тогда, когда случалось что-то важное. Она не знала, что мое сердце истекает кровью. С тех пор прошел не один день, я потеряла им счет. Сегодня дочь собирается отвезти меня в больницу.

— Мама, ты сдашь анализы? — Джулия вздыхает, и ее тревога выплескивается наружу. Она делает все, что от нее зависит, учитывая обстоятельства.

Я боюсь даже посмотреть на нее, чтобы она не прочла в моих глазах правду. Я дергаю пальцем. Она знает, что это значит.

— Хорошо. На улице холодно. Наденем-ка вот это.



Джулия достает пальто, неуклюже вдевает одну мою руку в рукав, затем другую, поднимает меня. Она искренне верит, что помогает, что благодаря ее доброте мне станет лучше. Она не знает, что лучше не станет уже никогда.

— Ну что, пойдём в машину? — Джулия обращается со мной как с младенцем.

Ах, дочка. Меньше знаешь — крепче спишь.

В больнице шумно и оживленно. Вокруг носятся врачи и медсестры, пациенты шаркают по блестящему полу. Я оглядываюсь — на крыльце курят несколько женщин в халатах. Одна из них, почувствовав мой взгляд, отворачивается. Халат у нее яркий, вырви глаз. Зря я согласилась. Не нужны мне никакие анализы. Они ничего не найдут.

Мы сидим в приемной отделения неврологии. Джулия что-то говорит, но я ее не слышу. Мозг улавливает лишь фрагменты звуков — разбитые остатки человеческих жизней. Она произносит слова «раны» и «виновата», и я догадываюсь, о чем речь. Джулия хочет навестить Грейс, пока мы в больнице. Моя дочь обнаружила бедную девочку. Хватит ли ей сил, чтобы все это вынести?

— Миссис Маршалл?

Пусть Джулия ответит. Надеюсь, она скажет, что я никогда не была замужем и ко мне следует обращаться *мисс*.

— Это моя мать, — поясняет она. — Мама, пойдём. Наша очередь. — Джулия тянет меня вверх, у меня кружится голова.

Я едва переставляю ноги, настоящая развалина, хотя каких-то две недели назад как оглашенная гонялась за цыплятами по двору, в одиночку ремонтировала сарай, в котором держу коз. Девочка, что гостила у меня раньше, вернулась в семью, и я готовилась к встрече с новым испытанием — Бренной и Грэдином. Я верила, что смогу им помочь, изменить их жизнь. Но вместо этого меня поглотила бездна.

Джулия ведет меня в кабинет мистера Рэдклиффа.

Я не люблю врачей.

Тело все как в огне.

— Ну-с, миссис Маршалл, доктор Карлайл предупредил меня, что у вас сложный случай. Мы с ним давно знакомы и долго

беседовали о вас. Он очень хотел, чтобы я как можно быстрее вас осмотрел. Я задам вам несколько вопросов и, скорее всего, попрошу сдать кое-какие анализы. Согласны?

И этот тоже разговаривает со мной как с ребенком. Стол у него ламинированный, а не деревянный, и с краю свисает нитка — похоже, кто-то зацепился одеждой. На полу — синий ковер. У порога проплешина, но в остальном вполне приличный ковер.

— Миссис Маршалл, вы меня понимаете?

Я бы предпочла, чтобы он обращался ко мне «мисс».

На краю стола — горшок с арахнисом, мелкие цветы сползают до самого пола. Кабинет насквозь проткнут ярким лучом зимнего солнца. Пылинки плывут в воздухе, кружатся, исчезают.

— Мама, — обращается ко мне Джулия, хотя прекрасно знает, что я не заговорю, — мне за тебя ответить?

Я бы рада кивнуть, посмотреть на нее, улыбнуться или дернуть пальцем, но я не могу. Меня нет, осталась только пустота. Я смотрю на ботинки Джулии. Они в белесой грязи. Пятка немного стоптана. Коричневая кожа слегка сморщилась на лодыжке. Сбоку застежка-молния. Теплые ботинки. Ботинки Джулии. Я помню, как она сопротивлялась в детстве, не желая носить практичную обувь.

— Можно я буду за нее отвечать, мистер Рэдклифф?

— В данных обстоятельствах ничего другого не остается. Доктор Карлайл сообщил, что ваша мать онемела. Он сказал... — Рэдклифф замолкает, и я думаю, что именно Дэвид обо мне сказал. — Видите ли, избирательная немота — удивительная вещь. Иногда больные говорят с одними людьми, а с другими — нет.

Он думает, я могу *выбирать*?

— Вы хотите сказать, мама просто решила не разговаривать? То есть она может говорить, но почему-то не желает? — раздраженно спрашивает Джулия.

— Если мы имеем дело с избирательной немотой, то да, она до определенной степени может выбирать, с кем говорить, а с кем нет. Меня беспокоит невралгическая сторона проблемы, если быть точным — ее мозг, особенно если немота носит неизбирательный характер.

— Вы думаете, у нее опухоль? — Джулия всегда была прямолинейна.

— Не исключено. Надо все проверить. Когда именно миссис Маршалл перестала разговаривать?

Джулия молчит, я знаю, что она смотрит на меня. Чувствую ее взгляд на лице, он полон мольбы — пусть я снова стану нормальной, пусть мы снова будем вдвоем, мать и дочь против всего мира.

— Сложно сказать. За несколько дней до Рождества мы болтали по телефону, а когда я приехала к ней на праздники, она... уже была такой. Значит, это произошло где-то посередине. Доктор Карлайл сказал... — когда она произносит его имя, ее голос буквально сочится нежностью, — похоже, он не считает, что ее надо срочно госпитализировать. По-моему, он надеется, что мама придет в себя, если отдохнет и за ней будут как следует присматривать. По его мнению, она пережила сильный шок.

— С тех пор она произнесла хоть одно слово, хоть какой-то звук? Фыркнула, взвизгнула?

«Я не фырчу и не визжу! — мысленно кричу я, и так оглушительно, что тотчас начинает болеть голова. — Это скотина на ферме фыркает и визжит».

— Она застонала, когда я подняла ее из кресла в Рождество. Наверное, я зажала ей руку. Но это все. Больше она не издала ни звука.

Джулия смотрит на меня, моля, чтобы я поучаствовала в их занимательной беседе. Они говорят обо мне так, словно меня здесь нет, и от этого ощущение невидимости становится все более осязаемым.

— А как ваша мать двигается? Ее физическое состояние ухудшилось? Может, она хромает? Есть ли признаки паралича?

Джулия молчит, обдумывая вопрос. Мысленно я перебиваю ее, пытаюсь прошептать правильный ответ, но она меня не слышит. Я разочарованно поворачиваюсь к Рэдклиффу и выдаю беззвучную речь. Я сомневаюсь, что он мне поверит, впрочем, как и Джулия.

Начнем с того, доктор, что моя способность двигаться полностью сохранилась. Прошло несколько часов, прежде чем все началось; после визита к доктору Карлайлу я добралась до дома, и все

было в порядке, пока... пока я не поняла, что происходит. Вот тогда-то мои суставы словно сковало, а сухожилия окаменели. Яд, который я с таким трудом сдерживала тридцать лет, разлился по телу. Добрался до самых укромных уголков. Через несколько дней он выжег мои глаза, пропитал сердце, и теперь оно едва бьется, высушил кожу. И каждый шаг терзает мои суставы, а когда ем, то будто глотаю колючки. Скажите, мистер Рэдклифф, что со мной такое?

— Так странно... Мама всегда была очень энергичной. Поразительно энергичной для своего возраста. Она правильно питается и много двигается, работает на ферме. Конечно, ее физическое состояние изменилось. Кардинально изменилось. Я не знаю, может ли она больше двигаться, чем двигается сейчас. Сомневаюсь. Вряд ли ей нравится, что я ее мою, вожу в туалет. Она бы сама это делала, если бы могла. Что бы ни произошло, но ее тело словно раздавлено.

И душа.

— Мистер Рэдклифф сказал, что МРТ назначили на понедельник. Неплохо, правда, мам? — Джулия везет меня домой. — Заедем к Надин, надо забрать Алекса и Флору. — Она обращается со мной так, как я когда-то обращалась с ней, — терпеливо, чутко. Готовая защитить от всего мира.

Я размышляю о предстоящей томографии. Врач объяснил, что меня засунут в трубу и прибор сделает снимки моего тела, просканирует мозг, внутренние органы, сосуды, чтобы убедиться, что нигде нет кровотечений. И когда аппарат примется зондировать магнитным полем те уголки моего тела, которые никто никогда не видел, меня унесет шум. А потом мистер Рэдклифф изучит результаты и решит, что со мной приключилось. Правда, они не знают, что никакое сканирование ничего не даст и даже самый точный портрет моего естества не отразит того, что внутри.

Флора и Алекс вылетают из дома Надин и проворно забираются в машину. От них пахнет лимонадом и приторными конфетами. Обычно я напоминаю Джулии, чтобы она попросила Надин не закармливать моих внуков этой дрянью. А Джулия отвечает мне сердитым взглядом, намекая, чтобы я не вмешивалась, и объясняет, почему Эду и Надин нравится баловать племянников. Я извиняюсь, и мы весело смеемся. Теперь все изменилось. По дороге в Нортмир

Алекс забрасывает мать новостями о расследовании Эда. Мальчик в восторге от деятельности своего дядя.

— Мам, дядя Эд разрешил мне прийти в участок и взять интервью у полицейских, чтобы подготовить заметку в школьную газету.

Алекс сидит сзади, и мне его не видно, но уверена, он так и сияет от восторга, наверное, уже спешно придумывает вопросы. Алекс твердо решил стать полицейским, когда вырастет. Эда он боготворит не меньше отца. Жаль, что с нами нет Марри, он бы сейчас обнял Джулию, поддержал, когда она столкнется с неизбежным. Я уже не смогу ей помочь. Впереди — пропасть, и если она рухнет на дно, никто не услышит ее криков.

— Алекс, ты не надоел дяде своими вопросами? — спрашивает Джулия в своей обычной нервной манере. Она и машину также водит.

— Ну, мама! — стонет он. — Дядя Эд мне все-все разрешает. И вот увидишь, он обязательно найдет того, кто убил Грейс.

— Грейс не умерла, — возражает Джулия и, наехав на рытвину, резко дергает руль, выравнивая машину. — Просто она в плохом состоянии, и я очень надеюсь, что дядя Эд поймает мерзавца.

— Пусть дядя Эд поймает его, а не то этот убийца сделает то же самое с тобой, бабушкой или Флорой.

— Хватит, Алекс! — взрывается Джулия, словно визит в отделении неврологии вконец истощил ее нервную систему. — Дети, бегите в дом, а я помогу бабушке.

Она отстегивает ремень безопасности и ведет меня в дом, а у меня из головы не выходят слова Алекса. Как объяснить, что уже слишком поздно?

## Марри

Бессмысленно скрывать, что я натворил. Да, мы могли погибнуть. Прожорливая плита, больше похожая на топку, не оставила в каюте ни глотка кислорода, и дети, с трудом подняв тяжелый деревянный люк, выбрались на палубу, чтобы вдохнуть морозный вечерний воздух. Их легкие жадно втягивали кислород, а я спасся лишь потому, что они оставили люк открытым.

— Марри, как ты мог?! Они чуть не задохнулись! Ты безответственный, эгоистичный, бесполезный и... — Огневой вал ее гнева растворился в ледяном воздухе.

Она не зашла в каюту, откуда несло вонью спиртового завода и жаром перегретой плиты, которую я разжег, чтобы детям было тепло. Вот и все. Я боялся, что, вернувшись домой, они будут жаловаться, что я едва не заморозил их. Но я нагрузился виски и заснул сидя прямо на полу, уронив на грудь голову и зажав меж коленей пустую бутылку. В четверть двенадцатого Джулия, от которой несло доктором Добряком, наконец ретировалась, волоча озадаченных детей. Я слышал, как они рассказывают ей, что *точно* видели в освещенной лунной воде трех гигантских щук. Я посмотрел на небо — крики Джулии еще звенели в вечернем воздухе — и увидел, как луна ускользает за облако. Может, дети придумали щуку, так же как я придумал, что смогу о них позаботиться?

На работу я сегодня все-таки явился, хотя в голове такое ощущение, будто она пережила столкновение с ядром, которым сносят здания. Меня так и так скоро уволят. Любой человек в подобной ситуации не стал бы утруждаться, а сидел бы себе дома — из гордости, от стыда или просто из-за похмелья. Но я в отчаянии. Я должен все исправить. Если я сохраню работу, то, возможно, сохраню и семью.

— Фрэнч! — рявкает Шейла Хэнли, моя начальница и вездесущий демон. — Вот. Это на сегодня. — Она бросает на стол стопку папок, и от шлепка по моему телу пробегают волны дрожи. Я морщусь. — И выпей кофе. Смотреть страшно. — Ее лицо разрезает дьявольская ухмылка. Она ерошит мне волосы. — Ты же знаешь, как

я тебя люблю!

— И тебе доброе утро, Шейла. Как всегда, чудесно выглядишь.

Она качает головой, и я понимаю, что лесть мне не поможет. Залитые лаком волосы напоминают камень. Накрахмаленная хлопковая блузка расстегнута слишком низко для дамы под полтинник. Талия неестественно перетянута. Высоченные шпильки и неизменная багряная помада. Шейла Хэнли, старший компаньон фирмы «Редман, Хэнли и Брайт», следит за собой.

— Дорожная авария, иск о разводе и взыскание долга. — Она поглаживает папки, словно это ее дети. — Сегодня у тебя не самый тяжелый день, правда, дорогой?

Чувствую себя расплюснутым. И когда мне кажется, что хуже быть не может, в шкаф, именуемый моим кабинетом, заглядывает человек, которого я хотел бы видеть в последнюю очередь.

— Привет, Фрэнчи, давненько не встречались. Тебя что, выпустили из вырезвателя?

Я набираю в грудь воздух и считаю до десяти.

— Ди-и-ик, <sup>[2]</sup> — тяну издевательски. Не глядя на него, открываю папки и притворяюсь, будто читаю. Изо всех сил стараюсь, чтобы чашка с кофе не дрожала в руке. Листаю бумаги.

— А где ты оставил свое корыто? На парковке? — Дик просачивается в кабинет и встает рядом с Шейлой. Оба нависают над моим столом. — Все-таки похмелье — редкая дрянь.

Рука таки затряслась, но я вовремя поставил чашку. В глазах все расплывается.

— Ричард, — киваю я, — ты, как обычно, удивительно остроумен.

Шейла ждет, когда я сорвусь.

— А как же ты добрался до работы? Я слышал, ты потерял права, — никак не уgomонится Дик.

— Нет, ничего подобного. Видишь ли, я приехал на автобусе. Моя машина в ремонте. А на чем ты прибыл? На космолете?

— На новом «порше». Могу подбросить домой. Если обещаешь, что не наблюдаешь в машине. — Он широко улыбается.

— Ничего не обещаю, Дик. Доберусь на автобусе.

— Ну, дело хозяйское.

И Дик Порше удаляется в свой кабинет партнера — с огромным письменным столом и видом на город, — который принадлежал бы мне, если бы я не предпочел карьеру алкоголика.

— Итак, — произносит Шейла, закрывая дверь, — что происходит в Маррилэнде?

Я понимаю, что начальница настроена серьезно. Веки полуприкрыты, лицо заострилось, ладони уперты в талию. Шейла садится на краешек стола. За пять лет, что работаю в «Редман, Хэнли и Брайт», я так и не смог ее раскусить. Чаще всего это непреклонный юрист, королева судебного зала, но случается ей быть спокойной и собранной — в основном перед бурей. А еще я видел, какой поматерински заботливой она бывает с юными девушками. Одно можно сказать наверняка: Шейла непредсказуема. Если бы я не уважал ее, то наверняка возненавидел.

— Вряд ли тебе это интересно. — Я проливаю кофе на стол, и Шейла машинально промокает лужицу салфеткой.

— Все так плохо?

— А ты собираешься сделать так, что все станет еще хуже, правильно?

Ни для кого не секрет, что вчера вечером состоялась встреча партнеров. В основном эти собрания, которые проходят раз в три месяца, всего лишь предлог, чтобы потратить кучу денег в «Площади», любимом ресторане кембриджских юристов. И хотя на этих посиделках рекой льется дорогое вино, а съеденными лангустами можно заселить океан, главное все же — обсуждение новостей. Цифры, текучка сотрудников, активы. А также пассивы. Вроде меня.

— Надо бы, — говорит Шейла, бросая мокрую салфетку в корзину. — Но, — она встает и поднимает руку, чтобы я ее не перебивал, — я дам тебе отсрочку. Только не спрашивай, черт побери, почему я унижалась и просила за тебя, Марри Фрэнч. Никогда не спрашивай!

Не буду, думаю я, и делаю грустное лицо. Шейла не любит бурных проявлений чувств. Она разъярится, если я ее обниму, хотя



мне очень хочется это сделать.

— Но если ты когда-нибудь... — она делает такой глубокий вдох, что воздух не помещается у нее в груди, — если ты когда-нибудь меня подведешь и по твоей милости я опять буду выглядеть как дура, то...

— Господи, Шейла, я никогда тебя не подведу!

— Почему я должна тебе верить?

— Дай-ка подумать, — говорю я. — Может, потому, что за пять месяцев я пропустил пять судебных заседаний и проиграл больше дел, чем у меня было за всю мою жизнь? — Мы оба едва сдерживаем улыбку. Нет, больше не могу. Я поднимаюсь и обнимаю ее. — Болван тут я, а вовсе не Дик на хрен Порше.

— О нет, уволь. Он ничем не лучше. — Шейла выходит из кабинета, оставив шлейф дорогих духов.

Я возвращаюсь к папкам. Открываю первую, быстро прочитываю. Стоило мне позволить пробудиться в душе проблеску надежды, как становится ясно, что я буду представлять интересы водителя, сбившего девочку. Ровесницу Флоры. Его трижды останавливали за вождение в нетрезвом виде.

Алкоголь стал важной частью моей жизни, когда мне было тринадцать. Я был готов на что угодно, лишь бы меня приняли в компанию крутых парней. Тогда я и придумал Тайный клуб выпивох.

По своей глупости я не понимал, что у меня удивительно счастливая жизнь. Да, меня разрывали гормоны, я прогуливал уроки и нетерпеливо ждал, когда Джулия подрастет и станет моей. Тайный клуб выпивох помогал скоротать время, но именно он и стал причиной моих бед. Я превратился в отщепенца, изгоя, которого сторонились нормальные дети.

Мы собирались несколько раз в неделю в разных местах — на автобусной остановке, у реки или в фермерском амбаре, смотря какая погода. Каждый член клуба должен был принести хотя бы порцию любого алкогольного напитка. Если человек дважды нарушал это правило, его изгоняли. Разумеется, я, как глава клуба, получал долю приношений и принимал в наше элитарное общество новых членов, позволяя им на время забыть о школьных неприятностях.

Клуб просуществовал четыре месяца, две недели и три дня. Я это хорошо запомнил, потому что после того, как количество членов клуба сильно уменьшилось, мне пришлось совершать регулярные набеги на родительский бар. Деревенские ребята больше не хотели поставлять мне спиртное. Некоторые сами одумались, других на путь истинный наставили предки. Что касается меня, то одно из двух: либо я на редкость искусно врал, либо мои родители были слепы. Спиртным я заливался меньше, зато стал раздражительным, беспокойным, вечно пребывал в депрессии, меня мучили бессонница и мигрени, изо рта у меня воняло, и я всем действовал на нервы.

Какие пустяки, если глядеть из сегодняшнего дня! Но теперь я жалею, что связался тогда со спиртным.

Сделал я это потому, что хотел произвести впечатление на девушку. Нет, не на Джулию. Она была совсем ребенком, нас разделяли миллионы лет. Нет, то была другая. Она училась в моем классе, я даже не помню, как ее звали. Но это она виновата в том, что я выпил первый бокал. Меня заворожили обещания, что спиртное придаст мне уверенности и мужественности, а детская худоба и россыпи прыщей отступят на задний план. Все так и произошло — алкоголь сделал меня сильным и решительным. Мы целовались. Мы танцевали. Мы встречались некоторое время. Она меня бросила, но алкоголь я не бросил. Есть у меня девушка, нет у меня девушки, спиртное всегда было под рукой. И я организовал клуб.

Дик Порше в соседнем кабинете громко разговаривает по телефону, а я думаю, что больше не возьму в рот ни капли. Никогда. Что отняла у меня выпивка? Жену, детей, дом, достоинство, деньги, а если я не соберусь с силами, отнимет и работу.

Я ищу ручку в ящике письменного стола и натываюсь на плоскую бутылку из-под виски. Вытаскиваю ее из-под бумаг и какого-то хлама, куда засунул в тщетной попытке скрыть улики. Да, именно это и нужно сделать для алкаша, убившего маленькую девочку. Скрыть улики. Я долго пялюсь на пустую бутылку и к середине дня понимаю, что вряд ли справлюсь.

## Джулия

Мне пришлось взять неделю за свой счет. Ладно, пусть это будет отпуск, говорю я им по телефону, как хотите. Но несколько дней я не смогу вести уроки. Объясняю, что отпуск нужен для ухода за мамой. Так и есть, но в последнее время столько всего свалилось, что при мысли о классе, переполненном шумными подростками, меня одолевает ужас.

— Меня подменит внештатный учитель, — говорю я маме, расчесывая ей волосы. — А что касается Бренны и Грэдина... — Я отчаянно надеюсь, что она отзовется. Попросит не отступать перед новым вызовом. — Наверное, им придется вернуться домой. — Я замолкаю, щетка замирает на середине длинных волос, но мама безучастно смотрит в зеркало, равнодушная к судьбе несчастных детей. — Это очень печально, — заключаю я.

Мне вовсе не хочется звонить в службу опеки и отдавать детей чиновникам. Я все еще надеюсь, что однажды утром мама проснется и примется готовить завтрак, звать коз, собирать простыни, сохнувшие во дворе, и болтать как ни в чем не бывало. И я бы никогда не спросила, что случилось. Мы бы продолжили с того момента, на котором остановились.

Я понимаю, что нет никакого смысла говорить ей об этом.

— Так что, позвонить? Насчет Бренны и Грэдина?

Но и эта попытка безуспешна.

Представления Грэдина о реальности весьма размыты, а его сестра поразительно решительна и отважна. Мне будет не хватать их. Если бы они имели право голоса, то наверняка стали бы умолять не отсылать их. Несмотря на катастрофу, перевернувшую уклад Нортмира, здесь они чувствуют себя вольготно. Впрочем, им и бродяжничество было бы в радость по сравнению с жизнью в отчем доме. Мама успела мне рассказать их печальную историю.

Щетка в моей руке вновь замирает, потому что я осознаю, что забыла мамин голос.

— В конце концов их поселят в дешевой гостинице, рядом с домом родителей. Или отправят к другой опекушке. — Я

разговариваю скорее с собой, чем с мамой.

Эти двое пережили немало, и новые потрясения вряд ли будут им на пользу. Нет, пускай живут в Нортмире, пока я смогу о них заботиться. В службе опеки не знают о том, что мама заболела, надо попросить Дэвида, чтобы он не распространялся об этом.

На моих губах появляется улыбка — невесомая, как седые мамины волосы.

— На прошлой неделе у меня было свидание с твоим врачом.

Я не сообщила ей эту новость в тот день, когда мы ездили в больницу, но теперь, после того как Дэвид пригласил меня на ужин к себе домой, я поделилась бы радостным известием даже с козами, выкажи они желание слушать.

Мама вдруг резко вдыхает воздух и приоткрывает рот.

— Ну же, говори, — подстегиваю я.

Она кашляет, и в глазах ее опять застывает безразличие. Мама смотрит куда-то через плечо. Тело ее обмякло, словно кашель забрал у нее все силы. Я опускаю голову. Как заставить ее говорить?

— Миссис Мэри Маршалл?

— Да, — отвечаю я за нее.

— Дата рождения?

— Двенадцатое февраля тысяча девятьсот сорок девятого года.

— Адрес?

— Ферма Нортмир, Бэк-лейн, Уизерли.

— Как зовут ее врача?

— Доктор Карлайл, — медленно отвечаю я, смакуя имя, — Дэвид.

Медсестра уводит маму. Ее провожают в комнату для переодевания, и я думаю о том, сумеет ли она когда-нибудь сама надеть больничный халат. Она оглядывается на меня за секунду до того, как медсестра задерживает занавеску. Мне следовало быть рядом, чтобы ей помочь.

— Джулия, до чего же я рад тебя видеть! — раздается сзади голос Дэвида.

Я оборачиваюсь, к щекам приливает краска. Я улыбаюсь, несмотря на тревогу за маму. Хоть бы ресницы покрасила.

— Что ты здесь делаешь? — Вопрос мой звучит так, словно я недовольна.

Приподнимаюсь на цыпочках, целую его в щеку. Я не собиралась этого делать, но на секунду мне становится легче. Да и ему, похоже, понравилось.

— Я же врач, Джулия. А это больница. — Он улыбается, и я изображаю беззаботность. — По понедельникам я принимаю больных.

— О! — Мой взгляд устремлен на занавеску в конце коридора, за которой находится мама.

— Я работаю с беременными несовершеннолетними. Эта тема меня особенно волнует.

— Вот как? — Я слушаю рассеянно. Маму вот-вот засунут в трубу, а она ненавидит замкнутые пространства. Я разрываюсь на части. Остаться с Дэвидом? Или побежать к маме?

— Все происходит конфиденциально. Мы консультируем девушек, помогаем принять решение, предлагаем убежище.

— Маму сейчас сканируют. — Я его почти не слушаю.

— Джулия. Сейчас ты ничего не можешь сделать. Остается только ждать. — Дэвид кладет мне руку на спину. — Все будет хорошо. Давай выпьем чего-нибудь горячего, посидим, поговорим. Я побуду с тобой, пока она не выйдет оттуда в целости и сохранности. Согласна?

Запах, исходящий от него, дурманит, и я покорно соглашаюсь. Дэвид уводит меня от кабинета МРТ и ведет в столовую для сотрудников. Там он покупает мне кофе.

— Скажи, что самое худшее? — спрашиваю я. — Какой результат, по-твоему, самый ужасный и безнадежный? Может, тогда, получив реальные результаты, я подумаю, что все не так уж плохо.

Дэвид спокоен, мой мрачный настрой, похоже, его не огорчает.

— Должен признаться, случай твоей матери — настоящая загадка. — Он смотрит в сторону. — Могу лишь сказать, что хочу ей помочь. Я всей душой хочу, чтобы она снова заговорила. Есть столько...

— Дэвид, скажи, какой диагноз самый худший?

Он смотрит на меня, вздыхает.

— Опухоль мозга. Повреждение первичного слухового центра головного мозга, — например, в результате травмы головы. Удар, результатом которого стали патологические изменения и поражение тканей речевых центров мозга. Аневризма сосуда мозга. Возможно, сейчас она ее не убьет, но в случае кровотечения...

— Пожалуйста, хватит... — Я вскидываю руки. Не верю. Я не хочу, чтобы маму положили в гроб и похоронили еще до того, как она сдаст анализ. — Ладно, а лучший результат, на который можно надеяться?

— Если не выявятся патологические изменения. Мы все на это надеемся, Джулия. — Дэвид тянется над липким столом и берет меня за руку. — Я с нетерпением жду нашего свидания...

Да, будет огромным облегчением хотя бы один вечер не думать о маме.

— Так ты умеешь готовить? — улыбаюсь я. — Надеюсь, когда я приду к тебе в гости, меня ожидает пир, а также буйное веселье, насколько...

— Насколько это доступно для старика, да? — Взгляд Дэвида серьезен. Но тут же на его лице расплывается улыбка. Интересно, зачем он называет себя стариком? Ведь он вовсе не старик!

— Для зрелого мужчины, — поправляю я. Честно говоря, меня это даже возбуждает. — По-моему, это здорово, — признаюсь я, краснея, потому что у нас было всего одно свидание и легкий, словно бабочка, поцелуй. Вряд ли он считается.

— Пойдем, — нежно говорит он. — Посмотрим, может, они уже закончили. Наверное, Мэри немного растеряна.

Мы снова идем длинными коридорами. Меня вдруг осеняет.

— Раз уж я здесь, то, пожалуй, надо навестить Грейс Коватту. Ты слышал об этом случае?

В душе я надеюсь, что Дэвид пойдет со мной.

— Надо быть глухим и слепым, чтобы не слышать, — замечает Дэвид и добавляет: — Прости. Бесчувственно с моей стороны. Ужасный случай. — Он сокрушенно качает головой.

— Интересно, как продвигается расследование? — вопрошаю я.

Иногда Эд рассказывает о своей работе. Поразительно, как много информации можно извлечь из невидимых глазу пятнышек и крупинок.

— Грейс так и не заговорила, и пока им больше нечем заняться. Полиция прочесала то место, где я ее нашла, но ничего не обнаружила.

Надо бы позвонить Эду, расспросить на правах родственницы. Пусть почти бывшей.

— Ну вот, видишь? С ней все в порядке, — говорит Дэвид, кивая.

Мама стоит посередине длинного белого коридора. Она смотрит в одну сторону, потом в другую. Она не знает, куда идти.

— Дэвид, — я трогаю его за локоть, — как мама вела себя, когда приходила к тебе на прием? Не показалось, что ее что-то беспокоит? Что-то более серьезное, чем нарыв на пальце? — Я давно хотела задать ему этот вопрос.

Дэвид какое-то время размышляет.

— Да вроде нет. Если бы я заметил что-то необычное, я бы расспросил ее. Она больше молчала, немного нервничала, пожалуй, но многие люди не любят ходить к врачам. Она и пробыла-то у меня всего пару минут. Словно ей не терпелось уйти.

— Да, это на нее похоже, — соглашаюсь я, припомнив, с каким трудом уговорила ее сходить к врачу, когда она заболела бронхитом.

Я бегу к ней по коридору, обнимаю и подталкиваю в сторону Дэвида. Мама невесома, она будто парит в паре дюймов над полом.

— Доктор Карлайл пришел узнать, как у тебя дела. Очень мило с его стороны, правда?

Вдруг мамина рука — хрупкая и тонкая — превращается в связку мускулов. Ее глаза расширяются. Она реагирует. Шея, плечи

напрягаются, в походке появляется твердость, и мне кажется, она вот-вот заговорит: *«Здравствуйте, доктор. Спасибо, что пришли. Вы столько для меня сделали»*.

После чего мама, все еще облаченная в больничный халат с открытой спиной, разворачивается и энергично удаляется по коридору. Я и опомниться не успеваю, как она исчезает за поворотом. Следующие полчаса я мечусь по больнице, разыскивая ее.

Мама обнаруживается у палаты Грейс. Она стоит у окна, отделяющего девушку от остального мира, вычерчивает что-то пальцем по стеклу, затем безвольно роняет руку.

Грейс медленно поворачивает голову. И в ту минуту, когда я увожу маму прочь, ее ничего не выражающие глаза встречаются с мамиными и между ними будто проскакивает какая-то искра.

— Сейчас у нас нет времени, чтобы посидеть с ней, — шепчу я маме, вдруг осознав, что она и Грейс заперты в одинаковом молчаливом мире, хоть и находятся в противоположных концах жизни. Интересно, что они пытались друг другу сказать?

В машине я пристегиваю маму ремнем и направляюсь к Дэвиду, который беседует у крыльца с невропатологом мистером Рэдклиффом.

— Нам нужен точный результат. — Голос Дэвида тверд. — Мэри Маршалл...

— Дэвид, — перебиваю я, — мы уезжаем. Мама нашла в травматологическом отделении.

Он быстро поворачивается, улыбается, и мое сердце тает, как таяло когда-то от улыбки Марри.

— Ты говорил о маме? Результаты уже готовы?

Мистер Рэдклифф и Дэвид растерянно смотрят на меня, словно не решаясь объявить ужасную новость.

— Рентгенологу нужно просмотреть десятки снимков. Мы узнаем, что происходит в мозгу Мэри, через день или два. Я в этом деле не специалист, но мы с Энди давно знакомы, и он, без сомнения, сообщит мне, если появятся новости. Верно, Энди? — Дэвид, приподняв брови, смотрит на мистера Рэдклиффа, и на секунду повисает напряженная пауза. — Я верю, что результаты будут



самыми обнадеживающими.

— Посмотрим, — отвечает мистер Рэдклифф.

— Дэвид, ты позвонишь мне, если что-то узнаешь?

— Даю слово. — Он наклоняется, чтобы меня поцеловать, и пасмурный день наполняется солнечным светом.

## Мэри

Я слышала, что, умирая, человек летит по длинному туннелю, в конце которого сияет нестерпимо яркий свет. А мой туннель темный и шумный. Это самое страшное место, где мне приходилось бывать, не считая того, другого. Тут нет ни ангелов-хранителей, ни арф, ни труб. Только лязг и рев огромной металлической машины. Меня засунули внутрь. Всосали, будто в коктейльную соломинку.

Мне дали наушники с музыкой и сказали, что обследование длится чуть дольше получаса. Чтобы время бежало быстрее, я считала в такт музыке. Добралась только до сорока трех, когда меня перестали занимать цифры и жалкая мелодия, — возможно, мысли сбились с курса из-за сильных магнитных волн, пронзающих мое тело. Перед зажмуренными глазами вся жизнь пронеслась, словно на пленке. Говорят, так бывает после смерти. В молодости я была хорошенькой. О да, очень хорошенькой, и фигура прекрасная, и я это признавала. Я пользовалась успехом. А может, мне так казалось. Если бы вы взглянули на меня тогда, зная, в кого я превращусь, вы бы вряд ли поверили, что это один и тот же человек.

Взять хотя бы волосы. Они спускались ниже лопаток и привлекали не меньше внимания, чем фигура. Волосы укрывали мое лицо, стекали по плечам. Скромница пополам с блудницей. А одежда — она не столько скрывала мое тело, сколькоставляла напоказ — пурпурные, желтые и коричневые мини-платья с глубоким вырезом и сапоги до колена. Я была красавицей, это точно, и радовалась жизни, хотя мои мечты не сбылись. В восемнадцать лет я отчаянно хотела поступить в университет, стать зоологом, или морским биологом, или врачом, или адвокатом, или преподавателем какого-нибудь редкого языка.

Я была умна, даже слишком умна, но, хотя училась я отлично, студенткой так и не стала. Я подала документы в Кембридж, который находился в двух шагах от дома. Меня отвергли на первом же этапе, вычеркнули из списка. Я пыталась объяснить им, что они теряют, ведь это, должно быть, ошибка, потому что я лучше Руперта, Тарквина, Джереми и всех остальных, которым после окончания школы места в университете были обеспечены. Двери Кембриджа с

грохотом захлопнулись перед моим носом.

В середине шестидесятых в престижных университетах еще не практиковали систему квот для деревенских девочек-отличниц. Тыкве следовало оставаться тыквой. Возможно, они боялись, что я вломлюсь в это последнее прибежище аристократов в резиновых сапогах, благоухая навозом. Или забеременею.

И вот я со своими высшими баллами по математике, физике, биологии и английскому осталась без надежд на будущее. Я говорила на трех языках, с детства читала классику, штудировала с бабушкой древнегреческий и латынь, прекрасно танцевала. Потерпев неудачу в Кембридже, я подавала документы еще в дюжину других университетов. Меня никуда не приняли.

Отец предложил поступить на курсы секретарш. Мама намекнула, что на ферме ей требуется помощница, и, поскольку я умею водить трактор, в страду без меня не обойтись. Кроме того, сказала она, вскоре я наверняка познакомлюсь с хорошим парнем, у которого есть своя ферма, и он сведет меня с ума.

Я решила на время оставить мечты об университете и переехать в город. Если бы я продолжала жить дома, на ферме в Нортмире, затерявшейся меж каналов, на лоскутном одеяле зеленых, золотистых и коричневых полей, мне бы пришлось час ездить на автобусе до Кембриджа. Но я была твердо настроена найти работу, иначе в течение года неизбежно превратилась бы в чью-то жену. А у меня были другие планы: начать работать, подкопить денег, учиться, а через год снова подать документы в университет. Они не смогут вечно меня игнорировать.

Автобусы ходили в город редко, и, если мне повезет и я найду работу, дорога съест большую часть моей зарплаты. Кроме того, я не хотела оставаться дома. Жизнь в Нортмире меня не привлекала. В городе было очень весело — ведь на дворе стояли шестидесятые, — а я мечтала как следует повеселиться.

Я продолжаю считать... Пятьдесят пять, пятьдесят шесть, пятьдесят семь... Вдруг в наушниках раздается голос лаборанта:

— Миссис Маршалл, расслабьтесь. Вы услышите сильный шум, но скоро все закончится. Пожалуйста, не двигайтесь.

Мисс Маршалл, беззвучно поправляю я.

Свобода, независимость и развлечения плохо уживались с сожалением, гневом и завистью к студентам, что наводняли город, шагали по его улицам, прижимая к груди стопки книг. Ведь я не принадлежала к их числу. Иногда я тоже прогуливалась по городу, нагрузившись пачкой книг, демонстрируя миру, что я — из числа счастливиц, изучающих в Кембридже медицину или естественные науки. Я заходила в модное кафе и, жуя сэндвич, горбилась над книгой, меня было не отличить от студентов, собиравшихся там. Часто я бывала и в городской библиотеке, где отыскивала самые зубодробительные книги. Особенно полюбилась мне психология, и я читала все, что попадалось. Я ничем не отличалась от студентов и пару раз даже подумывала, а не проскользнуть ли на лекцию, хотя бы для того, чтобы проверить: заметят меня или нет?

Мне было восемнадцать, и я выглядела вполне естественно, бродя по колледжу Ньюнхэм, вслед за группой девушек заворачивая в студенческую столовую. Нет, меня интересовала не еда, а компания, мой аппетит подстегивала недоступность знаний. О да, меня терзал голод. Я алкала образования. Но двери передо мной были закрыты. Годы шли, я становилась старше, и мое притворство уже бросалось в глаза. Из подростка я превратилась в двадцатилетнюю девушку, шестидесятые перетекли в семидесятые, и никто больше не принимал меня за студентку. Со стопкой книг под мышкой, в очках с простыми стеклами я больше не казалась студенткой, скорее меня принимали за учительницу или секретаршу, а быть может, видели во мне ту, кем я и была с тех пор, как окончила школу. Официантку.

Внезапно в ушах раздается оглушительный грохот, точно где-то рядом стучит отбойник, шум такой сильный, что не спасают наушники, я ощущаю его всем телом. Это аппарат вгрызается в меня, пытаюсь разузнать, что со мной такое. Мне доступно, как ребенку, объяснили, что с помощью магнитного поля сфотографируют мое тело, дабы посмотреть, не заболела ли я и какая проблема у меня в мозгу. Они полагают, что раз я не разговариваю, значит, совсем отупела.

Им невдомек, что я прочитала десятки учебников и прекрасно знаю, что ядра атомов водорода в моем теле отклоняются под воздействием магнитного поля. Радиоволны рассеивают ядра больных клеток, и, когда поле отключается, ядра занимают прежнюю

позицию, испуская при этом сигналы. Затем эти сигналы регистрируют, анализируют и преобразовывают в снимки моего мозга.

Если бы меня спросили, я бы объяснила, что они не там ищут. Я бы все сказала, если бы могла говорить.

В начале семидесятых я снимала крошечную квартирку. В одиночку. Иногда мне было скучно, но я не хотела делить жилье с другими девушками. Я была замкнута, серьезна, целиком сосредоточена на том, чтобы пробиться в науку, но это вовсе не значит, что развлечения были мне не по душе. Очень быстро я обзавелась друзьями, а уж вечеринки в Кембридже устраивали чуть ли не ежедневно.

Студенты из Королевского колледжа и Корпус-Кристи обожали кафе «Делисио». Это было не первое место моей работы. Меня уже успели выставить из нескольких заведений — слишком уж много я мечтала, читала и записывала в блокнот. Но в «Делисио» мне очень нравилось, и я старалась изо всех сил, чтобы меня не уволили. К нам заглядывали не только студенты, в обеденный перерыв заходили бизнесмены и преподаватели. Я с удовольствием обслуживала этих людей, прислушиваясь к их разговорам.

— Вы готовы сделать заказ, сэр? Кстати, мне кажется, что в середине платоновской «Апологии Сократа» говорится о том, как осужденный противостоит суду. К сожалению, у него нет ни единого шанса.

Они заказывали спагетти и мясные тефтели, и я накладывала им огромные порции.

— Тебе что, негде жить? — спросил владелец кафе Эйб через неделю после моего появления.

— Есть, но здесь мне больше нравится, — ответила я, складывая полотенца.

Моя смена закончилась двадцать минут назад. Я улыбнулась Эйбу, дабы убедить, что я самая обычная девушка, а не какая-то чудачка со странностями и клиентов не распугаю. Сказала, что мне просто нравится здесь. Нравится быть среди образованных людей. Что мечтаю стать такой, как они, и мне кажется, что, если вертеться

поблизости, я нахватаясь хоть каких-то знаний.

— Ну, надеюсь, ты будешь чувствовать себя здесь как дома, — сказал Эйб.

С того дня он платил мне сверхурочные и щедро делился чаевыми.

Через три месяца я уже была старейшей работницей в кафе. Обычно Эйб нанимал студентов, которые попросту не выдерживали сумасшедшего темпа. Я же не только старалась изо всех сил, но предложила слегка модернизировать интерьер и даже уломала на авантюру, на новое меню, и вскоре была у Эйба на хорошем счету.

А еще через какое-то время я удостоилась титула менеджера. Это означало, что отныне на груди у меня будет красоваться бейджик с именем и посетители смогут называть меня Мэри. И один человек, с которым я обменяюсь парой остроумных фраз, принимая заказ на омлет с беконом, или вручая сдачу, или вытирая лужицу чая, быть может, запомнит меня.

Мэри Маршалл, девушка с длинными светлыми волосами из кафе «Делисио». Я точно помню, что он приходил к нам несколько раз. Молодое лицо, белые зубы. Один зуб рос слегка криво, и оттого улыбка казалась обаятельно плутовской. У него была чудесная кожа, а темно-русые волосы спадали на лицо длинными небрежными прядями.

Иногда он приходил один, но обычно вместе с компанией студентов, и от их сумок с книгами, раздутого самомнения и излишков знаний в кафе мигом становилось тесно. Я их всех обожала и всегда обслуживала сама.

Особенно его.

В первый раз он сунул пятидесятипенсовик в карман моего фартука.

— Отличный чай, — сказал он голосом, который мог соперничать с голосом любой кинозвезды. И со значением прищурился, словно это я была чаем.

— Спасибо, — наконец выдавила я. — Хотите еще? — Чайник задрожал в моих руках.

Он кивнул. Его друзья вскоре ушли, а он остался. Пил чай из

белой фарфоровой чашки, время от времени оглядывал кафе, наблюдал за тем, как я работаю. Я чувствовала его взгляд на своей спине, видела, как он смотрит на меня в большое зеркало в позолоченной раме. Он просидел почти два часа, и все это время пил чай, и каждый раз, когда я подливала ему еще, всовывал мне в руку монету. Я принесла еду, когда мне показалось, что он проголодался, и вытерла стол, чтобы он мог разложить учебники.

— «Анатомия» Грэя?

— Да, я учусь на первом курсе медицинского факультета, — ответил он. И его стремительная улыбка осветила мою жизнь. Стоило ему протянуть руку, и я почувствовала, что принадлежу другому миру, куда он меня приглашал. Его миру. — Меня зовут Дэвид. Приятно познакомиться с тобой и твоим чайником.

Дело было в 1976 году, и я с самого начала поняла, что лето будет длинным и жарким.

— Миссис Маршалл, мы закончили. Сейчас вынем вас из машины. Расслабьтесь. Все прошло прекрасно. — Невидимый человек по-прежнему разговаривает со мной как с несмышленьшем.

У меня кружится голова, а медсестра, которая присматривала за мной, ушла на перерыв. Никто не замечает, что мне нужно в туалет, никто не помогает мне слезть с кушетки.

Выхожу из комнаты с прибором и обнаруживаю, что в кабинете никого нет. Они взяли то, что хотели, и забыли про меня, словно о пустой шелухе, из которой гигантский магнит высосал жизнь. Если бы все было так просто.

Я стою в коридоре и вдруг вижу перед собой Джулию. Всплеск цвета в белом туннеле. Но рядом с ней мрачная темная тень. Я тычусь в одну сторону, в другую. Выхода нет, но за долгие годы я успела к этому привыкнуть.

— Доктор Карлайл пришел узнать, как ты себя чувствуешь. Очень мило с его стороны, правда? — Джулия берет меня за руку и тащит туда, куда я не хочу идти.

Я снова молодая женщина, и, не успев понять, что происходит, я шагаю по коридору прочь, как мне следовало сделать тридцать лет назад.

## Джулия

Чистый и аккуратный домик Надин и Эда Хэллит стоит на окраине Кембриджа. Им все тут нравится. И правильный полумесяц улицы, и березы, высаженные вдоль тротуара через идеально равные промежутки. Им нравится молочник с тележкой, и магазинчик на углу, и мальчик, разносящий газеты. Надин как-то сказала, что этот район напоминает ей биение пульса здорового пациента. Идеальная жизнь, к которой они с Эдом стремились. Они ее получили, если не считать зияющую дыру размером с планету. Алекс и Флора пытаются заполнить эту пустоту. Поэтому я не допущу, чтобы мой разрыв с Марри разлучил детей с любимыми дядей и тетей. Для Эда и Надин станет ударом, если прекратятся регулярные визиты детей. Хотя, возможно, после того как Флора украсила свежие обои жирной карандашной линией, Надин огорчится уже не так сильно.

— Ох, Флора! — воскликнула Надин, обнаружив пунктир от телефонного столика в прихожей до столовой, потом в кухню и обратно в коридор. Очень разумный маршрут. Флора печется о своей безопасности. Она не отправится в опасное путешествие, не оставив знака, который поможет ей найти путь домой.

— Что она наделала? — спрашиваю я, выходя из гостиной.

Надин трет стену мокрой тряпкой.

— Ты только посмотри!

— О господи, — качаю головой я, поражаясь удивительной прямизне линии.

— Вот глупая девчонка, — скрывая улыбку, ворчит Надин, когда в холле появляется Флора с чудищем, сооруженным из конструктора.

— Надин, — я трогаю ее за плечо, — сделай вот так. — И принимаюсь порхать руками, показывая, как нужно ругаться на мою дочь.

— Прости. Все это такая ерунда. — Может, Надин поняла, что глухота Флоры намного трагичнее, чем след карандаша на обоях? — Вчера мы получили результаты анализов. Поэтому я немного расстроена.



Я обнимаю Надин. Похоже, наступила окончательная ясность: у них с Эдом никогда не будет детей.

Надин была моей первой подругой. Будучи младшей сестрой Марри, она частенько получала тумаки и росла, играя в футбол, катаясь на велосипеде и изводя брата. Мы с ней были на пять лет младше Марри и развлекались, спуская шины его велосипеда, пряча ключи от дома, чтобы ему досадить, и размазывая зубную пасту по его пижаме. Все это было весело и очень по-детски: коллаж восхитительных воспоминаний о том, как мы водились с большими мальчишками.

В общем, Надин выросла крепкой и храброй. Она обзавелась прочным панцирем, оказавшимся очень кстати, ибо во взрослой жизни испытания посыпались на нее дождем.

— Даже не знаю, что сказать. Мне очень жаль, родная.

Надин отодвигает чай, который я для нее приготовила.

— Мало сахара? — спрашиваю я.

— Нет, слишком много.

Надин наблюдает, как Флора возится с «Лего». Самые ходовые детали конфискует у нее Алекс. Протестуя, Флора начинает отчаянно жестикулировать, но Алекс отворачивается, притворяясь, будто не видит.

— Как там Мэри? — спрашивает Надин.

— Не очень. Завтра поедем узнавать результаты МРТ. Сейчас с ней подруга из деревни. Но нельзя рассчитывать, что люди будут вечно мне помогать. — Хотела бы я знать, вернется ли когда-нибудь жизнь в нормальное русло? — Хорошо, что Бренна и Грэдин начали ходить в школу. Иначе не знаю, как бы я справилась.

Я смотрю на часы. Повидать Надин мы заехали после школы. Скоро автобус доставит в Нортмир Бренну с Грэдином. Кроме того, я знаю, что рано или поздно Надин обязательно заведет речь о Марри. Она упорно пытается склеить осколки нашего брака.

— Джулия, ты совсем вымоталась. — Склонив голову, Надин сочувственно смотрит на меня. Она права.

Алекс нехотя делится с Флорой детальками конструктора.

— После того, что случилось с твоей ученицей и матерью, — продолжает Надин, — тебе необходим отдых. А на тебе еще и парочка непутевых подростков. Вряд ли это то, что доктор прописал.

— Все не так просто. Надин, если ты хочешь поговорить о результатах теста, я умею слушать.

— Не уваливай.

— Это я уваливаю? Ведь это ты...

— А как поживает мой старший братец?

В улыбке Надин заметно напряжение. Я бросила ее брата, а может, даже собираюсь сразаться с ним в суде за детей, дом, деньги, — и Надин желает услышать ответ. Мы любим друг друга, как любят настоящие подруги. Мы знакомы всю жизнь, и происходящее нелегко и для нее.

— Я рассказывала тебе о Дэвиде?

Напрасно я упомянула о нем. Но Надин — моя подруга. Она знает, через что я прошла из-за Марри, — она каждый день видит подобных ему людей, их пагубные привычки и составляют суть ее работы. Конечно, Надин все понимает. Я снова смотрю на детей. Маяки света. Они придают мне сил.

— Дэвид, — задумчиво отвечает Надин. — Нет, вряд ли.

Я дважды вскользь упоминала его имя. Надин подбирает под себя ноги в теплых носках и после секундного размышления достает из коробки конфету. Потом передает коробку мне, и я выбираю клубнику со сливками.

— Он врач. Недавно мы ужинали вместе. В четверг я иду к нему в гости. Он обещал что-нибудь приготовить. — Я говорю с набитым ртом, стараясь, чтобы мои слова не звучали слишком серьезно. Не вынесу, если мы с Надин поссоримся.

— Ты с ним спала? — Надин медленно посасывает конфету, разглядывая меня сквозь пряди распущенных волос.

— Надин! — возмущенно вскрикиваю я, дернувшись от боли, пронзившей зуб. — Он очень милый, но нет, мы не спали. Мне кажется, один-единственный ужин все-таки не предполагает такое. Кстати, он мамин лечащий врач.

— А... — Надин понимающе кивает.

Не знаю, лучше или хуже стало от моего признания.

— Он старше меня. — Пусть знает, что я думала об этом.

— На сколько?

— Намного, но он в отличной форме.

— *Джулия*, — предупреждающе произносит Надин.

— Мы только начали встречаться. (Надин по каплям выдаст Марри то, что сочтет нужным.) На Рождество мама заболела, и я позвонила в неотложку. В тот вечер дежурил Дэвид. А потом он чуть ли не каждый день заходил, чтобы ее проведать. С этого все и началось. Он был так добр ко мне, Надин. Очень порядочный человек. — Зря я это сказала. Как будто намекнула на то, что Марри никогда не был порядочным человеком.

— Врач тебе подойдет, — довольно кисло шутит она. — Ведь все мы чертовски милые люди. — Надин потягивается. Сегодня у нее выходной, и, похоже, отдых ей не помешает.

Мне совсем не хочется, чтобы Надин думала, будто это мимолетное увлечение, а я кокетка, безжалостно разбившая сердце ее брата.

— Скажи, у тебя бывало так, что ты чувствовала глубокую эмоциональную связь с человеком и тебе казалось, что ты всю жизнь его знала?

— Черт побери, Джулс. Быстро же у тебя все меняется. — Надин сует в рот еще одну конфету. — Господи, он так прекрасен, а ты еще не спала с ним?

Ее улыбку веселой не назовешь. А чего я ждала? Ведь они брат и сестра.

В кухню врывается порыв ледяного воздуха. Это вернулся Эд. По словам Надин, он не появлялся дома больше суток. Она спрыгивает с потертого диванчика и спешит навстречу мужу. Глядя на подругу, обнимающую Эда, я вижу Марри — длинная шея, тяжеловатая нижняя челюсть, чуточку кривоватый нос. Принимаюсь собирать разбросанный «Лего» и показываю Флоре: *Нам пора*.

Эда я знаю годы и годы, но сейчас он у меня связан

исключительно с Грейс. Я так и не собралась навестить ее семью, послать цветы или сделать хоть что-то, дабы забыть о шоке, который испытала, когда ее нашла. Я словно причастна к преступлению, и мне кажется, что родные девушки не захотят меня видеть, ведь я для них — напоминание о пережитом ужасе.

— Привет, Эд, — спокойно говорю я, когда Надин наконец отлепляется от него. Мое сердце пронзает зависть. Когда-то и мы с Марри вот так же приветствовали друг друга. Встретившись вечером, никак не могли оторваться друг от друга. — Выглядишь уставшим. — Это правда. Лицо Эда осунулось, заросло щетиной.

— Так и есть, — признает он, морщась, когда Надин принимается массировать ему плечи. На рубашке темнеет пятно от соуса.

— Алекс, нам пора. Помоги Флоре собрать игрушки.

Сын бросает в ведро раскиданные по ковру цветные кубики. Он бы предпочел послушать Эда, но я боюсь, что эти истории не для ушей одиннадцатилетнего ребенка.

— Вы скоро поймаете того человека? — Алекс не удержался от вопроса, который не посмела задать я. Дядя Эд расследует случай Грейс Коватты, и поэтому в глазах Алекса он — самый крутой парень на свете. — Вы уже кого-нибудь арестовали?

Эд падает на диван. Надин наливает ему виски. Я смотрю на нее. Потом на стакан. И опять перевожу глаза на Эда.

— Мы работаем над этим, приятель. — Эд покачивает виски в стакане. — Криминалисты собирают улики и пытаются составить общую картину. Погодные условия, правда, не самые подходящие.

— Потому что шел снег и дул ветер? — Алекс с грохотом швыряет конструктор в ведро, не сводя с дяди широко раскрытых глаз. — А можно мне тоже пойти на тот луг и поискать, вдруг я найду что-то?

Эд наклоняется, хватая племянника за руку и тянет к себе на диван. Начавшись как регбийная схватка, возня, как обычно, заканчивается щекотанием. Но вот они успокаиваются, и Эд выглядит уже намного лучше.

— Вот что я тебе скажу, дружок, — говорит он, порозовев то ли от виски, то ли от смеха. — Я выберу день и отвезу тебя в участок

после школы, чтобы ты пообщался с нашими ребятами. Хочешь?

— Да, пожалуйста! Круто!

— Алекс, а может, тебе лучше поискать пальто Флоры и книги, которые она разбросала? — предлагаю я.

Без пререканий он отправляется выполнять просьбу.

— Эд, я не хочу, чтобы в это вмешивали мою семью.

— Джулия, скажу честно, ты уже замешана, хочешь ты того или нет. Ты ее нашла. Ты ее учительница.

Эд встает. Я снова чувствую себя виноватой, как будто, если бы не я, ничего бы не произошло.

— В городе черт знает что творится. На нас давят, требуя арестовать кого-нибудь. Телефоны просто раскались, люди боятся за своих детей. — Он подходит к окну. — Я тоже боюсь.

Даже если бы я не знала о фургонах телевизионщиков, припаркованных рядом с полицейским участком, о газетных заголовках и выпусках новостей, о тревоге, охватившей город, я бы поняла это по его напряженному профилю. Люди ждут сообщения, что полиция вышла на след преступника. Но пока напрасно.

— Грейс уже дала показания? Она описала преступника?

Эд вздыхает:

— Она до сих пор не пришла в себя. Ее несколько раз сильно ударили по голове. — Он оглядывается на дверь, проверяя, где Алекс.

— А ее не... — Я не решаюсь закончить.

— Мы ждем результатов. Врачи утверждают, что внешних признаков сексуального насилия нет. Но точно мы узнаем, только когда она заговорит. Сейчас врачей в первую очередь беспокоят травмы головы. Поэтому допрашивать ее пока не разрешают.

— Как ты думаешь, кто это сделал?

Меня чуть трясет. Я вспоминаю Грейс на больничной кровати, собственное отчаяние от беспомощности. Эд смотрит в сторону, он и так сказал слишком много.

— Джулия, позволь мне заниматься своей работой. Если появятся новости, ты обязательно их услышишь.

— Надеюсь, что это произойдет скоро, — говорю я. — Ради нее и ее родителей.

Флора вскарабкивается ко мне на колени в самый неподходящий момент. Надин замечает, что у меня дрожат руки.

— Джулия, с тобой все в порядке? — Она опускается передо мной на корточки. Наши разногласия из-за Марри сейчас забыты.

— Нет, — усмехаюсь я и прячу лицо в волосах Флоры.

Возвращается Алекс. Он собрал все, что я его просила.

— Джулия, если тебе нужна помощь, ты всегда можешь рассчитывать на меня, — мягко говорит Надин. Она явно считает, что без профессионального психолога мне не обойтись. — В твоей жизни столько всего произошло, что поддержка тебе просто необходима.

И я вдруг чувствую себя последней неудачницей, хотя Надин ничего такого и не сказала. Все, к чему я прикасаюсь, разваливается, рассыпается.

— Мне не нужна поддержка. — Сумеет ли семья Грейс когда-нибудь забыть о случившемся? — Просто я хочу, чтобы Эд нашел того, кто это сделал.

— Мама, ты говоришь о Грейс? — Алекс тут как тут. Я жестом прошу его помолчать.

— Надеюсь, он больше ни на кого не нападет.

Эд неловко трогает меня за плечо:

— Послушай, я сутки не спал, а вечером назад в участок. Если появятся новости, я дам тебе знать. — Он снимает пиджак. В последнее время он набрал вес, и рубашка туго обтягивает живот. — Езжай домой и присматривай за Мэри. Она в тебе нуждается. И хорошенько запри дверь. — Эд целует меня в щеку и уходит наверх.

Последнюю фразу он произнес очень серьезно.

— Надин, — говорю я, подхватывая Флору на бедро. Она уже слишком большая, чтобы носить ее на руках, но я не могу отказать себе в этом удовольствии. — Береги себя, хорошо?

Мы смотрим друг другу в глаза.

— А ты отправляйся на свидание со своим доктором Дэвидом и

наешься им до отвала. Главное, чтобы ты была сыта и довольна. — Надин улыбается, но я-то знаю, чего стоит ей эта улыбка. Может, она думает, что чем быстрее я пересплю с Дэвидом, тем вернее снова окажусь в объятиях ее брата? Уж не надеюсь ли я сама на такое?

— Ладно, — обещаю я.

Надин машет нам вслед, губы ее беззвучно шевелятся: «Будь осторожна».

## Марри

«Алькатрас» тонет. Сломался насос, который выкачивал воду, а корпус прогнил сильнее, чем я полагал. Чтобы вода поглотила мое жилище, достаточно дырки от гвоздя. Каждое утро я трачу полчаса на то, чтобы выкачать собравшуюся воду, но сегодня насос сдох, испустив напоследок жалобное шипение.

Страшно хочется выпить, но вместо этого я влезаю в пальто и топаю в мастерскую, чтобы найти, кто починит «Алькатрас». Жаль, что заодно нельзя починить мою жизнь.

— Оставьте мне ключи, — говорит хозяин мастерской, согласившись осмотреть катер вечером. — Насос-то я вам починю, — он уже бывал на моем судне и знает, что к чему, — но насчет остального не уверен.

Обрадовавшись, что по крайней мере ночевать под водой не придется, я поворачиваю к ферме. Решение импульсивное, вдруг страшно захотелось повидать детей, да и Мэри проведать надо бы. Но главное, я хочу увидеть Джулию, узнать, как она себя чувствует, получить дозу общения с женой — даже если для этого придется, скрываясь в темноте, шпионить за ней через окно. Да и вообще, расскажу ей, что меня еще не уволили и я по-прежнему могу именовать себя юристом. И доброго отношения заслуживают не только ушлые эскулапы, разъезжающие на «рендроверах».

Через луг бреду в тусклом морозном свете, прохожу мимо места, где нашли Грейс Коватту, сворачиваю на дорогу к Нортмиру и с разочарованием обнаруживаю, что машины Джулии нет на месте.

Во дворе Мило лениво огрызается на одинокую курицу, которая разгуливает вокруг него. Я направляюсь к задней двери, и пес, глядя мне вслед, добродушно машет хвостом.

Вхожу, открыв дверь запасным ключом, который, как обычно, лежит под горшком с деревцем. В кухне все именно так, как я ожидал увидеть. Стопка тарелок рядом с глубокой раковиной, огонь еле теплится, и коты спят, сплетясь в кресле в одного мохнатого зверя.

— Джулия! — зову я, хотя знаю, что ее нет. Но выкрикнуть ее имя — ритуал, приносящий успокоение. «Дорогая, я дома!» — вот



что это означает.

Мысленно я слышу, как она откликается. Она откликалась долгие годы, которые остались теперь лишь в воспоминаниях — картинки пикников, дней рождения, ночных бдений с малышами, первых школьных дней, разбитых коленок, грязного белья, вечеров у камина с бутылкой вина... все они здесь, в коробках, ожидают, когда их распакуют.

— Мэри! — кричу я.

Вот было бы здорово, если б она ответила. Ведь тогда бы получилось, что это я заставил ее снова заговорить. Джулия с ума бы сошла от благодарности. Но Мэри тоже нет.

И тут я понимаю, что за мной следят. Из-за чуть приоткрытой двери блестят две пары глаз. Приемьши Мэри.

— Привет, — с улыбкой говорю я. — Чем вы здесь занимаетесь?

Некоторые дети, которых привечает Мэри, очень застенчивы и не желают общаться. Только не эти двое. После того как я их заметил, они без раздумий выходят из комнаты.

— Что вы делаете в нашем доме? — спрашивает девочка, шагнув вперед.

Да, Мэри неплохо поработала, раз девчушка уже называет Нортмир своим домом. Она выглядит лет на семнадцать, но, если не обращать внимания на макияж и бравладу, ясно, что она намного младше. Глаза сверкают, губы подрагивают, тонкая шея напряжена, а на лице неприкрытая дерзость. Девчушке явно не привыкать к неприятностям. Должно быть, жизнь у нее была не сахар.

— Ну, ищущую свою жену.

Два последних слова повисают в воздухе напоминанием, что недолго мне осталось их произносить. Однако формально мы с Джулией еще женаты.

— Если вы имеете в виду Джулию, то она уехала на машине, — продолжает девочка, подходя ближе. Она тянет мальчика за рукав. Он старше и гораздо крупнее, но кто из них главный, сомнений не остается.

— Кто он такой, Крошка? — наконец спрашивает пацан, моргнув. У мальчишки слегка дергается щека.

— Да, кто вы такой? — недовольно повторяет вопрос девочка. — Вы не имеете права вламываться в дом.

— Я уже сказал, что ищу свою жену Джулию. Она присматривает за вами, пока Мэри болеет...

— Мы знаем, кто такая Джулия. — Девочка фыркает. — А ведь я могу вызвать полицию.

Держится она по-прежнему настороженно. Брат для нее — одновременно и щит и оружие. Похоже, это у них обычная тактика.

— Меня зовут Марри, — говорю я, сгоняя котов с кресла и усаживаясь на нагретое место. — А вас?

Джулия, конечно, сообщила мне их имена, но официально нас никто не знакомил. В ожидании ответа беру вчерашнюю местную газету, лежащую на столе. Мэри запросто могла онеметь из-за этой парочки. Очевидно, что справиться с ними не так-то просто. Правда, у Мэри огромный опыт, так что это вряд ли. За прошедшие годы ей приходилось сталкиваться и с орешками покрепче. Для меня Мэри всегда была сделана из железа. Так что же с ней стряслось?

— Меня зовут Грэдин, а ее Крошка, — отвечает мальчик.

— Бренна, — поправляет девочка и шлепает Грэдина по голове. — Не называй меня так, ясно?

Я улыбаюсь и листаю газету, просматриваю колонки, притворяясь, что не замечаю, как они пререкаются. Одна из заметок привлекает мое внимание, и я почти не слышу, как дети спорят, открыв холодильник.

## ДЕВОЧКА-ПОДРОСТОК ПОСЛЕ ЖЕСТОКОГО НАПАДЕНИЯ ВПАЛА В КОМУ

Просматриваю короткую статью. Ниже маленький снимок Грейс Коватты в школьной форме.

Состояние школьницы Грейс Коватты, жестоко избитой двенадцать дней назад, остается критическим. Она по-прежнему в больнице, потому что до сих пор не может ни ходить, ни говорить. Врачи с помощью лекарств ввели ее в кому для того, чтобы «перезагрузить» травмированный мозг. Некоторые эксперты считают такой способ лечения

спорным.

«Внутричерепное давление способно привести к новым повреждениям, мозгу требуется отдых и время на исцеление. Мы были вынуждены действовать, поскольку жизнь пациентки находилась под угрозой», — заявил пресс-секретарь больницы. Какие-либо еще комментарии о состоянии девушки он дать отказался.

Инспектор полиции Эд Хэллит сделал короткое заявление: «Команда экспертов работает круглосуточно. Я уверен, что вскоре мы произведем арест».

Грейс Коватта — ученица школы Дэнби, отличница по истории и музыке. Ранним утром 27 декабря ее обнаружила Джулия Маршалл, школьная учительница.

Я разглядываю потолок, пытаюсь представить, что чувствуют родители девочки. Нет, не могу. Им пришлось подписать документы, разрешить врачам ввести дочь в сон, от которого она может никогда не очнуться. Я думаю о сотнях ночей, когда я любовался мирно посапывающими Алексом и Флорой.

Теперь меня рядом с ними нет.

За окном сгущаются сумерки, и на меня внезапно накатывает тревога за мою семью. Ублюдок все еще бродит где-то поблизости.

— Когда вернется Джулия? — спрашиваю я Бренну, вставая и подходя ближе. — И куда они все уехали?!

Она брезгливо морщится, хотя сегодня я ни капли в рот не брал.

— Не знаю. Вроде уехали в больницу к врачу или что-то типа того. С ними еще был тот мужчина.

Бренна набивает рот сыром. Моя вспышка ее не особенно взволновала.

— Какой мужчина?

Но и так ясно, о ком она. Итак, Дэвид сейчас с Джулией и детьми. По идее, мне должно стать спокойнее, что они под присмотром и в безопасности, но ничего подобного я вовсе не чувствую. Они должны быть под моим присмотром.

Между нами все изменилось, когда Джулии исполнилось семнадцать. Я стоял на станции, наблюдая, как со скрежетом тормозит ее поезд. Лил дождь, и в воздухе висел запах мокрой земли. Перекинув пальто через локоть, Джулия спрыгнула на платформу. Свежая, разругавшаяся, она вертела головой, отыскивая меня. Несколько бусинок воды на ее шее медленно сползли за воротник. Она подняла сумку и тут же заулыбалась, увидев наконец меня.

— Привет, — сказала она застенчиво. После чего бросила сумку и рванулась ко мне.

Дождь заливал лицо, но она лишь зажмурилась, позволив поцеловать ее. И только потом, вспомнив про пальто, накинула его на плечи. Пальто было нежного персикового оттенка, совсем как ее щеки. Никогда еще мне не хотелось так сильно.

— Пошли, — резко сказал я, закидывая сумку на плечо.

Чувство это было непривычным для нас обоих, хотя, сколько мы себя помнили, нас всегда связывало нечто невысказанное. И оно воплотилось в слова в наш последний телефонный разговор, слова эти вязли в телефонных проводах, натыкались друг на друга. Это был конец жизни, в которой я всегда знал Джулию, и начало той, в которой я ее хотел.

На самом деле телефонная беседа в основном свелась к молчанию. Мы знали друг друга семнадцать лет, и эти семнадцать лет я был для нее старшим братом, и теперь в наши отношения проникло что-то тайное, непозволительное и в то же время неодолимое. Внезапно Джулия перестала быть для меня сестрой и стала подругой, возлюбленной, будущей женой. В конце концов, мы не приходились родней друг другу. И не было никаких помех для нашего чувства.

А когда слова иссякли, мы поняли, что должны увидеться.

Сказать, что мы жаждали этого, — значит ничего не сказать. И вот мы шли по платформе вокзала Кингс-Кросс, думая о будущем и мысленно продолжая телефонный разговор. Но на этот раз мы путались не только в словах.

Рука моя обнимала ее за талию, как не раз в прошлом. Но в тот день все было иначе. Мы оба знали, что идем в крошечную конуру, которую я снимал с тремя приятелями, и там я отнесу ее сумку к себе в комнату, откину простыни на кровати, мы застенчиво разденем друг друга и безмолвно, не проронив ни слова, ни звука — ничего, —

только выпустив на волю то, что объединяло нас долгие годы, и молясь о том, чтобы соседи ничего не услышали, будем заниматься любовью. Наше чувство, пусть и похожее на взрыв, должно быть беззвучным.

Потом мы пошли в кино и ели мороженое. Мы держались за руки. Отныне все изменилось. Миновали те дни, когда я провожал ее до остановки школьного автобуса или волок за руку в Нортмир, если она поранила коленку. Теперь мы держались за руки и наши пальцы были сплетены, как и биение сердец. Все было взаправду. Серьезно. Мы оба стали взрослыми, или, во всяком случае, нам так казалось.

В воскресенье вечером Джулия вернулась в Уизерли. Я легко поцеловал ее в губы, которые не дрогнули до тех пор, пока машинист не засвистел, — этот поцелуй запечатал нашу любовь до следующего раза. Я помахал ей на прощанье, провожая к матери и бабушке с дедушкой, которым не терпелось услышать о захватывающей поездке в Лондон.

Она не рассказала им о том, что не видела никаких достопримечательностей и единственное, что ей запомнилось, — обстановка спальни, пот на моей спине и кинотеатр, заполненный парочками, с упоением следящими за изгибами французской любовной истории. Джулия продолжала учиться, но с того дня мы оба знали, что всегда будем вместе.

Она забеременела следующим летом, и мы поженились, когда Алекс был всего лишь едва заметной округлостью на ее гладком животе. А потом он родился, хотя мы сами были еще детьми.

Я решил приготовить Бренне и Грэдину ужин — или, точнее, настоять на том, чтобы они приготовили его под моим строгим наблюдением. Так они не будут заниматься глупостями и время пролетит быстрее, пока Джулия не вернется из больницы или куда она там уехала с детьми и доктором Добряком. Иначе я напьюсь.

Когда фары пробивают окно широким лучом и мое сердце на секунду замирает, Грэдин погружает руки в миску с тестом. Я заставил его вычистить ногти, под которыми скопилась ржавая грязь, и теперь он перемешивает муку и масло для лепешек, на которые мы потом выложим мясо с почками, жарящееся под присмотром Бренны.

— Вкусно пахнет. — Дверь открывается, но вместе с холодным

ветром в помещение врывается вовсе не голос Джулии.

Дэвид Карлайл вдыхает запах нашей стряпни с таким видом, словно вернулся домой к ужину. Мы обмениваемся долгими взглядами, и я отвожу глаза, лишь когда в эту тугую петлю проходит Джулия. Изможденная, бледная, хрупкая. Красивая.

— Отлично, — говорю я Грэдину, который ожесточенно молотит тесто деревянной скалкой. Я жду, когда голос Джулии разорвет напряжение и она спросит, какого черта я здесь делаю. — Но лучше вот так. — Показываю, как нажимать и раскатывать, но стоит передать скалку, как он начинает молотить по куску теста с таким остервенением, будто пытается прибить крысу. Я приказываю перестать, но мальчишка не слушает. Он стучит и стучит, пока стол не начинает шататься. Пока Джулия твердым голосом не велит прекратить.

— Марри, что происходит?

Она смотрит на меня так, будто я повинен во вспышке Грэдина. Станный мальчик. Мэри, шаркая ногами, проходит рядом с ним и садится у плиты. Джулия устало качает головой.

— Зачем ты пришел? — обвиняюще и тускло спрашивает она.

— Повидать... — проглатываю готовое сорваться с языка слово и объясняю: — Я пришел к детям. Узнать, не хотят ли они прогуляться?

Джулия смотрит в окно и снова качает головой. Брови ее недоверчиво приподнимаются.

— Марри, на улице темно. Да и Флора простыла.

Я перевожу взгляд на дочку, калачиком свернувшуюся на коленях у бабушки. Они обе молчат и выглядят по-своему довольными. Мне противно объясняться в присутствии доктора Добряка.

— Ну, я пришел сюда, увидел, что ребята одни, что им скучно, и предложил им приготовить еду. Вот и все.

Мы с Джулией стоим совсем рядом, и я говорю вполголоса, не хочу, чтобы этот Карлайл слышал нашу свару. Джулия разглядывает царящий в кухне беспорядок — возможно, в поисках спрятанного стакана с вином.

— Но раз ты вернулась, я ухожу.

Черчу в воздухе несколько слов для Флоры и милостиво соглашаюсь на предложение Алекса сыграть на его приставке. В результате он оказывается на шесть уровней ниже.

— Ну спасибо, папа! — стонет он и выхватывает у меня игрушку.

— Как Мэри себя чувствует? — спрашиваю я, натягивая пальто. — Есть новости?

Судя по всему, Мэри еще меньше прежнего интересуется происходящим вокруг.

Джулия опускается на деревянный стул, и Дэвид подходит к ней. Она прижимается головой к его ладони.

— Новости тревожные, — объявляет Дэвид. Он стоит возле моей жены, у нее за спиной, руки его переместились на ее плечи, словно это она больна. — МРТ показала, что у Мэри васкулярная деменция. — Пояснений никаких не следует, и я вынужден спросить, что это значит. — Обследование выявило закупорку сосудов. Что, в свою очередь, повлекло нарушение мозгового кровообращения. Кроме того, в белом веществе мозга обнаружены нарушения. На одном из участков разорваны аксоны — грубо говоря, провода, соединяющие нервные окончания. — Он наклоняется и целует Джулию в макушку. — Это объясняет немоту Мэри и ее внезапную беспомощность.

— Деменция? — медленно повторяю я. Как ловко он все объяснил. Удобный диагноз, который не оставляет места для вопросов. — Ты же не веришь в это, Джулия? Она слишком молода для слабоумия. — Я смотрю на тещу. — До того как она перестала разговаривать, у нее не было никаких симптомов. Верно, Джулс? — Я сажусь напротив нее, так и не застегнув пальто. Мы оба знаем, что Мэри самый замечательный человек на свете. Господи, да она сама меня воспитала! — Неужели болезнь могла возникнуть вдруг и ниоткуда? — Я сам не знаю, к кому обращаюсь.

— Если честно, симптомы были. — Джулия поднимает опухшие глаза с темными кругами. — Наверное, я просто не хотела их видеть.

Я понимаю, о чем она говорит. Мэри всегда была тем крепким стержнем, на котором держалась семья Маршаллов. И теперь ее

место должна занять Джулия. Вряд ли она к этому готова.

— И что теперь? — обращаюсь я к Дэвиду.

Он тяжело вздыхает.

— Я хочу положить Мэри в больницу.

Джулия резко поднимает голову. Для нее это тоже новость.

— В больницу? — Она встает и подходит к Мэри, точно желая оградить мать от посягательств.

— Это необходимо, чтобы продолжить анализы. Мэри не может жить в таком состоянии. Ее должны обследовать специалисты. Нужно выработать стратегию лечения. (Джулия не видит, как у него дергается кадык.) Следующие несколько недель ей придется без конца ездить на анализы в больницу в Кембридже. Это неразумно и очень утомительно. — Он делает паузу. — Кроме того, такому человеку, как Мэри, необходимо...

Каждое слово взвешено, предельно точно и безжалостно в своей лаконичности.

И что значит *такому человеку, как Мэри*?

Я уже собираюсь заявить, что не согласен, но тут подает голос Джулия, похоже, смирившаяся с судьбой.

— Но куда еще она может ездить, кроме Кембриджа?

Я знаю, что в эти секунды она лихорадочно обдумывает, как будет изворачиваться с детьми, работой, чтобы возить Мэри в больницу, как будет делать вид, что жизнь продолжается, что все идет своим чередом, хотя все давно уже несется в пропасть. Но у нее есть надежда — Дэвид, он облегчит ее ношу: заберет мать, вылечит ее и вернет домой.

Он снова по-хозяйски кладет ей руки на плечи. Я едва удерживаюсь, чтобы не смахнуть их.

— Есть одно место, которое идеально подходит твоей матери. Там специализируются на... — Доктор Добряк замолкает, подбирая подходящие слова. Я вижу, он не хочет огорчать Джулию. — На подобных болезнях. И совсем недалеко отсюда, в деревенской местности. Тамошние медики прекрасно о ней позаботятся. Эта больница станет ей вторым домом.



— Домом? — спохватывается Джулия и выворачивается из-под ладоней Дэвида. — Ты говоришь о доме престарелых?

— Вовсе нет, — расцветает в нелепой улыбке Дэвид. — Это больница для пациентов с симптомами, как у Мэри. Печально, но болезни мозга могут начаться в любом возрасте, и там много разных пациентов — и молодых, и старых. А лечение... — он снова медлит, соизмеряя каждое слово с малейшими сокращениями мускулов на лице Джулии, — лечение, которое они предлагают, — лучше, чем ничего. Твоя мать получит первоклассный уход.

Я вижу, как Джулию буквально разрывает на части. Догадка посещает нас одновременно.

— Это частная клиника, верно? — В ее голосе не слышно и намека на надежду.

У Мэри нет частной медицинской страховки, а Джулия на учительскую зарплату не способна содержать ее в частной клинике.

— Да, Джулия, и я понимаю, что ты хочешь сказать...

Джулия перебивает его, издав невнятный звук, и застывает с приоткрытым ртом. Протест повисает в воздухе. Она понимает, что матери придется встать в очередь на койку в государственном медицинском учреждении. Мы оба думаем об одном и том же.

— Я уже позаботился об этом, — говорит Дэвид, а потом, словно меня нет рядом, целует Джулию в щеку. И затем ласково проводит по ее лицу тыльной стороной ладони, словно только что сказал ей тысячу слов, которые никогда не смогу сказать я.

Вернувшись на «Алькатрас», я обнаруживаю, что насос снова работает. Хозяин мастерской вручает мне ключи и советует поднять лодку из воды, чтобы как следует отремонтировать корпус. А еще предлагает обзавестись ведром побольше. На случай, если насос опять сдохнет.

Я растапливаю печку и набираю в чайник воду. Лезу в машинное отделение за гаечным ключом и натыкаюсь на бутылку виски, спрятавшуюся в самом сердце лодки.

Сделав несколько глотков прямо из бутылки, устраиваюсь на корме и, прищурившись, смотрю на спокойную реку. Сколько бы я

ни выпил, я не смогу забыть выражение глаз Джулии, когда доктор Добряк показал, кто в доме хозяин. Больше я ничем не могу себе помочь.

## Джулия

Сегодня вечером я постараюсь забыть о тоске, которая накрывает меня, как только просыпаюсь, и не отстает до тех пор, пока я не проваливаюсь в короткий сон. Возможно, это эгоистично, но я оставила проблемы позади и несколько часов буду притворяться, что я — Джулия Маршалл, привлекательная женщина, которой не о чем беспокоиться. Джулия Маршалл, готовая исследовать новые возможности. Джулия Маршалл, подающая большие надежды.

Моя ладонь плотно обхватывает дверной молоток, скользит по дереву. Дверь открывается, и передо мной возникает Дэвид.

Раньше со мной никогда не случалось ничего подобного. Никто не появлялся в моей жизни так вовремя, как он. И ни в ком прежде я не нуждалась столь сильно, как нуждаюсь сейчас в Дэвиде, хотя мы и знакомы-то всего ничего. Его уверенность, опыт, мудрость и участие дарят мне лучик надежды, который в его присутствии становится все ярче. Я его ни за что не отпущу.

Дэвид в фартуке, в руках у него полотенце. Аппетит мой разгорается. Не сдержавшись, я коротко смеюсь.

— О господи! Обещаю, что *никому* не расскажу.

На самом деле мне нравится его вид. Немного нелепо, но нормально, а мне по душе все нормальное. С наслаждением вдыхаю запах свеженарезанной зелени, аромат подрумянивающегося мяса, смотрю на огонь в камине.

Дэвид устраивает экскурсию по дому. Главное, ничто не напоминает мне о маме.

— У тебя прекрасный дом, — говорю я, когда мы возвращаемся на кухню.

Судя по всему, здание старинное, но внутри отремонтировано на современный лад. Я как-то не представляла Дэвида в таком месте. Это семейное гнездышко — правда, без семьи, — и я задумываюсь, пусть ненадолго и виновато, как было бы здорово, если бы по комнатам бегали Алекс и Флора. Смех и топот эхом отражались бы от облицованных плиткой стен и изогнутых арок в коридорах. Повсюду бы валялись игрушки. От этих мыслей нарастает смутное

дурное предчувствие, и все же приятное возбуждение пересиливает: в моей жизни что-то происходит, и, возможно, что-то хорошее. Мне горько и сладостно от ощущения, что скоро предстоит принять важное решение. Мне кажется, будто мы с Дэвидом знакомы целую вечность.

— А я думала, ты из тех парней, что предпочитают жить в городской квартире. — Я облакачиваюсь на стол, наблюдая за ним. — Ты слышал что-нибудь о маме? Есть новости?

— Потерпи, Джулия. Она находится там всего несколько часов. — Дэвид улыбается, подает мне стакан минеральной воды, и от его улыбки мне кажется, будто он обнял меня и притянул к себе. Такой краткий и бесконечный миг. Между нами есть связь, нечто общее. Не зря я в него влюбилась.

— Ты прав. Глупо с моей стороны. Просто я беспокоюсь.

Заправляю за ухо выбившуюся прядь. Дэвид ловит мой жест, и у меня внутри все натягивается от его взгляда.

— Понимаю, — говорит он, и я вижу, что это правда.

— Я бы не хотела поздно возвращаться домой, — внезапно заявляю я, признавая тем самым, что размышляла на эту тему. Дети переночуют у Надин, мама в целости и сохранности находится в «Лонсе», и впереди полной луной маячит долгий вечер. Опускаю голову, изучая пол, точно смущенная четырнадцатилетка. — Из-за Бренны и Грэдина. Не хочу оставлять их ночевать одних. (Господи, что я несу?) Вот я себя и выдала, да? — тихо бормочу я.

Дэвид заразительно смеется. Похоже, ему нравится, как я настойчиво рою себе яму, беда в том, что мне и самой это нравится.

— Скоро им подыщут нового опекуна, — продолжаю я, надеясь, что он не увидит, что я пытаюсь заглянуть в будущее. В наше общее будущее. Ладно, пора выкарабкиваться из ямы. — Похоже, в клинике маме действительно будет хорошо. Не знаю, за какие ниточки ты тянул, чтобы устроить ее туда, но я очень тебе благодарна. — Беру оливку из миски на столе. — Когда я уходила, мне даже почудилось, будто ей уже лучше. Она выглядела очень спокойной, даже расслабленной. Даже благодарной. Знаешь, я уверена, что она подала знак Флоре.

— Джулия... не увлекайся. — Профессионализм не позволяет

ему посулить быстрое выздоровление. — Твоей матери предстоит долгое лечение. — В глазах его появляется странный, какой-то стеклянный блеск. — Вряд ли она подала Флоре знак. Во всяком случае, сегодня. — Теперь он разговаривает со мной так, словно я дочь очередной пациентки. — МРТ показала, что ее мозг претерпел несколько микроскопических кровоизлияний. И даже если она поправится, произойдет это очень нескоро. — Он явно что-то недоговаривает. — Я лично знаком с главврачом клиники. Он пообещал сделать все, что в его силах. Мы детально обсудили ее случай.

— Спасибо тебе, — шепчу я. — У тебя такие связи...

— Обычное дело среди врачей. У тебя же есть друзья-учителя, правда?

Он что, оправдывается? Такое впечатление, будто я его обвинила в чем-то предосудительном. Но я только рада, что он задействовал свои связи, главное, чтобы мама пошла на поправку.

— Давай поедим, — предлагает Дэвид и ведет меня к столу.

И только когда мы перемещаемся на самый мягкий диван в моей жизни, — Дэвид смакует бордо, я пью кофе, — до меня доходит, что думаю я о Марри. Еще две недели назад одна лишь мысль о том, что кто-то положит мне руку на спину или окажется столь близко, что поцелуй будет неизбежен и естествен как вдох, ввергла бы меня в панику. И вот мгновение это, неизбежное и прекрасное, на расстоянии вытянутой руки. Я сжалась на одном конце дивана, а Дэвид внимательно разглядывает меня с другого конца. Что он видит в моих глазах, страх или возбуждение?

— Все очень вкусно. Спасибо.

Его лицо то расплывается, то обретает звенящую четкость. Все это так ново для меня, что страх постепенно растекается по всему телу. Я вижу, как шевелятся его губы, но не слышу ни слова, всматриваюсь в его лицо, и через мгновение оно превращается в лицо Марри.

Вот он непринужденно сидит на диване, словно мы в нашей гостиной. Такой привычный. Марри. Всегда только Марри. Последние двенадцать лет мы были неразлучны, и никто больше нам

не требовался. Частица меня, совсем крошечная частица умоляет его не уходить, остаться, но я кричу, чтобы он убирался из моей жизни, уступил место тому, на кого можно положиться, кому я могу доверять.

— Джулия? — Дэвид замечает слезы в моих глазах и наклоняется.

— Все в порядке. — Я всхлипываю, но тут же улыбаюсь.

Вот так, впустить Дэвида в свою жизнь будет гораздо сложнее, чем думалось. Что я почувствую, когда незнакомая рука коснется моей шеи, груди? Забьется ли сердце от радостного волнения или я скорчусь от ужаса? Смогу ли я быть с кем-то еще... с другим человеком? И что подумают дети, если Марри устроит сцену, если заявится и примется умолять дать ему еще один шанс.

Собрав остатки сил, я говорю себе, что влюбиться в Дэвида — правильное решение. Он чудесный человек и вернет в мою жизнь то, что исчезло из нее столь давно, что я даже перестала задаваться вопросом, почему все так повернулось.

— Я тебя чем-то расстроил? — Дэвид придвигается и нежно целует меня в лоб.

Я чувствую, как слегка подрагивает его рука. Он поднимает мою голову, заглядывает в глаза. Тоже нервничает? Он вдыхает мой запах, одним глотком выпивая целую жизнь.

*О, Марри!* — жалобно вскрикивает голос внутри. — *Что же с нами стало?*

Я закрываю глаза, надеясь, что Дэвид поцелует меня, что его раскрытые губы вберут в себя вкус моей кожи, согреют ее, что его руки со сдерживаемым нетерпением отправятся исследовать мое тело и оно обмякнет, расплавится под его прикосновениями. Но ничего не происходит. Я открываю глаза и вижу, что он снова на противоположном конце дивана. Между нами целая пропасть. И через эту пропасть я вижу, как горят его глаза, как трепещут ресницы. Он меня хочет. Но и только.

— Ничем ты меня не расстроил, — бормочу я и захожусь в деланном кашле, скрывая смущение.

— Вот и хорошо. Мне нужно еще столько о тебе узнать.

Я решительно придвигаюсь к нему и делаю глубокий вдох, потом еще — в надежде, что он не устоит и притянет наконец меня к себе, запустит пальцы в мои волосы, коснется лица, поцелует. Он и вправду целует меня — быстро, в макушку.

— У нас полно времени, — сообщает он.

— Ну да, — откликаюсь я, когда он встает и идет к шкафчику с вином.

Дэвид наливает себе бренди и смотрит на меня так, словно я самая большая загадка во вселенной. Губы его шевелятся.

«Мэри», — читаю я, безошибочно угадывая оба слога. Он что, произнес имя моей матери?!

Но спросить, что это значит, мешает стук в дверь. Дэвид идет открывать, а я вижу в окне знакомый мужской силуэт. Сердце мое останавливается.

— Эд? — Я отталкиваю Дэвида.

Алекс, Флора!

— Дети? — хрипло кричу я. — Тебя прислала Надин? Что с ними?

Эд даже не смотрит в мою сторону. Из-за его спины выдвигается какой-то человек. Я вижу на крыльце двух полицейских в форме.

— Эд, что происходит? — Кровь отливает от лица. Только не дети. Господи, пожалуйста, только не мои дети.

— Доктор Дэвид Карлайл? — ровно спрашивает Эд и достает удостоверение.

— Да. — Голос Дэвида спокоен. — Потрудитесь объяснить, что...

Он возвышается над нами. По сравнению с ним коренастый Эд и его подчиненные кажутся недоростками.

— Вы арестованы по подозрению в нападении на Грейс Коватту в ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое декабря. Вы имеете право на молчание, но оно может быть истолковано против вас, если сейчас вы умолчите о том, в чем признаетесь позднее. — Эд показывает ордер на арест и делает знак людям в форме. — Вам все понятно, доктор Карлайл?

Глаза Дэвида расширяются, темнеют. Он оглядывается на меня, и я читаю в его взгляде миллион оправданий, но ничего не понимаю. Все вокруг стремительно заволакивает черный страх.

— Дэвид? — слабо спрашиваю я. — Эд?

У меня кружится голова. Мне это снится.

Что происходит... Дэвида арестовали за нападение на Грейс Коватту... Невозможно! Тянусь к Дэвиду, чтобы успокоить его, поддержать, но не успеваю его коснуться; меня оттесняют констебли, щелкают наручники. Я вижу, он хочет что-то сказать, но его уже подталкивают к двери.

— Дэвид, что я могу для тебя сделать?

Я рядом, я с ним, я дрожу всем телом, мои ослабевшие пальцы с трудом сдерживают с вешалки пальто, которое я накидываю ему на плечи.

Его уводят в темноту.

— Я все выясню! — кричу я вслед, но он не оборачивается, не произносит ни слова. Безропотно идет по дорожке, в конце которой стоит машина. — Я найду адвоката! — жалко кричу я и остаюсь одна.

В распахнутой двери чернеет ночь. Сердце колотится с такой силой, что удары отдаются в голове. Я слежу за красными огнями скрывающейся в темноте машины. В дом врывается ледяной ветер, и я, медленно закрыв дверь, наваливаюсь на нее всем телом.

Теперь я одна в доме Дэвида.

— Он не мог причинить никому вреда, — шепчу я, обхватывая себя за плечи. Меня трясет. — Тем более Грейс.

Слова светлячками отскакивают от толстых каменных стен, выхватывая из памяти картинки случившегося. Вот я нахожу Грейс. Она лежит на лугу уже несколько часов. Вот она в больнице, ее истерзанное лицо. Грейс. И Дэвид. Это невозможно. Я не в силах соединить их.

Не знаю, сколько времени я оцепенело простояла, привалясь к двери. Наконец нахожу в себе силы выйти и запереть дом. Я направляюсь к единственному человеку, который способен мне помочь.



Почти на ощупь я бреду по тропинке к тому, кто меня поддержит. Внутри не осталось ничего, кроме ужаса, смывшего способность рассуждать. Теплый свет с катера серебрит черную воду, манит к себе, к Марри. С «Алькатраса» доносится смех. Я не сразу решаюсь постучать по люку. Мне и в голову не приходило, что у Марри могут быть гости. Но все же стучу. Мне нужна помощь, остальное сейчас неважно. Да и все равно на раздумья времени нет.

Раскрашенный люк со скрипом открывается, слышатся ругательства. На палубу высовывается голова Марри. Прищурившись, он вглядывается в темноту.

— Джулия? — В голосе его изумление. — Что-то с детьми?

— С ними все хорошо. Они у Надин. — Мне не хватает воздуха, я задыхаюсь. Хочется прижаться к Марри, выплакаться у него на груди, но это невозможно. — Мне надо с тобой поговорить. Это очень серьезно.

Он молчит. Хмурится.

— Конечно. Забирайся сюда.

Внутри пахнет алкоголем и индийской едой. Выглядит все так, будто здесь не убирались с семидесятых.

На бесформенном кресле-подушке развалился бородатый мужчина. Мимолетно отмечаю свое облегчение от того, что у Марри не женщина. Незнакомец пьяно таращится на меня.

— Дэвид, — выдавливаю я.

Мне безразлично, что гость Марри нас слушает. Судя по его виду, завтра он все равно ничего не вспомнит.

— Его... — Если я произнесу это вслух, оно станет реальным, а я не могу с этим смириться. — О, Марри, его арестовали! — Пересохший язык едва ворочается. — Эд арестовал его!

Марри пошатывается, словно мое появление выбило у него почву из-под ног, его прищуренные глаза недоуменно разглядывают меня, будто какое-то невиданное чудище. Реальность медленно — со скоростью виски, растекающегося по кровеносной системе, — проникает в его сознание.

— Правда? Плохо дело. А за что? — Марри хмурится, но за его гротескной гримасой я улавливаю легкую улыбку.

— Это абсурд! — ору я, обезумев. И тут же, на тон ниже: — За нападение на человека.

Становится тихо. «Алькатрас» покачивается на волнах. Меня тошнит. Бородач неловко выкарабкивается из кресла-подушки, бормоча, что пора и честь знать. Торопливо попрощавшись, он, едва не падая, выбирается на палубу.

— Нападение? — Марри принимается суетиться. Поправляет на древнем диване подушки, хлопает по нему, показывая, чтобы я села, зажигает газ, ставит на плиту чайник, я замечаю, как он украдкой смотрится в осколок зеркала, который криво приделан к перегородке. Щурится, ерошит волосы. — Дэвида арестовали за *нападение*?

— Ну да, Марри! Господи! — Я без сил валюсь на диван. — Я была у него в гостях, а потом пришли Эд и трое полицейских и арестовали его. Эд мне ни слова не сказал. Как будто мы не знакомы. — Я закрываю лицо руками. — Дэвид — врач! Он бы никому не причинил вреда, тем более молоденькой девушке!

Я вскакиваю и начинаю метаться по каюте. И как человек может жить в таком тесном пространстве?! Тут же перед глазами вспыхивает картинка: Дэвид лежит в убогой тюремной камере.

— Нужно позвонить ему. — Судорожно достаю из кармана пальто телефон, снова сажусь на диван, набираю номер, но включается автоответчик.

— На кого он напал? — спрашивает Марри.

Мой бывший муж отнюдь не дурак и, несмотря на спиртные пары, уже осознал всю серьезность обвинения. Он беззвучно произносит: «Грейс?» — и я киваю.

— Эд очень хороший следователь. Я думаю, Джулия, в этом ты...

— Но Дэвид ни в чем не виноват! Мы... — Не могу же я сказать Марри, что мы чуть не поцеловались! — Мы ужинали, и вдруг Дэвида арестовали! Что мне делать?

— Возвращайся к детям и уложи их спать. — Марри протягивает мне чашку с чаем, в голосе его отчетливо слышно неодобрение — из-

за того, что я снова оставила детей.

— Они уже спят. У Надин сегодня выходной, и она только обрадовалась, что они у нее переночуют. Незачем будить их.

Марри неохотно соглашается. Он опускается передо мной на корточки.

— Джулс, я пытаюсь сказать, что мужчину, в которого ты влюбилась, арестовали за очень серьезное преступление. У тебя шок, я понимаю, как ты расстроена. Мне самому в такое не верится. Но Эд и его парни знают свое дело. Честно говоря, мне Дэвид никогда не нравился...

— Господи, Марри! Самое время устраивать сцену ревности! — Я осторожно отхлебываю чай, но все-таки обжигаю язык. — И я не собираюсь бросать Дэвида. Он невиновен.

— Так почему ты ко мне пришла? — мягко спрашивает Марри.

Он всегда был ласков, когда я расстраивалась, и в этом смысле ничуть не изменился.

— Потому что... — Ладонями растираю лицо. — Я... — В упор смотрю на него. Щеки у меня горят, волосы растрепались, я чувствую, что еще секунда — и я разрыдаюсь. — Не знаю, Марри. Наверное, потому, что всегда так делала, и старые привычки...

— Умирают, но не сдаются? (Нам обоим не помешало бы выпить.) Джулс, я ничем не могу ему помочь, если ты пришла за этим.

— Нет, не за этим, — быстро заверяю я. Это правда. Проблема в том, что я все еще *нуждаюсь* в Марри. Очевидный факт, что Марри — юрист, а Дэвиду сейчас позарез требуется адвокат, как-то ускользнул от меня. — Но ты прав, ему нужен адвокат. И очень хороший. И еще один, если дело дойдет до суда.

Мысли бегут, наскакивая друг на друга. Надо столько всего сделать! Дэвид рассчитывает на меня.

Затаив дыхание, наблюдаю за Марри, который обдумывает мои слова. Все-таки он решил, что я прибежала к нему как к юристу? За последние несколько недель он сильно оброс, волосы всклокочены, да и одежда выглядит ужасно.

— Джулия... — Я жду, что он сейчас скажет, чего хочет, если

согласится помочь. — Джулия, я... ты права. Дэвиду требуется помощь очень опытного юриста. Про меня такого не скажешь.

— Марри! Я вовсе не хочу, чтобы ты был его адвокатом. Но сейчас он в тюрьме, и, скорее всего, ему назначат первого попавшегося защитника. Я должна туда сходить. *Мы* должны туда сходить. Марри, мне нужна поддержка. Хотя бы сегодня.

— Джулия, Дэвид — взрослый мужчина. У него есть средства на приличного адвоката. Он сам решит, выбрать своего адвоката или прибегнуть к услугам назначенного. Не думаю, что я...

— *Пожалуйста*, Марри!

Он замолкает, услышав, как серьезен мой голос. Я ненавижу себя за то, что мне не хватает мужества, чтобы пойти туда одной. И бешусь от того, что Марри пьян, когда он мне так нужен.

— Пожалуйста. — Я закрываю глаза.

Через секунду слышу его вздох.

— Хорошо, свари мне галлон черного кофе, отыщи где-нибудь белую рубашку, и я пойду с тобой в полицию. Но не более того.

Открываю глаза и шепчу слова благодарности.

— И еще, Джулия. — Марри стягивает через голову грязную рубашку. — Я делаю это для тебя, а не для Дэвида.

Я знаю: он имеет в виду, что делает это для *нас*.

## Мэри

Я сразу ему кое-что разъяснила: я не хотела заниматься сексом. Нет, не потому, что он не казался мне привлекательным, вовсе нет. Он был красив, умен, и я знала, что по-настоящему нравлюсь ему. Проблема не в том, что мне исполнилось двадцать семь, а ему всего восемнадцать, хотя Дэвид никогда не интересовался моим возрастом. Нет, главная проблема крылась в том, что именно у таких людей, как он, находился ключ к моему будущему. Он был на хорошем счету в университете, и я не хотела все испортить, затеяв роман с ним. Я уже давно осознала, что пробраться в его мир смогу только через заднюю дверь, и если не соблюдать осторожность, то захлопнется и она.

— У меня такое чувство, что ты хочешь уйти, — сказал он, криво улыбаясь.

Я все понимала, но пообещала себе, что не буду с ним спать. Слишком ценила я дружбу и мир Дэвида, чтобы все испортить. Мне оставался всего лишь один шаг. И, чтобы сделать его, мы должны были остаться просто друзьями.

Вечеринка только началась. Музыка играла отличная, дом был полон умных людей — пусть и пьяных, — а на стенах плясали отблески зеркального шара. В кафе у меня сегодня выдался тяжелый день.

— А по-моему, это *ты* хочешь уйти. — Я улыбнулась в ответ и сделала глоток из стакана.

Мы развлекались, посылая друг другу засекреченные сообщения. Я хотела получить доступ к его интеллекту, добавить Дэвида в мою коллекцию избранных. А Дэвид желал затащить меня в постель. Для него я была вождленным трофеем. Взрослая женщина. На мой взгляд, такая комбинация имела мало отношения к сексу. Сплошь игра намеков и уловок. Каждый стремился обойти противника. Дэвид рвался получить желаемое, а я ускользала. И честно говоря, было весело. Мы не скучали.

— Наверху спокойнее, — произнес он, перекрикивая музыку.

Стоя у стены, мы подергивались в такт песенок «Аббы» и «Роллинг Стоунз». На соблазнительное предложение осмотреть дом и

найти свободную спальню, сделанное уже несколько раз, я не клюнула.

— Детские забавы. — И я подмигнула, этак по-особенному, как опытная женщина.

И лишь когда Дэвид доставил меня домой, не проронив по дороге ни слова, я сообразила, что всерьез обидела его.

Они говорят о больнице. Голоса чахнут, словно осенние листья, порхают вокруг меня отзвуками скорого будущего. Результаты МРТ неутешительные. Говорят, у меня слабоумие. Все эксперты в унисон твердят, что в больнице я поправлюсь. Может, они и правы, но я беспокоюсь за Джулию. Так сильно беспокоюсь, что передать не могу. Но слишком поздно.

Наблюдаю за тем, как она собирает для меня сумку. Ей бы хотелось, чтобы я сама выбрала, какую ночнушку брать, розовую или голубую. Возможно, она даже надеется, что я вскочу со своего места и заору: «Ради бога, только не это старье!» — как однажды. Но пусть собирает барахло по своему усмотрению. Все это больше не имеет значения.

Закончив выкладывать на кровать тапочки, нижнее белье, свитера и юбки, которые десятилетиями света божьего не видели, — она что, забыла, что я всегда ношу брюки? — Джулия добавляет в гору одежды бутылочки шампуня и духов. Затем, в порыве отчаяния, бросает еще сверху мобильный телефон, который подарила мне на прошлый день рождения. Я никогда им не пользовалась.

— На всякий случай, — говорит она, застегивая сумку.

Джулия застилает кровать, разглаживает простыни и одеяла, как будто я никогда больше их не сомну, и вдруг задевает ногой забытую кучу одежды под кроватью.

— Опять грязное белье, — говорит она, поморщившись, и достает ком одежды. — Господи, мама, ты что, ходила в этом? Какая гадость! — Она поднимает мои брюки и старый свитер, под которыми покоятся облепленные грязью рабочие башмаки, и бросает в корзину для белья.

Я молчу. Джулия знает, что обычно я начинаю защищаться, спорить, объяснять, что убирала навоз из сарая, где живут козы, или

ворочала под дождем сено.

Перед уходом я достаю из корзины грязную одежду и вместе с ботинками сую в сумку.

По-моему, вполне естественно, что в больницу нас везет Дэвид. В этом есть некая законченность. Для него я не более чем багаж, и после стольких лет он наконец вспомнил, где меня оставил. Словно мы описали полный круг. Я сижу в большой красивой машине и вспоминаю, как я его любила.

К клинике «Лонс» ведет длинная подъездная аллея из высоких каштанов. Замечаю двух пациентов, они кружат по огромной лужайке, точно обломки кораблекрушения. Между ними носится медсестра. В этот момент я понимаю, что происходит. В зеркале заднего вида ловлю взгляд Дэвида. Никогда еще мне так сильно не хотелось закричать. И никогда еще я не чувствовала себя такой беспомощной.

— Ну вот, приехали, — нарушает молчание Джулия. — По-моему, больше похоже на гостиницу, чем на больницу. Правда, мама? — Голос у нее веселый до оторопи. — Они в два счета тебя вылечат.

Алекс и Флора первыми выскакивают из машины, я медленно копошусь, чтобы последовать за ними. Сильные руки вытаскивают меня из просторной машины Дэвида. Я не сопротивляюсь, покорно бреду, куда меня ведут. Сопротивление слишком болезненно.

По части процедуры регистрации больница и впрямь не отличается от гостиницы. Правда, две медсестры роются в моих вещах, словно ошалевшие покупательницы на распродаже. Составляют список скудных пожитков. Маникюрные ножницы и пинцет, которые упаковала Джулия, медсестры конфискуют, открывают и нюхают шампунь. На грязную одежду они внимания не обращают.

— Хорошо, — говорит наконец одна из медсестер. — Давайте я покажу вам комнату.

Вместо многоместной палаты с металлическими койками я оказываюсь в отдельной комнате с ванной и большим окном, что выходит на каштановую аллею. Пахнет лавандой. Здесь есть

телевизор. И туалетный столик.

Несколько минут Джулия, Дэвид и Алекс раскладывают одежду, болтают и смеются. Потом их уводит медсестра. А я остаюсь сидеть у кровати. Они забыли про Флору. Она карабкается ко мне на колени.

*Я хочу остаться с тобой,* — показывает она, обратив ко мне живую мордашку.

Ее вздернутый носик напоминает кнопку, придавленную к бледной палетке кожи. Флора шевелит губами, словно сиюминутно что-то сказать. Похоже, она не понимает, что я перестала говорить. Я молчу, но ее мир всегда был молчалив.

*Я тоже этого хочу,* — показываю я в ответ. Руки словно свинцовые болванки.

Тут возвращается Джулия, потерявшая Флору, и уводит прочь.

На следующий день Дэвид в кафе не пришел. Ничего удивительного, ведь он готовится к экзаменам, уговаривала я себя и представляла, как он сидит в библиотеке, обложившись горой учебников. Мысль о том, что он разозлился из-за моего бестактного замечания, я упорно гнала прочь.

Кафе опустело, а я все торчала там, полируя до блеска столы и надеясь, что дверь вот-вот откроется и на пороге возникнет Дэвид, соскучившийся по чаю с пирожными.

Но он так и не появился. Ни в тот день, ни в последующие. Спустя неделю я решила отыскать его сама. Несколько раз звонила в колледж, оставила гору сообщений — все напрасно. Я наведальась к пансиону, где он жил, расспросила его друзей. Отвечали они туманно, некоторые так и вовсе норовили уклониться от разговора. Вышло, что Дэвид обижен куда сильнее, чем я думала.

Вдоволь наслонявшись вокруг университетских корпусов, проникнув туда, куда вход мне был вообще-то заказан, — до чего же там оказалось интересно! — я наконец нашла Дэвида в медицинской лаборатории. На цыпочках я прошла внутрь, чувствуя себя неловко и одновременно совершенно как дома.

Дэвид общался с трупом. Несколько минут я слушала его беседу с мертвым телом, затем подобралась поближе и увидела, что труп



разрезан на четыре чести. Четвертован.

— Дэвид, — осторожно произнесла я. Оставаться и дальше незамеченной было опасно. — Я все-таки нашла тебя.

На мне были легкая юбка с крупными цветами и вязаная кофточка. Я знала, что выгляжу прекрасно. Собираясь на территорию университета, я вооружилась несколькими книгами — вместо студенческого удостоверения.

— Как ты сюда попала? — хмуро глянул на меня Дэвид и вернулся к работе.

Отдавая себе отчет, что я слежу за каждым его движением, он аккуратно снял кожу, отделил от костей мышечные ткани, обнажил бурое сердце. Крови не было.

— Через дверь, — с улыбкой ответила я. — Хотела тебя увидеть. Я соскучилась. — Все-таки мне пришлось отвести взгляд от мертвого тела, но спрятаться от вонь формальдегида, смешанной с... чем-то гнусным, я никак не могла. — Ты уже неделю не появляешься в кафе.

— Я был занят.

Дэвид на шаг отступил от трупа, на лбу у него блестели капельки пота. Он смотрел на меня, препарируя мое живое тело, как только что труп. К горлу подступила тошнота.

— Потрясающе, не правда ли? — Он поманил меня, и я приняла вызов. Я выросла на ферме, но если бы мне удалось поступить на медицинский факультет, то мои руки тоже по локоть были бы в крови.

— Потрясающе, — подтвердила я, стараясь не дышать и глядя на тело молодой еще женщины. Кожа дряблыми лентами лежала на груди. — Что ты изучаешь?

— Сердце и сосудистую систему, — ответил Дэвид. — Вот, смотри, это коронарная артерия. — Белесая трубка была разрезана на две части. — Абсолютно здорова, — он погрузил внутрь тела какой-то металлический инструмент. — У нее не было никаких сердечных болезней.

— От чего она умерла?

Полоски мускулов, обозначавшие на черепе черты лица, поражали изяществом. Должно быть, она была очень красива.

Дэвид пожал плечами:

— Как знать... Может, ей разбили сердце? — Он лукаво улыбнулся мне, бросил грязные инструменты в металлический поднос и снял халат.

Не сказав больше ни слова, Дэвид жестом велел следовать за ним. Мы поднялись по облицованной плиткой лестнице.

— А как же?.. — Я показала в сторону труп.

— Уберут, — ответил он.

Как легко отмахнулся он от смерти, подумала я, просто развернулся и ушел. Мы вынырнули на залитую солнечным светом улицу и, прищурившись, уставились друг на друга.

— Ну вот что, — произнес Дэвид и быстрым движением притиснул меня к стене; его бедра прижались к моим, руками он уперся в стену, не давая вырваться. От него пахло тленом. — Чем бы ты хотела заняться?

Внезапно я почувствовала себя счастливой. Я вернула его! Теперь все будет хорошо. Мы можем сходить в кино, прогуляться по Джезус-Грин, наведаться в книжный магазин, взять напрокат лодку и поплыть неведомо куда, погрузив пальцы в воду. Я задумалась, не торопясь с ответом. Солнце било мне прямо в глаза. Длинные волосы Дэвида спутались и легко шевелились на ветру, точно живые, пока я решала нашу судьбу.

— Может, покажешь свою комнату?

Проникнуть в студенческое общежитие — настоящее приключение. Хотя я давно уже оставила попытки поступить в университет, это место по-прежнему притягивало меня. А вдруг удастся завязать еще одно полезное знакомство и появится новая возможность?.. Я не желала сдаваться.

— Прекрасно, — сказал Дэвид, убирая руки.

Я наблюдаю, как они уезжают, оставляя след из опускающихся на землю рыжих листьев. Теперь мой мир не только молчалив, но и пуст. Джулия и дети уехали. Забавно, что их увез Дэвид. Воспоминания о моей любви к нему кажутся такими далекими. Я почти убеждаю себя в том, что этого никогда не было.

Время от времени в палату заглядывает сестра. С тех пор как ушла Джулия, я не пошевелилась. Мне измеряют кровяное давление, щупают пульс, светят в глаза ярким фонариком, чтобы проверить, расширятся ли зрачки. Медсестра быстро записывает наблюдения в папку.

— Ну что ж, миссис Маршалл, а что бы вы хотели на ужин? Выбирайте: рыбный пирог с брокколи или овощная лазанья.

Она подает мне меню, но я в него не смотрю. Еда — это куски сыра и ломтики хлеба, которые отчаявшаяся дочь засовывала мне в рот. Они хотят накормить меня пирогом, а значит, ничего не знают обо мне и моей болезни.

— В таком случае, пусть будет рыбный пирог, — предлагает сестра.

Я не возражаю, и она уходит.

Я неподвижно сижу на постели и размышляю, что теперь станется с козами, с курами, с Бренной и Грэдином. Что станется со мной? Когда я думаю о том, что станется с Джулией, по моей щеке ползет слеза.

## Марри

В полицейский участок я вошел ровно за десять секунд до того, как через автоматические двери прошествовала Шейла Хэнли. Выражение лица не оставляет сомнений: Шейла в ярости. Одета она в вечернее платье, губы тщательно накрашены помадой кровавого цвета.

— Шейла! — окликаю я, словно все идет как обычно. Я едва стою на ногах, а мозги то и дело норовят отключиться. — Что ты здесь делаешь?

Неужели ее вызвали как дежурного адвоката? Только не Шейлу. Она ведь всегда посылает кого-нибудь вместо себя.

Шейла прожигает меня взглядом. Джулия нашла чистую рубашку, но она мятая, а джинсы так и остались прежние, замызганные, под стать стоптанным кроссовкам.

— А, Марри! — ехидно восклицает она, игнорируя мой вопрос. — Тебя что, арестовали?

И, не обращая на меня внимания, словно я некая досадная помеха, Шейла устремляется к полицейскому за стойкой.

— Почему? — требовательно спрашивает она, хлопнув по столу ладонью.

Полицейский отшатывается.

— Почему меня вызвали с лучшего свидания в жизни, хотя сегодня не моя очередь дежурить? Я оставила в отеле Мела Гибсона, черт вас подери! В пятизвездочном отеле! Голого! И шампанское! В пентхаусе! — Она достает из сумки пачку сигарет и закуривает. Ехидно улыбается, когда сержант кашляет, глотнув дым, нарочно направленный в его сторону.

— Правда? — встречаю я.

Шейла снова испепеляет меня взглядом и опять поворачивается к сержанту.

— Ну? — вопит она.

— Вы в списке, мэм, а все остальные либо не ответили на

звонок, либо не смогли приехать. Сюда привезли... — Сержант снова кашляет. — Громкое дело, похоже. Он захотел, чтобы ему предоставили дежурного адвоката... — Сержант сует Шейле заламинированный список бедных сосунков, которые вытащили короткую соломинку в агентстве «Редман, Хэнли и Брайт». К счастью, меня среди них нет. Да и вряд ли бы я там оказался. Только надежные адвокаты, чья жизнь не разлетелась на куски, имеют право выступать в суде.

— А как же фирма Шилдера? Вот сам пусть и тащит сюда свою задницу, урод долбаный! — И Шейла направляется к выходу, довольная тем, как разобралась с проблемой.

— Мэм, сегодня очередь вашей фирмы. Вы здесь, и я не стану больше никому звонить.

Шейла останавливается, плавно поворачивается на каблуках. Давит наполовину выкуренную сигарету на грязном кафельном полу и тут же зажигает еще одну. Оскалив зубы, в которых зажата сигарета, она идет прямо ко мне.

— Никаких проблем, сержант! — Шейла машет ему рукой, точно лучшему другу. — Ну совершенно никаких проблем. — Ее взгляд уже намертво приклеился к моему лицу. Она хватает меня за руку, впивается в кожу алыми когтями и тащит в комнату ожидания. — Марри, ты мне нравишься. Всегда нравился. — Шейла делает паузу для пущего эффекта, прекрасно сознавая, в каком я сейчас состоянии. — Но всем известно, что в последнее время ты работал так себе. — Она скалит зубы, а я киваю, поскольку на большее просто не способен. Несмотря на шум в голове, я смутно догадываюсь, к чему она клонит, но о сопротивлении и речи быть не может. Будь я трезв, наверное, еще бы подергался, а так... — Видишь ли, я не хочу отменять свидание.

— Ну да.

— Кроме того, мне нужны серьезные основания, чтобы отстоять тебя перед партнерами. Тебе ведь нужна работа, Марри?

Ну да, мне нужна чертова работа!

— Ты же говорила...

— Тсс! — шипит Шейла, прижимая к моим губам палец. Он пахнет табаком. — Займись этим делом, Марри. Добейся

освобождения под залог. Помоги ему на допросе. Утром перед судом он должен быть в костюме и галстук, и бога ради, Марри, не забудь умыться и побриться! — Она отступает назад и сладким голосом произносит: — Хорошо?

Шейла уверена, что проблема решена. Она может вернуться в пентхаус.

— Нет, — выдыхаю я, глядя через стеклянные двери на Джулию, оставшуюся парковать машину. — Шейла, ты не понимаешь. Я не могу взяться за это дело. Ради тебя я на все готов, на все, только не заставляй меня заниматься этим делом.

Но сам понимаю, что все тщетно. Шейла уже приняла решение.

Входит Джулия и спешит ко мне. От нее пахнет свежестью.

— Что происходит? — спрашивает она. — Есть новости?

— Новостей полно, — отвечает Шейла, похлопывая себя по носу. — Кстати, Марри, а что ты здесь делаешь? — Но ответ ее не интересует. — Ладно, увидимся в офисе! — почти поет она и делает страшные глаза, подтверждая: если я хочу сохранить работу, то должен повиноваться.

— Что все это значит? Что здесь делает Шейла? — Моя начальница никогда не нравилась Джулии, слишком уж они разные. Джулия смотрит, как Шейла шагает по тротуару, роняя еще один окурок. — Марри! Ты в порядке? — Дыхание у нее сбилось. До чего же она хороша. — Ты уже что-нибудь узнал о Дэвиде?

Я возвращаюсь в реальность.

— Нет, пока нет. — Вдруг я чувствую себя абсолютно трезвым.

— Зачем приходила Шейла? По-моему, ее что-то разозлило.

Седой сержант передает мне стопку бумаг:

— Вот, пожалуйста. Я случайно слышал ваш разговор. — Он таращится на Джулию, словно на прекрасный цветок, каким-то чудом занесенный в его убогий мир. — На твоём месте, приятель, я бы слегка освежился. Через пять часов тебя покажут в утренних новостях.

Слова его доходят до меня раньше, чем Джулия реагирует на них. А уж за этим дело не станет. В мире пьяницы все происходит со

скоростью пролитой патоки. Конечно, сержант прав. Журналисты нашего городка, да что там, всей страны с интересом следят за делом Грейс Коватты. Несколько телевизионщиков и газетных репортеров все еще торчат здесь. История сама по себе наделала много шума, а предположение, что речь идет о серийном маньяке, лишь разжигает любопытство.

— Как это понимать? — спрашивает Джулия. — Почему тебя покажут в новостях?

— Джулия! — Я кладу ей руки на плечи, но она их сбрасывает. Наверное, от меня несет виски. — Джулия, Шейла приходила сюда, потому что ее вызвали. Наша фирма участвует в программе поддержки уголовного судопроизводства. — Это было сложно выговорить.

— И что с того?

— У Шейлы свидание с Мелом Гибсоном... Джулия, меня назначили адвокатом Дэвида. Только на сегодняшний вечер. Просто... я не хотел... Шейла сказала... Она меня вынудила...

Джулия отшатывается от меня.

— Это невозможно, — шепчет она.

— Да все нормально, — говорю я, зная, что это не так. — Всего лишь формальность. Просто я оказался в неправильном месте в неправильное время. У Шейлы свидание, вот она и свалила на меня...

— Этого не должно быть. Это неэтично. Вряд ли ради него ты в лепешку разобьешься, правда? — Джулия не мастак по истерикам, но сейчас у нее отлично получается. Она как безумная мечется по комнате ожидания. — Марри, ты должен позвонить кому-нибудь еще!

Я пожимаю плечами и оборачиваюсь за поддержкой к сержанту. Наверняка ведь не пропустил ни слова. Умоляюще смотрю на него.

— Он прав, дорогуша. Мисс Хэнли грозила уволить парня. Я многое повидал на своем веку, но...

— Ты сумеешь помочь ему? — Ее слова распарывают воздух и вдребезги разбиваются о кафельный пол.

Белое лицо Джулии кажется твердым, точно вырезано из мрамора.

— Еще не знаю. Я не читал документы. Но, Джулия... — я делаю шаг к ней, — я буду относиться к нему так же, как к любому другому клиенту. Поверь! — Секунду мы смотрим друг другу в глаза. — Я тебя не подведу.

Из нее словно выпускают воздух, ее начинает трясти. Джулия пытается натянуть пальто.

— Спасибо. — Она дрожит все сильнее. — Спасибо, Марри.

В голосе слышится такое отчаяние, будто она знает этого человека лет двадцать, будто он ее старинный друг, брат, дядя или... любовник.

— Хочешь помочь? — спрашиваю я бодро. Джулия напряженно кивает. — Тогда привези мне костюм. Серый, висит в шкафу в каюте.

У нее вытягивается лицо. Джулия понимает, что не увидит Дэвида.

Отвернувшись от стойки сержанта, я ищу в кармане ключи. Вплотную придвигаюсь к Джулии — ее волосы касаются моих губ — и шепчу на ухо:

— Старик Граучо прав. Как только журналисты узнают, что кого-то арестовали в связи с делом Коватты, об этом раструбят все газеты. Принеси мне зубную щетку и одеколон. Все, что найдешь в ванной.

Джулия опять молча кивает и отправляется выполнять поручение, а я осознаю две вещи. Во-первых, я влюблен в жену сильнее, чем когда-либо, а во-вторых, у меня нет опыта в подобных уголовных делах. Мой хлеб — штрафы за неправильную парковку. И как бы я из кожи ни лез, все равно будет казаться, что я специально заваливаю защиту.

Я вхожу в комнату для допросов. Дэвид сидит, повернувшись ко мне квадратной спиной. Наручники с него сняли, и он опирается руками о скамью. Рубашка обтягивает широкие плечи.

— Доктор Карлайл?

И к чему этот вопрос? Будто тут еще кто-то есть. Должно быть, я просто хочу, чтобы он узнал мой голос, устроил скандал и отослал меня прочь, прежде чем нас свяжут обязательства. Да, это было бы



просто здорово. Но дверь камеры захлопывается, гася мою надежду.

— Знаете что? — Делаю эффектную паузу. — Я ваш адвокат! (Он медленно поворачивается.) Марри Фрэнч, — добавляю я. — К вашим услугам. — От поклона и ехидной улыбки я все же удерживаюсь.

И слава богу. Во взгляде его презрение, брови изумленно приподнимаются.

— Я просил прислать адвоката, а не клоуна.

На протянутую руку он внимания не обращает. Голос холоден и ровен, точно у автомата. Дэвид явно готов ко всему. Он совсем не похож на человека, которого я видел в Нортмире. Лицо бесстрастно-каменное. Ни следа беспокойства. Интересно, со своими пациентами он такой же?

— За развлечение денег не берем.

С каким бы наслаждением вмазал ему сейчас. Вместо этого, я опускаю на пол свой потертый кожаный портфель. Его подарила мне Джулия миллион лет назад, когда я получил диплом.

— Итак, доктор Карлайл, вы обвиняетесь в нападении. В нанесении тяжких телесных повреждений и жестокости. Можете сами подобрать определение. Вплоть до убийства, если девочка умрет. — Я вспоминаю последнюю газетную статью, в которой говорилось, что Грейс находится в коме. — Неприятный коктейль. А потому, если вы хотите, чтобы вас выпустили до завтрака, нам нужно кое-что обсудить.

Карлайл делает такой мощный вдох, что стены как будто становятся к нему ближе.

— Нам нечего обсуждать.

— А мне кажется, что есть.

Я сажусь за столик у двери и достаю блокнот с ручкой. Между висками проносится первый всполох головной боли. Записываю дату и время. Получается не очень хорошо, потому что рука трясется изрядно. От меня несет виски.

— Давайте с начала, доктор Карлайл, с самого начала и до сегодняшнего вечера, который вы провели с моей женой.

Это все, что мне нужно знать: чем они занимались, когда полиция забарабанила в дверь? Они целовались или до этого не дошло? Касался ли он ее спины, плеча, лица, а быть может, и более сокровенных мест? Или того хуже, полиция вломилась, когда они находились в спальне? Вряд ли Джулия рассказала бы мне о том, как они судорожно натягивали одежду, дабы встретить Эда с его парнями.

— Так вы будете рассказывать, доктор Карлайл? Больше вам никто сегодня не поможет. Вас допросят, возможно, предъявят обвинение, а утром дело передадут в суд магистрата. — Я откладываю ручку. Словно бросаю перчатку.

Он молчит, смотрит сквозь меня, и за стеной из презрения и ярости мне чудится беспомощность. Доктор нуждается во мне. Нить, связывающая меня и Джулию, растянулась так, что ее почти не видно, но все же не порвалась. Как же хочется выпить, хотя бы глоток.

— Доктор! Следователь ждет, когда вас можно будет допросить по поводу очень серьезного преступления. И он не собирается выпускать вас.

Пусть сразу об этом узнает. Но Дэвид закрывает глаза, словно переносясь куда-то далеко-далеко, в иное место, иное время. Лоб его блестит от пота.

— Доктор Карлайл, вы напали на Грейс Коватту двадцать седьмого декабря?

Он резко открывает глаза, и я буквально подпрыгиваю на месте. Они такие темные и бездонные, что я не в силах подобрать сравнение.

Карлайл не успевает ответить, потому что я продолжаю:

— Вы должны знать, что если вы скажете мне, что... — я сглатываю; только не вспоминать о том, как выглядит Грейс, — что совершили все то, в чем вас обвиняют, и потребуете от меня, чтобы я придерживался линии вашей невиновности, то я не смогу быть вашим адвокатом. — Я очень надеюсь, что так оно и произойдет. Сейчас. Сегодня вечером. И я уйду отсюда.

— Я не собираюсь говорить вам ничего подобного, — улыбается Дэвид. Он так хладнокровен, будто ему выписали штраф за парковку

в неположенном месте.

— Против вас серьезные улики. — Это я уже знаю. Ознакомился с содержимым папки.

Карлайл сегодня уж точно никуда не уйдет, разве что обратно в камеру. Я тру лицо, пальцы путаются в отросших космах. Представляю, что завтра напишут в газетах. *Подозреваемого представляет опустившийся алкоголик.*

— Вот что я вам скажу, мистер Фрэнч: я ни на кого не нападал, никого не избивал и никого не калечил. Как только полиция осознает, что все улики — косвенные, меня выпустят. Все очень просто.

Карлайла, похоже, совершенно не тревожит серьезность предъявленных обвинений. А я не знаю, говорит он правду или лжет.

— На лугу, рядом с тем местом, где нашли Грейс Коватту, полиция обнаружила изорванную куртку. — Я думаю о Джулии, о том, как храбро она себя повела, увидев девочку. — В кармане находилась банковская выписка на ваше имя. Полиция наверняка получила официальное подтверждение, что выписка принадлежит вам. И на ней полно следов ДНК, волос, телесных испарений.

Я жду реакции. Ничего. Меня тошнит. *Марри, ты должен через это пройти. Ради Джулии.*

Я продолжаю:

— У инспектора Хэллита есть запись, сделанная одной из городских камер видеонаблюдения, на которой видно, как вы с Грейс сидите в вашей машине в тот день, когда на нее напали.

— Это просто...

— Кроме того, владелец кафе утверждает, что за неделю до того вы были в его заведении с Грейс Коваттой. По его словам, вы ссорились. — Я бегло просматриваю страницы. — И еще вы... люди видели, как вы ее целовали. Очевидно, вы с ней хорошо знакомы, доктор.

Лицо Карлайла непроницаемо.

— Джулия сообщила полиции, что Грейс, когда она ее нашла, произнесла лишь одно-единственное слово — «доктор».

Какая ирония! И все же я рад, что показания Джулии помогли

арестовать Карлайла.

— Она попросила мне помочь, верно? — говорит он с едва заметной, точно тень, улыбкой. Я отвечаю не сразу, и он делает вывод: — Она вас заставила.

Карлайл словно и не слышал, что я ему говорил.

Я качаю головой:

— Да нет, вообще-то...

— Так вы это сделаете?

— Что?

— Поможете мне?

— Конечно, насколько...

— Позвольте дать *вам* совет, мистер Фрэнч, — перебивает меня он. — Я знаю один анекдот об адвокатах. Нам не помешает немного развяться, верно? — Он встает.

По части габаритов мне до него далеко. Он нависает надо мной, упершись руками в стол. Бесстрастность его наконец-то дала сбой, лицо искажено — то ли от ярости, то ли от отчаяния. Карлайл молчит, нагнетая напряжение. — Как снять адвоката с дерева?

Я пожимаю плечами:

— Понятия не имею.

Разумеется, я уже слышал этот анекдот. Но я выше этого. Нам нужны не анекдоты, а чудо.

— Ну и как снять адвоката с дерева?

— Перерезать веревку, мистер Фрэнч. Перерезать веревку.

## Джулия

В неделю отведено девяносто минут для посещений, и все это время он отдает мне. Целая неделя, втиснутая в полтора часа.

— Это просто возмутительно. Ужасно, — шепчу я, чтобы никто нас не подслушал.

Но сколько бы страсти я ни вкладывала в свои слова, все равно звучит так, будто его остановили за превышение скорости и упекли в тюрьму за пререкания с постовым.

— Нелепо! — И я смеюсь, показывая, что верю в его невиновность.

Нет, не могла я так обмануться в нем. Я знаю, просто знаю, что у нас общее будущее. Дэвид ни на кого не нападал. Этого не может быть, и точка.

— Я снова навещала Грейс Коватту. — По тому, как гаснут его глаза, я понимаю, что ему больно слышать ее имя. — Она в искусственной коме. Осталась одна оболочка, будто из нее высосали жизнь. Для полицейских и особенно для тебя это большое разочарование. Я бы так хотела, чтобы она всем рассказала, что не ты на нее напал!

Я замолкаю. Дэвид меня не слушает. Может, ему неприятна сама тема?

— Понятно, — бесстрастно произносит он. Это может значить все что угодно.

Готова поклясться, что с тех пор, как я видела его в последний раз, он очень похудел. Лицо осунувшееся, под глазами желто-серые тени, сомневаюсь, что он высыпается.

— Все это так печально! У палаты дежурит полицейский, а по больничным коридорам слоняются репортеры. Но Эд пустил меня к ней. (На лице Дэвида появляется раздраженная гримаса. В конце концов, Эд его враг.) Я хотела узнать что-нибудь полезное для тебя, Дэвид. Собрать информацию. Пока Грейс не заговорит, тебе придется находиться здесь. — Я бью ладонью об стол, и охранник оглядывается. — Судебное заседание отложат.

— Гораздо важнее, чтобы Грейс поправилась. Суд подождет.

Похоже, Дэвид смирился с тем, что ему придется какое-то время провести в тюрьме. Я восхищаюсь им, хотя разлука и сводит меня с ума. На лице его добавилось морщин, а в глазах поселилось беспокойство.

— Мне жаль, что пришлось втянуть тебя в это дело.

— Я в нем с самого начала увязла, — напоминаю я. — Ирония судьбы.

— Семейное дело, значит, — замечает он.

— А *твоя* семья? Может, мне кому-нибудь позвонить? — Зря я спросила: Дэвид опускает голову и хмурится. — Как к тебе здесь относятся? Ты хорошо питаешься? У тебя отдельная комната?

Странно, но на его лице появляется улыбка, а глаза весело загораются.

— Это называется камера, Джулия. Нет, у меня есть сосед. — На секунду я вижу знакомого Дэвида — обаятельного, уверенного, спокойного. — Но мне случалось бывать в гостиницах и получше. У этой звезд явно маловато, да и деликатесами здесь не балуют. И постояльцы уж очень шумные и бесцеремонные. Мне бы вовсе не хотелось делить комнату с осужденным педофилом.

Он умолкает, а я съеживаюсь от ужаса.

— Это тюрьма категории А, Джулия, — говорит он. — Здесь сидят дурные люди.

— Но ты вовсе не такой, Дэвид. Ты не должен здесь сидеть. Я верю, что ты ни в чем не виноват. Правда, верю. — Я беру его за руку.

Люди, которым еще не предъявлено обвинение, имеют право на вольности по сравнению с теми, чья вина уже доказана. И на том спасибо.

— А может, напротив, подходящее для меня место, Джулия. — Дэвид сжимает мою ладонь, обнимает своими руками. Точно так же Марри обнимает ладонями ручки Флоры. — Мне очень жаль.

— Только не сдавайся! — твердо говорю я.

Но когда он закрывает глаза и отворачивается, под кожу

просачивается первая капля сомнения.

После ареста Дэвида мне остается только ждать. Марри пообещал, что займется формальностями. Он утешал меня, пока его не вызвали в комнату для допросов. Он утверждал, что, возможно, после допроса у полицейских не окажется достаточно улик, чтобы возбудить дело. Пока он говорил с Дэвидом и общался с полицейскими, я привезла его костюм и все остальное, о чем он просил.

— Иди домой и поспи, Джулия. Ты должна отдохнуть. Ради детей, — бодро предлагает Марри. Словно ему в радость защищать Дэвида. Мне хочется верить, что он сделает все, что сможет, но ситуация абсурдная. Утром обзвоню лучшие адвокатские фирмы, какие смогу найти.

— Если бы Шейла позволила тебе объяснить, она бы не заставила тебя взяться за это дело. — Я жду, когда он со мной согласится.

Марри подносит руку к моему лицу, будто собираясь погладить по щеке, но тут же роняет.

— Доверься мне, — только и произносит он.

Слова хрупкие, точно крылышки мотылька.

Его зовут.

«Однажды я тебе доверилась», — думаю я, но вслед шепчу:

— Спасибо.

Я так и не смогла заснуть. Рано утром позвонил Марри.

— Джулия. — Он молчит, словно не зная, как преподнести новость. — Дэвиду предъявили обвинение.

— Правда? — Я понимала всю серьезность положения, но так надеялась услышать утром, что все разъяснилось. — В чем?

— В нападении на Грейс. В нанесении тяжких телесных повреждений. В покушении на убийство.

— Но ты же говорил, у них недостаточно улик для обвинения!

— Сегодня утром он предстанет перед судом магистрата.

Я засыпала Марри вопросами, но получила лишь уклончивые ответы. Он не хотел меня расстраивать.

— Прости, — вздохнул он в трубку. — Дело ведь еще не закончено.

— Его ждет суд присяжных? — как можно спокойнее спрашиваю я.

И представляю, как Марри на том конце провода кивает головой, подтверждая худшие мои опасения. Он коротко прощается.

Дэвид предстает перед мировым судьей. Под залог его не выпустили. Как мы и боялись, его будут судить присяжные. Я ничего не могла сделать — ни позвонить, ни передать ему одежду. В закрытом фургоне Дэвида перевезли в тюрьму «Уайтгейт». Он быстро вошел в мою жизнь, но так же быстро его вырвали из нее.

После того как репортеры пронюхали об аресте, у здания суда собралась разъяренная толпа. Я влетаю внутрь, накинув на голову куртку, а на выходе спотыкаюсь о каменные ступеньки. Я учительница — учительница девочки, на которую напали, — и в то же время связана с мужчиной, подозреваемым в этом преступлении. Все жители страны уже полюбили Грейс. Если станет известно, кто я, журналисты начнут за мной охоту, как, несомненно, и директор нашей школы. Город наводнен репортерами всех мастей, телекамеры на каждом шагу. По всей Англии родители хотят знать, что их дети в безопасности. А я хочу, чтобы Дэвид вернулся.

— Я сделал все, что мог, Джулия.

Марри выглядит изможденным. Вместо того чтобы страдать похмельем, ему пришлось присутствовать на допросе, затем разбираться с выдвинутым обвинением и, наконец, выступать в суде. Поспать ему так и не удалось. В последнее время столько всего произошло, что я сама, должно быть, выгляжу не лучше.

— Но это еще не конец. Я подам апелляцию. Посоветуюсь со старшими партнерами, с коллегами и постараюсь выиграть в суде.

Я забираю детей из школы. Вскоре на ферму приходит Марри.

— Я остаюсь здесь, хочешь ты того или нет, — заявил он, как



только я открыла дверь. — Если ты права насчет Дэвида и он ни в чем не виноват, то поблизости бродит безумец, которому арест развязал руки. И если ты непустишь меня в дом, я поселюсь в амбаре. — Он просунул в дверной проем ботинок, словно вонзив его в мое сердце. — Разве ты сможешь заснуть, зная, что я замерзаю в сарае? — Его улыбка уносит меня на тысячу лет назад. Во всяком случае, мне кажется, что это было тысячу лет назад.

Я неохотно застилаю кровать в свободной комнате, пока Алекс радостно скачет по дому, во весь голос распевая, что мама снова любит папу. С этой минуты мы будто исполняем затейливый танец: порхаем между воспоминаниями и необходимостью чистить зубы, готовить еду, вальсируем через надвигающийся развод и отступаем в сторону от мысли о том, как он отразится на детях. Мы с Марри расстались летом — и вот, хоть и ненадолго, снова поселились вместе. Самое странное, что мы оба воспринимаем это довольно обыденно.

— Хочу вернуться в Или, — говорю я Марри воскресным вечером.

Решение далось мне нелегко. В то утро я навещала маму — впервые с тех пор, как ее положили в лечебницу. Было большим облегчением узнать, что о ней хорошо заботятся.

— Детям нужна стабильность. В последнее время я слишком часто подкидывала их то Надин, то друзьям, учитель Алекса пожаловался, что у него проблемы с поведением. На Алекса это совсем не похоже.

Мы дружно вздыхаем.

— А что будет с Бренной и Грэдином?

Это не его забота, но я знаю, что Марри не все равно. Я обзвонила друзей в надежде, что кто-то заберет подростков к себе хотя бы на несколько дней, но пока никто не согласился.

— Надо сообщить в службу опеки. Им подыщут другую семью. — Меня послушать, так это не дети, а бездомные котята. — И ума не приложу, как быть с мамиными животными. — Я ищу причины, чтобы остаться, хотя детям пора возвращаться к обычной жизни. — Господи, как я хочу, чтобы все опять стало как раньше.

Мы молчим, понимая, что это невозможно.

Я деловито убираю на кухне, складывая в стопки тарелки, со стуком сгребая столовые приборы в разошедшийся ящик. Я цепляюсь за осколки нормальной жизни — ради мамы, Алекса и Флоры, ради Дэвида, — хотя я давно уже разжала пальцы, стискивающие разбитые черепки моей собственной.

Все это в прошлом. И мы с Марри неуклюже топчемся в тени общих воспоминаний, выжидая, когда другой уйдет из комнаты, думая о том, кто выключит свет, проверит, закрыты ли двери, погасит тлеющие угли. Привычные вечерние ритуалы. Я хватаю Марри за руку. Он испуганно дергается.

— Что? — Его рука — сгусток неуверенности — напряжена. Марри не может решить, отступить назад или обнять меня. — Что, Джулия?

— Ничего, — отвечаю я, чувствуя себя очень глупо.

— Ладно.

Напряжение утекает из его пальцев, они нерешительно сплетаются с моими.

— Помнишь, как Алекс сломал руку?

Это какое-то безумие. Мы стоим у кухонной двери. Марри сгорбился под низкой притолокой, а я прижалась спиной к косяку. Он не отпускает мои пальцы.

— Это было ужасно. Худший день в моей жизни. — Мгновение мы вновь переживаем тот случай. — Да, *один* из худших дней в моей жизни.

Я знаю, о чем он сейчас думает. Вспоминает, как я объявила новость, вновь ощущает кислый вкус отчаяния, слышит горькие слова, грохот захлопнутой двери.

*Марри, я хочу развестись.*

— А ты помнишь, — нерешительно говорю я, — как мы думали, что кость неправильно срастется? Как мы боялись, что у Алекса будет кривая рука?

— До того дня он был совершенно здоров. — Марри горбится еще сильнее, словно плечи его придавливает тяжесть.

— Он и сейчас здоров, — возражаю я, и Марри кивает. В одном

мы всегда были согласны: наши дети — чудо. — Помнишь, как все было?

— Ходунки, — тихо отвечает он.

— А последовательность событий? Ты звонил мне из офиса. Все звонил и звонил, я не брала трубку, занималась с детьми и не слышала. А затем зазвонили в дверь, Флора выплюнула еду, ты снова позвонил, у меня разболелась голова, из-за бури отключили электричество, я говорила с тобой, зажав трубку плечом, и порезала ножом палец. Я даже не знала, что ходунки наверху. Должно быть, ты их там оставил.

— А, понятно. Ты решила обвинить меня в том, что с Алексом произошел несчастный случай?

Между нами пробегают холода.

— Что? — Я выдергиваю руку, но Марри ее не отпускает. — Конечно, нет. Тебя даже рядом не было.

— Мы обсуждали это много лет назад, Джулия. В то утро я забыл отнести эти чертовы ходунки вниз. — На лбу Марри выступает пот.

— Эй, — мягко говорю я. Раньше я бы еще поцеловала его, погладила, выразила свою нежность.

— Он так страдал. — Марри прикрывает лицо свободной рукой. — Если бы...

— Если бы я закрыла вход на лестницу, Алекс не полез бы наверх, не забрался в ходунки и не свалился вниз. Ты не виноват, Марри. Мне было вовсе необязательно отвечать на телефонный звонок или бежать к двери, чтобы посмотреть, кто пришел. — Я поднимаю указательный палец и подношу его к свету из коридора. — Видишь? Шрам. Память о том ужасном дне.

Марри шумно вздыхает.

— А хочешь правду, Джулия? — Сузив глаза, он крепче сжимает мою руку. — Я был пьян. Так сильно пьян, что не мог доехать до дома. Поэтому я тебе звонил. Поэтому мы говорили по телефону, когда Алекс карабкался по лестнице.

Я начинаю дрожать, хотя угли еще обогревают комнату. Пытаюсь понять.

— Как? Ты... ты же говорил, что машина сломалась и пришлось вызывать эвакуатор. И у тебя было столько работы, что ты не мог сам этим заняться.

— Я соврал. Весь день проторчал в пабе, набрался в дым и не мог в таком виде вернуться домой. Поэтому я и звонил. И продолжал трезвонить, потому что слишком глуп и не знаю, когда надо остановиться.

А я-то хотела напомнить Марри, как хорошо нам было вместе. Каждый раз, когда случалась какая-либо неприятность, мы сплывались и справлялись с ней. Травма Алекса — хороший пример того, как мы все преодолели и стали сильнее. А еще осознали свою уязвимость.

— Ты был *пьян*, — шепчу я, словно подобного никогда не случилось прежде.

И тут до меня доходит, что сейчас Марри делает то же самое — зовет меня на помощь, потому что не знает, как остановиться. Он никогда не остановится.

Я медленно высвобождаю пальцы и ухожу.

Маму мы находим в комнате отдыха, она смотрит в окно. На ней больничный халат явно не ее размера.

— Мама, я же положила твои вещи в сумку. — Сажусь рядом с ней. Мне кажется, очень важно, чтобы она сохраняла индивидуальность. — Зачем ты надела больничный халат?

Она не оборачивается на звук моего голоса, продолжает смотреть, как крупные капли дождя стучат в окно. Небо мрачное.

— Алекс, побудь с бабушкой и Флорой, а я кого-нибудь поищу.

Я иду по коридору к столу медсестры.

— Моя мать, — начинаю я, слегка задыхаясь от раздражения, — Мэри Маршалл. Она в больничном халате. Это обязательно? — Я слышала, что пациенты привыкают к строгим правилам и потом с трудом адаптируются к домашней жизни.

Медсестры, больше похожие на исполнительных и вежливых работниц пятизвездочного отеля, здороваются со мной и

нерешительно переглядываются. Одна ищет в компьютере историю болезни моей матери.

— Сегодня ей делали анализы и, видимо, поэтому надели халат. Может, вы вернетесь в палату и переоденете ее? Ей будет приятно, — предлагает медсестра, сверкнув белозубой улыбкой.

Я не верю ей ни на секунду.

— Спасибо, — спокойно говорю я, разворачиваюсь, чтобы уйти, и останавливаюсь. — А что за анализы?

Медсестра пожимает плечами:

— В истории болезни не сказано, но когда мы получим результаты, то обязательно вас известим.

Ее уклончивость мне не нравится.

Вернувшись в комнату отдыха, обнаруживаю, что Алекса рядом с мамой нет. Оглядываюсь и вижу, как он помогает какому-то старику сложить пазл. На пару они пытаются вставить деталь в отверстие, которое явно слишком для нее мало. Флора хихикает на коленях у бабушки, словно ее щекочут. Вдруг выражение ее лица становится серьезным и она что-то показывает, но я не вижу, что именно. Застываю в дверях, отчаянно надеясь, что мама напишет что-нибудь в ответ, но Флора уже заметила меня и машет рукой.

*Бабушка с тобой разговаривала?* — лихорадочно черчу я, когда Флора соскальзывает с худых колен моей матери.

Флора оглядывается на бабушку и нерешительно отвечает: *Нет. А когда бабушка выздоровеет? Я скучаю.*

*Я надеюсь, что скоро, милая. Скоро.*

Из коридора доносится шарканье — словно кто-то делает один шаг вперед и два назад. Что все-таки лечат в этой клинике?

— Простите, — обращаюсь я к молодому человеку, который рысью направляется к лестнице. — Наверное, это странный вопрос, но... не могли бы вы сказать, что это за больница?

Звучит и вправду глупо, но ответа я жду с тревогой. Ведь это Дэвид определил маму сюда.

Зрачки точно большие черные пуговицы. Он судорожно облизывает сухие губы, чешет предплечье.

— Меня хотят убить, — лихорадочно шепчет парень. — Все хотят меня убить.

И он бежит вниз по лестнице, горланя какую-то околесицу.

Веду маму в ее комнату. Я доверяла и доверяю Дэвиду. А сомнения лучше пока запрятать поглубже. Нет у меня на них сил. Или я просто не желаю посмотреть правде в глаза?

— Думаю, что завтра утром тебя навестит Марри.

Время, которое я могу провести с Дэвидом, подходит к концу.

— Дай-ка я справлюсь со своим ежедневником, — смеется Дэвид.

Он держит меня за руку, словно мы сидим у меня или у него дома или в пабе. Как я могла усомниться в его честности? Как могла даже допустить, что он преступник? Нет, я верю в правосудие. И верю Дэвиду. А главное, — впрочем, ничего другого мне сейчас и не остается, — я верю Марри.

— Я попрошу его принести чистую одежду, чтобы тебе не пришлось надевать тюремное.

— Ну что ты, это привилегия заключенных! Поверь, здесь не так уж и плохо.

Дэвид старается не унывать. Я гляжу на него, пытаюсь понять, почему влюбилась в человека, которого, по сути, почти не знаю. Решила, что клин выбивают клином? Не исключено. Но что, если мы связаны на глубинном уровне, что, если мы предназначены друг другу? Именно благодаря Дэвиду я почувствовала вкус к жизни. Изменилась. Стала более сильной и цельной. Я верю, что он должен стать частью моей жизни.

— Было тяжело? — спрашиваю я. — Ну, на суде.

Вообще-то мне хочется узнать, как проявил себя Марри. Он хорошо выступал? Есть ли его вина в том, что Дэвида не выпустили под залог?

— Все прошло так, как и ожидалось. — Лицо Дэвида спокойно, невозмутимо. — Марри прекрасно поработал, — продолжает он, словно прочитав мои мысли. Мы по-прежнему настроены на одну

волну. — Как только закончится следствие, дело передадут в суд присяжных.

Мы молчим. Нам не хватает слов, чтобы описать муку от предстоящего нескончаемого ожидания.

— А может, Марри подать апелляцию на решение суда? А я найду... — мой голос слабеет, — юриста поопытнее, который займется твоим делом. — Чувствую себя предательницей. — Ведь у него нет опыта уголовных дел.

— Джулия, Джулия, — увещевает Дэвид, — не торопи события. Пусть все идет своим чередом. И что плохого в том, что мы не выносим сор из избы?

— Мы с Марри разводимся, Дэвид, поэтому он в сложном положении... — Господи, о чем я? За последние три дня на него столько навалилось, а тут еще я со своей семейной тягомотиной. — Прости. Я эгоистка.

Надо сменить тему. Не хочу, чтобы последние минуты были омрачены размолвкой.

— Мне кажется, что Эд... полиция хватается за соломинку. — Так, снова свернула на свое семейство. У нас столь маленький городишко, что от родственников никуда не деться. — И похоже, все улики исключительно косвенные...

Марри объяснил, почему арестовали Дэвида, но как-то туманно. Должно быть, побоялся расстроить меня.

— Марри сказал, что они до сих пор не получили результатов анализа ДНК. Это хорошо. Сейчас все обвинение держится на записи камеры видеонаблюдения и куртке. По словам Марри, есть шанс, что дело закроют еще до того, как тебя облачат в тюремную робу.

Я жду, что Дэвид объяснит, откуда взялась та запись, но он молчит.

Раздается звонок, и охранник кричит, что осталось две минуты. Две минуты пожизненного заключения.

— До свидания, Дэвид. — Я встаю.

Посетители тянутся к выходу, где их обыскивают.

— Если тебя не переведут отсюда, увидимся на следующей

неделе.

Он наклоняет голову, отворачиваясь от меня, а я целую его в щеку и секунду стою неподвижно, вдыхая его запах и стыдясь того, что пытаюсь учуять запах вины.

— Джулия, — он серьезно смотрит на меня, — береги себя.

Я киваю и ухожу.

Когда я объявила новость подросткам, Грэдин расплакался как ребенок, а Бренна так туго стянула волосы в узел, будто хотела содрать с себя скальп.

— Вас на время поселят в хорошей семье. Все будет прекрасно, вот увидите. — В жизни не слышала более фальшивого голоса. — Считайте, что это каникулы. А потом для вас найдут постоянное пристанище.

Я готовлю им ужин. К счастью, не последний.

— Не хочу я никаких каникул! — воет Грэдин. — Лучше я останусь здесь, с вами и Мэри.

Бренна дает брату подзатыльник.

— Что ты как маленький! — Она снова дергает себя за волосы. — Если вы нас отошлете, мы убежим. Мы не товар, который можно сдать обратно в магазин, знаете ли. У нас есть чувства.

Я смотрю на них. Бренна права. Господи, не думала, что Грэдин так расстроится. Что их ждет в будущем? Мой сын растет в счастливой и крепкой семье, а Грэдин...

Я мысленно жму на тормоза. Счастливой и крепкой семье? Обхохотаться.

Что станет с Алексом и Флорой, когда мы с Марри наконец разведемся? Что происходит с ними уже сейчас?

— Знаю, знаю. Я все понимаю. — Нельзя взваливать на Бренну еще и свою ношу. Луковица выскальзывает из рук, скачет по полу. — Но вы должны понять, что Мэри очень больна и не может о вас заботиться. А мне и моим детям надо вернуться в Или, потому что я должна работать.

Необходимо вернуться к жизни, думаю я, какой бы она ни была.



Бренна зло ухмыляется и молчит. Эта девочка умеет держать паузу.

— Знаю я таких, как вы, — заявляет она наконец. — Сначала мужа выгнали, а теперь и нас хотите.

Она плюет на пол и тащит к двери Грэдина. Момент выбран крайне удачно, потому что на пороге стоит Марри. Он все слышал.

— Эй, что здесь происходит? — На его лице написано удивление, как будто он и в самом деле не понимает.

— А, обычное дело, — отмахиваюсь я. — Подростковые истерики. Гормоны. Вообще-то я выкидываю их на улицу. У них нет дома, а их родители — жестокие уроды. Короче, ничего особенного.

Я больше не сдерживаю слез.

— Ты сказала, что им придется уехать? — Марри протягивает мне салфетку и забирает у меня нож. — Позволь, я сам этим займусь. А то опять порежешься.

Марри не зря интересуется судьбой подростков из Нортмира. Он думает, что я попрошу его остаться, чтобы защищать нас.

Я набираю воду в большую кастрюлю и ставлю на плиту.

— Разве у меня есть выбор, Марри? Я должна вернуться домой ради детей. Кроме того, мне пора на работу. — Я чуть было не добавила: «Ведь теперь я мать-одиночка», но вовремя сообразила, что нарвусь на ядовитое замечание. — Не мог бы ты резать лук помельче? А то Флора не станет есть.

Мы будто переносимся назад, в прежнюю жизнь, рядом из-за игрушки ссорятся дети, в кухне пахнет глаженным бельем и соусом для спагетти, а мы болтаем о всяких мелочах.

— Как в старые добрые времена, да? — улыбается Марри, а я отворачиваюсь, чтобы скрыть слезы, которые опять тут как тут.

Со звоном бросаю ножи и вилки на старый кухонный стол, который с незапамятных времен стоит в Нортмире.

— Послезавтра я возвращаюсь в Или. Устала мотаться туда-сюда. Устала всем угождать. Мне нужно навещать маму в «Лонс», а оттуда гораздо ближе. Кроме того, Флора ходит в балетную студию, Алекс в бассейн...

— Спокойно, спокойно! — Марри откладывает нож. — Мы живем раздельно, но я по-прежнему несу часть ответственности за детей. Ты же знаешь, что я готов тебе помогать.

«Почему ты не убедил меня в этом полгода назад?» — хочется заорать мне, но в кухню входит Алекс, и я сдерживаюсь.

— Проголодался? — обращаюсь я к сыну и поворачиваюсь к Марри: — Вытащи оттуда Дэвида. Это все, о чем я прошу, Марри.

Мы смотрим друг на друга. Марри упорствует в своей вере, что у нас есть шанс.

— Хотя бы ради мамы, чтобы он продолжил ее лечить. Кроме того, если ты забыл, в прошлом у нас не очень хорошо получилось изображать счастливую семью.

Я тут же жалею о своей грубости. Затыкаюсь и раскладываю салфетки, пытаюсь успокоиться. Даже Марри не заслуживает такого отношения.

— Так ты хочешь, чтобы я остался его адвокатом? — Во взгляде его недоверие.

Чтобы избавиться от чувства вины за свою грубость, ожесточенно вспоминаю о ящиках с пивом, о бесчисленных бутылках из-под виски, о нескончаемых одиноких вечерах. Затем думаю о последней встрече с Дэвидом. Похоже, он не собирается ничего менять и, как ни странно, вполне доволен, как Марри ведет его дело.

— Нет, Марри. Я вовсе *не* хочу, чтобы ты оставался адвокатом Дэвида. Глупая идея. — Я набираю в стакан воды. Никаких других напитков в доме нет.

Марри косится на стакан, прекрасно понимая, на что я намекаю. Затем бросает взгляд на часы, и тут уж я понимаю его намек — в ближайший магазин он еще успеет.

— Я считаю, чем быстрее Дэвид найдет...

— Хорошего юриста?

— Нет, Марри. Другого юриста.

Он снова смотрит на часы.

— Закрыто, — говорю я.

— Что?

— Магазин уже закрыт. Ближайшая выпивка в получасе езды отсюда, если, конечно, ты не собираешься переплачивать в пабе или вламываться к соседям. (Марри молчит, и это кажется мне хорошим знаком.) Послушай, Дэвиду нужна помощь. Любой разумный судья с ходу разберется, что обвинение абсурдно. Дэвида ждут его пациенты.

Мы с мамой.

— Я подам апелляцию, — резко бросает Марри.

Так он не собирается воспользоваться возможностью и передать дело другому адвокату? Ведь вряд ли он получает от него удовольствие. Хочет угодить мне? Но на кону стоит нечто гораздо большее, чем моя благосклонность. В чем же причина? Господи, как все запуталось. Я закрываю глаза и молчу. Он тоже молчит. Не знаю, как долго мы так стоим. В чувство меня приводит шипение — это закипевшая вода выплеснулась на плиту из кастрюли с картошкой. Я открываю глаза, делаю глубокий вдох и понимаю, что все это время мы держались за руки.

## Марри

Держать жену за руку — что в этом такого? Не повод для учащенного сердцебиения и потных ладоней. Господи, да мы держались за руки еще детьми. Уже через минуту вся романтика испарилась: подала голос чертова картошка на плите.

— Черт, ну и бардак! — Она вываливает содержимое кастрюли в дуршлаг.

Я торчу все на том же месте, зачарованно гляжу, как она толчет пюре.

— Ну же, вытри плиту, — косится на меня Джулия.

Вооружаюсь тряпкой и подхожу к плите. Лучше не раздражать ее сейчас, ей и так нелегко. Но в следующую секунду я вспоминаю, что теперь она любит не меня, а другого мужчину, — и вероятно, *насильника*, — и мое сочувствие как ветром сдувает.

— Готово, — без выражения говорю я.

Мы уже успокоились. За столом все молчат.

Грэдин набрасывается на еду, словно неделю не ел. Мальчишка интригует меня. Не сомневаюсь, под его диковатостью скрывается нормальный парень. Правда, сомнительно, что он когда-нибудь повернется к миру этой стороной своей натуры. И тут же напоминаю себе, что и настоящего Марри давно уже никто не видел.

Ужин проходит в звенящей тишине. Говорит только Флора. Машет руками, словно не замечая общей напряженности. Никто не обращает внимания на ее рассказ о сегодняшней поездке в больницу.

*Бабушка сказала, ей очень жаль.*

Что сказала бабушка? — недоверчиво показываю я. Пальцы завязываются в узлы.

— Очень смешно, Марри. — Джулия откладывает вилку и качает головой. — Бабушка ничего не может сказать. В том-то и проблема, черт побери, если ты не заметил.

С точки зрения Джулии, я все делаю неправильно. Если бы мне удалось добиться освобождения под залог, то наверняка это

случилось бы слишком поздно или с большими оговорками. Надо было умолить Шейлу, чтобы она сама взялась за это дело.

Но возможно, мне удастся обернуть его себе на пользу. После рождения Алекса Джулия буквально заиклилась на стабильности. Мечтала, чтобы я сделал успешную карьеру. Однажды даже предложила завести еще одного ребенка. Мне идея понравилась.

— Ты никогда не изменишься, правда? — спросила она в тот вечер, когда я едва не упал с барного табурета. Помню, что с нею был Алекс. Он тоже это видел. — Еще одного ребенка? От тебя? Я жалею о том, что и этого родила. Зря я его так подставила.

С тем и ушла. Все правильно. Я ее не виню.

— Утром подготовлю апелляцию, — спокойно говорю я.

Именно это она хочет услышать. Я выйду из здания суда под ручку с доктором Добряком и, моргая от фотовспышек, поведаю миру, что без моей помощи ему бы не удалось снять с себя обвинения в чудовищном преступлении... И тогда Джулия меня зауважает. А может, снова полюбит. А если повезет, вернется ко мне. Как же хочется выпить.

— Ради тебя я вытащу Дэвида из тюрьмы, Джулия.

Я встаю и, не глядя, собираю грязные тарелки.

И только потом вспоминаю, что Флора сказала о Мэри.

Я всегда побаивался Мэри Маршалл. Даже больше, чем миссис Рейт, свою учительницу. В детстве я был убежден, что у матери Джулии есть какой-то страшный секрет, мрачная тайна. Все из-за того, что ее глаза словно были обращены куда-то далеко, в иное время, иное место. И когда она взглядывала на меня, я пугался, что она вдруг возьмет и поделится со мной своей жуткой тайной.

У Мэри Маршалл стройные и сильные ноги, упрямый подбородок. Когда я заходил к ним, прозрачные глаза Мэри, напоминавшие драгоценные камни, наполнялись подозрительностью.

— Тебе что, некуда пойти, Марри? — спрашивала она. Этот вопрос повторялся столько раз, что в конце концов я понял, что мне и в самом деле некуда пойти.

Родителей вполне устраивало, что ферма Нортмир стала для меня вторым домом. И зимой и летом Джулия зазывала к себе целые толпы детей, они носились по двору, карабкались на сеновал или, подвернув джинсы, шлепали по ручью на восточном выгоне. Мэри не возражала против нашествия приятелей дочери, но меня она всегда выделяла. Сейчас-то я понимаю, что причина, скорее всего, крылась в том, что я был намного старше и странно смотрелся среди мелюзги.

— У тебя нет друзей среди сверстников, Марри? У вас большая разница в возрасте, — сказала она, когда я жадно глотал воду из-под крана на кухне. — Поверь мне, это закончится слезами. Так всегда бывает.

И тогда я решил бывать у них пореже. Пусть ее дочь играет с друзьями своего возраста.

Одного из них, Пита Дюваля, чемпиона и пронырливого ублюдка, так и хотелось отдубасить. Как-то раз я увидел в деревне Джулию, она сидела на скамейке и явно кого-то ждала. Заметив меня с собакой, она удивленно улыбнулась и украдкой вытерла глаза. Вообще-то собаку я обычно выгуливал совсем в другом месте, но, прослышав, что Пит пригласил Джулию прокатиться в город, изменил маршрут.

— Джулия! — воскликнул я, разыграв изумление. — Что ты здесь...

— Он меня кинул, так что просто не спрашивай. — Она едва слышно всхлипнула.

Собственно, это я и сам понял. По деревне я слонялся уже больше часа, высматривая смазливую рожу Дюваля. Жил он в большом новом доме.

— Да он такой придурок. Можно я присяду?

Слишком она была юной для одиночества.

— Нельзя.

Разумеется, я сел рядом.

— Так ты что, любишь его?

Пес с комфортом устроился в ногах Джулии. Она вздохнула:

— Уже нет. Ну, если только у него есть хорошее объяснение. А

так он типа умер.

Мы рассмеялись. Внезапно из глаз ее брызнули слезы, стремительные, горячие. Пара минут, и вся моя футболка промокла.

Домой я возвращался, кляня родителей за то, что не могли немного подождать с моим зачатием. Джулия шла рядом. А потом произошло нечто поразительное. На развилке, где от шоссе отходила грунтовая дорога, ведущая к ферме Нортмир, Джулия Маршалл остановилась, приподнялась на цыпочки и прошептала мне в ухо:

— Я встречалась с ним только для того, чтобы заставить тебя ревновать.

И не оглядываясь унеслась прочь. Я смотрел, как мелькают тоненькие ножки, и боялся, что они сломаются, такие хрупкие они были.

— А я никого не ревновал! — крикнул я.

Джулия обернулась, послала мне воздушный поцелуй и исчезла.

Всю дорогу домой я размышлял, как это Джулии Маршалл удалось превратить меня в свою игрушку.

Укладывать Флору — целая история, к тому моменту, когда она засыпает, все вокруг вверх дном. Это с Джулией она ведет себя пайнкой, а со мной устраивает бешеные игрища. Но сегодня я отказываюсь играть и прошу повторить, что сказала ей бабушка.

*Ничего, — показывает она. — Бабушка не разговаривает.*

Я вздыхаю.

*Да, я знаю. Бабушка молчит. Но за ужином ты сказала, что бабушка попросила прощения. За что? Разве она сделала что-то плохое?*

Флора сооружает из одеяла туннель, проползает по нему и выглядывает с другой стороны. Оглушительно хохоча, она пускается в обратный путь. Я сграбастываю ее вместе с одеялом и нещадно щекочу, пока она не начинает махать рукой, прося пощады. Я останавливаюсь.

Мы смотрим друг на друга, и я вижу маленькую Джулию. Как было бы здорово вернуться в детство. Я бы рассказал Джулии, что

ждет нас впереди, заставил бы пообещать, что она никогда меня не бросит. Я бы все исправил.

— Пора выключать свет. — За моей спиной стоит взрослая Джулия. — Ну-ка быстро спать, маленькая бандитка!

Она жестикулирует, обращаясь к Флоре, укладывает ее, подтыкает одеяло.

*Спокойной ночи*, — показываю я и оставляю дверь в комнату приоткрытой.

— Марри, тебе тоже пора спать, — сухо вато говорит Джулия на лестничной площадке. — Завтра ты обязан быть в хорошей форме. Делай что хочешь, но Дэвид не должен снова ночевать в тюрьме. — Стабильное будущее, о котором она так страстно мечтает, ускользает. — Мне нужно, чтобы он оттуда вышел.

Я киваю, мимолетно глянув в позолоченное зеркало.

— Спокойной ночи, Джулия.

Заворачиваю в свою спальню, переполненный ревностью.

— Итак, — спрашивает Шейла, — ты снова счастливый семьянин?

Я только сообщил, что перебрался в Нортмир, чтобы помочь Джулии, но стоило мне заговорить о болезни Мэри, как взгляд у Шейлы становится отсутствующий. Ей нет дела до моих проблем. Ее интересуют лишь клиенты, иски, совещания и отчеты.

— Да уж, счастья выше головы. Мы только и делаем, что грыземся.

— Может, тогда поиграешь в детектива и наведешься в полицию? Надо узнать, кто главные свидетели в деле Карлайла. Отличное дело, правда, Марри? Богатый клиент и прекрасный шанс показать, на что ты способен.

Я молчу, и лицо Шейлы обиженно вытягивается.

— Вообще-то я рассчитываю на твою благодарность. — Она садится на угол моего стола, ручка, подарок Джулии, летит на пол. — Если ты справишься с этим делом, я похлопочу перед Джерри за тебя.

Я откидываюсь на спинку стула. Его скрип под стать скрипу, с



которым ворочаются мои мозги.

— Похлопочешь за меня? Шейла, я очень-очень благодарен за то, что спасаешь мою шкуру, но ты не понимаешь. Этот случай...

— Я всегда знала, что вы не из тех, кто легко сдается, месье Фрэнч. Как ты думаешь, почему я выбрала тебя много лет назад, когда ты пришел, весь такой энергичный, с розовыми щечками?

Я — энергичный? И с розовыми щечками? Что за нелепая фантазия. Ничего не помню. Впрочем, благодаря виски я с каждым годом помню все меньше. Алкоголь отлично отстирывает память.

— Шейла, ты знаешь, кто такой Дэвид Карлайл?

— Да. Конечно, знаю, — говорит она, слезает со стола, поправляя юбку и каблуком задевает ручку. Та катится под стол.

Нагибаюсь и достаю. Меня тошнит.

— Он твой клиент, балда. Импозантный доктор, которого обвинили в нападении на девочку, Грейс Коватту. Я уверена, что произошла ошибка. На полицию давили, чтобы они быстрее кого-нибудь арестовали. Вот они и взяли того, кто оказался в неправильном месте в неправильное время. И нам это дело по силам, верно?

— Шейла, все не так просто. — Чувствую, мне пора собирать вещи.

— А ты добейся того, чтобы было просто, милый Марри. — Она наклоняется ко мне, словно для того, чтобы поделиться секретом успешной работы. Меня мутит от запаха ее духов. — Послушай, Марри. Джерри снова шлея под хвост попала. А я поставила на тебя, когда ты пришел к нам, и не хочу, чтобы ты меня подвел. Мне моя репутация дорога. — Она отходит к окну, из-за узкой юбки шажки у нее до нелепости маленькие. — Твое пьянство ни для кого не секрет. Если бы все решали партнеры, тебя бы давно... — Она чиркает ладонью по горлу. — Я выговорила тебе отсрочку, так воспользуйся этим, мать твою! Отправляйся в тюрьму, подай апелляцию, подготовься к выступлению и вали в суд! Вот чем ты должен заниматься, Марри, а не штрафами за парковку, с которыми даже наш практикант справится с завязанными глазами.

— Нотация закончена? — тихо спрашиваю я. Нет, я не ору. Не вскакиваю и не стучу кулаком по столу. Я спокоен. Даже

улыбаюсь. — Я не хочу заниматься этим делом.

Ну вот. Я сказал.

Шейла молча закуривает и открывает окно.

— Не хочешь? — Слова недоверчиво повисают колечками дыма, уплывают на улицу. — Значит, ты и работать не хочешь? Я правильно понимаю?

— Конечно, хочу... — Я осекаюсь.

А может, и не хочу уже. На столе снимок Джулии, я сфотографировал ее в тот день, когда она выбирала свадебное платье. Провожу пальцем по ее волосам. Лицо Джулии сияет. Губы чуть приоткрыты. Я вспоминаю, что в руках она держала номер журнала «Невеста». Мы так радовались, что скоро поженимся. Уже знали про ее беременность, и я ее боготворил...

— Она всегда была такой, — говорю я. — Когда носила ребенка, то вся сияла, и от нее... не знаю, как сказать... исходил свет. Понимаешь?

— При чем тут свет, Марри? У тебя крыша поехала? Или ты пьян? — Шейла пристально смотрит на меня.

— Какое красивое платье, — улыбаюсь я, удивляясь отчетливости воспоминания. — Сливочно-белое с крошечными голубыми цветами у выреза. Пошел дождь, подол намок. Джулия хотела отдать платье в химчистку, но я не разрешил. Ведь это напоминание о нашей свадьбе.

— Наверное, уже тогда прикладывался к бутылке. — Шейла подходит, наклоняется ко мне и с силой втягивает воздух. От нее пахнет кофе.

«Марри, не упusti свой шанс. Тебе нужна работа. Ты же знаешь, что на мою зарплату учительницы мы не проживем», — улыбается Джулия со снимка. Я касаюсь ее лица.

— Я не упущу свой шанс, — шепчу я ей.

Шейла облегченно вздыхает и направляется к двери.

— Вот и хорошо. Так вот, вскоре Джерри намерен устроить аттестацию. Не стану уверять, будто ты можешь стать партнером, Марри, но если ты хочешь, чтобы твоя миленькая женушка была

счастлива, то советую приниматься за дело.

Я осторожно ставлю фотографию Джулии на место. Внутри разливается странное тепло. Начинаю собирать бумаги, которые понадобятся мне сегодня. А Джулия все смотрит на меня с фотографии, и теплота в груди не исчезает. Что это? Осколок прошлого счастья, смытого алкоголем? Или просто любовь?

Тюрьма «Уайтгейт» — исправительное заведение с особо строгим режимом для преступников категории А и В. Видеть здесь Карлайла — ни с чем не сравнимое удовольствие, даже бутылка лучшего скотча такого не доставит.

— Доктор Карлайл, — мрачно говорю я.

Он сидит слегка ссутулившись. Рядом маячит охранник. Как ни странно, доктор не выглядит сломленным. Охранник выходит и встает за дверью с застекленным окошком. Для нас сделали исключение, разрешив беседовать наедине. В тюрьме до этого я бывал лишь дважды. Дотошная проверка выбила меня из равновесия, в жилах буйствует кофеин, даже руки чуть трясутся. А может, дело в том, что я уже несколько дней не пил — ровно столько, сколько живу в Нортмире.

— Что нового? — Я сажусь за столик и крепко сплетаю пальцы.

Карлайл удивленно смотрит на меня. Похоже, он ждал кого-то другого.

— Должно быть, именно этот вопрос хотели задать мне вы. Сразу скажу, что я здесь исключительно ради Джулии. У нас полно профессиональных защитников. Я таковым не являюсь. Но... — Задерживаю дыхание и резко выдыхаю. — Я вытащу вас отсюда. — Ежусь от собственного обещания. Но пути назад нет, я не готов подвести Джулию еще раз.

— Значит, мы оба...

Я чуть вздергиваю брови.

— Мы оба делаем это ради Джулии, — заканчивает он.

Интересно, что он собирался сделать с моей женой? Тоже избить?

Он явно читает мои мысли, потому что спокойно говорит:

— О, совсем забыл: я не нападал на девочку.

— Хорошо. Первый вопрос: где вы находились, когда произошел инцидент? Грейс Коватту обнаружили рано утром двадцать седьмого декабря. У меня нет сведений о том, где именно произошло нападение. Результаты криминалистической экспертизы еще не готовы. Может, для вас это и хорошо, что Грейс в коме, — небрежно замечая я, рассчитывая увидеть в его глазах хотя бы мимолетный блеск. — Судмедэксперты продолжают работать. Пока они не делали заявлений, что имел место половой акт, но кто знает, что последует затем.

Вид у Карлайла почти скучающий, точно все это его не касается.

— Итак, я хочу знать, где вы находились в ту ночь и предшествующий вечер.

Дэвид вздыхает.

— До шести часов вечера у меня было дежурство, я вел прием в больнице. Потом поехал домой. Приготовил ужин.

— Вот как. Вы точно помните?

— По четвергам я всегда дежурю в больнице до шести часов. Этой мой день.

— Хорошо, в шесть вы уехали домой и больше никуда не выходили. Вы можете это доказать?

— Нет.

— А в каких отношениях вы состоите с Грейс? Судя по свидетельствам очевидцев, вы с ней знакомы.

— Да, я ее знаю.

— Насколько близко?

Кадык Дэвида дергается.

— Пошли сплетни, — тихо говорит он. Я напряжиниваюсь. — Я хотел это остановить.

— Что остановить, Дэвид? — Я затаил дыхание, уже зная ответ. Как сообщить Джулии, что ее возлюбленный спал с малолеткой?

— Все это. Сначала она пришла ко мне на прием, потом еще раз.

Дальше принялась названивать домой, назначать свидания... — Он вздыхает.

Мне становится не по себе.

— Итак, вы вступили в интимные отношения с юной девушкой, — уточняю я. — Видел ли вас кто-нибудь вместе в тот день, когда на нее напали? Не считая видеокамер наблюдения?

У Дэвида отсутствующий взгляд, словно он о чем-то задумался.

— Да, несколько человек, полагаю. Ее мать видела нас вместе. Утром того дня, когда на Грейс напали, она приходила ко мне с дочерью на прием.

— Что происходило на приеме?

Дэвид растирает лицо руками.

— Грейс поссорилась с матерью в моем кабинете, и та выбежала, оставив нас наедине.

— Из-за чего разгорелась перепалка?

Дэвид смотрит на потолок, словно в поисках ответа.

— Грейс забеременела. Мать хотела, чтобы она сделала аборт, но Грейс не соглашалась. Я долго утешал девушку. Она была очень расстроена.

— Господи... — вздыхаю я, думая о неприятных вопросах, которые мне предстоит задать. — И кто отец?

Дэвид долго молчит.

— Не могу сказать, — наконец отвечает он. Его руки в беспрестанном движении, будто плетут узелки лжи.

Теперь молчу я. Мне не хватает слов. Губы слиплись как от мороза. Мне нужен перерыв. Нужно глотнуть воздуха. Подумать. Понять, почему я в это ввязался. Выпить. Я встаю, собираю бумаги и выхожу из комнаты. Мое место тут же занимает охранник.

— Как там дела?

Насос, вычерпывающий воду из катера, работает так громко, что я не сразу ее услышал. Спрыгиваю на мостки и констатирую:

— Лодка тонет.

— Марри! Как прошла твоя встреча с Дэвидом? Ты подал апелляцию?

Щеки у Джулии покраснелись, она слегка задыхается от волнения и похлопывает руками в розовых перчатках, словно поторапливая меня.

— Сейчас его и сам Господь Бог из тюрьмы не вытащит. Зайдешь внутрь?

Я собираюсь перевезти кое-какие вещи, которые взял с собой в Нортмир, обратно на «Алькатрас». Нет смысла оставаться на ферме, раз Джулия возвращается в Или.

— Нет. У Флоры занятия в балетной студии.

В ее голосе мне чудится сожаление. Но если и так, то вряд ли оттого, что она вынуждена отказаться от моего приглашения. Конечно, она огорчена совсем по другим причинам: в деле Дэвида не наблюдается прогресса, мать в больнице, а ученица жестоко избита и пребывает в коме.

— Понимаю. Детям привет.

— Хорошо. — Джулия поворачивается к машине, припаркованной на обочине. — Дэвид просил что-нибудь передать? Как он себя чувствует?

— Мы приступили к работе, — неопределенно отвечаю я. А ведь стоит мне сказать всего одну фразу, *Грейс Коватта беременна от Дэвида*, и мир Джулии рухнет. Но я сам еще не переварил эту новость. Нужно увидеть отчет судмедэксперта, дожждаться результатов анализа ДНК. — Не беспокойся, — говорю я ей, подразумевая обратное. — Улики в основном косвенные. Странно, что ему вообще предъявили обвинение. Он в порядке. Ест и спит. Он просил... передать тебе привет.

Джулия кивает, плотно сжав губы.

— Не опоздаешь на ужин? — к моему удивлению, спрашивает она.

Так она думает, что я по-прежнему собираюсь жить на ферме.

— Нет, — невольно улыбаюсь я, — я тебя бросил.

Джулия уходит, гадая, должно быть, как можно бросить того, кого с тобой не было.

## Мэри

Я помню, как солнце пригревало мне спину, на которой лежала его теплая рука. Он сказал, что не видел ничего прекраснее моей спины. И добавил, что у меня хороший мышечный тонус, и перечислил все мускулы, проводя по ним пальцем. Нынче спина моя сгорбилась, мышцы высохли, а кожа пожелтела, но я все еще чувствую его настойчивые прикосновения.

Жилище Дэвида выглядело совсем не так, как я ожидала. Комната была обставлена антикварной мебелью и больше походила на гостиничный люкс. С первого взгляда ясно, что Дэвид — не самый обычный студент. Гостиная, спальня и собственная ванная — все выдержано в глубоких чистых цветах. Две стены полностью заставлены книгами, среди которых немало старинных.

— Это все родители, — объяснил он, заметив мое изумление. — Такие уж они у меня. Обставили квартиру, каждый месяц переводят деньги на мой счет и потому думают, будто... — Он замолчал, погладил меня по спине. — Ромбовидная малая мышца. Поднимается от седьмого цервикального и первого грудного позвонка, присоединяется к ости лопатки. Ты *очень* напряжена.

Я поняла, что с родителями он не в ладах, но от расспросов воздержалась. По крайней мере, это объясняло его вспышки гнева.

— Может, выпьем чая? — предложила я.

Дэвид прав. Я нервничала. Подошла к стеллажам, провела пальцем по корешкам, как Дэвид только что провел по моему позвоночнику.

— От тебя все еще несет покойником. — Я с улыбкой повернулась к нему.

Но к Дэвиду уже вернулась угрюмость.

— Я приготовлю чай. — Он прошел мимо меня, оставив легкий отпечаток губ на моей шее.

Столько лет минуло, а след все еще жжет кожу.

Мы устроились у окна-эркера, пили чай и наблюдали за студенческой жизнью. Я чувствовала себя особенной, частью элиты,



за которой с восторгом наблюдала годами.

— Я решила, что буду делать дальше, — сказала я.

— М-м?

— Ветеринария. Астрономия. Философия. Античная литература. Господи, мне все равно.

Я смеюсь, изгоняя из сердца колющую боль, радуясь тому, что пью чай с интеллектуалом из Корпус-Кристи-колледж. Это все, что мне осталось.

— Но мне нравится и нынешняя моя работа.

— Ты же официантка, — заметил он, вытаскивая сигареты. Закурил.

— Может, когда-нибудь я открою кафе.

Кольца дыма плывут в солнечном мареве, огибая меня. Воздух из легких Дэвида. Я вдохнула, чтобы оставить частичку себе.

— Почему я тебе нравлюсь?

Его прищуренные глаза оценивали меня с уверенностью, необычной для столь молодого человека. Я знала, он меня хочет.

Не желая переводить разговор в более серьезное русло, я снова рассмеялась. Только так мне спастись. Над верхней губой выступили капельки пота. Жарко. И в комнате, и на улице.

— Ну, у тебя красивые глаза. — Это правда. Темные, таинственные, прячущиеся за небрежными прядями. — Ты умный. Мне нравятся умные мужчины. — Да, я с ним флиртвала. Я скрестила ноги, закинула одну на другую, подол яркой юбки переместился выше. — Всегда нравились, они такие...

— Сексуальные?

Дэвид опять улыбался, взрослая мрачность уступила место детской игривости. Меня волновали стремительные перепады его настроения. Я ощущала себя психологом, исследующим бездны его натуры.

— А мне нравятся женщины старше меня, — признался он. — Опыт — это здорово, правда?

Я вспомнила свою клятву и сжала ноги. Я уважала Дэвида и

хотела, чтобы он уважал меня. Да, я старше, но не собираюсь воспользоваться ситуацией. Наши отношения основаны на другом. Для меня они намного глубже. Я хотела, чтобы это он стал моим наставником, хотела пропитаться жизнью, знакомой ему с рождения.

— По-твоему, в двадцать семь опыта достаточно?

— Вполне. — Он подался ко мне. Рубашка натянулась на плечах, рукава чуть задрались.

Дэвид бросил сигарету в пепельницу. Она продолжала тлеть, пока огонь не добрался до фильтра. Я следила за дымом, поднимавшимся к потолку.

— Поэтому ты мне нравишься.

И вдруг он опустился на колени, прижался губами к бедру, пальцы судорожно смяли кофточку.

Чашка выпала из моей руки, ударилась об пол, и тонкий фарфор разлетелся во все стороны. Я оттолкнула его руки.

— Нет, Дэвид!

Все произошло очень быстро. Я поддалась инстинкту самосохранения, но уже через миг испугалась, что нашей дружбе настал конец. Его ладонь все еще сжимала мою грудь, жаркая, сильная.

— Прости.

Дэвид отодвинулся, снова сел в кресло. Лицо у него горело, глаза сверкали. На секунду я вернулась в прошлое, в то время, когда мне было восемнадцать.

На самом деле неважно, где я. В настоящем или в прошлом. Дома или в больнице. Все едино. Сестра проводила меня в белую чистую комнатку, на улице пасмурно и сыплет мелкий дождь, но здесь я точно на краю неба, такое все светлое. Сажу и смотрю в стену, вдыхая дым, что наплывает из прошлого, слившегося с настоящим.

Загорелась только занавеска в душе. И если бы не запах и копоть на кафеле, никто бы и не догадался, что здесь что-то жгли. Но окно открывается всего на дюйм, и запах гари разойдется не раньше чем

через несколько дней. Я хотела сжечь одежду, а не больницу.

Приехала Джулия с детьми. Я не могу посмотреть ей в глаза, поскольку знаю, что ее ждет. Тяжко наблюдать, как твоя дочь сползает в пропасть, а ты не можешь ее предостеречь. Я слушаю ее голос, высокий и чистый, в нем радость от встречи и затаенная грусть. Я молчу. Она что-то щебечет об одежде, о больничных халатах. На колени ко мне взбирается Флора, и обломки моего мира вздрагивают. Джулия выходит.

*Привет, бабушка. Мне здесь не нравится.*

Флора трясет головой, и ее кудряшки приплясывают у моей щеки. Ее волосы пахнут ванилью. Я бы хотела превратиться в нее. Я понимаю, почему она молчит.

*Когда ты вернешься домой? Мило по тебе скучает.*

Она ерзает, устраиваясь поудобнее, задумчиво наматывает пояс моего халата на палец.

*Бабушка, ты больше не хочешь держать зверей? А может, ты заблудилась? Мама говорит, у тебя болит мозг. Я слышала, как она говорила с папой.*

Детские ручки рубят воздух на обрывки слов, и я прекрасно ее понимаю. Рот наполняется слюной.

После рождения Флоры мы довольно долго не знали, что она глухая. Алекс, как это заведено у старших детей, взял на себя роль переводчика. Он говорил вместо нее, и никто даже не догадывался, что Флора обитает в мире безмолвия, пока врачи не сообщили нам эту дурную новость. Если Флора чего-то хотела, она сообщала Алексу на им одним ведомом языке. Несмотря на глухоту, Флора росла очень гармоничным ребенком. В остальном она ничем не отличалась от сверстников, никто не относился к ней как изгою...

Алекс стоит в противоположном конце комнаты. Как он похож на отца. Худой, гибкий и в то же время слегка неуклюжий, совсем как Марри. Синие глаза смотрят из-под непослушных темных вихров. Для своего возраста он высокий и вечно сутулится, чтобы скрыть долговязость. Я вижу, что Алексу скучно, и он выходит из комнаты, несмотря на запрет матери.

Мы с Флорой остаемся наедине, обе запечатанные немотой. Внучка кладет мне голову на грудь. Быстрые детские вдохи в такт с

моими, стариновскими.

Ее руки порхают перед лицом.

*Разве у тебя в ушах тоже ничего нет, бабушка? Только пустота?*

Она требовательно смотрит на меня. Я смотрю в ее ясные глаза. Она хочет стать для меня тем, кем был для нее Алекс. С Флорой говорить безопасно. Она молчит, и мои мысли будут как в запертом шкафу.

*Да, только пустота, — показываю я скрюченными артритом пальцами. — Ничего не осталось.*

Флора кивает и снова кладет голову мне на грудь, словно мы просто продолжили начатый в прошлый раз разговор.

*Бабушка, тебе грустно?*

*Нет, — четко черчу я. — Но мне очень, очень жаль.*

Перед уходом Джулия ведет меня обратно в комнату, но нас нагоняет медсестра. Меня перемещают в другое крыло здания. Из окна новой комнаты не видно каштанов. Из него вообще ничего не видно. Оно совсем маленькое и под самым потолком. Ванной тоже нет, пол застелен линолеумом, а кровать металлическая. Уголок моего рта едва заметно приподнимается в улыбке, но, к счастью, никто этого не замечает. Комната мне идеально подходит.

— Почему вы переводите ее сюда? Та комната намного лучше. — Джулия вот-вот сорвется на крик.

— Простите, миссис Маршалл, но у нас ограниченное количество комнат. Ваша мать устроила пожар, и, пока мы не наведем порядок, ей придется остаться здесь.

Я сажусь на кровать, и сетка провисает подо мной. Я смотрю на Джулию, впитываю ее тепло. Она вдруг опускается передо мной на колени и изливает на меня сотни вопросов, на которые у меня нет ответа.

## Джулия

Бренна все-таки уговорила меня остаться на ферме.

Она умеет включать обаяние, если ей это выгодно. Для трудного подростка получается у нее совсем неплохо.

— О, пожалуйста, миссис Маршалл! Нам здесь так нравится! — Простые слова, умоляющее личико — и я капитулирую.

Она подхватывает удивленную Флору и сажает ее себе на колени, но моя дочь тут же с них соскальзывает. Однако от Бренны не отходит. Флора тронута ее вниманием. Очевидно, дочери не хватает чего-то, что я не могу ей дать.

*Хочешь поиграть?* — показывает Флора, но во взгляде Бренны недоумение.

— Ого! — вскрикивает она. — Круто! Обалдеть, как круто! Научи меня.

Я перевожу просьбу Бренны и внимательно смотрю на руки Флоры, которая показывает ответ.

— Она хочет, чтобы ты поиграла с ней в куклы, помогла их одеть. А еще спрашивает, нравятся ли тебе куклы.

— Просто *обожаю!* — с преувеличенным энтузиазмом отвечает Бренна.

Явно врет. Вполне безобидная афера по сравнению с тем, что происходило в ее жизни раньше; легкий способ червячком проникнуть в мое сердце, использовав Флору. Нет, нельзя концентрироваться на страданиях, что выпали на долю Бренны. Иначе буду особенно внимательна к ней, а девочке сейчас в первую очередь нужно, чтобы к ней относились как к обычному подростку: хвалили, любили, ругали — искренне и справедливо. Удивительно, как быстро она наострилась разговаривать с Флорой, не зная ни одного слова на языке глухонемых. Может, удастся убедить ее с таким же рвением относиться к школьным занятиям? Уже трижды звонили из школы. Бренна прогуливает. Каждый раз я придумывала причину, почему мама не может подойти к телефону, — кормит коз, ушла в магазин купить что-нибудь к чаю, плещется в ванной. Если бы

директриса заподозрила, что мама больше не присматривает за детьми, она тут же известила бы службу опеки. И Бренну с Грэдином забрали бы раньше, чем я повесила трубку, а я не уверена, что хочу этого.

Наблюдаю за тем, как Бренна возится с хихикающей Флорой, и понимаю, что привязалась к брату с сестрой. И вопреки здравому смыслу решаю не отдавать их. Моя мать столько лет дарила приемным детям любовь и заботу, и если я сейчас откажусь от этих подростков, то отчасти предам ее.

Вываливаю остатки угля из ящика на каминную решетку и вздыхаю, совсем как мама в моем детстве. Откуда в ней такая привязанность к ферме? И к приемным детям. Мама любила меня, но в душу к себе не пускала. Тепло сочеталось в ней со сдержанностью. А если я заводила речь об отце, она начинала злиться. Совсем малышкой я осознала, что об отце лучше не заговаривать, если я не хочу сердить маму, а будучи девочкой послушной, я этого не хотела. С годами у меня и вовсе пропало желание заглянуть в прошлое. «Не оглядывайся», — гласил мамин девиз.

— Хорошо, хорошо, твоя взяла, — говорю я Бренне, отдавая себе отчет, что очень скоро нас все равно выведут на чистую воду. — Но вы должны пообещать хорошо себя вести. Не подведите меня.

— Конечно, миссис Маршалл! Обещаем! — Бренна облизывает палец и засовывает в сахарницу.

— И в первую очередь это касается школы. Никаких прогулов! И хватит облизывать пальцы. Ужас просто какой-то.

Бренна криво ухмыляется, разглядывая покрытый сахаром, словно инеем, палец.

— Ладно, Флора, пошли к твоим куклам.

Как ни странно, Флора, кажется, понимает, и девочки уходят из кухни. Я слышу, как они поднимаются по скрипучей лестнице, и улыбаюсь. На мгновение я превращаюсь в свою мать.

И только поздно вечером, когда тихонько брожу по дому, проверяя, закрыты ли двери и окна, я жалею о том, что не позвонила в службу опеки.

Под ногами предательски поскрипывают дубовые половицы. Спальни подростков расположены над амбаром, но попасть туда

можно только из дома, поднявшись по винтовой лестнице. Под потолком темнеют балки, в комнатах стоит старенькая крашеная мебель, памятная мне с детства. Я вдыхаю запах дерева, и в памяти всплывают полузабытые картинки прошлого: долгие летние дни, полные беспечности, Марри...

На старые кровати мама положила толстые перины, освежила потертый диванчик, на пол постелила коврики, развесила по белым стенам постеры — и готово уютное убежище для настрадавшегося подростка. Маминым приемышам нравилось, что на чердаке у них есть свое собственное логовище.

Подхожу к винтовой лестнице и замираю. Показалось или пахнет спиртным? Медленно поднимаюсь по ступенькам, и запах становится все отчетливее. Выпивох я научилась вычислять давно. По запаху. Дверь в комнату приоткрыта.

Я снова замираю. Сердце словно рассекают надвое.

Шестнадцатилетний мальчишка, у которого пуговицы на пальто в виде медвежат, неловко целует Бренну в губы. От изумления я забываю об осторожности, и половица под ногами издает громкий скрип. Грэдин неторопливо оборачивается, а Бренна испуганным олененком отскакивает в сторону.

Я врываюсь в комнату.

— Нет, нет, Грэдин, ты не должен целовать так сестру! — лепечу я, словно застукала его за воровством печенья. — Так нельзя. — Голос у меня дрожит.

— Все нормально, миссис, Бренне же нравится. Она говорит, это круто.

Грэдин поднимается и с угрожающим видом топает ко мне. В нем по меньшей мере шесть футов. Краем глаза я вижу, что Бренна, опустив голову, жметя в углу.

— Бренна — твоя сестра.

Теперь я в упор смотрю на девочку. Она роется в школьной сумке, словно что-то ищет.

— Мы не целуемся с нашими сестрами, братьями, матерями и отцами. Во всяком случае, так. Это противоестественно. — Я растерянно взмахиваю руками. Страшно подумать, что бы случилось,

если бы я не вмешалась.

Грэдин улыбается, убежденный, что не делал ничего дурного. Он берет меня за руки и крепко их сжимает.

— Всего один поцелуй. Что тут страшного.

Я стою, не смея пошевелиться. На что еще он способен? Слабо улыбаюсь и медленно поворачиваю голову, стараясь не всполошить его. Бренна курит. Сидит на диване, скрестив ноги и уперев локти в колени, и пускает клубы дыма. Жирно подведенные глаза нахально прищурены. Она совсем не похожа на девчушку, несколько часов назад игравшую с Флорой. Бренна по-прежнему молчит.

— Нет, Грэдин, это *не* хорошо...

Сильные пальцы впиваются в мои запястья. Наверняка синяки останутся. Он дико таращит глаза. Я умолкаю, и Грэдин заставляет меня пообещать, что я никому не расскажу.

Если бы Марри не заметил света в комнате подростков и не надумал полюбопытствовать, в чем дело, сложно сказать, как далеко зашел бы Грэдин.

— Ты не преувеличиваешь, Джу?

Марри мне не верит. Мы топчемся на кухне, не решаясь сесть в кресла у камина.

— Мальчик целовал свою сестру. Он *целовал* ее, Марри. В губы. Не похоже, что он решил чмокнуть ее на ночь.

— А Бренна? Она протестовала?

— Мое вмешательство ей не понравилось. Но она не сказала ни слова. И *курила* прямо в комнате.

Марри смеется:

— Господи, Джулия! Ты что, забыла, какими мы сами были?

— Каким *ты* был, — быстро поправляю я. — Бунтовал при каждом удобном случае.

Марри вздыхает.

— Ну, если ты уверена, что это серьезно, нельзя, чтобы они находились под одной крышей с Алексом и Флорой. Грэдину нужна



квалифицированная психологическая помощь. Джулия, твоя мать в психиатрической лечебнице, твоя ученица подверглась жестокому нападению, мужчину, в которого ты влюбилась, обвиняют в тяжком преступлении. Мы с тобой вконец запутались в наших отношениях. Джулия, ты должна избавиться от Бренны и Грэдина. Сложностей и без них хватает.

— Это настолько очевидно? — спокойно спрашиваю я.

— Что очевидно? — удивляется Марри.

— Что я влюблена в Дэвида, — шепчут мои губы.

На лице Марри такое страдание, что мне становится не по себе.

— Как бы мы с тобой ни запутались... — Нет, в этих чувствах я не готова признаться даже себе, не то что Марри. — Я не имела в виду...

— Все в порядке, — беспомощно лжет он. — Я рад, что ты по-прежнему честна со мной.

Не хватало еще, чтобы он расплакался.

— А помнишь, как в детстве мы считали, что если у кого-нибудь из нас есть секрет, то он не настоящий, пока о нем не узнает другой?

Конечно, помню.

— Ну что ж, ты поделилась со мной своим секретом, а значит, отныне он настоящий.

Его доброта меня добивает. Еще секунда, и я разрыдаюсь.

— Может, мне остаться? — спрашивает он.

Я медлю в нерешительности. С одной стороны, мне отчаянно хочется попросить его об этом, а с другой — мысленно я уже выпроваживаю его за дверь.

— Нет. Не надо. Все будет хорошо, — тихо говорю я. — Лягу на раскладушке в детской, на случай, если Грэдин вздумает расхаживать, как лунатик, по дому.

Вглядываюсь в лицо Марри и ощущаю внутри странный трепет, точно бабочка взмахивает крыльшками. Я ведь знаю своего бывшего мужа как облупленного, но сейчас он открывается с новой, неведомой мне стороны.

— Возможно, утром появятся новости насчет апелляции. Если что, узнаешь о них первой.

— Спасибо, Марри.

Я целую его в щеку, и он растворяется в темноте.

Эд ведет себя как обычно, разве что старательно избегает меня, даже не смотрит в мою сторону, только бы взглядом не пересечься.

— Завтра возвращаюсь на работу, — сообщаю я Надин. Самой не верится. В последнее время мои планы рушатся один за другим.

— Как Мэри? — Она подталкивает ко мне сэндвич. — Ты похудела. Черт, может, мне тоже попсиховать от души, хоть вес сброшу... — Она смущенно смеется.

— Очень тебя прошу, попсихуй немного вместо меня, — улыбаюсь я в ответ. Слава богу, Надин уж точно не изменилась. — Спасибо, очень вкусно. — Я впиваюсь зубами в сэндвич с тунцом, и ошметок кукурузины застревает между зубами. — Можешь не уточнять, и так знаю, что выгляжу как ходячая катастрофа. — Провожу пальцами по волосам. — Странно, что Дэвид во мне нашел...

При имени человека, которого он упрятал за решетку, Эд дергает головой. К губам у него прилипли крошки, а газету он листает с таким остервенением, что вряд ли успеваешь выхватить хоть слово. Он будто постарел на несколько лет. В последнее время Эд сутками пропадает на работе — в первую очередь, конечно, из-за расследования, но мне кажется, что работа еще отвлекает его от мыслей, что у них с Надин никогда не будет детей.

Эд собирается что-то сказать, но передумывает. Не будь мы знакомы целую вечность, я, быть может, и испугалась бы его хоть чуточку. Но за внешностью крутого полицейского прячется очень мягкий и ранимый человек.

— Мама... Если честно, никаких перемен. Но меня беспокоит план лечения, потому что... В общем, собираюсь съездить сегодня к ней. Хочу убедиться, что у нее взяли все анализы, и надо поговорить с ее врачом.

— Жалко, что она не в нашей больнице. Уж я бы закатила

скандал на весь свет в случае чего. — Надин одета в белую тунику и такие же брюки. Униформа медиков-трудооголиков, в которой они разрешают трудности. — Куда ее поместили?

— В «Лонс». Это частная лечебница, и... — Мне не хочется говорить о том, что ее лечение оплачивает Дэвид.

— «Лонс»? — Надин присвистывает. — Недешевое заведение. Моя подруга Крисси Уивер там работает. — Надин на секунду задумывается. — Знаешь, Джулия, «Лонс» — это ведь... В общем, Крисси — клинический психиатр. Твою мать положили в психиатрическую лечебницу.

— Знаю, — быстро говорю я. (Эд уже не притворяется, будто читает газету.) — У мамы действительно проблемы с мозгом. А в «Лонсе» за ней не только присматривают, там ведь и прекрасные специалисты. Кроме того, Дэвид хочет проконсультироваться с врачом из другой больницы, но сейчас...

Эд роняет газету и в упор смотрит на меня. Что бы он ни думал о Дэвиде, но моя мама тут ни при чем!

— Джулия, врача твоей матери обвиняют в *очень* серьезном преступлении. А твоя связь с этим человеком все только усложняет.

Я уверена, ему сейчас хочется обнять меня, как в старые добрые времена, — голос Эда мягок, точно дружеские объятия.

— Послушай, мы с тобой все еще родственники, и ты знаешь, что я тебя люблю. Но ты должна мне поверить, ради самой себя поверить. Держись подальше от Дэвида Карлайла.

Эд встает, сгребает со стола ключи, быстро целует Надин в макушку и уходит.

— Прости, — произношу я, когда хлопает входная дверь, и даю волю слезам.

Я всхлипываю, бормочу «прости» и снова всхлипываю. Утыкаюсь лицом в плечо Надин, размазывая тушь по медицинской униформе. Отрываюсь от подруги и снова говорю «прости», уже по поводу туши.

Мы смеемся.

— Знаешь что? Прямо сейчас я позвоню Крисси и попрошу выяснить, что там с Мэри. Не уверена я, что «Лонс» — самое

подходящее для нее место. В общем, давай посмотрим, что мне удастся разузнать.

— Спасибо, Надин. Я у тебя в долгу. — Я сморкаюсь.

— Это точно. И вот как ты расплатишься со мной — выкарабкаешься из всего этого дерьма во что бы то ни стало!

Надин принимается собирать тарелки.

— Как Марри? — спрашивает она.

Я снова настораживаюсь и вру:

— У него все хорошо.

Забрав Алекса и Флору, я въезжаю в Уизерли и замечаю Бренну и Грэдина. Они выходят из школьного автобуса на остановке в центре деревни. Бренна одета очень скромно, волосы она собрала в узел. За спиной Грэдина болтается школьный рюкзак. Внезапно рядом с его головой проносится камень. Я вздрагиваю. Но Грэдин, похоже, даже не замечает.

— Эй! — вопит Бренна.

Дикой кошкой она бросается к группе ребят.

— Оставьте его в покое, мать вашу!

Только теперь Грэдин, сосредоточенно разглядывающий подернутую инеем траву под ногами, поднимает голову.

Я торможу рядом с ними, опускаю стекло и приказываю:

— Садитесь. Алекс, подвинься.

Грэдин втискивается рядом с моим сыном, а Бренна садится впереди. От них исходит сугубо деревенский запах.

— Как прошел день?

Бренна пожимает плечами.

— Грэдин, как дела в школе? — Я бросаю взгляд в зеркало заднего вида.

— Его травят, — отвечает за брата Бренна. — Обзывают, бьют, крадут вещи, отбирают деньги на завтрак.

На мрачном лице девочки появляется умоляющее выражение: *сделайте что-нибудь!*

И что, последовать совету Марри, сказать, что я их отсылаю? Сомневаюсь, что они поймут, почему я позвонила в службу опеки и попросила определиться с их дальнейшей судьбой.

Флора начинает ерзать на заднем сиденье.

— Потерпи, милая, — громко говорю я, и в зеркале мелькают руки Алекса, который переводит ей мои слова.

Мы въезжаем на замощенный булыжником двор, успевший зарастить грязью с тех пор, как заболела мама. У меня нет ни времени, ни сил, ни желания взваливать на себя еще и заботы о ферме. Я торможу и едва не вскрикиваю, увидев, как из задней двери выходит Марри. Возмутительно, что он думает, будто может приходить сюда и уходить, когда вздумается.

Он направляется к машине.

— Я помню, где Мэри прячет запасные ключи, — извиняется он, уловив мое раздражение.

— Я не хочу, чтобы ты меня опекал, Марри!

Сама не возьму в толк, откуда столько злости в моем голосе, но поделаться с собой ничего не могу. Я закрываю машину, дети гуськом тянутся к дому. О черт, их же нужно покормить, а я не знаю, что у нас есть из продуктов. В магазине я не была уже очень давно.

Марри тут как тут, берет меня за руки. Я морщусь. Запястья болят после инцидента с Грэдином.

— Скоро появятся новости.

Я замираю.

— Вот как?

— Служба уголовного надзора требует пересмотра свидетельских показаний. Похоже, они сомневаются в убедительности доказательств.

— Пойдем внутрь, — говорю я, стараясь сохранять спокойствие.

Отсылаю Алекса и Флору в гостиную, чувствуя себя преступницей, там наверняка холод собачий, а из развлечений только

DVD-плеер с одним-единственным диском.

Марри опускается на корточки у камина, помешивает угли, подбрасывает еще.

— Проще говоря, прежде чем передать дело в суд, они там рассматривают два главных пункта. Во-первых, необходимо удостовериться в том, что надежных свидетельств достаточно, чтобы признать человека виновным. Иск отзывается, если доказательств недостаточно или они неубедительны.

— Каким бы серьезным ни было дело?

Марри кивает:

— Да. Во-вторых, государственный прокурор должен решить, требуют ли интересы общества рассмотрения дела в суде. К сожалению, против Карлайла много улик, и поэтому ответ на этот вопрос будет утвердительным. Но если доказательства не так сильны, как мы думали раньше, есть шанс, пусть крошечный, что иск отзовут. Во всяком случае, его освободят под залог.

И тогда моя жизнь хотя бы частично вернется в нормальное русло.

— Разве так можно? Сначала его арестовали, а потом внезапно решили, что он ни в чем не виноват?

— Ты не так поняла. — По лицу Марри видно, что он не хочет объяснять. — Служба должна решить, насколько надежна информация...

— У них есть свидетели?

Марри отводит глаза. В кухню вбегает Флора, которой прискучил телевизор, и он подхватывает дочь на руки.

— Все не так просто, Джулия. — Он корчит Флоре гримасу, словно не желая говорить в ее присутствии.

— Марри, она тебя не слышит. Господи, просто скажи, что известно полиции?

Он долго молчит, а затем обрушивает на меня:

— Полицейские считают, что Дэвид... был в связи с Грейс Коваттой. У них есть показания свидетелей, а также запись одной из городских камер, на которой видно, что они вместе в его машине

и... — Он осекается.

— И? — гневно требую я.

*Грейс сидела с Дэвидом в его машине?*

Комната перед глазами плывет. Что все это значит? Бога ради, что все это значит?!

— Почему ты раньше молчал? — шепотом спрашиваю я и тут же кричу в голос: — И что с того, что Грейс была в его машине? Я сама не раз подвозила ее. Это не значит, что я на нее напала.

— Поэтому я и говорю о шаткости улики. Остальные не лучше. Не волнуйся. Если полиция не найдет других, более веских доказательств, обвинение против Дэвида отправится в мусорную корзину.

— Это все, что тебе известно?

— Да, это все.

Марри подкидывает Флору, притворяясь, будто сейчас ее уронит. Дочь восторженно визжит.

— Джулия, обвинение серьезно, и последствия тоже будут серьезными. Ты даже не представляешь, что можешь услышать.

Он прав, хотя мне не хочется этого признавать. Меня засосало в воронку времени: я все еще сижу в доме Дэвида и жду, когда он вернется, чтобы мы продолжили с того места, где остановились. Вот бы перемотать пленку до того момента, как прибыли Эд с помощниками.

— Надо убраться, — медленно говорю я, словно в этом решение всех проблем.

— Убраться? Ты о чем? — Марри не смотрит на меня. Они с Флорой носятся вокруг стола, она убегает, а он ловит.

*Хватит!* — показываю я, и дочь надувается. — *Я разговариваю с папой.*

*Нет!* — машет руками Флора.

Я угрожающе свожу брови, посылая дочери предупреждение.

— На кухне у Дэвида осталась грязная посуда. Сколько уже дней прошло. Надо сходить туда, убраться.

Почему-то мне невыносима мысль о грязных тарелках, что плесневеют в доме Дэвида. Не хочу, чтобы он вернулся в дом, где царит кавардак, и понял, что никому нет до него дела.

— Джулия, ты сошла с ума. О чем ты думаешь? Какая посуда? Возможно, полиция присматривает за домом. Но если и не так, ты что, собираешься взломать дверь?

— Нет, балбес. — Я беру со стула свою сумку. — Я собираюсь открыть ее вот этими ключами.

В следующее мгновение Марри вырывает у меня ключи и выскакивает во двор.



## Марри

Времени прошло немало, а здесь все еще пахнет уютом и вкусной едой. Может, у меня слишком буйное воображение, но я улавливаю в затхлом воздухе аромат розмарина, жареного мяса и... сдерживаемого желания. На столе бокалы с остатками вина. Очень кстати.

Занавески задернуты, на улице совсем темно, но я не собираюсь включать свет. Пускать в ход фонарик и то рискованно. Если меня поймают, то снимут с дела Карлайла. Как снять адвоката с дерева? Перерезать веревку. Я мельком думаю о Шейле, вот уж она обрадовалась бы, узнай, что я незаконно проник в дом клиента.

Мне нужно знать, что скрывает доктор Добряк. Одно дело — вытащить его из тюрьмы. Сохраню работу и докажу Джулии, что я не безнадёжен. Но это вовсе не будет означать, что он невиновен. Нужно быть готовым к худшему. Я не хочу, чтобы этот тип вертелся рядом с моей женой и детьми. Все-таки странно, что у дома не выставили охрану. Должно быть, люди Эда все здесь уже осмотрели, а тратиться и выставять пост у дома, расположенного на отшибе, полиция не сочла нужным. Ну что ж, мне это только на руку.

Начать я решил с главного. Со спальни. Хочу знать, как далеко они зашли.

Поднимаюсь на второй этаж и толкаю первую попавшуюся дверь у лестницы. Нет, не спальня. Похоже на гостиную — мебели мало, но в комнате уютно. Обернув руку салфеткой, открываю другую дверь. От вина слегка кружится голова, в крови бушует адреналин, будто я ожидаю увидеть на кровати Джулию и Дэвида. Темнота чернильная, с которой не справляется луч моего слабенького фонарика. Комната совсем маленькая и, судя по всему, используется как кабинет. Различаю стол антикварного вида, книжный шкаф, горы бумаг, папки. Лучом фонарика я методично выхватываю из темноты предмет за предметом. Стена над столом вся утыкана канцелярскими кнопками, кое-где ошметки пластилина.

— Фотографии? — бормочу себе под нос. Если так, то их наверняка забрала полиция. Или все убрал сам Карлайл?

Стараясь ни к чему не прикасаться, читаю наклейки на папках.

Банковские выписки, страховка, кредитные карты, ипотека... Обычная документация рачительного человека, привыкшего к порядку. Луч скользит по пыльному квадрату на поверхности стола, тут же валяются кабели. Я улыбаюсь. Полицейские забрали компьютер Карлайла.

Пытаюсь открыть шкаф, но он заперт. Быстро шарю фонариком по сторонам. Где могут быть ключи? На полу мелькнуло что-то белое. Направляю туда луч света: из-под шкафа выглядывает уголок бумаги.

Навалившись плечом на шкаф, наклоняюсь и достаю находку. Хватаю пальцами, оставляя на бумаге свои отпечатки, неважно, все равно ведь заберу с собой. Это фотография, в уголках — аккуратные дырочки. Одна из тех, что висели над столом? Переворачиваю фото, направляю на него свет. Джулия стоит рядом с машиной — моей старой машиной, — собираясь открыть багажник. Ее взгляд обращен куда-то вдаль, ветер треплет волосы.

— Я помню, — не веря своим глазам, шепчу я. Сердце чуть не выпрыгивает из груди.

Мы тогда поехали на пикник, но из-за плохой погоды пришлось вернуться. Алексу было лет семь-восемь. А вот и мой сын на заднем плане. В руках красная машинка. Я быстро подсчитываю: этому снимку по меньшей мере четыре года. Откуда он у Дэвида Карлайла?

Внезапно снизу доносятся голоса, и я тотчас забываю про снимок. Сую его в карман, подхожу к окну и чуть отодвигаю штору. Черт!

На обочине припаркована полицейская машина. С первого этажа тянет карри и чесноком, и я понимаю, что караул по-тихому улизнул за едой. Повезло, что они не видели, как я пробрался в дом.

— Хэллит ничего не узнает, — говорит молодой голос под аккомпанемент шуршащей бумаги. — Не понимаю, какой смысл торчать здесь всю ночь? Все равно ничего не произойдет.

— Ты прав, черт побери. Дом у черта на рогах. Я вот сомневаюсь, что этот малый, хозяин, который здесь живет, легко находил дорогу.

— Может, потому здесь и поселился. Никто не увидит, как развлекается с малолетками. Я бы ему яйца отрезал.

Они замолкают, потом смеются. Треск и шипение — наверное, вскрывали банку с газировкой.

— Я случайно подслушал, что шеф сказал. Он уверен, что виноват этот козел. Ты только не болтай, но Хэллит не зря беспокоится. Он боится, что доказательств не хватает. А я считаю, они правильно его сцапали. А если бы он еще на кого-нибудь напал? А если бы следующей стала моя Салли?

— Угу, — соглашается второй. — Или моя сестра.

Дальше слушать я не стал. Скоро кому-нибудь из них приспичит в сортир. Спуститься по скрипучей лестнице я не рискую, а потому решаю пробраться в третью комнату на этаже, молясь о том, чтобы она выходила во двор. Я помню, что видел там навес, нечто вроде оранжереи. Если так, то у меня есть шанс. Выберусь на крышу и сползу по водосточной трубе. А затем со сломанной ногой поковыляю через поле, за которым оставил машину.

Я очень медленно, осторожно открываю дверь в конце коридора и, плотно закрыв ее, включаю фонарик. И тут же понимаю, что нахожусь в спальне Карлайла. Смотрю на кровать, — ведь именно из-за нее я сюда пришел. Она огромная. И аккуратно застеленная, на покрывале ни единой складки. Вдоволь наглядевшись, подхожу к окну и, затаив дыхание, открываю створку.

## Джулия

— Ну и что с того, что у Дэвида есть моя фотография? Это не запрещено.

— Она сделана четыре года назад, когда мы ездили на пикник. Помнишь тот день? — Марри торжествующе помахивает перед моим лицом фотографией.

— По-моему, да. — Я беру фотографию и внимательно разглядываю. Тогда я была розовощекая, пухленькая. — Алекс сломал машинку и всю дорогу домой ревел. — Я улыбаюсь воспоминанию. Мне приятно, что Дэвид хранил мою фото. Держал у себя в кабинете.

— А каким образом, по-твоему, этот снимок оказался у Дэвида Карлайла? И что могло висеть на стене над его столом? Она вся в дырках от кнопок, в остатках пластилина и обрывках скотча. Улика на улике! — Марри задыхается, словно ребенок, который разворачивает подарки на Рождество.

— Что могло висеть на стене? И тебя волнует только это, Марри? Что там могло висеть, черт побери?!

Яростью пытаюсь замаскировать панику, нарастающую внутри.

— Джулия, ну подумай. Зачем Дэвиду понадобилось это? — Он тычет в фотографию пальцем. — Поляроидный снимок. Мгновенный.

— И что? — У меня кружится голова. — Наверное, нашел его где-то. — На мгновение я верю, что так оно и было. — Увидел на комод, где лежат мамины безделушки, и прихватил на память.

Ну да, Дэвиду хотелось завладеть кусочком моей жизни.

— Джулия, сосредоточься. У нас никогда не было «поляроида». Я не делал этот снимок. Твоей матери не было на пикнике. Никто из нас ничего не фотографировал в тот день.

— Ну, тогда не знаю... — Голос у меня садится. — А это правда я? — Всматриваюсь в фотографию, отчаянно надеясь обнаружить, что на снимке другая женщина.

— Ты, — тоже шепчет Марри. — И мне интересно, что за

фотографии висели на стене в его кабинете. На них тоже была ты? И дети? — Он делает паузу, резко втягивает воздух. — Или Грейс?

— Марри! Ты всерьез думаешь, будто у Дэвида был список жертв и я одна из них? — Я судорожно цепляюсь за остатки надежды и весело смеюсь. — Если Дэвид и составлял какие-то списки, то лишь списки пациентов. А ты сошел с ума, Марри. Ты спятил от ревности! — Я уже кричу. — Ты псих, Марри!

Почему все вокруг вертится? Это что, я кручусь на месте? Лицо Марри мелькает со всех сторон, увлекая в водоворот.

— Эд обязательно сказал бы о том, что стены в доме Дэвида были утыканы моими фотографиями. Уж такое бы он не упустил! — Головокружение прекращается, и я нахожу в себе силы, чтобы попросить Марри уйти. — Тебе пора. Пожалуйста, уходи. Ты сможешь сделать что-нибудь, чтобы вытащить Дэвида из тюрьмы еще сегодня?

— Уже поздно, Джулия. Я займусь бумагами, но сегодня уже ничего не удастся.

Марри исчезает — растворяется призраком, только что был, и вот его уже нет. Лишь в воздухе повисает шепоток подозрения.

Еще не очень поздно, но я заснула. Разбудил меня телефон. Шея затекла, я сонно оглядываюсь и понимаю, что заснула в кресле у камина.

На экране мобильного номер Надин.

— Алло? — Какую-то долю секунды я думаю, что Надин сидит с детьми, но потом вспоминаю, что сама уложила их в постель.

— Привет, — говорит она. — Как ты?

У меня нет сил ответить. Распрямляюсь, ерошу волосы.

— Я поговорила с Крисси, психологом. — Молчание. Я гляжу на экран телефона, но уровень сигнала отличный. Наконец Надин снова подает голос: — Джулс, нам нужно поговорить. Вместе с Марри. Мы можем встретиться утром?

— У меня уроки, — тихо отвечаю я. Может, это сон? Марри разжег во мне костерок сомнения, и теперь мне кажется, что вся моя

жизнь — притворство. — Конечно, — тороплюсь согласиться я, ведь Надин просто так не стала бы предлагать встречаться. — Ты сможешь приехать в Или в утреннюю перемену? Выпьем кофе.

— Нет, Джулия. — Мое имя падает увесистым камнем. — Лучше встретимся в полиции.

Я знала, что мама никогда мне не лгала. Правда была для нее идолом, основой ее жизни. Тягу к правде она упорно прививала и мне, и всем своим воспитанникам. И как правило, добивалась успеха. Именно поэтому служба опеки направляла к ней самых трудных детей. Неудивительно, что следующим утром в Нортмире объявился инспектор — в ответ на мое сообщение, о котором я намертво забыла.

— Здравствуйте, я Ларри Крест из отдела защиты приемных детей. Приступил к службе совсем недавно и вот объезжаю наших подопечных и их опекунов, знакомлюсь. Полагаю, вы Мэри Маршалл?

Он достает из кармана самые крошечные очки в мире и надевает на столь же миниатюрный носик.

— Да, — вру я, не успев даже вздохнуть, улыбаюсь и протягиваю руку. — Я как раз собиралась уходить по делам.

— О, простите. — Он чуть ли не кланяется, такова мамина репутация в службе опеки. — Я не отниму много времени.

— Ничего не получится, — сухо отвечаю я и смотрю на часы. С его взглядом стараюсь не встречаться. Очевидно, он не в курсе, сколько маме лет. — Бренна и Грэдин уже уехали в школу.

Решительно направляюсь к машине. Перед глазами мелькает образ: Грэдин цепляется за сестру у ворот — сначала любовно, потом злобно. И тут вспоминаю Грейс — обнаженное, изломанное тело.

— На самом деле я пришел не к ним. На нашем автоответчике оставлено ваше телефонное сообщение. Вы сказали, что это важно. Думаю, нам стоит поговорить.

Из дома вылетают Флора и Алекс и несутся к машине, сражаясь за право первым залезть внутрь. Черт. Чиновник смотрит на них, недоуменно хмурится, но ничего не говорит. Я тоже смотрю на своих детей и пытаюсь представить на их месте несчастных Бренну и

Грэдина. Нет, невозможно. У приемышей нет никакого шанса, что их жизнь будет столь же стабильна, как жизнь Алекса и Флоры.

— Никакого, — тихо говорю я.

Заблудившиеся дети. И без меня они окончательно пропадут. Бренне нужна женщина, которая заменит ей мать, а Грэдин, несмотря на свою брутальную внешность, еще совсем ребенок.

— Что, простите?

— Я говорю, не было никакой необходимости приезжать. У нас все в порядке. (Во взгляде Ларри недоверие.) Просто дети поссорились. Ну, такое случается между братьями и сестрами. Я просто хотела поподробнее расспросить о них, но теперь все разрешилось. Стало даже лучше, чем раньше.

Судя по облегчению на лице Ларри и широкой улыбке, он сейчас сядет в машину и вычеркнет меня из списка своих проблем.

Что я творю?! Зачем я притворяюсь мамой? Что сказала бы она обо всем этом, если бы могла? И Грэдин с его приступами ярости. Да, он мало чем отличается от ребенка, но при этом опасен.

— Мама, поехали! — кричит из машины Алекс. Он ненавидит опаздывать в школу.

— Что ж, мне пора. Но знаете, Ларри, — я трогаю его руку и тепло улыбаюсь, — я очень благодарна за ваше внимание. Если возникнут какие-либо проблемы, я сразу обращусь к вам. Поверьте, у Бренны и Грэдина все прекрасно.

— Вот и славно. До свидания, миссис Маршалл.

Ларри забирается в машину. Я жду, пока он скроется из виду, а затем сажусь в свою.

— О господи, — шепчу я. Мысли плавают в голове. — Что я наделала?

— Что ты наделала, мама?

Я оборачиваюсь, беру Алекса за руку. Он уже не маленький и все понимает.

— Иногда взрослым приходится лгать. Это называется ложь во спасение. Я не хотела обманывать того человека, но так получилось. — Я морщусь, понимая, что слова звучат по-детски.

— Мама, ты все правильно сделала. Ты спасла Бренну и Грэдина, а то бы он их забрал. — Алекс сжимает мою руку, стараясь быть смелым, но я понимаю, что больше всего на свете ему хочется вернуться домой. И все же мы останемся в Нортмире, пока Бренна и Грэдин находятся под моим попечительством. — А доктору Карлайлу тоже придется лгать во спасение, чтобы его не посадили навсегда в тюрьму?

С нежностью смотрю на сына, отпускаю его руку и завожу мотор. Хотела бы я знать, что видит этот одиннадцатилетний мальчик и чего не вижу я.



## Мэри

Я собираюсь все рассказать Джулии. Все.

Пытаюсь произнести что-нибудь. Напрягаю челюсть и прикусываю язык — возможно, это знак, что пока мне лучше помалкивать.

Мне требуется практика. Рядом проходит медсестра. Взмахиваю рукой, словно ловлю такси. Она, нетерпеливо вздохнув, останавливается и хмурится.

— Да, Мэри? — Все они знают мое имя и повторяют его тысячу раз на день.

Глаза ее внезапно широко распахиваются, она с недоверием смотрит на меня.

— Да, Мэри?

«Поразительно, — наверное, думает она, — до сих пор не произнесла ни словечка, а тут, гляньте-ка, желает пообщаться». Сестра садится рядом, заглядывает в глаза воодушевленная, что, возможно, именно ей удастся заставить меня заговорить.

*В общем, так, сестра, — начинаю я. — Если у вас найдется минутка, я бы хотела рассказать вам историю.*

Жду реакции, но она лишь недоуменно хмурится. Похоже, она меня не слышит.

*Пожалуйста, вы попробуете мне помочь? Вы сможете рассказать все дочери?*

Я не привыкла упрашивать.

Медсестра лишь моргает да таращится на меня. И слова, какие я хотела сказать Джулии, правда, в которой хочу признаться, раздирают мой мозг, готовые вот-вот слезами просочиться наружу.

— Ничего страшного, милая, — говорит она и, прежде чем уйти, сует мне салфетку.

Помнится, Дэвид появился в кафе уже на следующий день,

пригнала его туда гордость. Я не ждала его раньше чем через несколько недель. Но он пришел утром, веселый и беззаботный, сознающий, что больше всего на свете я хочу сохранить нашу дружбу. Да и вообще, это он на меня напал, а не наоборот.

— Привет, Мэри.

И на глазах у Эйба поцеловал меня. Этак уважительно. Я коснулась места, на котором он оставил знак своего почтения.

— Кофе и яйца-пашот, пожалуйста. И два тоста.

Он весело болтал о том о сем, но ни словом не обмолвился о нашем недавнем жарком общении.

Я медлила, не двигаясь с места. Эйб из-за стойки наблюдал за нами. В горле застрял ком, не давая дышать. И тут же нахлынуло облегчение. Я все еще нравлюсь Дэвиду. Он по-прежнему мой друг. И вчерашнее происшествие в мгновение ока затерялось в прошлом. Дэвид направился к своему излюбленному столику, я смотрела на него и буквально видела, как туман, разделивший нас, исчезает. Дэвид вывалил на стол из сумки книги. Даже себе я не призналась бы, что немного боялась его.

— Хорошо, — сказала я, но он меня уже не слышал, погрузившись в чтение.

А чуть позже я испытала новое потрясение. Дэвид пригласил меня пойти с ним на свадьбу. Удивление мешалось во мне со страхом, чувством вины и радостным волнением. Я не знала, что и думать.

— Великое событие. — В голосе его я слышала иронию. — Сливки общества. — Дэвид так и не поднял взгляда от книги, но кого он хотел обмануть. Даже не перевернул страницу, пока я торчала у столика, лихорадочно соображая, почему он пригласил с собой обычную официантку.

Это друзья его семьи, пояснил Дэвид. Дочь известного врача с Хэрли-стрит и сын землевладельца, загородный дом, аристократичная публика, журналисты...

Все смешалось у меня в голове, я представляла, как выйду в свет вместе с Дэвидом, как буду стоять рядом с ним, не таясь, держать за руку. Но что потом? Какие последствия могут меня ждать? Никаких, если выбрать правильную тактику, если следить за каждым своим

шагом, не переступать черту, если нас с Дэвидом будет разделять невидимая стена. Мы друзья. Добрые приятели. Я официантка в кафе. Там и познакомились, а потом подружились. Ведь именно так все и обстоит, правда? Но если я ошибаюсь в нем, в его намерениях, то вряд ли мы сможем безболезненно пережить еще одну стычку.

— Буду ждать с нетерпением, — сказала я и тут же пожалела об этом.

— Я бы хотел познакомить тебя кое с какими людьми. Они нам обрадуются, вот увидишь.

Выяснилось, что под «людьми» Дэвид имел в виду своих родителей. И рассуждал он уже о «нас». Смятение мое нарастало. Что делать? Выбор очень скуден: немедленно порвать с ним или уступить.

— С твоими папой и мамой? — вопрос прозвучал довольно глупо. По-детски.

Дэвид спрятал улыбку. Я вынула руки из кармана передника и коснулась его руки. Мне стыдно, что мои ладони такие шершавые от вечного мытья посуды.

— Да, с мамой и папой. С родителями. — Эта улыбка подошла бы взрослому мужчине, а не первокурснику на девять лет моложе меня. В такие моменты невозможно было противиться его обаянию, уверенности, страстности.

— Как все глупо, — пробормотала я и повернулась, но он крепко держал меня за руку.

— Я хочу, чтобы ты всех сразила, так что оденься получше.

Он наконец отпустил меня, и я убежала на кухню, чувствуя себя Золушкой.

— Он совсем мальчик. Обычный мальчишка, — снова и снова повторяла я, ожидая, когда заказ будет готов, и закручивая полотенце в жгут, пока оно не начало жечь ладони. — Но играет как мужчина.

Шагая с подносом к столику Дэвида, я ничего не могла поделать с приятным волнением, разливавшимся по всему телу.

— Я буду выглядеть потрясающе, — спокойно пообещала я. — Ты меня не узнаешь.

Все хорошие свадьбы происходят в солнечный день. В тот год лето не отступало много недель, даря один чудесный день за другим. На случай дождя развернули большой шатер; струнный квартет точно конфетти осыпал гостей нежными мелодиями; ветер трепал поздние цветы, будто суля скорую бурю; повсюду носились маленькие девочки в мятых платьях — утром шелк наверняка выглядел идеально.

На свадебную церемонию пригласили только близких родственников и друзей. Деревенская церковь не смогла бы вместить всех желающих, и некоторые гости по залитой солнцем аллее неторопливо направились в особняк. Дэвид, разумеется, должен был присутствовать в церкви. И я вместе с ним.

За мной он прислал машину с водителем. Предполагалось, что вернемся мы вместе следующим утром, переночевав в ближайшем отеле. И никто *ни разу* не обмолвился о разных комнатах или о том, что мы скользнем под одно одеяло, чего я хотела больше всего на свете, хотя и знала, что это неправильно. Судя по всему, решение предстояло принимать мне. Но я его так и не приняла.

— Какой красивый дом, — сказала я, глядя на древнюю кладку.

Меня не покидало предчувствие, сходное с тем, что я испытала, когда впервые приехала в Кембридж. Побороть его было легко. Надо лишь немного выпить. Я держала Дэвида под руку, зная, что мы выглядим немного странно. Взрослая женщина — быть может, сестра — и совсем еще мальчик.

— Этот дом принадлежит семье Босли-Грин с незапамятных времен. Денег у них полно. Как и у остальных гостей.

И семья Дэвида не исключение, догадалась я.

О родителях он почти ничего не сказал, и я пыталась высмотреть их среди гостей. Дэвида я не спрашивала. Впереди целый день. Кроме того, я не была до конца уверена, что хочу с ними знакомиться.

— Богатеи, значит? — рассмеялась я.

Мы шли по проходу к своим местам.

— Это как сказать. — И он улыбнулся мне улыбкой опытного мужчины. Мне это нравилось.

Неожиданно Дэвид остановился.

— Сара, Найджел, Вики, Пит, Таня... — Перечисление казалось бесконечным. — Познакомьтесь с Мэри.

Я стояла в окружении незнакомых людей. Все они были молоды, как Дэвид, красивы, уверены в себе и совсем не похожи на меня. Не думаю, что они учились в Кембридже. Во всяком случае, в университетскую компанию Дэвида они точно не входили. Не менее дюжины пар глаз с любопытством разглядывали меня. Эти юнцы сразу смекнули, что я не их поля ягода.

— Привет, Мэри. — У Сары были огненно-рыжие волосы. А ее платье, клянусь, я видела на обложке «Вог».

— Привет.

Я твердо решила не тушеваться. Все отложенные деньги я потратила на сливочно-белое платье и шляпку. У платья был глубокий вырез, а пурпурный букетик, приколотый к корсажу, точно соответствовал цвету туфелек. С того момента, как я выбралась из машины, Дэвид буквально пожирал меня глазами.

— Меня зовут Мэри Маршалл.

— Вы со стороны невесты или жениха?

Я точно не знала.

— Думаю, невесты. Правильно, Дэвид?

Я оглянулась, но Дэвид исчез. Не успела я испугаться, как ко мне уже наклонился какой-то парень.

— Меня зовут Джонатан. — Шевелюра его цветом напоминала старые медные монеты. Редкий рыжий цвет, в закатных лучах солнца отливающий уже не медью, но золотом. — В школе мы с Дэвидом были лучшими друзьями.

Я догадалась, что Саре, девушке с огненными волосами, он доводится братом, так они были похожи. Я по кусочкам составляла мозаику жизни Дэвида. Сам он от моих просьб рассказать о себе обычно уклонялся.

Меня пьянило окружающее великолепие — люди, музыка, шикарная одежда, дорогие машины, старинный дом. Джонатан подтвердил, что Сара — его сестра. Он подставил мне руку, и я

приняла предложение.

— Я очарован, — сообщил Джонатан.

Как и Дэвид, он был молод. И столь же привлекателен. Рядом с ним я чувствовала себя настоящей принцессой.

— Вижу, ты уже познакомилась с моим извечным соперником. — Дэвид вернулся с шампанским, искрящимся на солнце. — Рад тебя видеть, Джонно.

Они обменялись быстрым рукопожатием, потрепали друг друга по спине. Оба были одеты в сшитые на заказ серые костюмы, и вскоре я узнала, что их родители часто проводили вместе отпуск. Отец Джонатана был хирургом, как и отец Дэвида. Мы весело болтали, и каждый раз, когда речь заходила обо мне, о моей жизни, о жалком существовании и крошечной квартирке, о карьере официантки и тщетных попытках поступить в университет, я искусно ныряла в сторону, переводя разговор в более безопасную колею: о жалком привилегированном существовании Дэвида и Джонатана. Было так приятно ощутить себя своей в этой компании.

— Ты уже познакомилась с Элизабет? — спросил Джонатан, но я не ответила, засмотревшись на гостей, фланировавших у шатра. Вот она, элита, рукой подать: аристократы, интеллектуалы, политики. — Мэри?

— Да, прости? — От шампанского слегка шумело в голове.

— Элизабет Карлайл. Я спросил, познакомилась ли ты с ней?

— Нет, Джон, не познакомилась, — ответил за меня Дэвид. — Это угощение еще впереди. (Парни рассмеялись.) Мама где-то поблизости, но, похоже, скрывается ото всех. Когда я видел ее в последний раз, она рыдала в подушку.

— Но это ужасно! — воскликнула я. — Может, нам ее поискать?

Еще один кусочек мозаики. Ключ к пониманию отношений Дэвида с матерью.

— Когда ты ее узнаешь, то поймешь, что маме *нравится* рыдать.

Он странно улыбнулся. Мать Дэвида была загадкой, как и ее сын. И разгадала я ее, только увидев Элизабет Карлайл.

Сестра-хозяйка идет мимо, но, увидев меня, останавливается.

— Если вы хотите что-то сказать, миссис Маршалл, скажите это мне.

Она думает, это так просто. Да я бы с радостью попросила позвать Джулию, пусть сядет рядышком, и я расскажу ей всю правду, предупрежу, уговорю уехать как можно дальше из этих краев, пока не стало слишком поздно. Но как это сделать, если у меня нет слов?

— Возможно, сегодня вас навестят дочь и ваша очаровательная внучка. Кстати, как ее зовут?

Флора, мысленно отвечаю я. Мне остается только надежда — надежда, что новому поколению зараза не угрожает. Глядя на него рядом с Джулией и детьми, я способна думать лишь о том, в какую катастрофу это выльется. Я молчу и смотрю, затаив дыхание, молясь о том, чтобы мою дочь миновала чаша сия. Как я могу потерять то, что дорого мне больше жизни? Она меня возненавидит.

Сестра-хозяйка оказалась права. Джулия и Флора приехали.

— Мама, такое впечатление, что тебе ничуть не лучше. Ты такая бледная! Тебя хорошо здесь кормят? Новые анализы делали? Какие лекарства ты принимаешь? — Дочь хочет коснуться меня, но отдергивает руку. Ее вопросы летают между нами, паутиной щекоча наши лица. — Смотри, что Флора для тебя сделала.

Девочка подбирается ко мне — не тот бесенок, что гонялся за цыплятами и собирал в юбку упавшие яблоки, а выдрессированное жалкое существо. Видимо, ей внушили, что бабушка очень больна.

*Я сделала тебе фермерскую открытку,* — Флора кладет подарок мне на колени.

Кусок картонки перепачкан белым клеем. Местами он еще не просох. К бумаге цепляются невесомые перья, торчит похожий на мочалку сухой мох, перемежаемый травинками и маленькими камешками. Один из стебельков отрывается, и Флора старательно вжимает его в белесый клей.

*Это чтобы ты поскорее выздоровела, бабушка,* — показывает она.

И мне становится легче, пусть на один-единственный вздох.

Джулия же воюет с медсестрами. Настроена она агрессивно, ей

явно не до задушевных бесед. Она носится из комнаты отдыха, где сидим мы с Флорой, в кабинет медсестры и обратно. Внучка, высунув язык, раскрашивает картинки. Я слышу, как Джулия перечисляет свои требования. Я-то знаю, что ответом будут милые улыбки и обещания передать все врачу во время обхода.

— Вы слышите меня или нет? — распаляется Джулия, следуя за сестрой-хозяйкой. — Я уже не знаю, кому верить!

— Миссис Маршалл! — Сестра-хозяйка отрывает глаза от планшета. Она занята важным делом — пересчитывает пациентов. Здесь это заведено каждый час. Ей не до Джулии с ее претензиями. — Этими вопросами занимается врач. Состояние вашей матери стабильное. Но в понедельник я обязательно передам главному врачу все ваши слова.

Джулия что-то отвечает — кажется, говорит, что не сможет приехать в понедельник, снова повторяет, что ничего не понимает, добавляет о какой-то тюрьме. Ее голос тает в конце коридора. Она переключается на другую сестру. Флора поднимает на меня глаза. Она сидит на полу, вся в пятнышках солнечного света. Ангел, спустившийся с небес.

Флора, — если жестами можно передать шепот, то я именно шепчу, — *иди сюда, сядь ко мне на колени.*

Флора хмурится и оглядывается по сторонам в поисках матери. Что они ей наговорили?

*Иди, я тебя не укушу.*

Может, она меня не понимает? Я стараюсь незаметно шевелить пальцами, чтобы никто не обратил на меня внимания.

*Иди, бабушка расскажет тебе секрет.*

Флора вскакивает, мигом забыв о фломастерах, словно ожидает услышать главную тайну мироздания. Как легко привлечь внимание ребенка! Я могла бы заманить ее в машину, пообещав показать щеночка или угостив конфеткой. Я могла бы завлечь ее в свои мысли, посулив показать прошлое и ее будущее.

*Что, бабушка? Тебе уже лучше?*

*Девочка моя, — жесты мои точны, — я вовсе не больна.*



Элизабет Карлайл была такой худой, что, казалось, просвечивала насквозь. В шатре она появилась после того, как подали основное блюдо. Ее выход получился кратким, но запоминающимся. Незадолго до этого Дэвид снова исчез. Позже он объяснил, что ходил в дом проведать мать. Возвратившись, он залпом осушил бокал с шампанским. К тому времени мы оба уже немало выпили.

— А вот и она, — сказал он, словно объявляя о появлении особы королевской крови. Гости дружно повернули головы. — Как мило с ее стороны почтить нас своим присутствием. — Дэвид снял пиджак, расстегнул манжеты. — Она обращает на себя больше внимания, чем невеста. — Его злость можно было пощупать.

— Познакомь меня с ней, — попросила я, осмелев от шампанского. Элизабет Карлайл внушала трепет. Она плыла по белой ковровой дорожке, расстеленной до танцевальной площадки, с элегантностью лебедя, скользящего по спокойной глади озера. — Она прекрасна, — искренне прошептала я.

Дэвид, так и не притронувшийся к еде, со звоном бросил нож на тарелку.

— Вовсе нет! — зло и с каким-то отчаянием процедил он.

Затем встал, быстро подошел к матери и довольно бесцеремонно поволок ее на танцевальную площадку. Тут же встрепенулись струнные. Во все глаза я наблюдала за битвой между матерью и сыном. Элизабет танцевала неохотно, явно желая сбежать, но не менее откровенно наслаждаясь вниманием собравшихся в шатре. Судя по напряженным движениям Дэвида, по ледяным взглядам, какими то и дело окатывала сына Элизабет, этот танец был продолжением затянувшейся стычки.

Необычная пара скользила по паркету. Его пальцы с такой силой обхватили талию матери, что казалось, он никогда ее не отпустит. Но через несколько секунд руки Дэвида безвольно упали и Элизабет Карлайл стремительно упорхнула прочь.

Я оглянулась на Джонатана, занявшего стул Дэвида:

— Что происходит?

— Они ненавидят друг друга. — Он налил мне шампанского и ушел, оставив меня в недоумении.

— Что такая милая девушка нашла в Дэвиде? — Это была Сара,

рыжеволосая сестра Джонатана. — Расскажи, как вы познакомились? — попросила она. Щеки ее пылали, в глазах светились искорки, она вся словно была языком пламени.

Я нервно рассмеялась, потому что понятия не имела, что им сказал Дэвид.

— Мы познакомились в Кембридже.

Пусть думают, будто я старшекурсница или аспирантка.

— Эй, Мэри, — окликнул меня парень, сидевший напротив. Имя его я забыла. — Не могла бы ты... — С широкой улыбкой он поднял пустой бокал.

— О!

Среагировала я мгновенно, сказала давняя выучка. Бутылка стояла рядом со мной, и я вскочила, радуясь передышке в расспросах, обогнула стол и налила ему шампанского.

— Ну, раз уж ты здесь, Мэри, — подал голос его сосед, — то, может, и мне плеснешь?

Я посмотрела на бутылку, там почти ничего не осталось. Все ждали.

— Принесу еще одну, — сказала я, по-прежнему ничего не подозревая, хотя за моей спиной и раздались смешки.

Вернувшись, я наполнила бокалы всем, кто сидел за нашим столом. И тут же посыпались новые просьбы:

— О, вон там есть сыр и крекеры.

— И кофе.

— Да, не могла бы ты принести нам кофе, Мэри?

— Мэри, моя салфетка куда-то запропастилась. Не принесешь другую?

И только вернувшись от буфета нагруженная тарелками и чашками, я поняла, что происходит.

— Хватит! — вскакивая, заорал Джонатан.

Жестокий розыгрыш прекратился. Компания тут же перестала смеяться, хотя никто не выглядел напуганным.

— Пойдем, Мэри. — Джонатан потянул меня за руку.

Я едва сдерживала ярость. Богатство и аристократизм, которые никогда еще не были так близко, ослепили меня. Джонатан все тащил меня куда-то в сторону от шатра. Я была только рада оказаться как можно дальше от этой компании.

— Спасибо, — сказала я, когда мы удалились на значительное расстояние.

Ярость прошла, осталась только слабость. Перенесенное унижение лишило меня сил. Интересно, где сейчас Дэвид?

Джонатан улыбнулся, обнял меня за плечи.

— Они в восторге от себя, но у них нет никакого права так с тобой обращаться. Мне стыдно за них.

И ни слова о Дэвиде.

— Извинения приняты, — слабым голосом ответила я и оглянулась: вдруг Дэвид решил покурить у террасы? Но его там не было. — Да, можешь не спрашивать. Это правда. Я официантка.

— Дэвид рассказал, как вы познакомились.

И я ощутила, сколь огромная пропасть отделяет меня от этого мира. Значит, Дэвид поведал им, кто я и что я. И все же я цеплялась за остатки самоуважения.

— Мне нравится моя работа. Каждый день знакомлюсь с интересными людьми.

Разумеется, я лгала. Труд официантки по большей части тяжел и монотонен. После каждой смены ноги отваливаются, голова отказывается соображать, а платят сущие гроши.

— С такими интересными, как Дэвид? — уточнил Джонатан, беря меня под руку.

Мы начали спускаться к озеру — шелковой глади мерцающего индиго. Я все оглядывалась, надеясь увидеть Дэвида. Над деревьями, в светлом еще небе, стояла прозрачная луна.

— Да, как Дэвид, — подтвердила я. — Мы стали друзьями. *Просто* друзьями.

Как будто эти слова способны были описать странные

отношения, сложившиеся между нами.

— Мэри, — Джонатан остановился и повернулся, чтобы посмотреть мне в лицо, — ты свела его с ума. Дэвид в тебя влюблен.

Дыхание Джонатана коснулось моей щеки, легкое, точно свежий бриз. Слова улетели, как ненужный сор, но я хотела вернуть их, хотела услышать еще тысячу раз. И в то же время я отчетливо понимала, что это начало конца.

Происходило то, чего я отчаянно желала избежать. Дэвид поддался чувству, а значит, дружба наша вскоре рассыплется. Я не могла допустить, чтобы отношения перешли на другой уровень, каким бы соблазнительным это ни казалось, как бы я сама ни хотела того. Каждый божий день я напоминала себе, что намного старше Дэвида и он нужен мне совсем не для этого. Нас разделяли не только годы, мы были из разных миров, которым никогда не объединиться.

— Это он тебе сказал? — спросила я.

Ответить Джонатан не успел, потому что вдали показалась фигура Дэвида, он бежал в нашу сторону. Сердце мое забилося. Джонатану хватило здравого смысла не останавливаться, чтобы Дэвид не подумал, будто мы секретничаем. Непринужденно приобняв, он повел меня к маленькой деревянной пристани.

— Эй, я тут кое-что прихватил! — прокричал Дэвид.

В руках он держал бокалы, из-под мышки выглядывала очередная бутылка шампанского. Он спрыгнул на причал, веселый, запыхавшийся. Волосы упали ему на лицо, но руки были заняты, и он не мог их убрать.

— Видит бог, после общения с мамочкой мне это не повредит.

Похоже, Дэвида вовсе не задело, что я прогуливаюсь наедине с его другом. Он плюхнулся на мостки, и привязанная к причалу лодка закачалась на волнах.

— А ты меня ей так и не представил, — сказала я, забирая у него бокалы.

— И не надо. Она ведь у нас настоящая Снежная королева.

Дэвид принялся откупоривать шампанское, снял фольгу, распутал проволочку, пробка взлетела в вечерний воздух. Я протянула бокалы. Разливая вино, Дэвид пристально смотрел на

меня. В его темных глазах ничего невозможно было прочесть. Подождав, пока в бокалах осядет пена, он наполнил их до краев, не пролив ни капли.

— За друзей и возлюбленных, — провозгласил он.

Глаза его по-прежнему были устремлены на меня, и я поверила, что Джонатан сказал правду. Пузырьки в моем бокале плясали, поднимались на поверхность, ветер доносил обрывки музыки и смеха. Я подняла бокал.

— За друзей, — сказала я.

Мы выпили, улыбаясь друг другу. Похоже, все согласилось с тем, что мы пьем за дружбу. Не помню, кто это предложил, чей голос изменил мою жизнь.

— Давайте покатаемся на лодке.

*Флора, — показываю я, — ты понимаешь?*

Мы чертим слова, словно ничего не произошло. Я расспрашиваю малышку про дом, про Мило, про ферму, рассказываю о том, в чем так и не сумела никому признаться. Флора молчит, и от этого мне легко и просто. Она смотрит на меня большими глазами, вглядывается в мои старые руки, ткущие повесть жизни. Понимающе кивает.

Пальцы скручены артритом и крестьянской работой, но все еще сохранили изящество.

*Никому не рассказывай, Флора. Это секрет. Обещаешь, что не расскажешь?*

Она энергично кивает, и я верю, что внучка сохранит тайну. Флора уже весело повествует о всяких мелочах, из которых состоит ее мир.

Ну вот, хоть кто-то теперь знает правду, думаю я. Теперь я не одна. Прижимаю к себе Флору. Сегодня ее волосы пахнут марципаном.

Перевожу взгляд на окно. За просторным газоном блестит крошечное озерцо. Солнце играет на воде, но вот оно прячется за набежавшим облаком, и мир мрачнеет, подернутый серостью. На

поднявшихся волнах покачивается лодка. В ней сидит человек.

*Бабушка, ты сказала, что не любишь озеро. Почему же ты на него смотришь?*

Я обнимаю хрупкое тельце, утыкаюсь лицом в кудряшки.

*Потому что иногда, моя дорогая, самые страшные вещи притягивают сильнее всего.*

## Джулия

Школьными коридорами иду к своему классу, отчетливо читая во взглядах коллег жалость пополам с подозрением. Замещавший меня учитель сидит за моим столом. На мое появление он реагирует так, будто я самозванка. Похоже, мне следовало специально предупредить его о своем возвращении.

— А-а, — выразительно тянет он. — Миссис Маршалл. Вы вернулись.

— Вам не сказали, что я сегодня приду?

Он качает головой, и мы начинаем молчаливую битву за письменный стол. Я кладу на стол сумку и вешаю пальто на крючок за дверь. Мой заместитель не двигается с места.

— Здравсьте, миссис Маршалл! — приветствует меня кто-то из ребятишек, точно я никуда и не исчезала на пару недель. Остальные не осмеливаются подать голос. Я связана с Грейс, и они не хотят, чтобы с ними случилось то же, что и с ней.

— Итак, — говорю я, опираясь на стол, — похоже, у вас все в порядке.

На самом деле все *не в порядке*. Стол мой девственно чист, если не считать стопку уже проверенных контрольных. Зато сама комната удручающе грязна, словно все то время, пока меня не было, никто тут не убирался.

— У вас прилежные и способные ученики.

Я думаю о Грейс. Она в больнице, но и здесь тоже. Я вижу ее живое, умное лицо, вспоминаю, как она тянет вверх руку.

— Думаю, нам с вами стоит сходить к директору, — говорю я своему заместителю.

Он поднимается с такой величавостью, будто я его пригласила предстать перед судьей.

— Прочитайте второй акт пьесы, — обращается он к ученикам. — Потом будет контрольная.

Я мысленно помечаю: никаких контрольных.

Патрисия, директор школы, удивилась мне не меньше остальных.

— Боже милостивый, Джулия! Ты вернулась? — Возможно, за непосредственность ее и назначили директрисой.

— Я же звонила. Знаю, знаю, в последнее время у меня семь пятниц на неделе, и хочу извиниться за это. Я была...

— Никаких извинений. Мы все до сих пор в шоке. И ты, должно быть, тоже. — Слова летят как пули.

— Да, и я...

— Мистер Харгрэйвс, спасибо за помощь. Не спасете еще раз? Похоже, семиклассники сегодня остались без учителя. Проклятый вирус. Вы ведь не возражаете?

Возразить он не успевает, потому что мы с Патрисией выскакиваем из ее кабинета, точно проказливые школьницы.

— Спасибо, что постерегла мое место, — благодарю я.

Вернувшись в класс, быстренько начинаю перекличку, незаметно пропустив одну фамилию.

Урок подходит к концу, и никто не упоминает о Грейс. Опустевший стол точно горит неонами. Мне почему-то кажется, что он занимает больше места, чем другие столы. Взгляд то и дело натывается на него, и тут же вспоминается обнаженная, вся в грязи, Грейс. Девушка, которая сейчас в коме. Я раздаю ученикам давние уже сочинения.

— А что получила Грейс? — Джош всегда был довольно бесцеремонным.

— Давай не будем обсуждать оценки других учеников, Джош.

— Как она выглядела, когда вы ее нашли? Много крови было?

— Джош Эллис, твое упорство неуместно. Если не успокоишься и не займешься заданием на доске, отправишься к завучу.

— Или меня убьют.

Надо было выставить его за дверь, заодно с теми, кто хихикает. Но я знаю: Грейс была бы против. Она очень терпимая девочка, и я всегда выделяла ее среди учеников. Грейс выглядит гораздо взрослее



остальных, да и ведет себя соответственно. Возможно, именно этим она и привлекла Дэвида... Нет, я не имею права так думать!

Раздается звонок.

— Итак, к понедельнику не забудьте подготовить ответы на список вопросов. Если мистер Харгрэйвс давал вам какие-то задания, прошу сдать мне. — Я с трудом перекрикиваю скрип стульев и радостный гомон учеников, которые спешат улизнуть на большую перемену. На моем столе вырастает горка листков.

Класс пустеет. Задерживается лишь застенчивая Эми. Она лихорадочно листает тетрадь.

— Я сделала домашнее задание, честное слово, сделала.

Я подхожу к ней, и щеки девочки розовеют.

— Может, твоя собака сжевала? — шучу я.

Она смеется, не поднимая на меня взгляда.

— Может быть. — Девочка роется в рюкзаке. — А, вот оно! Простите, помялось.

— Спасибо, Эми.

Она отворачивается, собираясь уйти, так и не взглянув на меня.

— Послушай, Эми, ты ведь дружишь с Грейс, верно?

Она кивает и еще ниже опускает голову, словно если не говорить о Грейс, то беда рассеется как дурной сон.

— Скажи, до того... случая в ее жизни происходило что-нибудь необычное? Ее что-нибудь беспокоило?

Я вижу, как девочка судорожно сглатывает.

— Да нет вроде.

— Она была счастлива? Грейс ведь делилась с тобой секретами? Это важно, Эми.

Девочка наконец поднимает голову, лицо занавешено длинными волосами.

— Я уже рассказала полиции все, что знаю. А я ничего не знаю! — У нее срывается голос.

— Ладно, Эми. Хорошо.

Я кладу ей руку на плечо, и тогда у нее вырывается:

— Я ей пообещала, ясно? Так что оставьте меня в покое!

И Эми выбегает из класса, уронив стул.

— Подойди ко мне после уроков, — кричу я ей вслед.

Но сомневаюсь, что она меня слышит.

— Надин, я не смогу пойти с тобой в полицию. Меня уволят, если я прогуляю.

Мы стоим на улице рядом со школой, прячась от репортера, который несет вахту у ворот. Этот тип знает, что я обнаружила девочку. Когда я проходила мимо, он успел выпалить несколько вопросов, но я притворилась слепой и глухой. Интересно, он в курсе моих отношений с Дэвидом? Представляю, как это воронье налетело бы! Школьница стала жертвой врача и своей учительницы.

Надин явно не в восторге. Она специально ехала из Кембриджа.

— Пожалуйста, расскажи мне, в чем дело?

— Мне очень жаль, Джулия. Я понимаю. — Она посылает в сторону репортера суровый взгляд и встает так, чтобы он не смог меня сфотографировать. На ее лице появляется напряженное выражение, и у меня екает сердце.

— Что такое, Надин? Что с ней?

Она берет меня за руку и ведет вдоль школьной стены. Навстречу нам несется целая толпа детворы: младшие классы спешат в магазин за шоколадками, чипсами и газировкой. От этой привычной картины мне становится чуть спокойнее.

— Мне звонила Крисси Уивер. Она посмотрела медицинскую карту твоей матери. — Надин говорит медленно, укладывая новости в такт нашим неспешным шагам. — Ситуация довольно... необычная. Особенно учитывая то, как Мэри туда попала. — Надин крепче сжимает мою руку. — В карте нет результатов МРТ. А ведь ее положили в больницу на основании этого обследования.

— Ну, это легко объяснить, — отмахиваюсь я. — Все из-за путаницы между системой общественного и частного здравоохранения. МРТ проводили в государственной больнице, а

маму положили в частную лечебницу. Или же лечащий врачзнакомился с обследованием и забыл положить обратно в папку.

— Боюсь, что не так просто, Джулия. Крисси все проверила, опросила всех медсестер. И не нашла никаких следов МРТ.

Надин замедляет шаг, мы почти останавливаемся.

— Но это невероятно! Надо рассказать Дэвиду. Он придет в ярость. — Мне тут же становится тошно. Забота о маме больше не значится у Дэвида в списке самых неотложных дел. — Дэвид заплатил большую сумму, чтобы маму поместили в эту лечебницу. Я должна ему сообщить.

Что же с ней станет, если счет не оплатят?

— Спасибо, что напомнила. Об этом я тоже хотела тебе рассказать.

Мы стоим в настоящем водовороте из мелюзги.

— Крисси также позвонила в бухгалтерию клиники, но ей не удалось узнать, кто платит за лечение Мэри. Разумеется, им не разрешается разглашать детали, но ей сказали, что счет оплачен не Дэвидом. Крисси намекнули, что там стоит название компании или трастового фонда.

— Надин, я не понимаю. С чего ты взяла, что нам необходимо увидаться наедине, не говоря уже о том, чтобы совершить крестовый поход в полицию? Вряд ли Эда и его ребят заинтересуют пропавшие медицинские документы и загадочные счета, даже если информатором является его жена.

— О, Джулия! — Надин хватается меня за руку. Поток детворы иссякает столь же внезапно, как зародился, мы остаемся совсем одни. Черные, будто обгоревшие деревья угрожающе расчерчивают бледное зимнее небо. — Это еще не все!

— Перестань! Хватит! — Я резко вырываю руку. — Ваша воля, вы бы распяли Дэвида, а ведь его еще даже не судили! Марри говорит, что в службе уголовного надзора вообще сомневаются, дойдет ли до суда...

Я медленно подношу руку ко рту. Слишком поздно. Я только что сказала жене полицейского, который расследует дело Грейс, что служба надзора считает его улики неубедительными.

— Надин, я не смогу с тобой видаться, пока все это не закончится!

Разворачиваюсь и несусь к школьным дверям. Может, Надин и обиделась, но зато не успела сказать то, что я не желаю слышать.

Я и прежде видела Марри с другими женщинами. Он перебрал кучу подружек до того, как мы начали встречаться. Одни были настоящими красавицами, другие — столь же неоспоримыми крокодилицами. Поэтому, обнаружив сладкую парочку на «Алькатрасе» — они смеются, обхаживают друг дружку, стремясь произвести впечатление получше, двигаются замедленно, словно исполняя брачный танец, — я едва сдерживаюсь, чтобы не объявить приговор. Совсем как в детстве, когда я терпеливо ждала, что вот-вот стану для Марри достаточно взрослой.

Ничего страшного, если я вмешаюсь в их маленький междусобойчик. Она приблизительно моего возраста, но проблем у нее явно меньше, чем у меня. Девушка не накрашена, но выглядит отлично. Лодка резко накренилась, когда я спрыгнула на борт, и рука Марри бережно поддерживает гостью под локоток.

Первые слова Марри звучат вполне разумно:

— А где дети?

Значит, он еще не очень много выпил. Правда, мой ответ вряд ли заслужил бы приз на конкурсе заботливых родителей.

— Оставила их с Бренной. Она толковая девочка, — добавляю я. Мол, все под контролем. — И вообще я ненадолго.

Вдруг вспоминаю, как Алекс упомянул о «папиной подруге». Должно быть, это она и есть. Если честно, мне она не нравится.

— Правильно. Ты здесь не задержишься. Даже на минуту. Сейчас же возвращайся к детям! Ты бросила их на Бренну, Джулия? Это же безумие! За Бренной самой нужен глаз да глаз. — Марри придвинулся ко мне вплотную, дабы создать хотя бы видимость приватной беседы. Девушка демонстративно отвернулась, но то и дело косится на нас.

— Есть новости от службы надзора?

— Завтра, Джулия. Самое раннее — завтра.

Напряжение чуть спадает — но не желание вцепиться в Марри и заставить его разузнать об этом немедленно, пускай уже и девять часов вечера. «Больше не пей, — мысленно прошу я. — Ты должен быть в отличной форме, чтобы помочь Дэвиду». Проскальзываю мимо него, вдохнув смесь из запахов солярки и алкоголя, парфюма Марри.

Я вовсе не собиралась торчать возле причала, но, когда Марри захлопывает люк, я придвигаюсь к единственному иллюминатору «Алькатраса». И заглядываю в новую жизнь своего бывшего мужа. И понимаю, что она идет своим чередом: Марри занимается тем, чего не делал годы, — охмуряет женщину. Он улыбается, что-то говорит, заразительно смеется — словом, подает себя в лучшем виде.

Не подозревая, что я пялюсь в каюту, Марри рывком задерживает жуткие оранжевые занавески. Ничего не остается, как развернуться и уйти. Мне грустно. Я так хочу, чтобы история с Дэвидом разрешилась благополучно. Он невиновен, я знаю. Или просто верю в то, во что мне хочется верить. Ведь такая же история была и с Марри. Неужели я повторяю ошибку? Пытаюсь увидеть в Дэвиде того, кем он не является? Бреду по тропинке к шоссе, а перед глазами стоит Марри, охмуряющий подружку. Мгновение — и он превращается в Дэвида. Я быстро-быстро моргаю, и они сливаются в одного человека.

Когда-то Марри встречался с девушкой по имени Синтия. Она была гораздо выше его, такое тонкое нескладное деревце. Синтия была модной девчонкой, стильно одевалась, покупала все новые пластинки, вечно меняла прическу. Она считалась самой крутой в нашей школе.

Марри приглашал ее на свидания, забывая обо мне, и я растворялась в непримечательном пейзаже Уизерли. Снова превращалась в ребенка, особенно если поблизости маячила Синтия. Им стукнуло семнадцать, а мне — каких-то жалких двенадцать, и у меня не было ни единого шанса против Синтии, с ее длинными накрашенными ногтями и лакированными туфлями-лодочками.

Все восемь недель, которые они встречались, я наблюдала и выжидала, буквально затаив дыхание. А вдруг однажды Марри вернется к друзьям на спортивную площадку, вдруг он вспомнит о подруге младшей сестры?

И однажды это случилось. Синтию исключили из школы, и никто никогда больше о ней ничего не слышал. Как будто она исчезла с лица земли. Она оставила единственный след — заметку в местной газете под заголовком «Вина малолетней воровки доказана». Сверху поместили фотографии мрачной Синтии — в профиль и анфас.

И Марри вернулся к старым друзьям-приятелям. Он носился по округе на велике, а когда ему поручали присмотреть за мной с Надин, старательно изводил нас.

— Синтия никогда бы этого не сделала, — твердил он. — Это ошибка. Она бы в жизни ничего не украла. — Марри был уверен и хотел, чтобы весь мир знал, как он уверен в том, что девушка, которую он любил, чиста и невинна.

Все мы думали, что он заступает за нее только потому, что не хочет выглядеть идиотом — ведь он крутил с ней роман. И ему невыносима мысль, что любовь всей его жизни давно уже ворует и модные тряпки, и блескующие украшения, и косметику, и даже пластинки. А значит, их любовь — фальшивка. Защищать Синтию даже после того, как ее уличили, было для Марри актом самосохранения. Никому не хочется казаться дураком.

На самом деле он просто ничего не видел. Любовь застила ему глаза, а преданность укрепляла уверенность, и он действительно считал ее невиновной.

Я влезаю в машину и завожу двигатель. Мыслями я все еще у причала, в голове теснятся образы Синтии, Дэвида и Марри. Не помню, как я доехала до дома.

А там тишь да гладь. Бренна с Флорой мирно играют в снап.<sup>[3]</sup>

Неужели я совершаю ту же ошибку, что и Марри в молодости? Неужели я попросту слепая идиотка?! Неужели... Тут я срываюсь.

— Почему Флора еще не в постели?! — ору я на Бренну.

Она изумленно и немного испуганно смотрит на меня.

— Простите, я не...

— Черт побери, ты ничего не сделала, так?

Господи, что со мной? Такого отношения не заслуживает даже самый распоследний обалдуй из моего класса. Но меня уже несет.

— Бренна, ей восемь лет! Господи, Флоре давно пора спать, а ты играешь с ней в карты. Вы с братом настоящая обуза!

Карты сыплются из рук Флоры, она издает не то лай, не то плач и жалобно смотрит на Бренну. Та встает, задрав голову, чтобы сдержать слезы. И выбегает из комнаты.

— Вот черт, — говорю я.

Флора мне не улыбается, даже головы не поворачивает в мою сторону.

## Марри

Надин чуть не плачет.

— Она не подходит к телефону и не отвечает на мои сообщения. Заявила, что не хочет меня видеть, пока это все не закончится. Нравится нам это или нет, а Джулия влюбилась в преступника.

Слова ее мне точно железо каленое. Крисси неплохо потрудились, собрав столько информации о болезни Мэри. Интересно, как сильно пришлось Надин на нее надавить? Ее неприязнь к этому типу, пусть она никогда с ним и не встречалась, не слабее моей.

— Судя по тому, что обнаружила Крисси, все закончится не скоро. И уж точно ничем хорошим. Какой-нибудь ушлый репортер обязательно пронюхает, что Джулия встречалась с Карлайлом.

Надин сморкается, притворяясь, будто у нее разыгрался насморк.

— Марри, давай смотреть правде в глаза. Джулия обнаружила Грейс. Она была ее школьной учительницей. Все это выглядит странно. Очень странно.

На что она намекает? И эти новости от Крисси...

— Ты думаешь, что Джулию заподозрят из-за того, что она связана с жертвой?

Мне жарко. Мы сидим слишком близко к огню. Меня тошнит.

— Вполне возможно. А вдруг твою бывшую жену принудят свидетельствовать против него?

— Она пока не бывшая. — Это слово ранит меня сильнее, чем все остальное, сказанное Надин. — А твоя подруга не может ошибаться?

Надин обрушивает на меня перечень профессиональных достижений Крисси и добавляет, что таких преданных психиатрии людей еще поискать.

— Значит, доверять ей можно? — ехидно уточняю я, но легче не становится.

— Абсолютно.



— И она уверена, что больничное заключение Мэри никак не связано с результатами МРТ?

— Именно так.

— И лечение, предписанное Карлайлом, не подходит для болезни, от которой страдает Мэри?

— В точку.

Надин не станет мне врать. Она всегда была моим добрым ангелом, вытаскивала из пабов, укладывала спать у себя дома, нянчилась со мной. Но она замужем за детективом, арестовавшим Карлайла. А я — его адвокат. Расправившее плечи противоречие хлестко бьет меня по лицу.

— Надин, буду с тобой честен. — И значит, пожалею об этом. — Служба уголовного надзора подумывает свернуть обвинение из-за недостаточности улик.

— И...

— И тогда Карлайл выйдет на свободу.

— Да, Джулия что-то такое сказала напоследок.

Надин швыряет пакет с чипсами на круглый столик.

— Господи, Марри, зачем ты взялся за это дело? О чем, скажи на милость, ты думал?

— О том, что люблю Джулию, — просто отвечаю я. Вообще-то все совсем не просто. С трудом подавляю желание рвануть в ближайший паб. — Помнишь, у нас с Джулией в детстве была одна игра? Ужасно глупая, но Джулия так смеялась... А я любил, когда она смеется.

— О чем ты?

— Мы выбирали на улице человека, и Джулия говорила, как я должен его разыграть. Если я не слушался, то платил штраф. И однажды она приказала напугать одного старика.

— А ты?

— Я повиновался. У бедняги чуть удар не случился. Он схватил меня и потащил к родителям, но я был счастлив. Потому что счастлива была Джулия. Ради нее я был готов на все.

— Ты *и сейчас* готов на все, — вздыхает Надин, и мы оба знаем, что это правда.

— И что нам теперь делать? — спрашиваю я, когда мы выходим на залитую солнцем улицу. — Информация Крисси не складывается в единую картину. Зачем Карлайлу лгать о результатах анализов и прописывать Мэри неправильное лечение?

— Нам?

Но Надин понимает, что уже впуталась в это дело.

— Ты собираешься рассказать Эду? — Несмотря на солнце, довольно морозно. Ежусь и застегиваю пальто.

Есть кое-что такое, чего я не могу рассказать сестре. Я должен выиграть это дело — ради Джулии. Ради нас.

— Конечно. С чего бы мне желать, чтобы Карлайла освободили?

— А мне с чего? Ох, куда ни кинь, всюду клин. Если Карлайла выпустят, он умыкнет Джулию и покатают они себе навстречу закату. А если засадят, то мне опять же крышка: она убедится, что я конченный неудачник.

Надин мрачнеет.

— Не смей так говорить, Марри! Никакой ты не неудачник. Лучше скажи, что подсказывает тебе интуиция? Виновен Карлайл или нет? Если нет и его выпустят, что ждет твою жену и детей?

— Господи, Надин. Я люблю ее. И хочу, чтобы она ко мне вернулась. Я так сильно ее люблю, что защищаю ее маньяка-любовника.

Сестры не должны видеть, как плачут их старшие братья, и я отворачиваюсь и быстро прохожусь по лицу ладонями в перчатках.

— Так иди к ней, — приказывает Надин.

Видно, до чего ей тошно смотреть на мои страдания. Она садится в машину и уезжает. Никогда в жизни не чувствовал я себя более одиноким и покинутым.

Новость о том, что служба уголовного надзора распорядилась

отпустить Карлайла, настигает меня в тот самый миг, когда пробка с хлопком вылетает из бутылки шампанского. Это Дик Порше празднует очередное повышение. В холл стекается офисный народ.

— Спасибо, что позвонили.

Я вешаю трубку, ошарашенный быстротой, с какой все произошло. Выхожу из своей конуры и вливаюсь в веселую толпу.

— Позволь-ка! — говорю я Дику, который разносит бокалы с шампанским. — Нет ничего плохого в том, чтобы выпить шампанского, особенно если есть хороший повод.

Шейла подплывает ко мне, прежде чем Дик успевает ответить.

— Есть новости о злобном докторе? — осведомляется она. — Мы можем подключить прессу, Марри. Не тушуйся.

— Я добился освобождения под залог, — с фальшивым американским акцентом рапортую я. Заслуги моей, конечно же, в том нет. Но зачем Шейле об этом знать? Одним махом осушаю бокал с шампанским. То, что надо. Впервые в жизни я чувствую благодарность к Дику.

— Вот умница! — хвалит Шейла и игриво почесывает у меня под подбородком. — А на каких условиях?

— Как обычно, — отвечаю я. — Ему нельзя покидать Кембриджшир, и каждые три дня он должен отмечаться в полиции. — О третьем условии я умалчиваю.

Довольная Шейла отправляется чесать языком с Джерри. Парочка поглядывает на меня, явно обсуждая мое будущее.

— Мы только что обручились, — сообщает Дик.

С идиотской улыбкой он прижимается к Оливии, нашей секретарше на телефоне. Я оставляю попытки прочесть по губам Шейлы, что она там говорит, и подваливаю к счастливой паре.

— Так вот почему мы распиваем шампань?

Я нависаю над ними, чувствуя себя невероятно могущественным, — а все потому, что Карлайла выпустили под залог. А если я добьюсь его оправдания, весь мир ляжет к моим ногам. Я сохраню работу, а то и Джулию.

— Поздравляю, Ди-ик. — Господи, ну и жуткий же у него

галстук. — И тебя, Оливия.

Она ерзает на кожаном диване. У Дика выше зарплата, из окон его кабинета открывается вид на город, а машина больше похожа на пентхаус, чем на средство передвижения. А теперь еще к нему льнет эта хорошенькая юная девчушка с фальшивым загаром, выпрямленными волосами и самыми ухоженными ноготками на свете. Ну и плевать. Мои дела идут в гору.

— Уверен, у тебя и член больше моего, правда... — Выразительная пауза. — Ди-ик?

В комнате становится тихо. Старшие партнеры прожигают меня негодующими взглядами. Да, зря я это сказал.

Пожав плечами, выливаю в себя еще один бокал. Интересно, от чего кружится голова — от пузырьков шампанского или от идиотской ситуации, в которую я себя загнал? Я выхожу из здания. Нельзя сказать, что от мысли о скором освобождении Карлайла у меня улучшается настроение.

Прежде чем вернуться на мое идущее ко дну судно, заворачиваю в тюрьму «Уайтгейт». Дома я дам волю чувствам, но работа прежде всего. Как адвокат Карлайла я должен известить его о новых обстоятельствах.

— Похоже, вас выпускают, — спокойно говорю я, когда мы остаемся одни в комнате для допросов.

У Карлайла разглаживается лицо.

— Хорошо.

И никаких благодарностей, никаких похлопываний по спине. А ведь он не знает, что на самом деле я тут ни при чем.

— Служба уголовного надзора сочла улики недостаточными.

Так и вижу, как Эд, багровый от ярости, впечатывает кулак в стену и орет на подчиненных.

— Конечно, расследование на этом не прекратится и обвинения против вас могут быть в любой момент выдвинуты повторно, если появятся более убедительные свидетельства. Поэтому планировать отпуск не советую.

— Я полностью доверяю судебной системе, — бесстрастно говорит Карлайл. Словно знает что-то такое, чего не знаю я.

— Безусловно, я тоже, — подхватываю я, имея в виду противоположное. — Но сейчас мы должны опираться на известные факты. Будьте готовы к худшему.

И только уже на улице осознаю, что вел себя как записной адвокат.

Вода на «Алькатрасе» поднялась на несколько дюймов. Ведро у меня имеется, но с таким же успехом можно вычерпывать воду скорлупкой от яйца. И все же я приступаю к трудам: в одной руке — фляжка, в другой — ведро. И вскоре Карлайл, его связь с Грейс, мои чувства к Джулии, болезнь Мэри, находки Крисси — все кажется таким далеким. А уж то, что мой дом вот-вот погрузится на дно реки, и вовсе меня не волнует.

Лодка вздрагивает. Кто-то запрыгнул на борт.

— Эй, кого черти несут?

Лодка покачивается, и мини-волны колотятся о ее артрозный корпус. Я высовываю голову из люка.

— Джулия! — И похоже, плакала недавно. — А где дети?

Она машет в сторону тропинки. Моя малышня веселится: размахивают ветками, изображая, будто дерутся на мечах. Вылезаю из лодки и приглашаю их зайти внутрь.

— Правда, у меня нет горячего шоколада, — улыбаюсь я Джулии, старательно притворяясь, будто не замечаю ее расстроенного вида.

Алекс прыгает на борт, и Джулия ахает, испугавшись, что он свалится с другой стороны палубы. Флора смотрит на меня и улыбается, когда я показываю, что для нее найдется угощение.

— Алекс, отведи, пожалуйста, Флору в каюту и поищи печенье. (Они ныряют в люк.) Джулия, что случилось?

— Ничего, — чересчур поспешно говорит она. — Просто моя жизнь летит в тартарары.

— Забавно, — отвечаю я. — У меня в последнее время та же

беда.

Мы смеемся, но недолго — ровно столько, чтобы успеть вспомнить одну миллионную из того хорошего, что у нас было. О скором освобождении Карлайла я помалкиваю. А вдруг Джулия пришла, чтобы сказать, что возвращается ко мне?

Она вздыхает.

— Дети по тебе соскучились, и я пообещала, что мы заглянем на лодку перед ужином. Бренна и Грэдин скоро придут из школы. Я не хочу оставлять их одних. — Она отважно улыбается.

— Что с ними происходит? Ты звонила в службу опеки? — Пусть Джулия знает, что я беспокоюсь за нее. — А когда ты вернешься к себе домой? И как работа? Что там с Мэри?

Джулия жестом заставляет меня умолкнуть. Улыбка ее полна очарования, и плевать на размазавшуюся тушь. Пока она отвечает на вопросы, я неприкрыто люблюсь ею. Господи, какая она милая — нежные щеки, шелковые волосы, отличная фигурка, чудесный голос. Такая милая... и беспомощная.

— Пошли внутрь, — предлагаю я, — замерзнешь.

Мы ныряем в люк — сначала Джулия, потом я. Мои руки почти касаются ее спины.

Я набираю в чайник воду и передаю Алексу стопку карт:

— Можешь раскинуть пасьянс, приятель.

Флора увлеченно рисует. Вывалила на стол цветные ручки и разжилась блокнотом из моего портфеля.

— Так что все же случилось?

— Я вышла сегодня на работу. Встретилась с Надин.

Джулия падает на кушетку и скидывает туфли. Притворяюсь, будто впервые слышу о ее встрече с Надин.

— Вот как?

— И мы чуть не поссорились. Все началось с того, что Надин заявила, будто в маминой карте нет результатов МРТ. — Джулия делает паузу, чтобы я осмыслил это сообщение. — Она намекала, что это не просто ошибка, что Дэвид упрятал маму в клинику против ее

воли или... я не знаю.

Протягиваю Джулии кружку с чаем. Она благодарно улыбается и продолжает:

— А потом Надин заявила, что по счетам платит вовсе не Дэвид. А кто, спрашивается? Она специально меня расстроила, надеялась, что я буду плохо думать о Дэвиде. — Джулия внимательно следит за моей реакцией. — Надин собиралась мне еще что-то рассказать, но я просто не стала ее слушать. Сказала, что раз делом этим занимается Эд, нам нельзя видаться, пока Дэвида не освободят и мы не вернемся к нормальной жизни.

Мы оба ежимся от двух последних слов.

— Надин и вправду лишь хотела помочь.

— Это ты ее подговорил?

— Нет!

— Точно?

— Господи, Джулия, я же адвокат Дэвида. В моих интересах, чтобы он быстрее выбрался оттуда.

Я представляю, как Шейла меня увольняет. Алые губы шевелятся, приказывая собирать вещи, и моя карьера рассыпается в прах.

— Все ведь не так просто, да, Марри? — Ее голос кружит, словно хвост выпущенного на волю воздушного змея. — И на самом деле ты вовсе не заинтересован, чтобы Дэвида отпустили на свободу, правильно? Я была уверена, что ты постарайся сплавить его кому-нибудь другому.

Я вздыхаю.

— Джулия, я хочу, чтобы ты была счастлива. Да, я не хотел заниматься делом Карлайла, но... — Как сказать ей правду о том, что я не могу проиграть это дело, пока Шейла с меня не слезет?

— Нет, Марри. На Карлайла тебе плевать. Тебе нужна я.

Вместо ответа я снова вздыхаю, мы оба знаем, о чем я думаю.

— В любом случае, это не самые плохие новости, — продолжает Джулия. — Размолвка с Надин — ерунда по сравнению с тем, что я

обнаружила. — Она утыкается в чашку. — В общем, я поговорила со школьной подругой Грейс. Ее зовут Эми.

Она что, собирается расплакаться? Нет, лучше не лезть с утешениями, это не поможет. Только обвинит меня в том, что я пытаюсь воспользоваться моментом.

— Похоже, Грейс Коватта влюбилась в Дэвида. Она его буквально преследовала. И кажется, она не единственная, кто испытывал подобные чувства. В классе все девчонки были без ума от нового доктора.

А вот *это* уже что-то новенькое, хотя и полностью соответствует рассказу Дэвида о его отношениях с девушкой. Но почему Джулия все перевернула с ног на голову? Почему она винит Грейс, когда злодей — Дэвид?

Хорошо бы глотнуть виски, но как это сделать, чтобы Джулия не заметила?

— Продолжай.

Вспоминаю, что в шкафу стоит бутылка. Можно притвориться, будто что-то ищу, например печенье для детей. Отступаю к шкафу, открываю дверцу.

— Нет, представляешь? А бедный Дэвид расплачивается за их выходки. Полиция решила, что он приставал к Грейс, хотя на самом деле все было наоборот...

Ох, Джулия. Щедро наливаю виски в чай.

— Вот полиция и подумала, будто Дэвид охотится за молоденькими девушками. Но разве он виноват, что Грейс в него влюбилась?

— Если только он... — Я распрямляюсь, стучаюсь головой о притолоку и роняю бутылку, которая приземляется мне точно на ногу. — Ай!

— Господи, Марри! Я с тобой серьезно разговариваю, а ты украдкой напиваешься. — Джулия бьет кулаком по кушетке, наверное, представляя, что это я. Раньше она бы нежно забрала у меня бутылку и вылила содержимое в раковину.

— Значит, Дэвиду нравятся юные девочки. Еще одна причина, черт побери, по которой тебе не следует иметь с ним ничего общего.



Разболелась голова, но чай стал в тысячу раз вкуснее.

— Очевидно, у Грейс была связь с Дэвидом, и неважно, кто ее начал. — Как сказать ей о том, что Дэвид тайно встречался с девушкой, звонил ей? — Факты таковы: Дэвида арестовали и обвинили в нападении на Грейс. — Это все равно что прыгнуть со скалы. И я шагаю в пропасть. — Джулия, должен сказать... — Нет, не могу объявить ей, что Грейс беременна. Все равно не поверит, что отец ребенка — Дэвид, лишь окончательно уверится, что я сплю и вижу, как его потопить. — Ты прекрасно выглядишь, несмотря на все неприятности.

Джулия хмурится:

— Нет, Марри. Я тебя знаю. Что на самом деле ты собирался сказать?

Не вышло. Теперь не слезет с меня, пока не выяснит.

— Поужинаешь как-нибудь со мной?

Джулия отворачивается, скрывая улыбку.

Я глупо ухмыляюсь.

— Дурак ты, Марри, — говорит она, совсем как в детстве. — Что за глупый вопрос? Нет. Конечно нет. Мы скоро разведемся.

— Ну пожалуйста!

— Ну... Только с детьми. Совместный ужин. На дне рождения Алекса.

Откуда-то изнутри поднимается жар, растекается по телу.

— Давай снова в той пиццерии, папа? — встречается Алекс.

Я встаю, чтобы посмотреть на рисунок Флоры, но дочь проворно прикрывает листок локтями.

*Мне нельзя смотреть на твой рисунок?*

Она качает головой, сдвигает брови.

*Секрет,* — показывает Флора.

*Ясно. Не буду смотреть.*

— Итак, — не отстает Джулия, — что ты хотел сказать?

— Только насчет ужина. Правда. — Буду стоять на своем.

Выпиваю остатки виски, разбавленного чаем. — Хочешь еще? — показываю на пустую чашку.

— Нет, Марри. — Джулия встает. — Забавно, не правда ли?

— Что?

— Все думают, что Дэвид извращенец, просто потому, что в него влюбилась какая-то школьница.

— Джулия...

— А, ладно. Забудь, Марри. Ты такой же, как все.

Джулия показывает Флоре, что пора идти. Дочь даже не смотрит на нее. Она рисует.

Я вижу, что моя драгоценная Джулия собирается уходить, и мысленно рассказываю ей все, что знаю.

«Видишь ли, моя радость, Дэвид и Грейс тайно встречались. У них была любовная связь. Зрелые мужчины легко поддаются похоти, когда речь идет о молоденьких девушках. Грейс отправилась к Дэвиду, чтобы сказать, что она беременна. Свидетели видели, как они ссорились, спорили. Если бы кто-то узнал, что Дэвид спал со школьницей, пациенткой-подростком, его карьере пришел бы конец. Послушай меня, Джулия. У полиции есть жертва, улики, а главное — мотив. Я буду защищать его ради тебя, но я не сомневаюсь, что это Дэвид Карлайл напал на Грейс Коватту, чтобы она не болтала о ребенке».

Мысленно прижимаю ее к себе. Обнимаю крепко-крепко, до боли. Надо все же сообщить, что его отпустили под залог. Но я молчу.

— Мы тонем, — вместо этого говорю я.

— Но ты же меня спасешь, правда? — Джулия улыбается.

Ее улыбка — наш спасательный круг.

## Мэри

Проигрывая в уме слова, заново переживая ту ночь, вслушиваясь в шепот, звучащий в голове, я понимаю, что идея принадлежала Дэвиду. И не устаю удивляться: неужели он заранее все спланировал?

Мы решили, что это увлекательное приключение, и Джонатан не стал протестовать. Мы были пьяны и искали где бы спрятаться. С трудом удерживая бутылку и бокалы, позвякивавшие в дрожащих руках, я залезла в похожую на бочку лодку и села впереди.

— Эй, на корабле! — заревел Джонатан и прыгнул с мостков.

Лодка опасно накренилась. Он бросил веревку в нос лодки и вставил весла в уключины.

— Я буду грести, — твердо сказал Джонатан.

Дэвид сел рядом со мной и заглянул в глаза, от его взгляда мне сделалось жарко.

— Не замерзла?

— Нет, что ты. — Я буквально плавилась. Платье липло к телу. Вечер был влажным; в знойном воздухе чувствовалось приближение грозы. — Хорошо бы пошел дождь.

На дне лодки поблескивала вода, и я приподняла невесомый подол, чтобы не намок.

Если хлынет дождь, легкая ткань облепит тело, мы будем подставлять лица струям и хохотать. И словно в ответ на мои мысли, небо осветила вспышка. Близилась буря. Воздух был наэлектризован.

Джонатан изо всех сил работал веслами, и вскоре мы уже оказались на середине озера. В лодке нас было трое, но я чувствовала себя одинокой, затерявшейся среди черной воды. Джонатан бросил весла, и лодка тихо заскользила, слышался лишь легкий плеск ударяющихся о борт волн. Буря собиралась с силами.

— Там есть домик. Давайте туда. Можем там выпить, полюбоваться на грозу.

Лицо Джонатана белело в темноте. Я посмотрела, куда он показывает, и разглядела черный квадрат. Внезапно небо раскололось

надвое и стало светло как днем. На берегу стояла небольшая хибара.

Дэвид кивнул в знак согласия. С тех пор как мы оттолкнулись от берега, он не сказал ни слова. Я коснулась его руки, давая знать, что помню о нем. И пусть он расстроен из-за матери, я по-прежнему его друг, истинный друг, которому можно доверять. Я сжала его пальцы, улыбнулась, положила голову ему на плечо. Мне следовало догадаться, что вовсе не дружбы он от меня ждал.

— Я волнуюсь за мать, — сказал Дэвид. — Она слишком много выпила.

— А ты сам? — рассмеялась я. — Расслабься, Дэвид. Лучше наслаждайся бурей.

По небу стремительно неслась угольно-черная загогулина. Я подняла руку, указывая на нее, и у меня вдруг возникло странное чувство, будто кончик моего пальца упирается в небеса, будто между мной и Богом установилась прямая электрическая связь.

Дэвид согласился, что небо необычное. Джонатан вновь взялся за весла. Шумно выдыхая и крикая, он с силой погружал их в воду.

— Вот! — Крупная капля шлепнулась на мое обнаженное плечо. Я ликовала. Настоящее приключение! — Дождь!

— Единственная капля, и та упала на тебя, Мэри Маршалл! — расхохотался Дэвид.

Он никогда не упускал случая дать понять, что я особенная. И в этот вечер я разрешила себе поверить ему.

Еще через минуту поверхность озера испещрили воронки от миниатюрных взрывов. И тут же дождь перешел в град.

— Боже! — вскрикнула я. — Джонатан, давай выбираться отсюда!

Ледяные бусины обстреливали кожу, лодку, наши головы и сердца. Совсем стемнело, и уже было невозможно сказать, где заканчивается вода и начинаются небеса. Мы хохотали как безумные, краем глаза я видела, как Дэвид пьет шампанское из бутылки.

Но вот лодка ткнулась в берег, мы выпрыгнули на сушу и кинулись под дерево. Молнии сверкали уже одна за другой, и электричество, разлитое в воздухе, казалось, искрами проносится по телу. Ничего подобного я в жизни не испытывала.

— Давайте в дом!

Не помню, кто это крикнул, но голос ниткой вплеся в дождевые струи.

Судя по всему, это был сарай садовника. Джонатан дернул дверь и состроил гримасу:

— Заперто.

Мы прижались к стене, пытаюсь укрыться под пологой крышей. Холодные капли скатывались по спине, шее, рукам.

— Жалко. — Я заглянула в грязноватое окошко. — Там уютно. — Мне удалось различить какие-то контуры. Должно быть, там имелась какая-никакая мебель.

— Эй! — рывкнул над ухом Джонатан.

Я подпрыгнула:

— Господи, ты меня до смерти напугал!

Меня трясло от возбуждения. Дэвид молча вытащил из кармана нож. Складной нож с костяной рукояткой, возможно охотничий — чтобы освежевать кролика или утихомирить бьющуюся рыбину. Пару минут он ковырял замок, пока не заметил приставленный к стене деревянный молоток. Два удара — и дверь распахнулась.

— Только осторожнее, — предупредил он. — Здесь все прогнило.

— Ой, смотрите! — воскликнула я, задохнувшись от волнения. — Чувствую себя как в гостях у медведей из сказки.

Мы нерешительно пробрались внутрь. Это был вовсе не сарай, а чье-то жилище.

— А если хозяин вернется?

— По-моему, это замок садовника, — сказал Дэвид. — Он отдыхает здесь, когда работает на участке, но сегодня вряд ли стоит его ждать. И свадьба тебе, и гроза.

— Ты прав, — с облегчением согласилась я. Возвращаться к гостям не хотелось. Я плюхнулась на древний диван, подняв облачко пыли. — Ну же, где ваше шампанское?!

В тот вечер я как будто спустила себя с поводка. То ли гроза

была тому причиной, то ли я сошла с ума от близости Дэвида и красавца Джонатана — таких похожих и таких разных. Оглядываясь сейчас назад, я понимаю, что сама во всем была виновата. Как бы я ни нравилась Дэвиду, но он был совсем еще мальчишкой, а я — зрелой взрослой женщиной. И именно мне следовало держать себя в узде. Но в тот вечер я желала одного — приключений.

Мы выпили шампанского. Поразительно, но бокалы оказались целы и невредимы.

— Хотите чего-нибудь покрепче?

Дождь хлестал по крыше, и я наслаждалась этим ритмичным шумом.

— Наркотики? — изумилась я.

Сердце забило быстрее, словно я уже что-то приняла. Несколько секунд я в красках представляла последствия. Все студенты принимают наркотики, верно? Для Дэвида и Джонатана проглотить таблетку, чтобы расслабиться, — такое же обыденное дело, как выпить чашку чая. Кроме того, Дэвид учится на медицинском.

— Ну, ты же изучаешь медицину. Я тебе доверяю, — решила я.

До этого я никогда еще не пробовала ничего наркотического. Да и в тот вечер, не будь я так пьяна, подобное вряд ли пришло бы мне в голову.

Меня слегка подташнивало, от шампанского все перед глазами так и кружилось. Наконец-то я прожигала жизнь. Мэри, фермерской девчушки, больше не существовало. Я в другом мире с другими людьми, и мне хотелось взглянуть на ту Мэри, которой я могла бы стать, если бы мне дали шанс. Я выбежала под дождь, струи воды омывали мое лицо, воздух пах остро и терпко.

— Простудишься.

Его голос, прикосновение, запах... Он действовал на меня сильнее, чем наркотик. Мы смотрели на озеро. Мне казалось, что я могу пройти по этой черной, в оспинах дождя, поверхности. Дэвид обнял меня сзади. Я резко втянула в себя воздух.

— Ты вся промокла.

Я рассмеялась, повернула к нему лицо. Такой красивый и так старается быть героем моих мечтаний. И у него чудесно получается. Но я ему не пара. И если я хочу сохранить остатки самоуважения, то не должна забывать, что, проникнув в жизнь Дэвида, сердце, постель, я лишь отчетливее увижу, что все это великолепие мне недоступно.

— Ну и что? Ты же будущий врач. Вылечишь меня, если я заболею.

Рассудок сражался с телом. Сверкнула молния, и через миг прямо на нас обрушился раскат грома. Дэвид поцеловал меня.

Я было увернулась, но губы мои рванулись ему навстречу, раскрываясь, точно ночной цветок.

— Больше не буду, — сказал он, отрываясь от меня.

Мы оба знали, что будет.

Самый прекрасный поцелуй в моей жизни.

— Да, не будешь, — прошептала я.

Тело покалывало от желания. Бедра Дэвида все сильнее вжимались в мои, он снова поцеловал меня, и еще, и еще. Я сжалась, пытаюсь остановить его.

Мы отпрянули друг от друга. Нас разделяла целая жизнь.

— Я уже принял одну, — спокойно сказал Дэвид и вытащил из кармана маленький конверт. — Возьми. Поможет расслабиться.

Дэвид потряс конверт, и таблетки внутри весело защелкали.

— А что это? — спросила я, словно меня это интересовало. Таблетка мне требовалась вовсе не для того, чтобы забалдеть. Нет, просто в тот вечер я хотела походить на Дэвида во всем. Я мечтала о близости с ним и готовилась отвергнуть его навсегда.

— Барбитураты, милая. И от них ты станешь еще милее, — рассмеялся Дэвид.

Я заглянула в конверт:

— Красная и желтая, зеленая и синяя...

Беззаботность плескалась во мне, смехом рвалась наружу. Ведь все принимают наркотики, разве нет? И если мне не удалось поступить в университет, это не значит, что я изгой в этом мире.

— Вот хорошенькая... — Я улыбнулась и выбрала таблетку.

Вот оно, средство, которое сделает меня счастливее. Я осторожно положила таблетку на кончик языка и быстро, чтобы не передумать, проглотила, запив шампанским.

— Барбитураты, — повторила я, смакуя незнакомое слово. — Звучит как игра.

— Так и есть, — блеснув глазами, подтвердил Дэвид. — Метаквалон. Самое то, если хочешь заторчать.

Мы смотрели друг на друга целую вечность. Я чувствовала, как таблетка растворяется в желудке, как пузырьки шампанского, подхватив наркотик, весело несутся по венам. Я смотрела на Дэвида и не узнавала его. Он стремительно превращался в таинственного незнакомца. Теперь я понимаю, что и сама превращалась в незнакомку, которой мне было суждено остаться навсегда.

— Пошли в дом, — сказал вдруг Дэвид. — А то Джонатан перепугается, что мы заболеем и умрем.

— А разве мы уже не умерли? — Я не узнала свой голос.

Мы вернулись в домик, Дэвид улыбнулся мне и лег на пол. Никогда еще он не выглядел таким красивым. Из кармана он достал серебристую фляжку.

— Думаешь, стоит? — раздался из темноты голос Джонатана.

А он принял наркотик? Я не знала.

— Седативный эффект включает эйфорию, замедленное сердцебиение, нечленораздельную речь, амнезию, нарушение восприятия и помрачение сознания. Сейчас накроет!

Дэвид будто цитировал учебник. Он прижал фляжку к губам, затем передал мне. Она была тяжелой. Полной. Я сделала глоток. И еще один.

Дождь все барабанил по крыше, а раскаты грома то и дело встряхивали ветхий домишко. Мы начали петь. По очереди с Дэвидом мы выводили все гимны, какие могли вспомнить. Позже-то я осознала, что ничего мы не выводили, так, жалко мяукали что-то. Джонатан не пел. И вообще не участвовал в веселье. Он словно нянька присматривал за нами, слушал нашу околесицу и глупый смех. Ливень шумел в такт нашим песням, а Джонатан лишь



улыбался.

Я тоже улыбалась. Все мое лицо обратилось в улыбку, широкую, радостную. Все было чудесно. Мир был прекрасен. Я пряталась в волшебной избушке с двумя самыми замечательными мужчинами в мире. И я была счастлива. Как никогда.

Мы с Дэвидом все смотрели друг на друга. Наши губы еще горели от поцелуев. Джонатан и понятия не имел, что происходит. Мы с Дэвидом вели беззвучный разговор, недоступный третьему. Не сказав ни слова, мы заключили договор, я все смотрела на него и смотрела, и счастье мое уже не могло уместиться в четырех стенах.

Дэвид сказал правду. Волшебное состояние. Я скинула туфли и встала.

— Кто со мной потанцует? — Я закрыла глаза в ожидании.

А когда открыла, обнаружила, что Джонатан исчез.

## Джулия

В обеденный перерыв, вместо того чтобы проверять работы, я сажусь составлять списки. Сначала список хороших вещей, которые знаю о Дэвиде. Улыбаюсь. Похоже, этот список будет бесконечен.

Во-первых, я ему нравлюсь, *на самом деле* нравлюсь. И возможно, однажды он меня полюбит. Я точно смогу его полюбить.

Задумчиво покусываю карандаш. Ладно, признаюсь, я *уже* его люблю.

Во-вторых, он обожает моих детей, особенно Флору. И заботится о маме. Только человек, искренне преданный мне и моей семье, устроил бы ее в частную клинику.

В-третьих, он врач. Это замечательная, солидная профессия. И Дэвид доказал, что он настоящий профессионал, в отличие... Сравнения все еще вызывают боль.

— Мне нравится его внешность, — произношу я вслух.

И не просто нравится, я нахожу его сексуальным.

И он следит за собой.

И с ним так интересно разговаривать!

И он помогает мне избавиться от неуверенности.

И он надежный...

И я нравлюсь ему как женщина...

И он умеет готовить.

И у него отличное чувство юмора...

Я не успеваю записывать. Добавляю «и много чего еще» и затем со вздохом перехожу на чистую страницу.

Теперь список непонятных моментов, связанных с Дэвидом. Слова «плохие» или «негативные» не подходят. Ведь обо всех этих непонятностях я знаю от Марри, а он считает Дэвида врагом.

Во-первых, Дэвида держат в тюрьме.

Во-вторых, его обвинили в жестоком нападении.

Передергиваю плечами, ежусь. Да, хорошего мало. Бедный Дэвид стал жертвой назойливого внимания бестолковых школьниц, включая Грейс.

В-третьих, в мамину историю болезни вкралась какая-то ошибка, но Дэвид здесь ни при чем.

Кроме того, непонятно, кто оплачивает счета за ее лечение, но я уверена, что это Дэвид. Он мне так сказал, и у меня нет оснований ему не верить. Я собиралась записать этот пункт в «положительном» списке, но передумала: не хочу, чтобы выглядело так, будто я подтасовываю результаты.

Кладу карандаш и взвешиваю негативные (в левой руке) и позитивные моменты (в правой).

— О, Дэвид! — вздыхаю я и перечитываю оба списка.

Тот, что слева, тянет руку вниз, тяжелым грузом ложась на сердце. Я читаю второй список, и на сердце тотчас становится удивительно легко.

— Ну конечно! Я же забыла написать самое важное.

Снова грызу карандаш. Сложно выразить это словами. В сумке звонит мобильный телефон, и я торопливо дополняю «положительный» список:

*Такое чувство, будто мы знакомы целую вечность.*

— Алло! — Выхватываю телефон из сумки как раз в то мгновение, когда раздается звонок на урок. — Алло! Говорите!

Это Марри, но я его почти не слышу. Отхожу к окну, чтобы помехи исчезли. Когда-то я с нетерпением ждала его звонков, потому что мы любили друг друга.

— Ты меня слышишь? — Голос Марри дребезжит, точно струна фортепиано.

Я выхожу из учительской. Наконец слышимость становится пристойной.

— Слава богу, — бормочу я. — Слава богу.

Через минуту я уже в учительской, собираю тетради, которые мне нужно было проверить. На столе лежат два списка. Скомкав «отрицательный», я бросаю его в корзину. Туда же отправляются все

мои сомнения.

— Марри! — кричу я.

Мне хочется его обнять, подпрыгнуть, взъерошить волосы, как Алексу, поцеловать. Но отныне я могу лишь вежливо поблагодарить его.

— Честно говоря, Джулия, я ничего особенного не сделал.

Вспоминаю, каким Марри был прежде — собранным, уверенным в себе, целеустремленным, — и мне не верится, что за столом сейчас тот же самый человек.

— Мне все равно, как это случилось, но хочется верить, что все благодаря тебе. Я хочу сказать спасибо хоть кому-нибудь.

Господи, как я счастлива! Марри мрачно наблюдает, как мое лицо расплывается в глупой безбрежной улыбке.

— А когда его выпустят? — Слова летят, словно праздничный серпантин, расцвечивая унылый кабинет. — Знаешь что, тебе надо попросить Алекса и Флору раскрасить здесь стены. Кстати, что у тебя нового? Как работа? Ведешь какие-нибудь интересные дела? Шейла по-прежнему тебя изводит? Как поживает твоя подружка?

Знаю, что несу какой-то бред, но ничего не могу с собой поделать.

Марри поднимает руки:

— Милая, потише. Дэвид еще не скоро сможет спать спокойно. — Марри отводит глаза, и я понимаю: он представляет, как мы с Дэвидом прижимаемся друг к другу в постели. — Мне нужно узнать об условиях освобождения под залог. А также сняты ли с него все обвинения. Встреча назначена на завтра, так что давай не будем торопить события. К сожалению, процесс ускорить нельзя. — Марри откашливается. Такое ощущение, будто он чего-то недоговаривает. — Что касается Роуз, то у нее все хорошо, спасибо. Скоро я представлю ее детям. — И снова в его голосе сквозит фальшь, будто Роуз — полагаю, та девица, которую я видела на катере, — выдумка.

— Но только если это серьезно, ну, у тебя и... Роуз. — И откуда эта язвительность в моем голосе? — Я бы не хотела, чтобы дети

привязывались к женщине, которую ты скоро бросишь.

— Потрясающе! И об этом говоришь ты! — Марри буквально швыряет в меня словами, и я вжимаю голову в плечи. — Ведь это ты в мечтах уже вышла за Карлайла замуж, это ты вверила ему свою жизнь, а он затем загремел в тюрьгу! И возможно, до *конца жизни*. Интересно, как твоя неразборчивость отразится на Алексе и Флоре, а?

— Нормально отразится, — спокойно отвечаю я. — Дэвид им нравится.

«Он заботится о них и не бывает пьяным», — хочу сказать я, но произношу совсем иное:

— И я объяснила им, что, возможно, полиция совершила ошибку. А теперь они узнают, что его отпустили, и убедятся, что так и есть.

В этом наше вечное несовпадение. Я живу в реальности. Марри витает в фантазиях.

— Возможно, Джулия. А если полиция и *впрямь совершила* ошибку... *совершает* ошибку? Если они отпускают на свободу жестокого преступника?

Я вижу, как у него вздрагивают плечи, чувствую, как колеблется воздух. Марри всегда был склонен к мелодраматизму.

— Дэвид сказал, что верит в правосудие. И знаешь, он прав. — С меня довольно. Я не позволю Марри опорочить Дэвида. Или же он просто беспокоится за нас с детьми?

— Джулия, подумай. Что мы о нем знаем? Только факты. Подумай.

— Я бы так и сделала, если бы у меня были убедительные свидетельства, но пока я слышу лишь сплетни из вторых рук. *Крисси* сказала, *Надин* сказала, *ты* сказал, психиатрическая лечебница, пропавшие документы. С чего ты взял, что Дэвид каким-то зловещим образом связан с моей матерью? Он старается ей помочь, разве ты не видишь? Марри, ты как будто живешь в приключенческом романе.

Он молчит, словно взвешивая что-то, решая, говорить мне это или нет. И затем сбивает меня с ног.

— Раз Дэвида выпустили, надолго или нет, я должен тебе что-то сказать, Джулия.

Говорит он медленно, точно выдавливая каждое слово. Я мнусь, не решаясь сбежать. Меня же дети заждались...

— На суде это все равно всплывет.

Я хватаюсь за стул, в ногах отчего-то слабость.

— Грейс Коватта беременна. Возможно, она до сих пор беременна.

Мне достаточно секунды, чтобы понять, что он лжет.

— О, ну да, конечно. И кто это сказал? Санта-Клаус?!

— Нет, Джулия. Это сказал Дэвид, — мягко говорит Марри.

## Марри

Знаю, я поступил как мальчишка, заставив Джулию поверить, будто у меня роман с Роуз. Это все проделки Надин: сестрица устроила мне свидание вслепую, надеясь вернуть меня к нормальной жизни. Ничего у нее не вышло. Когда Джулия увидела нас, я слегка запаниковал, но не удержался и забросил-таки наживку, дабы посмотреть, проглотит ли она ее.

Не проглотила. Мне больно от того, что ей все равно.

— Господи, Надин, да все плохо! Ты можешь сказать, в какой области у меня все хорошо?

Лицо у нее усталое и какое-то потерянное, будто долгое дежурство высосало из нее энергию. В больницу я завернул за порцией сестринской ласки.

— А как же твои чудесные дети?

Разумеется, я ждал этого вопроса. Чувство вины сжимает меня тисками.

— Из-за них мне особенно тошно. Карлайл подобрался к ним вплотную. Джулия должна пообещать, что не будет встречаться с ним в присутствии детей.

Сомневаюсь, что она это пообещает.

— Насколько я понимаю, Марри, вариантов у тебя немного. Во-первых, ты можешь каким-то образом вернуть Джулию и умчаться в прекрасную даль. Во-вторых, ты можешь собрать компромат на доктора — если таковой существует — и ткнуть его Джулии в нос. В-третьих, ты можешь зажить своей жизнью, видаться с детьми каждое воскресенье и навсегда забыть Джулию Маршалл.

Едкость в голосе Надин превышает все санитарные нормы. Имя Джулии она точно выплевывает.

— Ну, насчет куда-то там умчаться у нас точно возникнут проблемы. Забыть Джулию... — Я раздумываю, тараща в потолок. — Нет, невозможно.

— Значит, остается второй вариант. Докажи, что он

чудовище. — Надин разворачивает шоколадку, купленную в автомате. — Мой обед, — признается она. — А может, завтрак.

Мы идем по больничному коридору. На Надин белые куртка и штаны, туфли на мягкой подошве. Она сливается с белыми стенами. Она словно часть этого здания.

— Хочешь? — спрашивает она.

Я отламываю от шоколадки.

— А как отреагирует Джулия? Если мои подозрения насчет Карлайла оправданны хотя бы отчасти, Джулия никогда не поверит, что я тут ни при чем. И обвинит меня в том, что я разрушил ее счастье. А если он ни в чем не виноват, то смогу ли я спокойно наблюдать за их идиллией?

Надин косится на меня.

— Не сможешь. Зажмуришься. Но сейчас, Марри, смотри в оба. — Так говорила мама в нашем детстве.

— Итак, ты предлагаешь мне переквалифицироваться из адвокатов в сыщики?

— Разве я что-то такое говорила, братишка? — Надин невинно хлопает ресницами. — Не забывай, кто мой муж.

Мы уже у выхода. В дверном проеме сияет голубое небо, асфальт сверкает, точно подернутый россыпью бриллиантов.

— Марри, меня смущает информация Крисси, но, возможно, лишь потому, что Карлайла обвиняют в нападении на эту девочку.

Я хватаюсь за ниточку.

— Ну да, со мной то же самое. Стоит ему чихнуть, и мне кажется, будто у него чума.

— Точно. Я не на его стороне, но ты должен хорошенько изучить факты. Уверена, тебе уже случалось проворачивать достаточно необычные, если посмотреть со стороны, дела. И кто-то запросто мог обвинить тебя в нарушении закона.

Мы молчим, охваченные общим воспоминанием, уводящим нас на несколько лет назад.

Джулия тогда позвонила Надин и попросила срочно приехать,



сестре пришлось срываться с работы. Дети уже лежали в своих кроватях, но Флора была еще совсем малышкой, и оставить ее Джулия не могла. Мои воспоминания о том вечере похожи на лоскутное одеяло, сшитое из откровений Джулии, спокойного пересказа событий Надин и последующей консультации у врача, которого я пытался убедить, что еще в своем уме.

— Честное слово, я сорвался всего один раз. Переработал. Всякое бывает.

— Но ты швырнул стулом в свою жену.

— Да нет! — Я смеюсь, всем своим видом показывая, что большей нелепицы не слышал. Вообще-то это так и есть. — Я вовсе не собирался швырять стулом в Джулию.

— Но швырнул.

— Я был пьян.

— А потом ты еще сбил с ног двух медсестер.

— Не нарочно же. Оступился и упал.

— И в результате тебе зашивали руку.

— Да уж, подробный отчет.

Наверное, глупо объяснять то, что произошло давным-давно, но для меня все это случилось будто вчера. Самого припадка ярости я не помню. Позже я был в панике, рвался убедиться, что не причинил вреда Джулии, но на звонки она не отвечала, а входную дверь забаррикадировала. Надин она заявила, что больше не желает меня видеть. Откровенно говоря, тот день и стал началом плохих времен. Прежде Джулия не особо волновалась из-за того, что я люблю зависнуть в пабе. Это было обыденностью, ну как подгузники Флоры или утренние побудки Алекса. Пару месяцев я сидел на антидепрессантах. В моей медицинской карте осталась отметка о происшедшем, и для врачей я с тех пор не просто пациент, а человек, склонный к буйству.

— Но в тюрьму меня, между прочим, не сажали, — говорю я, прежде чем Надин окончательно уничтожит меня своими доводами.

— Да, но нападение на медиков — это очень серьезно. И твоя медицинская карта мало отличается от полицейского досье Карлайла, — деловито замечает Надин.

— Вот спасибо, — бормочу я. Ну надо же, родная сестра сравнивает меня с потенциальным насильником. — Ты же знаешь, это был несчастный случай. Исключительно по пьяни.

— Возможно, у Карлайла имеется похожая отговорка.

— Это вряд ли. Он твердо стоит на том, что ничего не делал. Как скала. И кстати, я не понимаю, чего ты его защищаешь. Ведь наверняка не меньше моего хочешь, чтобы его заперли далеко и надолго.

— Да, хочу. Но надо же кому-то взять на себя роль адвоката дьявола, Марри. Кроме того, думаю, твое желание засадить его все-таки гораздо острее, ведь так у тебя есть шанс вернуть семью. — Надин комкает обертку от шоколадки, сует в карман и смотрит на часы. — Только прошу, будь осторожен. Ты ходишь по краю пропасти, пытаешься быть и адвокатом, и детективом. Смотри не запутайся. А главное, не показывай Джулии своего отчаяния. У тебя оно на лице написано.

— Джулия уже выстроила оригинальную теорию. Она считает, что я подозреваю Дэвида в какой-то неприглядной связи с Мэри. Зловещей, как она выразилась, связи. И если уж честно, то Джулия права. У меня и впрямь есть такие подозрения. — Я жду реакции Надин, однако она молчит. Во взгляде Надин усталое недоумение. — Ладно, топай домой, сестренка.

Я целую ее в щеку. Она и так много для меня сделала. Надин достает из кармана ручку и быстро пишет у меня на руке цифры.

— Крисси Уивер, — напоминает она. — И будь осторожен.

Крисси Уивер моложе, чем я ожидал, но, когда она четко перечисляет свои профессиональные достижения и названия престижных больниц, в которых работала, я проникаюсь уважением и предлагаю поужинать. В каком-нибудь шикарном местечке. Сегодня у нее выходной, и это самое малое, что я могу сделать, дабы оправдать то, что половину его она потратит на меня.

— Мне бы не следовало этого делать, — замечает она, похлопывая по папке. — Во всяком случае, показывать ее постороннему. Но мы с Надин давно дружим, и когда она сказала, что ее брату требуется помощь, я не смогла отказать.

Глаза у Крисси блестят. Должно быть, для нее это волнующее приключение. Интересно, что именно рассказала ей Надин.

Крисси красива и, несомненно, очень умна (она поведала мне о наградах, которые получила за исследования в области психиатрии).

— Мне все ужасно нравится, — говорит она с таким воодушевлением, будто нахваливает своего бойфренда, — даже домой не хочется уходить с работы! Даже в постель прихватываю ноутбук. Большинство девушек в выходной день отправились бы за покупками. А я полдня корпела над статьей.

Неудивительно, что она отказалась от вина. В знак солидарности наливаю себе совсем чуть-чуть. Следующие полчаса я слушаю о ее преданности работе и похвальном трудолюбии и о скором продвижении по службе. Я изображаю интерес, хотя хочется мне одного — поскорее сграбастать папку, на которой написано: *Мэри Маршалл*. И повышенное слюноотделение вызвано вовсе не тем, что официант принес еды на сорок фунтов.

— А чем ты занимаешься?

Крисси улыбается, с треском вскрывая панцирь лангуста.

— Коммуникацией больных, страдающих деменцией. Начиная от Альцгеймера и Паркинсона и до болезни Кройцфельда Якоба.

— Потрясающе! — с деланным энтузиазмом восхищаюсь я.

Смотрю на нее поверх края бокала. Вино, кстати, превосходное. Идея, пришедшая в голову, мне не нравится. Совсем не нравится. Я не умею флиртовать, если только речь не идет о Джулии.

— Столь прекрасная молодая женщина — и занимается столь серьезными и скорбными делами.

— Ну, не такая уж и молодая, — смеется она и сует в рот розовое мясо. — Просто слежу за собой.

Похоже, Крисси в восторге. Как раз то, что мне нужно.

— И все-таки слишком молодая для такого старика, как я. — Хорошо, что надел эту рубашку. Намек на хороший вкус. — Шучу, — добавляю я поспешно, а то еще решит, что я совсем уж козел.

— Что за ерунда! — Взгляд у нее становится оценивающим. И

на несколько секунд мне кажется, что я ничем не хуже проклятого Карлайла: сильный, импозантный, респектабельный джентльмен.

И тут меня осеняет.

— А твои исследования касаются... — Господи, как же эта штука называется? — Ну, болезни, что у Мэри Маршалл?

Крисси кладет на тарелку еще одного лангустина.

— Они восхитительны! Боюсь только, от меня будет вонять чесноком.

— Будем вместе вонять, — замечаю я и тут же жалею об этом. — Так болезнь Мэри попадает в сферу твоих интересов?

Крисси вскрывает лангустина и облизывает пальцы.

— Прости, — говорит она и смотрит на меня поверх огромных очков — слишком огромных для ее лица. — Я внимательно изучила медицинскую карту Мэри, но не нашла никаких следов какой-либо патологии.

— Э-э... мульти... что-то там... Ведь результаты МРТ показали, что у нее прогрессирующая деменция.

И мы хором, нараспев произносим:

— Но нет никаких результатов МРТ.

— Может, ты имеешь в виду мультиинфарктную деменцию? — Крисси вонзает вилку в горку из колец кальмара под каплями огненного перечного соуса, от которого во рту происходит извержение вулкана. — Обожаю тайскую еду, а ты?

— О да! — Если бы у меня не горели губы, я бы наклонился через стол и поцеловал ее. — Да — на оба твоих вопроса. Еда чудесная, а деменция мультиинфарктная. Именно так. Этим Карлайл объяснил, что Мэри надо госпитализировать.

Крисси куда больше интересуется халявное угощение, чем мои загадки.

— Тебе не кажется странным, что он оплачивает лечение Мэри? Ведь «Лонс» — очень дорогая клиника.

Я пожимаю плечами. Крисси ведь не знает об отношениях Джулии и Дэвида.

— Да, верно, и все же дело обстоит именно так.

— Но счета оплачивает не Дэвид Карлайл, насколько я понимаю? В счетах нет его имени. (Я уже знаю об этом от Надин.) Кроме того, нет никаких оснований лечить ее от мультиинфарктной деменции. Во-первых, Мэри Маршалл ничем не больна, а во-вторых, не имеет смысла делать это в «Лонсе», потому что, как всем известно, это психиатрическая лечебница. Может, стоит еще разок сделать МРТ? И выслушать мнение другого врача?

Тут она, конечно, права. По пальцам течет чесночный соус. Я беру салфетку.

— И опять все сначала.

— Лучше оближи, — советует Крисси, глаза за толстыми стеклами похожи на больших моллюсков.

Лодка воняет. Дизельное топливо, речной ил и вчерашние спагетти под соусом болоньезе из микроволновки создают неповторимый аромат, как раз под стать моему настроению. Спустил деньги на дорогущий обед, но Крисси до сих пор так и не отдала папку.

— Ничего особенного, конечно. — Я холостяк, и она должна понимать, что холостяцкие берлоги обычно не напоминают фотографии из журнала по интерьерам. — Но я здесь живу.

— Поразительно, — замечает она. — Видел бы ты мою квартиру! Четыре прямых стены, а внутри четырех прямых стен еще четыре... в общем, ты понял. Тут так...

— Гнусно?

— Романтично.

Нужно помнить об осторожности, как советовала Надин. Держать ушки на макушке. Смотреть в оба.

— Хочешь чаю?

Джулия бы не отказалась.

— Пожалуй, но я надолго не останусь. Можешь просмотреть папку, пока я пью чай, но потом мне надо идти. — У нее такой тон, будто я напроказивший первоклашка, которому добрая тетя

разрешила залезть в вазу с конфетами. Но только всего две штучки, имей в виду!

Встряхиваю чайник. Воды хватит. Пытаюсь разжечь плиту.

— Прости. Газа нет. Хочешь сока?

Но потянуть время не удастся.

— Да нет, не надо. Быстренько посмотри что хотел, и я пойду.

Ясно, нервничает из-за того, что разрешила заглянуть в папку постороннему человеку.

— Может, оставишь ее мне? Я бы утром завез в больницу. Мне можно доверять, я же адвокат. — Улыбаюсь в надежде, что Крисси поймет шутку, но она лишь хмурится.

— Я подожду. — Она садится на единственный стул рядом со складным столом и достает мобильник.

Пока гостя занята, я пристраиваюсь на кушетку и открываю медицинскую карту Мэри Маршалл. Интересно, как разобраться в этой абракадабре? За обедом я все-таки выдул всю бутылку вина, и, хотя по части выпивки я давно профессионал, в голове гуляет легкий туман. Что совершенно не мешает мне придумать, как заполучить содержимое папки в личное пользование. Обычная бумажная папка. На моей лодке такого добра завались, вечно таскаю с работы всякую бумажную ерунду. У адвокатов, как известно, ненормированный график.

— Сейчас вернусь, — говорю я и поясняю: — Зов природы.

Крисси уткнулась в телефон и не видит, что я прихватываю папку в крохотную уборную, вместе с бумагами по делу мистера А. Барретта (уверен, он его проиграет). Быстро меняю начинку папок и документы Мэри прячу на полке, прикрыв полотенцем. Возвращаюсь в каюту.

— Знаешь, мне бы хотелось подышать свежим воздухом. Может, посидишь со мной на палубе, пока я буду читать? — Держу папку так, чтобы Крисси видела надпись.

— Отлично! Полюбуюсь на красоты.

Крисси повязывает шарф, и я веду ее наружу. Вскрабкавшись на скользкую палубу, я нелепо взмахиваю руками и медленно валюсь

за борт. Последнее, что я вижу, — раззявленный в крике рот Крисси. Меня окружает темная вода, и я зажмуриваюсь, вопреки совету Надин.

## Мэри

Открыв глаза, я прямо перед собой увидела лицо Дэвида. Он приглашал меня на танец. Наслаждение. И возбуждение. Он был запретным плодом, и танец — все, на что я могу рассчитывать.

— А где Джонатан? — спросила я.

За те секунды, что я стояла закрыв глаза, вся моя жизнь словно переменялась. С губ моих срывается нервный смех. Мы с Дэвидом наедине. Его тело огромно, нависает надо мной, искажено, точно в «комнате смеха». Виной тому таблетки, но мне до этого дела нет.

— Решил вернуться в шатер, — ответил Дэвид. Или мне только показалось, что ответил.

— Умеешь танцевать квикстеп? — Одни предметы я видела отчетливо, другие точно обмакнули в расплавленную карамель. И удивительное ощущение, будто в теле не осталось костей. — Это ты их забрал?

— Что? — нахмурился Дэвид.

— Мои кости.

Глупые слова эхом множатся в длинном коридоре, который протянется через всю мою жизнь. Дэвид обнимает меня, и мы танцуем. Без музыки.

— Меня тошнит.

— Ты перепила, — прошептал Дэвид, но передал мне фляжку.

Я хотела пожуричь его, что он плохо за мной присматривал, но слова куда-то подевались. Я неслась на карусели, и мир несся мимо все быстрее и быстрее. А рядом, набирая ход, мчался Дэвид. Я люблю его, стучало в голове, я люблю его.

— Знаешь, что тебе нужно сделать? — Темные глаза Дэвида налились непонятной тяжестью. — Принять еще одну таблетку. Она блокирует алкоголь. — Он вытащил из конверта таблетку и вставил между моих зубов. — Готова, малыш? Ну, глотай!

Я без сил осела на диван. Дэвид позаботится обо мне. Он же врач.



Минуты превращались в часы. Или наоборот. Дождь стучал и стучал. Я помню это, потому что в такт ему стучало у меня в голове. Все казалось нереальным и в то же время невероятно отчетливым, от яркости нестерпимо жгло глаза. Мягкая ткань платья царапала кожу.

— Раздень меня, — пробормотала я.

Дэвид посмотрел на меня так, словно я заговорила на иностранном языке.

*Раздень меня!* — крикнула я. — *Мне больно!*

Но не услышала ничего. Крик раздавался лишь во мне, закупоренный и раздирающий внутренности. Комкая новое платье, я принялась стягивать его. Потом замерла и расхохоталась. Я ведь раздета. Совершенно голая. Разве нет?

*Мэри, как ты себя чувствуешь?*

Со мной кто-то говорит... Может, это мама? Склонилась надо мной, гладит лоб... Как она узнала, что я здесь?

*Хорошо,* — ответила я, не уверенная, что она меня слышит. — *Просто немного объелась таблетками, и теперь я далеко-далеко.*

Дэвид не солгал. Так чудесно мне не было никогда. Меня разрывало на куски, и я наслаждалась этим ощущением. Я знала, всегда знала, что могу летать. Я больше не Мэри Маршалл, я была особенной, ни на кого не похожей.

*Мэри, ты уверена, что все в порядке?*

Наверное, это папа, с ума сходит от радости, что я в такой изысканной компании. *Врач, Мэри! Ого, да ты неплохо устроилась...* Но это не мой отец.

*Папа?* — спросила я в пустоту. Вокруг волчками вращались знакомые лица, выписывая пестрые узоры. Лица из альбома моей жизни заполняли пространство, они улыбались, танцевали под монотонную мелодию дождя, что-то говорили.

*Нас смыло дождем?* — услышала я свой голос, но никто не ответил.

И вдруг на меня обрушилась боль. Через мгновение я уже корчилась от невыносимых мук. Сначала боль укусила в щеку. Ключнула стремительным жалом и тут же исчезла. И снова ключнула.

Я коснулась лица. Кто-то ударил меня еще раз.

— Дэвид? — спросила я.

Страх пришел не сразу. Я не верила в происходящее. Внезапно меня толкнули назад, я упала на диван, голова резко запрокинулась, и я испугалась, что натянувшаяся на шее кожа лопнет. Я кричала и не слышала своего крика.

— Дэ... вид... нет...

Умелые руки Дэвида, руки врача разорвали шелк, и прохладный воздух коснулся обнаженного живота. Я ничего не понимала. Время и реальность ускользали. Я попыталась оттолкнуть его, но не могла пошевелиться. Я рассмеялась. *Я не чувствовала своих рук.* Мне был виден лишь деревянный, весь в паутине, потолок. В центре балки висела одинокая тусклая лампочка. Свет в моем мире исходил только от таблеток Дэвида.

— Джонатан, Джонатан, — позвала я на помощь, пытаюсь поднять голову, но и это мне не удалось. — Помоги мне, Джонатан.

Не ответил никто, но воздух наполнился гулом голосов. Я растерялась. *Джонатан ушел...*

Меня вырвало, я зашлась в судорожном, разрывающем легкие кашле. Вдруг оказалось, что я лежу на животе, прижимаясь лицом к заплесневелым доскам в сгустках рвоты. Дэвид бил меня по спине. Он хочет мне помочь. Увидел, что я задыхаюсь, и хочет мне помочь. Мгновенное прозрение. Возможно, он вовсе не собирался причинять мне боль.

— Пожалуйста, хватит! — взмолилась я сквозь пыль и запах рвоты.

Но что-то придавило меня к полу с такой силой, что щека расплющилась о грязные доски.

*Кто-нибудь, помогите...*

Моя жизнь разделилась на две половины. Тело разорвалось на части, и аккуратные стежки в душе разошлись, и нитки торчали в разные стороны. Его тяжесть, жар его тела, запах, когда он снова и снова входил в меня, его естество, огнем взорвавшееся внутри меня... Я то теряла сознание, то вновь приходила в себя. Я снова и снова порывалась крикнуть, позвать на помощь, но тщетно. Я царапала

ногтями пол, и занозы впивались под кожу, пока Дэвид уничтожал мою жизнь: один толчок — один год долой.

Дэвид. Мой врач. Мой друг. Я думала, он меня любит. Вдруг стало тихо, наступило облегчение — он скатился с моего тела. Раздался раскат грома, завибрировал в досках пола, в моих костях. Все было кончено. Прошло лишь несколько секунд и целая вечность.

Это какая-то ошибка.

Меня снова вырвало, и мерзкий вкус показался приятным, потому что избавил от вкуса пыли и гнилого дерева.

Но кончено было не все. Меня снова пронзил страх. Еще сильнее прежнего. На полу, совсем рядом, я увидела нож. Нож Дэвида. Блеск стали, призывная гладкость металла. Меня затрясло. Я снова попыталась что-то сказать, и снова не удалось.

— Ш-ш-ш. — Дэвид прижался ко мне, глядя, как умирает если не мое тело, то душа. — Молчи. Просто молчи. Ш-ш. Ничего не говори, Мэри...

Темнота.

## Джулия

— Звонил мой отец?

Смеюсь, чтобы скрыть неизгладимую печаль. Я всю жизнь придумывала объяснения для школьных друзей. Но теперь меня это не волнует. Никто не станет терзаться из-за того, чего никогда не было, верно?

— Вряд ли это он, — добавляю я, смятенная, охваченная страхом.

А если он?

Снова нервно смеюсь. Он ушел из-за меня? В детстве я всегда так думала — из-за маминого отказа говорить о нем. Я была уверена, что отец ненавидел меня и потому бросил нас с мамой. А она не находила в себе сил, чтобы рассказать об этом.

— Ну, может, это был не твой отец, но какой-то пожилой мужчина. Он попросил передать, чтобы ты срочно ему позвонила. Это не Марри. И уж точно не Алекс. — Али вгрызается в яблоко, и не подозревая, какой всполох боли вызывают ее слова. Она кладет передо мной листок с наспех записанными цифрами. — Ладно. Мне пора приниматься за дело. Как насчет вечеринки в пятницу?

Али возглавляет школьную администрацию. Без нее нам пришлось бы туго.

— А почему бы и нет? — говорю я. — Мне уж точно не помешает немного развеяться. Оставлю детей ночевать у Марри, и на славу покутим! — От собственных слов чувствую себя последней дурой.

— Да, судя по твоему виду, веселье тебе пойдет на пользу. Сначала поедим, а потом...

Но я уже не слышу, что сулит нам вечер пятницы. Увидев на бумажке номер Дэвида, хватаю сумку и стремглав выскакиваю из кабинета Али.

Укрывшись в дальнем углу игровой площадки, вслушиваюсь в гудки. Мне кажется, их не меньше пятисот, хотя на самом деле вряд ли больше пяти.

— Дэвид? — Я почти не дышу, изо всех сил стараюсь сдержать дрожь, но ничего не получается, меня так и трясет. — Что... что нового? — Я не смею спросить, выпустили ли его из тюрьмы.

— Джулия.

Голос гладкий и стремительный, точно птица. Я поднимаю глаза к небу.

— Ты... ты правда... — Нет, не могу этого произнести.

На какое-то мгновение меня опаляет сумасшедшая надежда. Если только я не ошибаюсь, если... то моя жизнь наладится, все развернется в обратную сторону. Мама обязательно выздоровеет, Алекс и Флора обретут наконец стабильность, а я... а я получу шанс начать все заново.

— Дэвид, где ты? Тебя выпустили? — Скрещиваю пальцы в перчатках и зажимаюсь.

— Я дома. — Из-за вечных проблем с сигналом слова звучат угасающим эхом.

Орать на Марри не имеет смысла, но я все-таки ору что есть мочи.

— Ты болван! Почему ты не сказал, что его сегодня выпустят? Я бы его встретила! Ты же говорил, что это затянется! Что много волокиты! — Я умолкаю, чтобы вдохнуть воздух, и уже спокойнее спрашиваю в трубку: — Что там насчет условий освобождения?

Машина тормозит у спуска к реке. Я выпрыгиваю из нее и бегу к причалу. Нужно заехать за детьми. А потом к Дэвиду.

С разбегу запрыгиваю на палубу чудовища, что Марри именует домом.

— Марри, когда же ты повзрослеешь? — Я бросаюсь на него, прижимаюсь лицом к нежной коже под ухом. От него исходит такой родной запах, что я отшатываюсь. — Прости, — шепчу я. — Больше не буду кричать. Уже все хорошо.

— Нам повезло, — говорит Марри деловито, и это так не похоже на него, что я тут же пугаюсь. Он наверняка что-то скрывает. — Ты уже в курсе, что служба надзора сочла улики недостаточными для

обвинения. Вот и все.

Нет, не все! По крайней мере, для меня.

— Но ведь это хорошо, правда?

— Пока да, — отвечает Марри. — Но по условиям освобождения Дэвид не имеет права покидать место проживания и должен каждые три дня являться в полицию. Паспорт ему не вернут. Если найдут хотя бы крошечную, но новую улику, свидетельствующую против него, обвинение выдвинут снова. Полиция не успокоится, пока не засадит его обратно, Джулия.

— Господи, неужели все так плохо? — почти весело спрашиваю я.

Марри кивает:

— Есть еще одно условие.

Я замираю в ожидании. Ничто, решительно ничто не омрачит мою радость.

— Какое?

— Ему нельзя приближаться к тебе и детям.

На секунду я верю ему. И сквозь прогнившее дно этой несчастной посуды проваливаюсь в воду, ил забивается в рот, в нос, и я не могу дышать. Вместе с илом я выплевываю:

— Это что, шутка?!

Марри отрицательно качает головой. Я в жизни не видела его таким серьезным.

— Кто это сказал? Судья? Полиция? Служба надзора? Кто, черт тебя возьми, решает жизнь ни в чем не повинного человека? — Я ору, надрываюсь, срываюсь на хрип.

— Нет, Джулия. Это сказал я.

Дети в восторге от того, что я приехала за ними раньше времени. Директриса моей школы, мягко говоря, не рада, что я, не успев вернуться на работу, уже прошу освободить меня от последнего урока, но я смываюсь, едва она успевает в удивлении округлить глаза.

— Мама, они поймали убийцу? — Несмотря на ремень

безопасности, Алекс подпрыгивает на сиденье. — Дэвид расскажет мне о настоящих бандитах, с которыми он сидел в тюрьме?

Я улыбаюсь и смотрю на детей в зеркало заднего вида. Вот моя жизнь, затянутая ремнями безопасности. Сын — будущий полицейский, а дочь одержима рисованием. Люблю их больше жизни.

— Милый, Дэвид наверняка устал, так что избавь его от допроса с пристрастием.

— Что такое допрос с пристрастием?

— Это значит, когда пристають с вопросами.

Я резко торможу, чтобы не переехать сонного фазана, разгуливающего по шоссе. Еще немного, и будет поворот к дому Дэвида. Странно, но оттого что дом затерялся в глуши, мне спокойнее.

— Ну вот и приехали. Помните: не приставайте с вопросами и не шумите.

Жестами повторяю для Флоры и помогаю ей вылезти из машины. Она забирает с заднего сиденья карандаши и куклу.

— Мы что, там, где не ступала нога человека? — спрашивает Алекс, озираясь.

Густой лес стеной темнеет в опускающихся сумерках. Если пройти сквозь лес, окажешься недалеко от Грозовой пустоши — луга, где я нашла Грейс. Я вздрагиваю. Не буду сейчас об этом думать.

— Почти.

Флора вцепляется в мою руку.

В каменной громадине сияют два желтых прямоугольника. Такое чувство, будто мы приехали домой. Дверь открывается в ту секунду, когда я берусь за дверной молоток. Перед нами Дэвид, спокойный и уверенный в себе — как всегда. Тепло и аппетитные запахи манят внутрь. Дэвид разводит руки, и я падаю ему на грудь. Он немного похудел, и во взгляде появилась настороженность. Наконец Дэвид легонько отстраняет меня и всматривается в лицо.

— Алекс, будь другом, запри дверь.

— О, Дэвид! — всхлипываю я. — Это было ужасно. Когда мы с

тобой стояли здесь, а полиция...

— Тихо. Все уже позади. Теперь я дома, и мне кажется, что я никуда не уходил. Все хорошо. Бывало и хуже.

Он удивительный человек. Жизнелюбивый и твердый. Его не сломать. Поэтому он мне так нравится. Мимолетно отмечаю странное «бывало и хуже», но тут же вспоминаю, что Дэвид — врач и наверняка побывал в самых поразительных ситуациях.

Кухня сверкает чистотой. Ничто не напоминает о случившемся в тот страшный вечер. Из духовки тянет мясом и чесноком.

— Неплохо, — весело говорит Дэвид, открывая дверцу духовки. Удивительно, до чего он спокоен. Его только что выпустили из тюрьмы, а он делает вид, будто не произошло ничего примечательного.

Вскоре мы садимся за стол. Клацают ножи и вилки, мы перебиваем друг друга, оживленно переговариваясь. Потом перемещаемся в гостиную. Алекс и Флора устраиваются на полу играть в карты.

— Продолжим с того, на чем закончили, да?

Я подныриваю под руку Дэвида, меня слегка смущает мысль, что дети могут обернуться и увидеть нас. Но когда-нибудь это произойдет. Им нужно привыкнуть к близости между нами.

— Я всегда знала, что ты не виноват, — шепчу я ему на ухо. — Все это полная ерунда. Как только Эд посмел...

Он прижимает к моим губам палец. В темных глазах неясная мольба.

— Знаешь, что было самым неприятным в тюрьме?

Я качаю головой. Да сотня вещей: страх навсегда быть отрезанным от внешнего мира, жестокие соседи, ужасная еда, грубое обращение...

— Не знаю, Дэвид. — Это правда. — Просто не могу представить, что ты там испытал.

— Больше всего я боялся, что не увижу тебя.

Внезапно он встает и подходит к детям.



— Нет-нет-нет, — обращается он к Алексу. — Так не пойдет. Смотри, карты нужно держать вот так. — Дэвид опускается на корточки и забирает у Алекса карты. — А вторая рука у тебя должна быть всегда наготове, чтобы хлопнуть по столу, как только тебе раздадут парные карты. — Лицо Дэвида в нескольких дюймах от лица моего сына. — Понимаешь?

Алекс медленно кивает и улыбается:

— Да.

Я с шумом вдыхаю, осознав, что сидела затаив дыхание. Флора отчаянно жестикулирует, обращаясь ко мне. *Это несправедливо. Мамочка, поиграешь за меня?*

Конечно, — отвечаю я и присоединяюсь к ним.

Весь вечер мы режемся в снап. Алекс и Дэвид покатываются со смеху, когда мы с Флорой ошибаемся. Флора в конце концов начинает злиться и раскидывает колоду по всему ковру. Алекс готов наброситься на сестру, но Дэвид перехватывает его и принимается щекотать. Перед глазами встает Марри, он вот так же всегда умирят сына.

— Ты слышала? — Дэвид внезапно замирает и поднимает руку, чтобы мы замолчали. — По-моему, какой-то шум с улицы. (Господи, да он на грани нервного срыва, и как я сразу не поняла.) То ли удары, то ли топот. — Дэвид встает, выключает свет, подходит к окну, выглядывает наружу и резко задерживает шторы.

Потом поворачивается к нам, и я даже в темноте вижу, какое у него бледное лицо.

— Что? Что такое?

Вскакиваю и бросаюсь к окну.

— Там два грузовика. И куча народу с плакатами. И все что-то кричат.

Голос у Дэвида срывается. Таким же напряженным он был, когда его уводил Эд.

Я осторожно приоткрываю занавеску. У забора топчется толпа демонстрантов.

— Боже!

— Подожди. Дай подумать.

Я чувствую адреналин в его дыхании, слышу, как бьется сердце под рубашкой.

— Надо позвонить в полицию. Я свяжусь с Эдом. Теперь полиция на твоей стороне. С тебя же сняли обвинения. — Я сжимаю его ладонь, но это не помогает. — Более того, они должны были предусмотреть это сборище и обеспечить тебе защиту.

Дэвид меня не слушает. Он начинает метаться по дому, проверяет все двери и окна, задергивает все занавески.

— Ты должна вывезти меня отсюда. — Голос у него выцветший, как и лицо.

Он имеет в виду всех нас, поясняю я себе.

— Но ведь это твой дом. Ты же не позволишь, чтобы кучка крикунов выгнала тебя отсюда спустя несколько часов после освобождения?

— Мам, что случилось? — встречается Алекс. — Давайте еще поиграем.

— Не сейчас, — голос Дэвида чуть теплеет, — сначала я разберусь с тем, что происходит, а потом мы опять будем веселиться.

Ответ удовлетворяет Алекса, но я чувствую, как нарастает в нем напряжение. Безмятежна лишь Флора, уже погрузилась в любимое занятие, рассыпала по коврику карандаши и рисует.

Снаружи глухо доносятся крики:

«Судить за Грейс... у-бий-ца... судить за все...»

Раздается звон стекла. Осколки будто впиваются в меня, я вздрагиваю.

— Убийца? — выдыхаю я, но Дэвида уже нет в комнате.

Я выбегаю вслед за ним из гостиной и резко останавливаюсь. Стекло на лестничной площадке разбито, на полу валяется кирпич, обернутый бумагой. Над кирпичом неподвижно стоит Дэвид. Я поднимаю тяжелый сверток, разворачиваю бумагу. На ней что-то написано. У меня начинают дрожать пальцы.

— Дети, одевайтесь, — говорю я, стараясь не паниковать. Нужно

срочно увезти их отсюда.

Я передаю записку Дэвиду.

— Боже, боже, — шепчет он побелевшими губами.

Это ксерокопия газетной страницы с фото Грейс, рядом наклеена вырезка из сегодняшней газеты — снимок Дэвида, выходящего из тюремных ворот. Его осунувшееся лицо перечеркнуто жирным черным маркером, а внизу намалевано: *Доктор Смерть*.

— Почему они называют меня убийцей? — голос у него чужой, в нем один лишь страх. И тут же добавляет совсем иначе: — Нам надо выбираться отсюда.

Внизу Дэвид останавливается.

— Послушай. Они пришли за мной, а не за тобой и детьми. Если ты выйдешь на крыльцо, они растеряются и я смогу выскользнуть через заднюю дверь. Через поле я выберусь на Хоганс-лейн. Заберешь меня у моста через реку через десять минут?

— Конечно, — не задумываясь отвечаю я. Руки по-прежнему трясутся. — Захвати фонарик. И все, что нужно. — Не позволяю панике овладеть собой. Мы справимся. Непременно. — Пожалуйста, разреши мне позвонить Эду.

Дэвид качает головой. Еще минута — и повторится уже знакомая до отчаяния сцена прощания.

— Не останавливайся, пока не выедешь на шоссе, — наставляет он. — Я три раза помигаю фонариком, когда доберусь до перекрестка.

И затем, не обращая на меня внимания, словно нас уже нет здесь, принимается рыться в шкафах. Достает маленький деревянный ящик, из которого извлекает нож с костяной рукояткой, — наверное, охотничий или рыболовный, думаю я. Щелчком открывает его и закрывает. Лезвие словно серебристая плоть.

— Для обороны, — поясняет Дэвид, опуская нож в карман. С тем и выскальзывает через черный ход.

Я набираю в грудь воздуха, словно мне предстоит проплыть милю под водой, прижимаю к себе Алекса с Флорой и распахиваю дверь. Толпа умолкает при виде перепуганной женщины с детьми. Но уже через миг тишина взрывается улюлюканьем.

— Где он? — кричит женщина.

Я не смотрю на нее. Я укрываю руками детей, и мы бежим к калитке, уткнув глаза в землю.

— Мама, мне страшно, — совсем по-детски пищит Алекс.

— Все хорошо, милый, не бойся. Я с тобой.

Словно электрошокер наставляю на толпу ключи от машины. Чтобы уехать, нам нужно пробраться между этими людьми.

— Пожалуйста, пропустите нас.

Чувствую, как дрожит Флора.

— Он там? В доме?

Я замираю, услышав рыдания женщины. Капюшон спадает с ее головы. Я смотрю в пустые глаза.

— Да, — лгу я. И добавляю: — Простите, — хотя сама не знаю, за что извиняюсь.

Память озаряется вспышкой. Школьная постановка «Ромео и Джульетты», где Грейс играла главную роль... Но снова раздаются крики, и воспоминание гаснет. Я хочу коснуться руки этой женщины, поговорить, объяснить, что все не так, как она думает. Хочу рассказать ей о Дэвиде, чтобы она поняла: он не мог сотворить такое с ее дочерью.

Алекс тянет меня за рукав:

— Мама, пойдем.

— Мне очень жаль, — мягко говорю я.

Пальцы женщины мнут маленького коричневого медвежонка. Любимая игрушка Грейс? Мне требуется вся сила воли, чтобы отвернуться и побежать к машине. Я крепко держу Алекса и Флору за руки.

Суетливо заталкивая детей в машину, слышу, как за спиной нарастает новая волна ярости.

— Правосудия!

Я узнаю голос матери Грейс и мысленно затыкаю уши. Мотор заводится только с третьей попытки, и, пока я выруливаю на дорогу, толпа расходится все сильнее, и о машину ударяются камни.

Будит меня телефонный звонок. Какое-то мгновение я не понимаю, где нахожусь, но когда взгляд наталкивается на громоздкий пластмассовый телефон, реальность обрушивается с тошнотворной отчетливостью. Дэвида изгнали из собственного дома.

— Марри, — бормочу я хрипло. — Какого черта так рано?

Я разглядываю стену, не смея повернуться и посмотреть на другую половину кровати. Мне чудится, что моего обнаженного плеча сейчас коснется теплая рука и... Только бы голос не выдал меня, иначе Марри мигом догадается, что произошло... что могло произойти между мной и Дэвидом.

Марри объясняет, почему звонит так рано, а я мыслями во вчерашнем вечере.

Уже совсем стемнело, когда мы остановились у какого-то безымянного ресторанчика и купили еды на вынос. После беготни через заснеженное поле Дэвид окоченел. Мы направлялись в Нортмир — уставшие, напуганные, но полные решимости. Присмиривших и до странности тихих детей я сразу уложила спать и спустилась на кухню. Купленную бутылку бренди Дэвид поставил на столик у камина. Его присутствие здесь, в Нортмире, казалось мне... правильным. Удивительно, но он наотрез отказался обсуждать как недавние события, так и меры безопасности. Я настаивала на том, чтобы позвонить в полицию и посоветоваться, но он не желал об этом и слышать. Нет, куда сильнее его интересовала другая тема — я. Он засыпал меня целым ворохом странных вопросов о детстве. Рассказал и про себя — о том, что поддразнивал, когда я была совсем ребенком, подчеркнув тем самым нашу разницу в возрасте. Например, выяснилось, что, когда я родилась, Дэвид учился на втором курсе медицинского факультета в Кембридже. Может, этим он деликатно хотел показать мне, что у нас нет будущего, потому что нас разделяют целые миры?

— А школа? — спросил он. — Ты хорошо училась?

— Средне, — ответила я и не успела ничего добавить, потому что он уже торопился дальше.

Была ли я счастлива? С кем дружила? Кто внушил мне желание стать учительницей?

— А твоя мать, Джулия? Вы хорошо ладили, когда ты была маленькой? Не ссорились? У вас были близкие отношения? Вы много времени проводили вместе?

Я не успевала отвечать. Дэвид налил мне бренди. Его глаза сверкали. А затем он нанес решающий удар:

— Каково это — расти без отца?

— Послушай, я очень устала. День выдался безумный.

Должно быть, в моем взгляде он прочел нежелание обсуждать эту тему. Мама не разрешала мне спрашивать об отце, и я не позволю этого Дэвиду. Во всяком случае, пока.

— Пойду наверх.

Иду в душ, пообещав себе, что приготовлю для Дэвида свободную комнату, что увижусь с ним утром... Но мечтаю о том, как сильная теплая рука обнимет меня за талию, как мое сердце забьется часто-часто и...

Я все лежу в постели, прижимаю трубку с бубнящим в нее Марри и жду. Вот сейчас дыхание коснется моей кожи, губы скользнут по шее и он скажет, что приготовит завтрак... Ничего не происходит. Я резко поворачиваюсь. Кровать пуста.

— Джулия? — зовет голос Марри.

— Прости. Очень устала. Вчера поздно легла спать.

Помню, как Дэвид нежно гладил меня по волосам. Помню его запах, ласковые пальцы.

— Что ты хотел?

Раздельно, чуть ли не по слогам Марри отвечает:

— Мне нужны мои дети.

Тост подгорел, и я, конечно, обвиняю в этом Марри. Это лучше, чем вопить на него из-за безумной идеи, посетившей его с утра пораньше. Дети таращатся на меня так, будто у них не мать, а двухголовое чудовище. Дэвид до сих пор не появился, хотя мне позарез требуется поддержка.

— Думаешь, это самый подходящий момент? — Остервенело

скребу тост, и черная гадость сыплется на пол. — В их присутствии?

Спокойствие Марри меня бесит.

— Я просто хотел предупредить тебя о том, что буду претендовать на опеку над детьми. Насколько я понимаю, все наши договоренности относительно Алекса и Флоры — точнее, *твои* договоренности — больше не действуют. Поскольку ты якшаешься с... — Марри хватает ума, чтобы замолчать. — В их жизни и без того все вверх тормашками. Пока ты не разберешься, что происходит в твоей жизни, у них нет ни единого шанса на стабильность. Это все, что я хотел сказать.

— Ха! — выплевываю я. И это говорит Марри? — А ты, значит, сделаешь их жизнь более стабильной, да? В тонущей убогой лодке с крысами? Нет, Марри, не теряй времени. Смирись. Мы почти развелись, дети живут со мной, у тебя всегда будет возможность с ними видаться и...

— Тогда отпусти их со мной сегодня.

— Что?

— Отпусти их со мной на весь день, докажи, что не врешь.

— Марри, это неразумно.

Вдруг за моей спиной вырастает Дэвид. В тот самый момент, когда я нуждаюсь в нем особенно сильно.

— Джулия, сегодня суббота. Этот день дети всегда проводят со мной.

Я в отчаянии трясую головой.

— С этого и надо было начинать, Марри. Вместо того чтобы пугать меня. Они не игрушки, чтобы требовать их. — Слабость Марри приносит мне облегчение. — Это же *наши* дети.

— Господи, я всего лишь стосковался по своим детям. Что тут ужасного? Я приготовил для них сюрприз и... ну... — он бросает взгляд на Дэвида, — не знаю, какие у вас планы и... — Он опускает голову.

Я наблюдаю за ним, вцепившись в ладонь Дэвида и стараясь понять, о чем думает сейчас Марри. *Мужчина, которого я любила.* Почему же я так боюсь отпускать с ним детей? Вдруг замечаю в

глазах Марри слезы и сдаюсь. Я всегда была чувствительной дурочкой.

— Прости, Марри. Как глупо с моей стороны. Конечно, сегодня дети побудут с тобой. Только больше никаких разговоров про опеку и суды.

— Сюрприз! — Алекс показывает Флоре, что их ждет нечто приятное.

*Какой сюрприз?* — спрашивает она.

*Тогда это уже не будет сюрпризом, понимаешь?* — показывает Марри.

— Ты приведешь их домой к шести?

— Нет, к восьми.

— Тогда к семи.

— Нет, к восьми, — твердо отвечает он, и я благодарю небо за то, что он вообще собирается их вернуть.

Алекс складывает тарелки в раковину и торопливо одевается. Флора сосредоточенно собирает свое рисовальное добро. Альбом ее уже почти до последнего листа заполнен. Она сует в сумку две маленькие куколки и полпакетика жевательного мармелада. Все, она готова к субботним сюрпризам.

— Ну, желаю повеселиться, — с легкой завистью напутствую я, впрочем, вполне довольная тем, что останусь наедине с Дэвидом.

Дети возбуждены и забывают поцеловать меня на прощанье, а Флора так и вовсе выскакивает из дома без пальто. Я несусь вслед за машиной, размахивая ее пальтецом, рукава болтаются в беззвучной пантомиме, но Марри то ли не видит меня, то ли боится, что я изменю свое решение. Тяжело дыша, я останавливаюсь и смотрю, как автомобиль увозит моих детей. Губы мои, которые так и не коснулись их щечек, жжет будто огнем.



## Марри

Я не всплыл, в отличие от бумаг. Белые квадратики колыхались в поднятых мною волнах. Теперь я думаю, что это был безумный план. А самое глупое состояло в том, что я решил, будто Крисси протягивает шест, чтобы спасти меня. Нет, Крисси отчаянно пыталась выловить медицинские документы. Длинным крюком, что я держу на крыше каюты, она подцепляла листки и вытаскивала на палубу.

— Ты привнесла в выражение новый смысл, — говорю я, трясясь под одеялом, с бокалом виски в руке.

Крисси с опаской смотрит на меня. Брови в гротескном удивлении изогнулись над оправой. Она не понимает, что я имею в виду.

— Я бы до него и крюком не дотронулась, — объясняю я. — Так говорят...

— О подлых мерзавцах? — предполагает она.

Меня колотит. Крисси спокойна. Разве что недоумевает, как человек может так низко пасть. Вытащив из воды пару первых страниц, она поняла, что они не имеют отношения к Мэри и ее медицинской карте. А мелкое мошенничество мистера Барретта из Кента ее не заинтересовало. Пока я выбирался из ледяной, илистой воды, она обшарила «Алькатрас» и, разумеется, очень быстро нашла бумаги.

— Ты не понимаешь. — С меня ручьями течет вода, но мне так холодно, что я этого даже не чувствую.

— Это точно, черт побери. По словам Надин, ты порядочный.

— Порядочный мерзавец? Прямо так и сказала? — Стараюсь не улыбаться. Крисси все сверлит меня взглядом, но я вижу, что она тоже прячет улыбку. — Это очень важное для меня дело. — Теперь я говорю серьезно. И не могу удержаться: делаю к ней шаг. Крисси отступает. От меня воняет. — Моя жена, точнее, почти что бывшая жена... влюбилась в мужчину, а он... (Теперь она точно решит, что я сумасшедший.) Слушай, я просто стараюсь спасти детей от жестокого преступника, который может стать их отчимом.

Понимаешь? Тебе кажется, я чокнутый? — Я опрокидываю виски.

— Абсолютно чокнутый, — подтверждает она. — И все твои слова чокнутые. И все, что с тобой связано, чокнутое. Вся твоя жизнь чокнутая. Как долго ты знаком со своей женой?

— Целую вечность. С тех пор как она родилась.

— И ты всегда был таким чокнутым?

Я задумываюсь и честно отвечаю:

— Всегда. Абсолютно безумен от рождения.

— Бедная твоя жена.

— Жизнь — не только схемы, статистика, исследования, графики и компьютеры, выплевывающие тонны бесполезной информации...

— Помолчи, пожалуйста. Я как раз хотела сказать, что мне нравятся сумасшедшие. Они напоминают мне о том, что я нормальная. Наверное, поэтому я дружу с Надин. — И к моему шоку и удивлению, — я даже пролил виски — Крисси кладет на стол бумаги Мэри. — У тебя есть мой номер. Вижу, это много для тебя значит. Позвони, когда закончишь. Только не тяни.

Я теряю дар речи. Крисси исчезает в люке. «Алькатрас» провожает ее благодарными покачиваниями.

— Спасибо, — говорю я ее ногам, когда они проходят мимо иллюминатора. — Гигантское спасибо!

Клянусь, когда я подхожу к ней, зрачки у Мэри Маршалл расширяются. Хотя, может, это всего лишь солнце, что пускает блики по озеру. Но как бы то ни было, она не двигается. Сидит словно замороженная.

— Мэри, к вам пришли, — говорит красноносая медсестра, молодая женщина в белом халате поверх пальто.

Она как заведенная мечется по берегу, притоптывая и прихлопывая. То ли замерзла, то ли у них тут так принято. Вода не покрыта льдом, но трава обледенела и белесыми пальцами тянется к мелким волнам, накатывающим на берег. Здесь всего одна скамейка, и на ней сидит Мэри. Сидит и смотрит на воду.

— Здравствуйте, Мэри. Я Марри. Пришел вас проведать. — Опускаюсь перед ней на корточки. Ей приходится посмотреть на меня. — Как вы себя чувствуете? — На всякий случай, показываю эти слова жестами. Нет ответа. — Мэри, я просмотрел ваши медицинские бумаги...

Нет, так не пойдет. Я встаю и заговариваю с медсестрой, отведя ее в сторону:

— Нельзя ли мне побыть наедине с моей тещей? Вы не оставите нас на несколько минут?

— Простите, сэр, не могу. Мы ведем круглосуточное наблюдение за Мэри Маршалл. Ей не разрешается даже на секунду оставаться одной.

— Почему?

Джулия никогда об этом не говорила.

Медсестра бросает взгляд на Мэри.

— Однажды она пыталась устроить пожар в комнате. Старшая сестра опасается, что она может это повторить.

Вздохнув, достаю бумажник.

— Ладно. Сколько?

— Не думаю...

— Сколько?

Любого можно купить, особенно низкооплачиваемую медсестру. Достаю двадцать фунтов. Она протягивает руку и приподнимает брови. Извлекаю еще двадцатку, она секунду колеблется (кто знает, может, совесть проснулась), затем деньги исчезают в кармане белого халата.

— Только пару минут, — говорит она, оглядываясь по сторонам. За нами здание клиники. Десятки окон на унылом белом фасаде. — Если кто-нибудь увидит, меня уволят.

— Все будет в порядке, — уверяю я и жду.

Медсестра спускается к озеру.

— У нас мало времени, — говорю я Мэри. — Я знаю, вы меня слышите и понимаете. Но я не знаю, почему вы молчите. Врачи,

медсестры, Джулия — в общем, все, кто вас видел, считают, что у вас какая-то болезнь мозга, и поэтому вы молчите. А я так не считаю, Мэри. (Она по-прежнему на меня не смотрит.) Я хочу, чтобы вы знали: вы ничем не больны. С вами все в порядке.

Да, я сильно рискую, ведь могу и ошибаться. А вдруг кто-то допустил оплошность? Вдруг бумаги просто пропали из папки и лежат себе на чьем-нибудь столе? Окончательный диагноз еще ведь не поставили. Но пусть у нее будет надежда. Мне надо, чтобы она заговорила. Я хочу знать правду.

— Мэри, — продолжаю я, — один человек, которому я доверяю, провел небольшое расследование. Ваша история болезни в «Лонсе» не содержит никаких упоминаний об МРТ. А ведь вас положили сюда на основании результатов этого исследования. — Я вспоминаю Крисси. Я ей верю. — В документах, которые остались в больнице, есть отчет о результатах МРТ. — Я делаю паузу, чтобы дать ей время это осмыслить. — Врач, который вас там осматривал, мистер Рэдклифф, утверждает, что с вашим мозгом все в порядке. Нет никаких оснований считать, что у вас деменция — мультиинфарктная или какая-нибудь еще.

Я встаю, чтобы размять затекшие ноги. Медсестра уже идет обратно. Я снова сажусь на корточки.

— Мэри, вы понимаете? Дайте мне знак, если можете. Поднимите руку, улыбнитесь, моргните... хоть что-нибудь.

Я жду, пока она переварит новость, а сам кошусь на приближающийся к нам белый халат. Мои слова гремят в ушах Мэри, воронкой вкручиваются в ее сознание. Немота Мэри — не просто кровоизлияние в мозг.

Крисси по моей просьбе узнала еще кое-что. Она не сомневалась, что результаты сканирования в любом случае не покинули медицинскую систему, и принялась за розыски. Крисси позвонила своему бывшему, семейному врачу, который работал в приемном отделении скорой помощи. По ее словам, у него есть доступ ко всей информации, занесенной в больничные компьютеры. Получив новые сведения, Крисси тут же перезвонила мне.

— Маркус легко нашел то, что тебе нужно, — протянула она, дразня меня, — возможно, в отместку за выходку с папкой. —

Кстати, как ты поживаешь? Не заболел? — Она задорно рассмеялась. — Уже просох?

— Крисси, — не выдержал я, — что там с отчетом?

— Маркус сказал, что мистер Рэдклифф не обнаружил у Мэри Маршалл ничего особенного. По его мнению, лечебного вмешательства не требуется. Он написал об этом ее лечащему врачу. — Она замолчала, но и я молчал. Попросту не мог говорить. — Маркус даже просмотрел снимки, которые прилагались к отчету. Ничего. Чисто. А он в этом разбирается. — Крисси выдержала театральную паузу, а затем объявила: — Если у нее мультиинфарктная деменция или что-нибудь в этом роде, то я одноногий инвалид!

— Крисси, ты звезда! Сияющая в небе звезда! И мне нравятся обе твои ноги.

— Но это еще не все. Маркус не успокоился и позвонил в приемную врача, который дежурил, когда в больницу обратилась Мэри. Наврал секретарше, будто Мэри у него наблюдается. Та заявила, что она действительно недавно приходила к ним на прием. Кстати, Маркус тоже чокнутый, как ты, — добавила Крисси, словно оправдывая его действия, — принялся упрашивать меня согласиться на свидание, хотя мы давно порвали. В общем, этот врач — Дэвид Карлайл, она была у него двадцать второго декабря. Поранила палец, образовался нарыв.

— Да-да, о пальце я знаю. — Обдумываю услышанное. — Но вот о том, что ее принимал Карлайл, я и понятия не имел. Спасибо, Крисси.

— Дайте мне знак, Мэри. Дайте знак, что вы меня понимаете.

Но Мэри сидит, не шелохнувшись. Я сжимаю ее руки и смотрю в глаза, которые бегают по воде, словно она там и пытается прорваться сквозь стеклянную гладь.

На Рождество Джулия обнаружила, что мать онемела. Двадцать второго декабря Мэри побывала у Карлайла, и с тех пор произошло нечто такое, из-за чего она замолчала. Выходит, прошло три дня. Я хватаю ее за хрупкое плечо:

— Мэри, что вас так напугало, почему вы перестали говорить?

И когда ее подбородок начинает мелко дрожать, потянув мускулы рта, когда беспомощный взгляд переходит с озера на мое лицо, появляется медсестра и строго заявляет, что Мэри должна вернуться в палату.

Оставшись один, я смотрю на озеро, словно надеясь, что Мэри оставила в воде какой-то ключ.

Если бы она не заявила, что я никчемный и нелеп, если бы не высмеивала меня, быть может, я повел бы себя куда разумнее. Но по службе я не раз сталкивался со случаями, когда родители никак не могли договориться и дети в результате оказывались в приемных семьях. Я не хочу потерять своих детей. Из Нортмира мы прямиком едем на «Алькатрас». Но вечером я не привезу их обратно, как обещал Джулии.

— А где же сюрприз? — разочарованно спрашивает Алекс. — Ты обещал сюрприз, а это всего лишь старый глупый катер.

— Не спеши, приятель. Сегодня мы отправимся в путешествие.

На лице Алекса расцветает улыбка. Он передает мои слова Флоре, и она восторженно пищит.

— А куда мы поедем?

Этого я еще не успел придумать.

— В замечательное место, — говорю я многозначительно, словно намекая, что нас ждут джунгли, необитаемый остров или, на худой конец, «Диснейленд».

— А мы на самолете полетим? — В голосе Алекса еще чувствуется сомнение.

— Нет. Скорее, это будет похоже на круиз.

— По морю?

Судя по всему, мой сын уже рассекает под парусом волны Средиземного моря или пробирается меж айсбергами.

— Мы отправляемся в очень опасное и сложное путешествие, из которого не возвращался еще ни один даже самый отважный исследователь. — Я делаю драматическую паузу и буквально слышу, как бьется сердце Алекса. — От одного упоминания о реке Кем у

самых дерзких смельчаков мороз пробегает по спине. Наша миссия состоит в том, чтобы до завтрашнего вечера обогнуть Поупс-корнер, а может, пройти еще дальше. Нас назовут героями, весь мир будет о нас говорить. — Я победно вскидываю руки и жду реакции.

Флора с открытым ртом смотрит на меня, не понимая, что происходит.

— Пап, мне уже одиннадцать, а не три года. И мне не нравится эта затея с путешествием. Мама знает, что ты снова привез нас на свою дырявую лодку?

Итак, опасности местной водной артерии его не впечатлили.

— Конечно. — Вижу, он мне не верит. — Слушай, давай поднимемся на борт и спланируем наше путешествие. Вот увидишь, все будет здорово. — Я в отчаянии. — Можно развести костер, если хочешь. Пожарим сосиски.

Перспектива походного пиршества отчасти снимает напряжение. Алекс забирается на «Алькатрас», разочарованный тем, что обещанный сюрприз — банальная прогулка по реке. Прежде чем отчалить, я, прищурившись, смотрю на корпус катера. Он опустился еще на дюйм или два. Надеюсь, мы не утонем. Честно говоря, я ничего не планировал заранее, но, по моему опыту, лучше и не прокладывать курс, по которому не сможешь пройти. Поэтому жить на воде так просто. Плыть особо некуда, и на узкой реке массивной лодке не так-то легко развернуться на сто восемьдесят градусов.

— Можно я встану за штурвал? — Алекс дрожит от холода. Поверх пальто он надел мою непромокаемую куртку.

— Конечно. Только помни, что слева — это слева. А справа — справа.

Низко висящие облака и дождь скрывают от нас панораму деревни. Флора благоразумно предпочла спуститься в каюту и залезть под одеяло. Похоже, она забыла дома пальто. Алекс показал ей, в чем заключается мой грандиозный план, и Флора тут же удалилась рисовать. Неплохо бы еще раз расспросить ее, как ей удалось установить контакт с бабушкой. Мне сейчас пригодятся любые подсказки.

Несколько часов спустя, когда тусклое дневное молоко перетекло в лиловый сумрак, я вспоминаю, что надо озаботиться

ночлегом.

— Бросай якорь, капитан! — кричу я Алексу, высунувшись из каюты.

Его силуэт на носу катера придает посудине сходство со старинным кораблем. Пять минут назад он пронесся по самому борту. Если бы мать это увидела, точно рухнула бы в обморок. Алекс оборачивается и мрачно смотрит на меня.

— Папа, это глупо! — сердито откликается он, но, заметив, как обиженно вытягивается у меня физиономия, кивает и проходит по борту, крепко хватаясь за крышу.

Я смотрю на сына, на его выверенные движения и вижу не маленького мальчика, но будущего мужчину, каким он станет совсем скоро. Если действовать так же осторожно, как он сейчас, то я не потеряю его.

— Подержишь румпель, пока я останавливаю лодку?

— Конечно, — отвечает Алекс, довольный, что ему доверили такое важное дело.

Я заглядываю в люк, чтобы убедиться, что Флора в безопасности. Дочь с головой ушла в рисование. Заметив, что я за ней шпионю, она хмурится и прикрывает рисунок ладонями.

— Тормози, приятель, — перекрикиваю я шум двигателя, и Алекс плавно останавливает «Алькатрас» у берега. Мы привязываем катер к двум крепким деревьям. — Будет держаться, если ночью не подует сильный ветер. А потом, кто знает, где мы окажемся? Может, в тропических лесах Амазон...

— Па-апа, я уже не ребенок. Не надо со мной сюсюкаться. Ничего не случится. И нигде не окажемся. Никакие опасности нас уж точно не поджидают.

— Прости, — бормочу я.

Алекс вытаскивает из кармана горсть разноцветных бумажек и грустнеет, понимая, что запас фруктовых пастилок иссяк. На борту лишь пара банок рыбных консервов да початая бутылка, так что, если дети откажутся от скумбрии, маринованной в виски, придется идти в магазин или в паб.

— Но ты же говорил, что мы будем жарить сосиски на костре!



От предложения посетить ближайший паб Алекс приходит в ужас. У меня же при мысли о пинте пива внутри начинается пожар, но ради сына я решаю проявить твердость и выполнить данное обещание. Алекс будет жарить эти чертовы сосиски, даже если мне придется всю ночь рыскать по округе в поисках провианта и сухих дров. Разворачиваю карту водных путей.

— Похоже, мы недалеко от Литл-Стретфорда. Вот эта дорожка ведет прямо к деревне.

— Мы доберемся туда лет через сто, а есть ужас как хочется. Ты же говорил, что мы устроим пикник.

— Старина, я работаю над этим!

Спускаюсь в каюту и беру шапку с перчатками. Температура падает. Скоро земля заиндевет.

— Ты уверен, что не хочешь поесть пирога и жареной картошки в местном заведении? — Я буквально чувствую запах свежего пива. — И не кажется ли тебе, что на улице слишком холодно? Скоро снова пойдет дождь.

— Мы разведем костер и согреемся. Это же приключение. Настоящий сюрприз, как ты и обещал. — Алекс открывает кран, из которого со всей силой бьет чувство вины.

Я вздыхаю и сдаюсь.

— Значит, будем жарить сосиски. — Застегиваю куртку. Я быстро обернусь. — Так, Алекс, ты, как человек взрослый и ответственный, присмотришь двадцать минут за сестренкой.

Судя по карте, мне вряд ли понадобится больше времени. Надеюсь, деревенский магазин еще открыт.

— А сколько заплатишь? Воспитатели, знаешь ли, получают деньги.

— Фунта хватит?

— Пять.

— Пять? Два. Это мое последнее слово.

— Три, и это мое последнее слово. Или тебе придется тащиться через поле с хнычущей Флорой. У нее нет пальто, и мама с ума сойдет, когда я ей об этом расскажу.

Он прав.

— Ладно. Три так три. Полезай в каюту. И не своди глаз с сестры. Не ссорьтесь и ни в коем случае не выходите из лодки. Понятно?

— Понятно. — Он салютует, словно заправский капитан. — И не забудь купить кетчуп.

Алекс улыбается и ныряет в каюту. Я слышу, как он запирает люк на щеколду. Рассовываю по карманам фонарик, карту и деньги и, полный желания заслужить одобрение сына, пускаюсь на поиски деревни. О пинте, поджидающей меня в пабе, я даже не вспоминаю.

## Джулия

В кармане вибрирует мобильный телефон. Я одна. Дэвид ушел несколько часов назад. Отчужденный и встревоженный. Ничего странного — после вчерашнего инцидента. Я просила его остаться, но он захотел проверить, в каком состоянии дом. Уступив моим уговорам, Дэвид пообещал позвонить в полицию, если ситуация усугубится. Когда он вернется, неизвестно.

Посмотрев на часы, достаю телефон. Хорошо, что Марри скоро привезет детей. Может, пригласить его выпить с нами чаю? Мне не мешает компания.

На экране сообщение о восьми пропущенных звонках.

— Алло.

— Джулия! Господи, Джулия! Флора пропала! Я не знаю, что делать, Джулия! — истерично кричит Марри. Слова рассыпаются у меня в голове миллионами осколков.

— Пропала? Что это значит — пропала? Марри! — Крик исходит из самой глубины тела. Я сгусток боли. — Флора же с тобой! С ней все в порядке, да?

— Нет. Джулия! Флора пропала. Исчезла с катера. Ее нет. Нигде. Флоры нигде нет.

— Марри, заткнись. — Разумеется, это какая-то ошибка. У меня так трясутся руки, что я едва удерживаю телефон у уха. — Ты где?

— Мы на лодке. Поплыли на небольшую прогулку. Пришвартовались. Я пошел за продуктами, а когда вернулся, она уже исчезла. — В трубке слышится то ли тяжелое дыхание, то ли ветер.

— Звони в полицию. Я сейчас приеду. Вы где? Где Алекс? Он в порядке?

— Я уже позвонил. — Теперь он говорит таким тоном, будто у него все под контролем. — Алекс в порядке. Он тут, рядом. Хочешь с ним поговорить?

— Да! Давай его сюда.

Я вслушиваюсь в дрожащий голос сына. Алекс храбрится, но

слезы все равно прорываются.

— Мы сидели в каюте, ждали папу, а потом Флора пропала.

— Господи! Может, она упала в воду? — Хватаю со стола ключи и выхожу, не прекращая разговор. — А ты где, Алекс? Где лодка? Вы далеко уплыли?

— Не знаю. Это я виноват. Я хочу, чтобы Флора вернулась.

Сын заходится в плаче, и Марри забирает у него трубку. Машина пыхтит на второй скорости, потому что я боюсь выпустить из рук телефон.

— Джулия, поезжай к Литл-Стретфорд. Потом до конца Мэйн-стрит. Езжай по дороге у болота, пока не доберешься до реки. Потом переедешь через железнодорожные пути. И сразу сворачивай к реке. Быстрее, Джулия, быстрее.

— Почему... что? — Я не могу говорить. — Что ты там делаешь Марри? Где Флора? Найди ее! Я заберу детей. С тобой их нельзя оставлять! — Я кричу, не обращая внимания, что в трубке уже раздаются короткие гудки. — Скажи Флоре, чтобы она собрала вещи! Успокой Алекса! Найди Флору... Марри, мне нужны мои дети!

Через десять минут я с бешеной скоростью пролетаю по Литл-Стретфорду. К счастью, скорость у машины куда больше, чем у неповоротливого корыта Марри.

— Господи, пусть с ней ничего не случится!

Я следую указаниям Марри. Мимо мелькают коттеджи, деревенский паб.

— За железнодорожными путями, — произношу я. — Это ошибка. Этого не может быть. — Из груди рвется рыдание. — Пожалуйста, пусть кто-нибудь скажет, что это шутка или Марри сошел с ума. Может, он пьян? — Меня накрывает облегчение. — Ну конечно, напился и не видит, что она спит, свернувшись под одеялом. — Я колочу по рулю и раскачиваюсь взад-вперед, подгоняя машину.

Автомобиль съезжает на второстепенную дорогу, впереди показывается железнодорожный переезд. Я проскакиваю через рельсы и почти втыкаюсь в ворота, перегораживающие уходящий к реке проселок. Оставив фары включенными, выскакиваю из машины

и бегу к воде — к просвету за черными деревьями.

— Марри! Марри, где ты?

Я снова и снова выкрикиваю его имя, пока у меня не начинается жечь в горле.

— Здесь, я здесь!

В темноте мелькает луч от фонарика. Я пробираюсь сквозь высокую мокрую траву и оказываюсь на берегу. На лодке Марри горит свет, и желтое сияние согревает меня обещанием, что Флора обязательно найдется. Трава у реки примята — миллион пропитанных паникой шагов.

— Ты ее нашел? Как она? — У меня так пересохло во рту, что я едва могу говорить. Я задыхаюсь.

— Нет. Она не вернулась.

Луч света мечется во все стороны.

— *Марри, Марри!*

В этот момент я его ненавижу. Еще и за то, что всегда бросалась к нему в случае неприятностей. Руки Марри подхватывают меня, когда я оседаю на землю.

— Черт, черт! Ты искал ее на берегу? В воде смотрел? — Я вглядываюсь в черноту проклятой речушки. — Я же просила тебя не брать детей на лодку! Она могла утонуть. Когда она пропала?

Такое чувство, будто меня сейчас разорвет на части, воздух распирает легкие. Господи, где же она. Я сделаю все, абсолютно все, если надо, пробегу тысячу миль, пусть только Флора отыщется живой и невредимой. Она в любую минуту может вернуться на катер, она просто разозлилась на отца и сбежала. Я снова и снова повторяю это себе.

— От шести до восьми. Плюс-минус полчаса. — Лицо Марри налилось кровью.

На часах без пятнадцати девять.

— А где полиция? Ты им звонил? — Тут до меня доходит. — Почему ты не знаешь, когда именно она ушла? Где ты был, черт побери? — Что тут спрашивать. Напился и заснул. Пытаюсь учуять в его дыхании запах алкоголя. — Ты сказал, что ходил за едой? А где

была Флора, когда вы готовили?

— Мама, мы не успели ничего приготовить. — Алекс хватает меня за руку, словно начался шторм. — Мы хотели развести костер и пожарить сосиски.

— Так что ж ты делал, скажи на милость?!

Запрыгиваю на катер, заглядываю в каждую щель и возвращаюсь обратно.

— Что ты делал? — ору я, приближая к нему лицо.

Запах пива.

— Я ходил за едой. В деревню. — Марри опускает голову. — Сейчас не время выяснять, кто виноват. Я продолжу искать, пока полиция не приехала. А ты оставайся с Алексом на лодке — вдруг она вернется. И зови ее. Погромче. Она не могла далеко уйти. Наверное, спряталась, потому что боится, что ее отругают.

Я с отвращением смотрю на него.

— Наша дочь глухая, Марри. Ты что, забыл? — И отворачиваюсь, не в силах видеть этого человека.

Беспомощно взмахнув рукой, Марри направляется вдоль реки. На какие-то секунды изумление во мне даже перевешивает ужас.

Когда Флоре исполнилось пятнадцать месяцев и выяснилось, что она глухая, ей поставили слуховой аппарат. Приборчик был крошечный, и я не понимала, как он поможет ей услышать наш большой, шумный мир. Да и сама Флора была такой крошечной, что я сомневалась в том, что хочу, чтобы она его слышала.

Первый аппарат дочь сорвала с уха и уронила в лужу. Мы гуляли после грозы — Флора в прогулочной коляске, Алекс семенил рядом. Она весь день капризничала, раздраженно хныкала, словно с ней было что-то не так. В последний раз она так вела себя, когда у нее резались зубы.

Слуховой аппарат поставили ей накануне, и до меня не дошло, что на малышку вдруг обрушилось нечто огромное, непонятное и агрессивное. Раскаты грома Флора слышала задолго до того, как их уловили мы. Каждая проезжающая машина для нее была словно

землетрясение. Птицы не щебетали, а орали, ветер надсадно завывал, другие дети устраивали какофонию. Из идеального тихого мира малышку швырнули в мир диких звуков. Все равно что забросили на другую планету.

За два года Флора сломала три слуховых аппарата. И тогда я объявила врачам, что она не будет их носить.

— Джу... — начал было Марри, но я не дала ему договорить.

— Ты бы хотел внезапно оглохнуть?

— Нет, но...

— А почему ты думаешь, что Флора хочет, чтобы ее сделали слышащей?

Наша дочь уже выучила несколько основных жестов. Я усиленно занималась на курсах. И у нас был Алекс, он всегда знал, что нужно его сестре, даже если она ничего не показывала.

— Пусть будет такой, какая есть, Марри. Она ненавидит слуховой аппарат. Мне кажется, она... — Я попыталась объяснить: — Мне кажется, с ним она слышит слишком много. Настоящий мир причиняет ей боль.

Марри задумался над моими словами. В тот вечер он внимательно наблюдал за дочерью, за тем, как она играет, оставляя по дому длинный след игрушек, общается с Алексом, сияет от радости, увидев соседку с ребенком, которая пришла к нам в гости. Флора плескалась в ванне и отказывалась ложиться спать без книжки с картинками. Она обняла нас обоих, притворилась, будто спит, а через десять минут спустилась вниз, чтобы попросить молока. Обычный трехлетний ребенок.

— Ты, конечно, права, — сказал Марри, прижимая меня к себе. Я погасила свет в комнате Флоры. Но и в темноте мы увидели, как она показала, что любит нас, и эти непроговоренные слова прозвучали четко и громко. — Не надо аппарата.

Так мы поняли разницу между языком и речью. Если тебе важно, чтобы люди слышали то, что ты хочешь сказать, необязательно говорить это вслух. Флора научила нас тому, что действия громче слов.

К прибытию полиции я дрожала не переставая. В моем теле не было ничего, кроме ледяного ужаса.

— Расскажите, что случилось, миссис Фрэнч, и как можно быстрее, — попросил констебль.

Марри, увидев маячок полицейской машины, примчался обратно.

— А где Эд? Где инспектор Хэллит? — спрашиваю я. Констебль слишком молод, чтобы заниматься таким важным делом. — Я хочу, чтобы Флору искал Эд. Он мой родственник.

Но констебль Клаф оставляет мои слова без внимания.

— Сейчас главное — скорость.

Марри едва может говорить:

— Я... я пошел в деревню. Хотел купить сосисок для Алекса, чтобы поджарить их на костре. Дети остались на лодке. Я запретил им покидать катер. Алексу наказал присматривать за сестрой. — Марри бросает на меня быстрый взгляд. — Когда я вернулся, Алекс собирал хворост на берегу. Хотя я велел ему сидеть в каюте, он решил развести костер. Мы вместе поднялись на катер и увидели, что Флора пропала.

— Марри, какой же ты идиот...

Констебль предупреждающе поднимает руку.

— Как долго вы отсутствовали и как далеко от лодки находился мальчик?

Марри медлит.

— Меня не было не больше двух часов, с шести до восьми. Алекс находился в пятидесяти футах или около того. Вон там. — И переходит на крик: — Разве вы не должны ее искать? Почему вы не привели собак? Где вертолет? Прожекторы?! Пожалуйста... сделайте что-нибудь. — Он почти воет. — Алекс, почему ты не остался в лодке со своей сестрой?

— Хватит, Марри! — говорю я. Он не имеет права обвинять сына.

— Папа, тебя так долго не было! Мне стало скучно. Флора рисовала. Я хотел сделать тебе сюрприз, чтобы мы сразу могли



разжечь костер.

Я закрываю лицо руками.

— Деревня находится не так уж далеко отсюда, однако вы сказали, что вас не было два часа. Вам потребовалось столько времени, чтобы купить сосиски?

Господи, как он прав.

— Черт, Марри, почему тебя так долго не было? Чем ты занимался два часа? — Я отталкиваю констебля, хватаю мужа за плечо и принохиваюсь к его дыханию. Меня тошнит. — Ты зашел в паб, верно? — У меня дрожит голос; сейчас будет взрыв. — Ты оставил детей одних, вечером, на катере, а сам пошел в паб. — Я отшатываюсь от него. — Убирайся! Отправляйся искать Флору.

Я снова плачу. Но слезы не помогут ее найти.

— Миссис Фрэнч, наши люди уже занимаются поисками. Но нам нужно выяснить все факты.

— Меня зовут миссис *Маршалл*. Факты? Моя дочь пропала, а вы тут торчите и попусту болтаете. Пожалуйста, найдите ее!

Полицейский поворачивается к Марри:

— Мистер Фрэнч, не могли бы вы подробно описать девочку? И еще нам нужна какая-нибудь ее одежда или личная вещь, чтобы собаки взяли след.

— Да, да, конечно, — бормочет Марри. Мне не верится, что это происходит на самом деле. Он сидит рядом, что-то говорит, но слова кажутся ненастоящими. — У нее светлые волосы, с рыжеватым отливом — смотря как падает свет. Они кудрявые, доходят до плеч. У нее голубые глаза...

— Зелено-голубые, — добавляю я. Он что, не помнит, как она выглядит?

— И светлая кожа. Сзади на шее у нее родинка. Рост у нее примерно такой. — Марри встает и прижимает руку к ребрам. — Около четырех футов.

— И она глухая. Совершенно глухая. (Констебль озабоченно смотрит на меня.) Вы найдете ее, правда? — Я забираю у Марри фонарик и приказываю Алексу оставаться на лодке. — Вряд ли она

далеко ушла. Возможно, она отправилась тебе навстречу, Марри. Я пойду к деревне.

— Полагаю, пока мы ее не найдем, о похищении говорить рано?

Я замираю, услышав вопрос Марри. Он говорит, как юрист. Секунду я слышу лишь, как о борт проклятой лодки плещется вода.

— Верно, — подтверждает констебль. — Мы должны предусмотреть все возможности. Ваша дочь умеет плавать?

— Да, да! — вскрикиваю я. — Она отлично плавает!

Но мне не хочется думать о том, как она барахтается в черной, ледяной воде, как одежда тянет ее ко дну... Машу рукой и бегу к деревне.

Из деревенского паба выходит парочка. Как безумная несусь к ним.

— Пожалуйста... — дыхание сбилось, из груди рвется хрип, — помогите. Вы не видели маленькую девочку восьми лет со светлыми волосами? Она потерялась. Она не заходила в паб?

Флора ведь хорошо изучила папочку и легко могла догадаться, где его искать.

Из заведения вываливаются еще несколько пропойц. Я подскакиваю и к ним:

— Вы не видели девочку? Светлые волосы, хорошенькая?

— Я бы не прочь с такой познакомиться, — шутит один из них, и его собутыльники гогочут.

Тошнота взрывается в желудке, и я быстро нагибаюсь.

— Идите домой, дамочка, и проспите.

Врываюсь в паб. Все оборачиваются.

— Кто-нибудь видел маленькую светловолосую девочку? Я потеряла свою дочь. Пожалуйста, помогите! Подумайте.

— Нет, к сожалению, — говорит какая-то женщина. Остальные качают головами. У них одно на уме — выпить.

За окном мелькает синеватое стакато полицейского маячка, я выбегаю наружу и машу полицейским:

— Есть новости?

Конечно есть, конечно! Вглядываюсь в тонированное стекло заднего окошка полицейской машины. Вдруг Флора там?

— К сожалению, пока ничего. Привезли собак, сейчас будем искать у реки.

Полиция уезжает.

— Простите, вы не видели маленькую девочку? Ей восемь лет, и у нее светлые волосы.

Мужчина выгуливает собаку.

— Нет, но я могу помочь вам ее искать. Где вы видели ее в последний раз?

Сегодня утром в доме моей матери, хочу сказать я. Она ушла с отцом и забыла взять пальто. А я даже не поцеловала ее на прощанье.

— Она каталась на лодке по реке с моим мужем. Он пошел в деревню, а когда вернулся, она пропала. Я думаю, она пошла его искать.

— Восьмилетнюю девочку оставили одну? Ох-ох-ох, — вздыхает он. — Буду иметь в виду. Сейчас я снова пройду по деревне. Он еще кое на что годен. — Мужчина показывает на старого лабрадора.

— Ее зовут Флора. И она глухая.

Я мечусь по деревенским улочкам, давно уже не понимая, в какой стороне находится река. Увидев медленно ползущую полицейскую машину, бросаюсь за ней.

На берегу полно людей в форме. Две собаки нюхают ночной воздух. Хвосты у них задраны, псы возбужденно рвут поводки. От прожекторов светло как днем, а рации потрескивают, посылая в небо неслышные сообщения. Глядя на суету, я спрашиваю себя: помнит ли кто-нибудь о Флоре?

— Марри... что ты здесь... делаешь? Почему ты ее не ищешь? — Я чуть не падаю, спустившись в каюту. Сил не осталось совсем.

В каюте еще один полицейский, рангом повыше, судя по штатской одежде. Он поворачивается ко мне.

— Господи, Эд! Слава богу, ты здесь! Теперь мы найдем Флору.

— Я ее искал, — быстро отвечает Марри, прежде чем Эд открывает рот. — Ищеек только что привезли. Им нужна ее одежда или сумка — хоть что-нибудь, чтобы дать собакам, но здесь ничего нет.

— Марри, она забыла надеть пальто. Ты увез ее из Нортмира без пальто. Она взяла только карандаши, бумагу и бог знает что еще. Наверняка здесь есть что-то из ее вещей.

Я оглядываюсь по сторонам, но ничто не напоминает мне о дочери. На облезлом складном столе следы от карандаша, рядом с обертками конфет стоит недопитый стакан лимонада. Я представляю, как моя дочь сосредоточенно склонилась над рисунком, посасывая конфету; длинные ресницы трепещут.

— О, Флора! — жалобно говорю я, и тут сердце у меня замирает: под столом лежит кролик. Грязный, обтрепанный, поблекший от стирок розовый кролик. Я наклоняюсь. — Это подойдет?

— Не трогай! — От окрика Эда я вздрагиваю. — Если в ближайшее время ничего не прояснится, это место будет опечатано. А сейчас пусть все остается на своих местах.

Эд произносит что-то в рацию, и я понимаю, что он считает «Алькатрас» местом преступления. Шансы на то, что Флора просто ушла, с каждой минутой кажутся все более призрачными. Он готовится к худшему.

— Только осторожнее с ним, — прошу я. — Она его любит. Не может без него заснуть. — Я думаю о том, где Флора будет спать сегодня ночью. — Господи, Марри! А вдруг ее похитили? А может, она заблудилась и лежит, свернувшись калачиком, где-нибудь под кустом, умирая от холода?

— А может, — подхватывает Эд, — ты позволишь своему мужу позаботиться о себе и предоставишь беспокоиться нам?

Я не поправляю его по поводу «мужа». Почему-то сейчас это слово звучит утешающе.

— Я вызвал самых толковых людей. — На шее Эда набрякла вена. — Мы уже приступили к работе. Самое важное — первые пара часов.

— Но она пропала, когда Марри пошел в деревню!

Смотрю на часы. Прошло пять часов. За это время с ребенком может случиться все что угодно. Жуткие картинки атакуют мое сознание.

— Эд, *пожалуйста*, найди ее! — Слезы бегут по моему лицу. — Скажи, что она просто заблудилась и сидит на соседнем поле. Она не слышит, что мы ее зовем, и не знает, что мы ее ищем.

— Вполне вероятно, Джулия. Ее глухота не облегчает поиски. Но скоро собаки возьмут след. — Эд быстро обнимает меня. — Майк, команда готова?

На борт поднимается человек с собакой. Собака принимает к воздуху, потом опускает морду и тащит хозяина на нос катера.

— Странно, — удивленно говорит Марри. — Флора не смогла бы оттуда слезть. Там высокий борт, в отличие от кормы.

— Значит, ее кто-то увел? — Я спешу на переднюю палубу, чтобы посмотреть, куда пес тянет хозяина.

Зигзагами мечется свет от фонарика, с берега несется нетерпеливый лай второй собаки. Вдруг становится тихо.

— Почему они не дали собаке понюхать кролика?

Забывшая игрушка все еще лежит на полу в каюте.

— Собаки и так возьмут след Флоры, — объясняет Эд. — У нас есть пес, натренированный искать в воде. Если понадобится.

Последнюю фразу он добавляет для меня, я знаю. Снова прогоняю образ барахтающейся в воде Флоры. Ради нее я должна быть сильной.

— Я расскажу людям об изменениях в плане поисков и прикажу водолазу подождать. Посиди здесь.

Эд коротко улыбается и спрыгивает на землю. Рядом со мной, но в тысячах миль от меня Марри идет ко дну, не справляясь с грузом вины.

— Пойдем, — говорю я. Мы оба должны быть сильными. — Пойдем поищем еще где-нибудь. Где бы маленькой девочке хотелось оказаться в холодную ночь?

Марри открывает рот, но не успевает он ответить, как я, глядя в темноту широко раскрытыми глазами, шепчу:

— *Дома.*

## Марри

Высунув голову из окна и почти не дыша, я напряженно всматриваюсь в холодную темноту. Внимательно и методично, дюйм за дюймом, оглядываю обочину и растущие вдоль дороги кусты. Джулия медленно идет по тропинке, тянущейся параллельно дороге. Алекс занял пост на пассажирском сиденье. Машина едва ползет в сторону дома, включенные фары двумя маяками пробивают зимнюю тьму.

— А что, если она пошла по полю? — спрашивает Алекс. — Она же потеряется. Или ее убьет тот человек, который напал на ту девочку.

И Джулия, и я то и дело вспоминаем Грейс Коватту, но никто из нас не решился произнести ее имя вслух.

— Этого не случится, — успокаиваю я сына. — Только не с Флорой.

В глазах жжет от напряжения. Возможно, Алекс прав. Возможно.

У нас хороший сын. Он выглядит старше своего возраста, в школе на хорошем счету, и лишь изредка он выкидывает фокусы, словно напоминая, что ему только одиннадцать. Я был уверен, что он присмотрит за сестрой. Я хотел, чтобы он знал, что я ему доверяю. Мне казалось, что тащить Флору через темное поле куда хуже, чем оставить ее в тепле и уюте с братом на «Алькатрасе». Она бы семенила за мной, поскуливала, и я бы посадил ее себе на плечи и чувствовал, как дочь дрожит от холода... Кроме того, я обещал, что быстро вернусь.

До деревни я добрался быстрее, чем думал. Прошел улочку-другую и уже собирался спросить кого-нибудь, где находится магазин, как вдруг заметил паб. Суливший тепло. И минутное спасение. Быстро выпью — и все.

— Пинту, пожалуйста, — сказал я, показывая на местный эль.

Конечно, мне было не по себе. Я оставил Алекса за старшего, а это все равно что выйти из дома босым. Обычно я так не поступаю,

но мне хотелось дать ему возможность ощутить себя взрослым. Да и что может случиться, думал я. «Алькатрас» пусть и умирает от старости, но вполне безопасен. А своих детей я знаю. Они покинут лодку только в случае крайней необходимости.

— Два восемьдесят пять, приятель.

Я положил на стойку двадцать фунтов.

— Здесь есть магазин? Мне нужно купить сосиски, банку бобов и хлеба.

Я сделал глоток. Неплохо.

Бармен взглянул на часы:

— Вам повезет, если он еще открыт. Но если вам нужно только это, я попрошу Маргарет поискать для вас что-нибудь на кухне.

— Вы просто спасете меня, — улыбнулся я и сделал еще один большой глоток.

— Вы с лодки, да? Мы видели, как вы причаливали.

Я кивнул:

— Да. Сын хочет устроить пикник. Мальчишки!

Бармен позвал жену, и уже через несколько минут она вернулась с пакетом, куда собрала все, что я просил.

— Отлично! Сколько я вам должен?

— Забудьте о деньгах. Попробуйте еще пару сортов пива, и мы в расчете, хорошо? — Бармен уже тянул отполированный до блеска пивной кран. — Пейте, а потом скажете, что вы о нем думаете.

Я так и сделал. А потом еще, и так раза четыре за следующий час, и с каждой выпитой пинтой мысль о том, что нужно поторопиться на катер, слабела в геометрической прогрессии. С детьми ничего не случится. Если возникнут проблемы, Алекс меня найдет здесь. И лишь просидев за стойкой два часа, я решил, что пора. От пива мир стал куда как приятнее.

— Рад был познакомиться, Дэн.

— Дон, — поправил бармен.

— И спасибо за сосиски.



Сверток нашелся под стулом. Немного кружилась голова. Пиво оказалось забористое.

— Может, еще увидимся. Спасибо за все!

На краю деревни я вспомнил, что забыл куртку. Пришлось возвращаться. «Алькатрас» я нашел не сразу, только услышав знакомое насвистывание, понял, что я у цели.

— Алекс? Это ты? Где ты?

За кустами сияло желтое пятно — фонарь моего катера.

— Алекс! — снова закричал я, недовольный тем, что он ушел с лодки.

— Я здесь, пап!

Послышался треск веток, и вскоре появился слегка запыхавшийся Алекс.

— Я собирал сучья для костра. Тебя *сто лет* не было! Ты купил сосиски? Мы умираем от голода.

— А как же! — Я гордо протянул ему бумажный пакет. — И нашел новых друзей.

Пиво бурлило в брюхе, под черепушкой слегка шумело. Все-таки виски гораздо полезнее.

— Лучше бы ты сидел внутри. Там тепло. Ладно, пошли за Флорой. Разведем вместе костер. — Мы поднялись на борт. — Я же не разрешил тебе выходить, — бормотал я. — Ты должен был сидеть в каюте с сестрой.

Но теперь все неважно. Я вернулся. Принес сосиски. Мы весело проведем вечер. И никаких ссор.

— Небось заснула от скуки, — сказал Алекс.

Я спустился в каюту. Опьянение избавило меня от того первого укола страха, что неизбежен, когда твой ребенок исчезает. Когда я видел Флору в последний раз, она сидела за столом и рисовала.

— Где она, приятель?

Я открыл дверь крошечной уборной. Пусто.

— Черт, — помнится, сказал я, все еще уверенный, что она на лодке. — Вы что, прятки затеяли?

— Нет, — напряженно ответил Алекс. Он уже все понял.

— Флора должна быть где-то здесь.

Я выбрался на палубу, заглянул во все ящики, где мог уместиться маленький ребенок. Ничего, если не считать заплесневелых штормовок и ветхих канатов. Я открыл застекленную дверь, ведущую из рубки на переднюю палубу, и поискал на носу. Пусто. Должно быть, я не заметил ее на кухне. Пиво притупило инстинкты, но сердце билось уже быстрее.

— Флора, ты куда пропала?

В голосе мешались тревога, раздражение и надежда, что моя маленькая девочка затеяла веселую игру. Сколько же раз она вот так пряталась от меня, замирая от счастья.

— Она была здесь, пап, правда. Она рисовала, а потом играла с куклами.

— Флора! — заорал я, зная, что это бессмысленно. Но может, она уловит вибрацию воздуха, в которой угадает свое имя, и выберется из своего тайника?

С удвоенным рвением я принялся по новой обыскивать катер. Заглянул в каждую дыру, открыл каждую дверцу. Обшарил машинное отделение, попутно отметив, что после того, как отыщу Флору, надо будет выкачать воду.

— Ладно, приятель. Давай поищем на берегу. Наверное, она выбралась вслед за тобой.

— Наверное, — согласился Алекс. — Хотя я велел ей оставаться здесь.

Он нежно коснулся моей руки, и на секунду я подумал, что это Флора подкралась к нам сзади.

— Папа, с ней ничего не случится, правда?

— Конечно, нет.

Во рту было сухо, и слова вышли безжизненными.

## Мэри

Меня обнаружил садовник. Я лежала в конусе солнечного света, перемазанная рвотой и кровью. Сознание отказывалось воспринимать реальность, и я снова и снова проваливалась в омут беспамятства, лишь ненадолго приходя в себя.

— Боже милостивый! — Он наклонился надо мной, и я замерла от страха. — Что здесь произошло? Девочка, что с тобой?

Грубая, точно кора дерева, ладонь нежно коснулась моей щеки. Я вздрогнула и посмотрела на него. Язык превратился в распухший кусок мяса, почти закупорив гортань. Я попыталась сглотнуть и скорчилась от боли. Испачканные кровью ноги горели от многочисленных порезов, кто-то словно вырезал ножом по живому, по мне. Я не могла ни говорить, ни убежать. Я была точно загнанное животное, которое ждет, что сделает человек — прикончит или спасет. Мне было все равно, что он сделает, лишь бы боль утихла.

Приехали полицейские. С недоумением смотрели на меня, задавали вопросы, на которые я не могла ответить. Вызвали «скорую», и, пока она ехала, полиция опросила садовника и мистера Босли-Грина. Всех потрясло, что столь ужасное событие произошло в день свадьбы его дочери. Наконец меня увезли в больницу.

Я была пятном на светлом дне, досадная помеха, омрачившая праздник своим видом — голая, окровавленная на грязном полу. Меня следовало поскорее прикрыть и увезти как можно дальше. Все выглядело так, будто Дэвид заботливо спланировал страдания для меня, растянув на долгие годы.

В больнице меня навестил инспектор полиции, но говорить я по-прежнему не могла. События в памяти застряли обломками автокатастрофы: фрагменты веселья перемешались с осколками боли и ужаса. Действие наркотиков еще не прошло, и мир для меня был словно за мутным стеклом. Я не различала деталей, и все казалось каким-то нереальным. События я изложила инспектору, царапая каракули в маленьком блокноте. Настолько маленьком, что вряд ли его страниц хватило бы, чтобы поведать правду. Но силы меня оставили раньше, чем закончились чистые страницы.

— Мисс Маршалл, изнасилование — серьезное обвинение. Да

еще на свадьбе! Молодой человек, которого вы обвиняете, очень расстроен тем, что с вами случилось. Узнав о происшедшем, он добровольно явился в полицию. Вы уверены, что излагаете только факты? — Инспектор проводил взглядом хорошенькую медсестру, которая вышла из палаты. Длинные ноги, едва прикрытые накрахмаленным халатиком, интересовали его больше, чем мои показания.

Я молча смотрела на него. Этот человек представления не имел, что я чувствую. Мне хотелось вывернуть себя наизнанку и сжечь то, что от меня осталось. Я ненавидела себя. Ненавидела за то, что сотворил со мной Дэвид. Доверие, дружба — будущее — все уничтожено. Я взяла карандаш и снова начала царапать в блокноте. Меня ведь так и не спросили, откуда все эти раны. Я подтолкнула блокнот к детективу. Кожу все еще холодило лезвие ножа.

— Он напал на вас с ножом?

Наконец-то искра интереса. Я в больнице провела три часа, но ни одна живая душа не поинтересовалась, кто нанес мне все эти раны. Детектив встал и прикрыл простыней мои ноги.

— Врач упомянул о порезах на ногах. Это ужасно. — Он раздвинул мои губы, посмотрел в рот и резко отпрянул.

«Это сделал он», — нацарапала я.

— Вооруженное нападение — совсем другое дело, мисс. Вы обвиняете мистера Дэвида Карлайла в том, что он напал на вас с ножом?

«Да. Да».

А что, изнасилования недостаточно? — хотела добавить я, но полицейский уже спрятал бумаги в карман и поднялся, собираясь уходить.

— Вы много выпили, мисс Маршалл? Вы соблазняли этого молодого джентльмена? Свободная любовь и все такое? Молодежь в наши дни — это настоящая трагедия.

«Подождите, — быстро написала я на новом листе. — Это правда. Поверьте».

Моя рука дрожала. Я протянула листок. Он даже не посмотрел на него.

— Вы можете передать свои записи через медсестру, мисс Маршалл. — Он разгладил ладонями форму. — Позвольте дать вам совет. В следующий раз пейте кока-колу.

Он подмигнул, и я никогда не забуду ни его сального взгляда, ни губ-гусениц, шевельнувшихся в усмешке.

Марри говорит, что я не больна. Он смотрит на меня, а мой взгляд устремлен на озеро, на ровную зеленоватую поверхность, как будто под водой спрятаны мои секреты. Конечно, он прав.

— Мэри, что вас так напугало, почему вы перестали говорить?

Он берет меня за руки. Как давно я не чувствовала человеческого тепла. Мне хочется рассказать ему все, рассказать, что сделал со мной Дэвид, пусть спасает жену и детей. Но если Джулия узнает правду, это нанесет ей рану, которая никогда не затянется. Мне следовало признаться ей десятки лет назад. Нельзя было молчать. Но теперь слишком поздно.

Вместо ответа я тяжело моргаю. Так нужно заговорить, но я не могу. Вся моя жизнь бьется в глотке. *Помоги, Марри!* — мысленно кричу я. — *Спаси свою семью от этого человека, спаси от правды.* Я не переживу, если Дэвид снова останется на свободе.

Я все смотрю на озеро. Медсестра уже возвращается. Меня охватывает паника. Я изо всех сил стараюсь открыть рот, выдавить несколько слов, звуков, хоть что-нибудь. Но результат один — звенящее молчание.

*Кто-то должен его остановить, Марри!* — Я молюсь о том, чтобы зять меня услышал. — *Потому что в этот раз он пришел за Джулией.*

На суде мне запомнились журналисты, тошнота и растерянность. Мои родители каждый день занимали одни и те же места в зале и стоически наблюдали за тем, как мою жизнь, словно труп, анатомируют перед судьей и присяжными. Я не могла заставить себя взглянуть на Дэвида, который под охраной полицейского неподвижно сидел на скамье подсудимых, но знала, что он там и время от времени бросает на меня взгляды. Я чувствовала, как расходятся по залу волны его интеллекта, его харизмы, я слышала его запах, к которому

теперь примешивалась кислая вонь страха. Дэвид не желал сидеть в тюрьме. Там, где я уже очутилась.

— Суд идет, — возвестил пристав, я встала, и меня затошнило, закружилась голова. Живота еще не было видно, но пошел четвертый месяц беременности, и токсикоз не ослабевал.

— Дамы и господа присяжные, — начал обвинитель, — вскоре вы познакомитесь с фактами, убедительно доказывающими, что этот молодой человек, Дэвид Карлайл, изнасиловал женщину, которую, по его словам, любил.

Он сделал театральный жест в сторону скамьи подсудимых. Я опустила голову.

Мы были на свадьбе. Дурачились, играли. Мы веселились, забавлялись, мы были счастливы. Я думала, мне удастся сбежать от привычной жизни и начать новую, о которой я так страстно мечтала. И вот впереди маячит будущее, столь далекое от моих ожиданий, что я уже и не верю, что я — это я. Скоро я стану матерью.

Джеральд Киршнер, мой адвокат, — что в длину, что в толщину, с сальными патлами, крест-накрест прикрывающими череп, в бежевом костюме — прохаживался перед присяжными, излагая мою печальную повесть. То и дело он взмахивал рукой в мою сторону, дабы присяжные понагляднее представили ту ужасную ночь. Чтобы выплатить ему гонорар, мои родители продали большую часть земли в Нортмире.

— Двадцать четвертого июня жизнь этой молодой женщины навсегда изменилась. Мэри Маршалл, умная девушка, перед которой лежало большое будущее, подверглась жестокому нападению и изнасилованию.

Киршнер помолчал, ожидая отклика от потрясенной публики. Ничего подобного. Выступал он плохо, и присяжные заскучали с самого начала.

— Человек, которого обвиняют в столь гнусном злодеянии, находится сегодня в зале суда, и моя задача состоит в том, чтобы доказать вам и не оставить у вас сомнений, что Дэвид Карлайл, так называемый друг жертвы, виновен в жестоком преступлении.

Он разглагольствовал, описывая события того вечера так монотонно, что даже мне показалось, будто это бездарные выдумки.

Я положила руки на слегка набухший живот, чтобы убедиться в том, что все реально и я не сочинила эту историю в попытке привлечь к себе внимание. Ребенок во мне — плод ненависти. Неужели я смогу его полюбить?

После вступительных речей на свидетельское место пригласили Джонатана. Он взошел на невысокий деревянный помост, и меня куснула боль, смешанная с раскаянием. А вдруг полицейский, приходивший в больницу, прав? А может, накачавшись наркотиками, я предлагала свое тело, словно игрушку? Джонатан подтвердит это: я флиртовала, меня явно влекло к ним обоим, когда мы плыли по озеру, я позволяла себе вольности в доме садовника, я баловалась наркотиками, раздевалась, танцевала.

Я обманывала себя. Дэвид много недель возделел меня, но, пока мы дружили, я в другом своем качестве была для него недоступна. Мы играли в интеллектуальные игры, и, возможно, я получала от них больше удовольствия, чем он. В конце концов голодный рано или поздно набросится на угощение, которое маячит перед ним. Вот тут-то я и подумала, что, быть может, никакое это было не изнасилование, а старый добрый секс.

— Мистер Фелози, — обратился к Джонатану мой адвокат, — не могли бы вы рассказать нам, где встретились с Мэри Маршалл? — Он откашлялся и вытащил из кармана пиджака желтый носовой платок.

— На свадьбе, — нервно ответил Джонатан. Это был совсем не тот самоуверенный красавец, с которым я познакомилась летом.

— Говорите громче, мистер Фелози, чтобы присяжные вас слышали. И называйте полные имена, чтобы не возникло путаницы, — утомленно заметил судья.

— Я познакомился с Мэри Маршалл на свадьбе Амелии Босли-Грин.

— С кем мисс Маршалл пришла в тот день? — Киршнер встал прямо перед свидетелем.

— Ее пригласил Дэвид Карлайл, — уже погромче произнес Джонатан.

До сих пор все звучало правдоподобно. Он все говорил правильно. Почему же я затаила дыхание?

— Вы помните, в каком настроении мисс Маршалл пребывала на свадьбе, мистер Фелози? Она была счастлива, печальна, общительна...

— Протестую, — выкрикнул адвокат Дэвида. — Обвинение давит на свидетеля.

— Принимается. Осторожнее, мистер Киршнер. Мы только начали. Имейте в виду.

Джеральд Киршнер кивнул и смахнул пот с верхней губы.

— Пожалуйста, просто опишите ее настроение.

— Когда я ее увидел, она вела себя очень застенчиво и сдержанно. Как будто ей хотелось поскорее уйти оттуда. Она никого не знала. Похоже, Дэвид и его друзья ошеломили и очаровали ее.

— С кем мисс Маршалл в основном общалась во время свадьбы?

Джонатан не спешил с ответом. Он посмотрел на меня через зал, точно вспоминая тот вечер, как я цеплялась за Дэвида, как познакомилась с Джонатаном и его друзьями. Милая тройца — Дэвид, Джонатан и я.

— В основном она общалась с Дэвидом Карлайлом. — Он сглотнул и осмелился бросить взгляд на Дэвида. — Мэри Маршалл не отходила от него ни на шаг.

— Не могли бы вы рассказать, что их связывало? — Киршнер тяжело дышал, словно уже безмерно утомился.

— Я давным-давно не виделся с Дэвидом, — нерешительно начал Джонатан. — Но... — он помолчал, будто сомневаясь, — но когда я уходил из домика садовника, то видел, как они целуются у озера. — Он снова помолчал и откашлялся. — А до этого Дэвид говорил мне, что он ее любит.

Мне обожгло легкие, и я повернулась к Дэvidу. Пустой взгляд, прямая спина. И бесстрастное лицо, будто речь не о нем.

— Вам не показалось странным, что Дэвид пригласил Мэри на свадьбу? Ведь там собрались представители высшего общества, а Мэри — простая официантка.

Я поежилась и опустила глаза, чтобы не встретиться ни с кем взглядом.



Итак, это был секс, сказала я себе. Самый обычный секс. Грубый, против моей воли, потому что иначе я бы была шлюхой. Отвращение к себе, то самое чувство, в котором я захлебнулась, когда Дэвид с меня слез, вновь заструилось по телу. Я научилась его подавлять, оглушать себя, хотя из-за этого и становилась бесчувственной ко всему остальному. О том, что произошло, напоминал лишь растущий во мне ребенок. Пока.

— Пожалуй, это был несколько необычный поступок, — согласился Джонатан. — В основном Дэвид общался с женщинами, принадлежащими к высшему... — он смущенно взглянул на меня, — к другому классу.

Мне уже было плевать на то, что Киршнер провалит мое дело. Мы встретились лишь однажды утром и быстро переговорили в его личном кабинете. Он все время потел и промокал лицо носовым платком.

— Справедливо ли будет сказать, что Дэвид пригласил Мэри Маршалл на свадьбу как... игрушку?

— Протестую! Давление на свидетеля.

— Принимается, — кивнул судья.

— Давайте выразимся иначе, мистер Фелози, — продолжил Киршнер. — Правда ли, что друзья Дэвида Карлайла насмеялись над мисс Маршалл из-за того, что она работает официанткой? Правда ли, что они с удовольствием унижали ее, ибо, на их взгляд, Дэвид Карлайл привел ее как объект для шуток?

— Протестую!

Адвокат защиты вскочил с места, но Дэвид уже произнес твердое «да», и слово это гроыхнуло в зале суда.

— Больше вопросов нет. — Джеральд Киршнер сел на место.

Я застыла от ужаса. Адвокат Дэвида меня распнет.

Уйти из «Лонса» оказалось совсем не сложно. Примерно так же вода просачивается между камнями. Незаметно, бесшумно. Сначала за мной неусыпно наблюдали, затем, убедившись, что я не представляю угрозы, стали навещать раз в час, с каждым днем я все глубже уходила в тень. Неприметная тень на стуле. И однажды тень

покинула свой стул, а затем и лечебницу.

Я долго шла домой, мягкие тапочки истрепались быстро. Я примирилась с этим, как и со всем, что происходило в моей жизни. Добравшись до шоссе, я нашла тропинку, ведущую к дому. Удивительно, что никто не наткнулся на шагающую сквозь темноту мрачную старуху в больничном халате. Мне не оставалось ничего, кроме как попытаться самой навести порядок.

Я все еще нема. Мой голос в миллионе вздохов от меня. Я вхожу на кухню. У меня нет чувства, что я дома. Странно, но задняя дверь широко открыта, а внутри нет ни Джулии, ни детей, ни Марри.

Я прохожу по холодным темным комнатам, надеясь увидеть знакомое лицо. Вздрагиваю, почуввав неясное движение, дуновение воздуха. Там кто-то есть. Поворачиваюсь, каменея от страха, страшась ощутить касание ткани. Точно зная, где находится выключатель, я протягиваю руку, и свет озаряет Грэдина. Он стоит в странной гротескной позе, точно герой комикса. Мы молча смотрим друг на друга, и через миг я осознаю, что руки у него в крови.

## Джулия

— Мама! — удивленно вскрикиваю я, с облегчением глядя на нее. — Что ты здесь делаешь? Флора приходила? Ты ее видела? — Шквал вопросов, подкрепленных надеждой.

Я падаю перед ней на колени, молясь о том, чтобы она заговорила.

— Скажи, мама, ты ее видела? Флора пропала!

Заплакав, я опускаю голову к заляпанным грязью ступням матери. Сил бороться с отчаянием уже нет. Мама, конечно же, не отвечает, но встает и одышливо обходит кухню, словно никогда раньше ее не видела.

— Мэри, подождите. Пожалуйста, ответьте Джулии. — Марри усаживает мою мать в кресло у камина и накрывает одеялом. — Не знаю, почему вы ушли из лечебницы, но сейчас нас волнует Флора. Она пропала. Была на моей лодке, а потом исчезла. Мы подумали, что, возможно, она вернулась сюда...

— Марри, послушай. Она не могла бы пройти в темноте и десяти шагов, не говоря уже о том, чтобы преодолеть ночью такое расстояние.

Я бесцельно расхаживаю по кухне. Царапаю стену ногтями, и старая штукатурка с краской забиваются под них.

— Нет, ее либо похитили, либо она утонула. Марри, нашей девочки больше нет.

Он обнимает меня, и я плачу, я больше не обвиняю его.

Эд приезжает в Нортмир, чтобы рассказать новости. Во дворе светятся фары полицейской машины. Я сажусь на край стула рядом с матерью и заглядываю в ее безжизненное лицо, сомневаясь в том, что *сама* когда-нибудь смогу говорить. Что ж, хороший способ заглушить боль. Марри позвонил в «Лонс», чтобы сообщить, что мама в целости и сохранности добралась домой.

— Собаки так и не взяли след. Полицейские, их проводники, считают, что пару раз они на что-то наткнулись, но на выходе из

деревни оба пса потеряли след. Если его оставила Флора, то она, несомненно, направилась в деревню.

— Она искала тебя, — шепчу я.

Еще одна унция вины — и Марри не выдержит.

— Возможно, это чужой след. Или ее посадили в машину. По тропинке прошло много людей, так что запутаться немудрено. — Эд очень напряжен. Пропала его любимица.

— Эд, какие шансы? Скажи честно. Ведь мы одна семья.

— Каждая минута на счету, милая. Но еще рано о чем-то говорить.

— Я думала, собаки-ищейки способны на чудеса. Что если дать им что-нибудь понюхать, пусть даже запах слабый, то они найдут человека и за сотню миль. Почему же они не напали на след Флоры?

— Собаки используются для разных целей. К утру привезут двух специально обученных ищеек, Джулия. — Он хмурится, а потом честно говорит: — Одна умеет искать трупы, а вторая спец по поискам в воде. Водолазы тоже скоро возьмутся за дело. Пора прочесать реку. — Тон у Эда почти извиняющийся, будто он в чем-то виноват. Будто он уже нашел безжизненное тело.

— Как же они будут искать в воде? — спрашивает Марри. Я и не заметила, что он держит меня за руку.

Эд закрывает глаза. Я вижу, что он не хочет отвечать.

— Собаку посадят на лодку. Она покажет хозяину, что учуяла запах, если под водой что-то есть, — быстро объясняет он.

— Да, но как? — спрашивает Марри.

Эд снова замолкает. Он думает, как об этом сказать.

— Тело разлагается. Запах поднимается вверх. Собака учует его и укажет точное место, чтобы водолазы могли его обыскать.

— Она не умерла, — шепчу я и смотрю на мать.

В голове стремительно прокручивается пленка. Началось все в Рождество и закончилось сегодня, кошмаром. Мама всегда знала, что делать, всегда решала проблемы, улаживала кризисы, залечивала раны. А теперь она балласт, помеха. Впервые в жизни я ее ненавижу.

У нее во рту толкутся тысячи слов, и, возможно, одно из них стало бы спасением для Флоры.

Алекс втискивается между мной и отцом. Он бледный, измученный. Я целую его в голову и тут же с тоской думаю о поцелуе, предназначенном его сестре. У Эда звонит телефон. Кто-то видел маленькую девочку.

## Мэри

Наверное, мне надо вернуться в больницу и позволить доброму доктору меня излечить. В конце концов, ведь он сотворил это со мной. Сначала забрал мою молодость, а потом разорвал швы времени, которые я накладывала тридцать лет. Наверняка ему хочется довести дело до конца.

В комнате отдыха лечебницы, между фрагментами мозаики-головоломки и пустыми кофейными чашками, лежала газета, и я знаю, что с Дэвида сняли обвинения. Он снова на свободе. Как и я. Выбралась из больницы. В той же газете сообщалось, что Грейс Коватта умерла. Там было маленькое фото: улыбающаяся жизнерадостная девочка. Когда-то я была похожа на нее — счастливая, полная надежд, влюбленная в Дэвида. *Пострадавшая девочка проиграла битву с комой*, — сообщал газетный заголовок. Врачи отключили систему жизнеобеспечения. И ничто не могло ее спасти, даже поцелуй Дэвида. Я думаю о себе. Еще одно сходство с Грейс: у меня тоже отключены разум, голос, душа — чтобы излечиться. Только я отключила их сама. И сомневаюсь, что прекрасный принц постучится в мои двери. В конце газетной статьи говорилось, что полиция больше не ищет насильника. Теперь они ищут убийцу.

На второй день в суде выступали свидетели, присутствовавшие на свадьбе. Вежливые, воспитанные господа. В основном они говорили правду. Некоторые рисовали меня девушкой, у которой не было будущего и не было надежд, но которая всеми силами стремилась проникнуть в светское общество, выставляя при этом себя напоказ — в общем, типичная шлюха. Вскоре я и сама в это поверила.

— Суд идет.

Закончился перерыв на обед, в зал вошел судья, и все с шумом встали. Наступила моя очередь давать показания. Я приблизилась к свидетельскому месту, и меня вырвало, на пол. Шестнадцать недель беременности и глубинный, въевшийся в тело страх извергли из меня водянистую желчь. Уже несколько дней я почти ничего не ела.

— Тихо!

По залу пронеслась рябь оживления, я помню удары молотка по судейскому столу и властный голос пристава, пытавшегося уговорить публику:

— Тихо!

Я стояла у возвышения, прижимая ко рту скомканные салфетки. Рядом поставили ведро — на случай, если это произойдет снова. Два адвоката приготовились тянуть меня в разные стороны. Как я ни старалась, я не могла произнести ни слова.

В доме тихо. С первыми лучами Марри и Джулия вместе с полицией возобновили поиски Флоры. Взявшись за руки, они будут смотреть с берега, как затянутые в резину водолазы погружаются в темную реку, будут задерживать дыхание, словно над ними самими смыкается вода. Им остается только молиться, чтобы водолазы ничего не нашли. Я тоже молюсь об этом.

В окно спальни я вижу, как утро освежает поля слабым морозцем, накрывает тонким слоем надежды. При ярком солнце мир выглядит лучше. По моим щекам ползут две слезы. Одна за Флору, другая за меня — мы обе заперты в молчаливых мирах, мы обе заблудились.

Я слышу шум. Кто-то стоит на лестничной площадке.

— Скажи ей, дурила, — доносится сердитый голос Бренны.

Мне кажется, я встретила их миллион жизней назад. Хотя дверь закрыта, я знаю, что Бренна подталкивает брата к моей спальне.

— Нет, Крошка, лучше ты! Она взбесится, — медленно тянет Грэдин, во рту у него словно перекачивается леденец.

— Какой же ты дурак! Теперь нас отправят в тюрьму.

Раздается плач, и я открываю дверь. Подростки подсакивают, будто оленята.

— Мэри, — почти спокойно говорит Бренна. Она быстро оглядывает мою комнату и вновь смотрит на меня. Учитывая обстоятельства, выглядит она неплохо. Джулия хорошо о них заботится. — Вам лучше? Вас выписали из больницы? Мы скучали

без вас.

Она что-то скрывает, это ясно.

Перевожу взгляд на Грэдина. Под ногтями у него бурая короста засохшей крови. Беру его за руку и веду в ванную.

— Что вы делаете, миссис Маршалл? Я не хочу в туалет!

— Заткнись, Грэдин. Делай, что велят.

Бренна стоит в дверях ванной, привалившись к косяку, жует жвачку и наблюдает за нами. Происходящее ей явно по душе. Она следит за тем, как я закатываю рукава ее брату и опускаю его руки в раковину с горячей водой. Я тру его ладони, ногти, прохожусь дегтярным мылом от кончиков пальцев до локтей. Он не протестует, зачарованно смотрит, как вода окрашивается в ржавый цвет. Я закрываю кран, ополаскиваю раковину и стягиваю с Грэдина свитер. Что бы он ни натворил, я не хочу, чтобы в моем доме остались следы.

— Мисс Маршалл, надеюсь, вам уже лучше.

Адвокат Дэвида был одет в серый костюм с искрой, лацканы лежат аж до самых плеч. На ногах у него зелено-коричневые туфли. Помню, я еще подумала, что они такого же цвета, как моя рвота. Меня раздражали его усы. Они выглядели бутафорскими.

— Возможно, для начала вы расскажете суду что-нибудь о себе? Мне бы хотелось побольше узнать о вас, ваших друзьях, стремлениях.

Джеральд Киршнер с трудом выбрался из-за стола и забормотал какие-то юридические термины, которые, сказать по правде, я не поняла. Он все говорил, но я слышала только биение своего сердца и голос адвоката Дэвида.

— Вы готовы, мисс Маршалл? — спросил судья. Судя по всему, человек он был терпеливый, но вряд ли настолько, чтобы выслушать мою печальную историю от начала и до конца. — Мне это тоже интересно. Отвечайте на вопрос.

Я посмотрела на мерзкие адвокатские туфли, затем перевела взгляд в окно, на темный ствол дерева, рядом с которым стоял дворник с метлой и ведром. Губы горели, но во рту, в том месте, где обычно рождались слова, было пусто. Точно мой запас слов стерли.



Их просто не осталось.

— Мисс Маршалл, ответить в ваших же интересах, — подал голос адвокат. — Сколько вы выпили на свадьбе, мисс Маршалл? Может, вы принимали наркотики, которые сняли психологические запреты? Вы были вызывающе одеты? Правда ли, что вы отказывались заниматься с мистером Карлайлом сексом, но продолжали с ним флиртовать? Как долго вы знакомы? Вы преследовали его, когда он начал вас избегать? Вы надеялись заняться с ним сексом в тот вечер? Вы рассчитывали получить вознаграждение за свои услуги?

Он сыпал вопросами, которые изредка прерывались тщетными протестами моего адвоката — тот, видимо, уже мысленно отказался от меня и просто ждал, когда сможет уйти домой. Я хотела того же. Вернуться домой. В мой Нортмир. Стереть все из памяти, забыть. Меня больше не заботило происшедшее. Меня не заботило, поверят мне или нет. И меня не заботило то, что во мне рос ребенок. Малыш, который затем станет Джулией.

— Последний вопрос, мисс Маршалл. Не могли бы вы рассказать суду, что произошло после изнасилования?

Я набрала в грудь воздуха и разлепила пересохшие губы. Повернулась лицом к Дэвиду, и наконец-то пришли слова. И точно масло смазало мне гортань.

— Он напал на меня.

## Марри

Может, если я найду нашу дочь целой и невредимой — скажем, увлекшейся игрой в прятки, — Джулия простит меня, полюбит заново, позовет обратно, и — о безумная мечта! — мы снова заживем одной семьей.

— Джу, нам нельзя прекращать поиски. Флора ждет, когда мы ее найдем. Я не верю, что она упала в реку. Она умеет плавать. — Я просовываю пальцы в холодный узел кулака Джулии, чтобы она взяла меня за руку. Она нехотя поддается.

Люди Эда продолжают поиски. Мы стоим на покато́м берегу. Над деревней расходится свет, надеждой отзываясь в моем сердце.

— Может, было бы легче, если бы они нашли тело?

Голос Джулии холоднее, чем рассвет. Это была самая ужасная ночь в нашей жизни. Джулия на мгновение останавливает на мне взгляд, а затем снова отворачивается к реке. Чувство вины невыносимым грузом прибывает меня к земле. Джулия смотрит прямо перед собой, стараясь не плакать, стараясь не видеть, как по берегу мечутся полицейский с собакой.

К нам поднимается Эд, останавливается рядом.

— Водолаз начал погружение.

— Значит, собаки что-то нашли?

Не хочу ничего знать, не хочу ничего слышать. В это мгновение наша жизнь может навсегда перемениться. Разбухшее от воды тело нашей дочери вытащат на сушу, и мы увидим посиневшие ручки, мокрую одежду.

Я отворачиваюсь и оглядываю местность. Деревья с кустами обмотаны желтой полицейской лентой, территория вокруг «Алькатраса» огорожена. Несколько полицейских отгоняют слетающих репортеров. В траве копошатся криминалисты, костюмами напоминающие инопланетян. Лодка почти наполовину погрузилась в воду. Вдруг раздается крик. Ищейки лают и яростно натягивают поводки. Не могу на это смотреть. Отхожу на несколько ярдов и ничком падаю на промерзлую, истоптанную траву, мороз тут

же запускает пальцы под одежду, но мне все равно, по щекам текут обжигающие слезы, ладони вжались в ледяные до хруста травинки. Под пальцами что-то твердое. Пластмассовое. Еще секунда, и я вскакиваю, держа в руках находку. Это не камень, не палка, не какая-то дрянь, оставленная человеком. Открываю рот, но не могу выдать ни звука.

— Это кукла Флоры! — тонко вскрикивает Джулия. — Дай!

Она выхватывает у меня куклу и впивается в нее взглядом.

— Алекс говорил, что она возилась с куклами. — Я осматриваю берег в поисках сына. — Алекс, иди сюда!

Он внимательно наблюдает за полицейскими, но, услышав свое имя, срывается с места.

— В какую игру Флора играла вчера вечером?

— Не знаю, — пожимает плечами Алекс. — Какая-то глупость, что-то типа дочки-матери, только Кен был дедушкой. Я сказал, что Кен слишком молодой и не похож на старика. — Сын грустно смотрит на куклу.

Вдруг снова раздается крик. Мы слышим всплеск. Вода бурлит, это водолаз поднимается на поверхность. Он трясет головой и большим пальцем показывает вниз. Я, разговаривающий с дочерью жестами, не знаю, хорошо это или плохо.

Это оказался пластиковый мешок с полуразложившимся мусором.

Над округой уже часа три летает полицейский вертолет.

Воодушевленные моей находкой, мы с Джулией и Алексом прочесываем каждый дюйм берега и поля напротив «Алькатраса». К восемнадцати минутам двенадцатого полиция не нашла в воде ничего подозрительного.

— О, Марри! — Джулия распрямляется и принимает ко мне. — Что же нам делать?

Меня переполняет отвращение к себе. Начавшись едва заметными волнами, оно становится все сильнее, выплескивается наружу, захлестывает мир. Взгляды Джулии и Алекса устремлены на

меня, в глазах надежда. На что я обрек свою семью?

Большей частью это был мудреный медицинский жаргон, но я очень внимательно все прочел от корки до корки. Придя в себя после ледяного купания, я занялся бумагами. Несмотря на массу загадочных терминов, не надо было иметь медицинский диплом, чтобы понять: в «Лонс» Мэри назначили курс психиатрического лечения. Насчет медицинских препаратов не знаю, но обследования и процедуры скорее подходили человеку, страдающему депрессией, чем прогрессирующей деменцией. Лечение назначил доктор Дэвид Карлайл, хотя он и не практикует в «Лонсе».

— Крисси, — нежно говорю я в трубку. Обычно такой голос предназначается Джулии, когда вечером мы остаемся наедине. Чувствую себя записным прелюбодеем. — Не могли бы мы с тобой увидеться?

— Но мы же недавно встречались!

— Знаю. Но не могу оставить тебя в покое...

— Ты хочешь, чтобы я объяснила, о чем говорится в истории болезни Мэри Маршалл?

— Точно.

— Ладно, в восемь. Паб «Голова быка» в конце дороги, напротив того места, где припаркована твоя посудина.

— Пришвартована, — поправляю я.

— Что?

— Машину паркуют, а лодку швартуют.

— До скорого.

Прихлебывая «Гиннесс», Крисси весьма доступно изложила мне содержание медицинского досье. Мои подозрения полностью подтвердились. Крисси наблюдала за мной, не скрывая удивления моим выбором напитка. А я раскладывал бумаги вокруг стакана с двойным виски.

— Программа лечения очень продуманная. Полгода интенсивной терапии, а также настоящий коктейль из лекарств. Сеансы терапии должен проводить профессор Джозеф. Он пользуется большим

уважением в своей области. Очень востребованный специалист, его услуги стоят недешево.

— Специалист в какой области?

Крисси не спеша делает глоток пива.

— Доктор Джозеф занимается посттравматическим стрессом. Все его пациентки — жертвы изнасилования.

Она спокойно вытирает губы, а я растерянно моргаю:

— Жертвы изнасилования?

Какое отношение это имеет к Мэри Маршалл? Как столь чудовищная вещь может быть частью жизни женщины, которую я знаю с самого детства?

## Джулия

— Алекс, будь очень-очень внимателен, не пропусти ничего, — говорит Марри.

Эд забирает куклу Флоры, опускает в пластиковый пакет.

— Если Флору кто-то похитил, на кукле могли остаться отпечатки пальцев этого человека.

Алекс страшно переживает. Со вчерашнего дня он осунулся, на лице появились морщины, которых не должно быть у одиннадцатилетнего мальчика.

— Ты прав, — говорю я, — но мы ее найдем.

Мы с Марри ползаем по влажной земле, заглядываем под каждую травинку, не обращая внимания на грязь и порезы. Эд зовет по рации криминалистов и прогоняет нас:

— Это место преступления, Джулия. Уходите.

Ну уж нет, сама я не уйду, если нужно, пусть оттаскивает силой. Мы просмотрели уже футов двадцать вокруг места, где нашли куклу, как вдруг раздается крик Марри. Он показывает на клочок оранжевой вощеной бумаги.

— Флора, — шепчу я, осторожно подползая к Марри. Позавчера мы были в магазине, и я разрешила детям выбрать что-нибудь вкусненькое. Флора, как обычно, предпочла жевательные мармеладки в пестрых фантиках. — Но Флора никогда не разбрасывает мусор.

— А может, она специально оставляла след, — возбужденно шепчет Алекс. — Однажды мы с ней играли в такую игру!

*Флора очень осторожная девочка. Она бы никогда не решилась отправиться на поиски приключений, не оставив знака, который поможет ей найти путь домой.*

— Так это подсказки! — восклицаю я.

— Алекс, что еще ты знаешь? Где вы с ней бывали? — Марри хватает сына за плечи. — И что в последнее время рисовала Флора? Она ото всех прятала рисунки.

Во взгляде Алекса сосредоточенность.

— Не знаю... Какого-то дядьку. Она не показывала, но я разок подсмотрел.

Марри оглядывается на меня:

— Она ни разу не позволила взглянуть, что рисует. Хотя, возможно, это ничего не значит.

Я киваю, не зная, что думать.

— Надо искать дальше.

Но тут кто-то тянет меня за рукав.

— Пойдем, Джулия. — Эд настойчив и тверд. Он ведет нас по тропинке, прочь от реки. — Если появятся новости, я сразу вам позвоню.

Мы стоим втроем. Марри легко сжимает мои пальцы. Вдруг он прижимает их к губам. Меня трясет.

— Кукла и фантик — это знаки. Она сама их выбросила. Ее не похитили. И скоро мы ее найдем. Джулия... — Он снова целует мои пальцы. — Мы найдем нашу дочь. — И это звучит как признание в любви.

Оставив Алекса у Надин, мы идем в полицию. Сколько бы одеял и чашек со сладким чаем мне ни давали, меня все равно знобит. Марри сидит рядом, он говорит за нас обоих, пока дневной свет тускнеет на закате. Скоро пойдет вторая ночь без Флоры.

— Я подготовил заявление для прессы. С тех пор как умерла Грейс, а Карлайла выпустили, репортеры здесь буквально поселились. — Эд опускает голову, сообразив, что я ничего не знала. — Черт. Прости, Джулия.

— Грейс... умерла? — Я вспоминаю толпу, собравшуюся у дома Дэвида, мать Грейс.

Марри обнимает меня. С минуту все молчат, и эта тишина убедительнее всяких слов. Грейс мертва. Ее убили.

— Пресса бывает и полезна, — мягко говорит Эд. — Мы выставили посты на всех дорогах и опрашиваем автомобилистов. Мои люди ходят в деревне по домам и разговаривают с местными. Могу вас обрадовать: реку вокруг лодки тщательно обыскали и

ничего не нашли.

— Вы искали только вокруг лодки? — спрашиваю я.

Как, помимо всего прочего, примириться еще со смертью Грейс...

— Мы не можем обыскать всю реку, Джулия. Пока нет. — Эд расхаживает по комнате. — Перечитайте ваши показания, пожалуйста. Проверьте, все ли правильно. Особенно ты, Марри. Ведь ты видел ее последним.

— Не совсем, — возражаю я. — С ней был Алекс. Он считает, что кукла и фантик — знаки, которые Флора оставила намеренно. Они однажды играли в такую игру. Эд, она направилась в какое-то вполне определенное место. — У меня дрожит голос. — Мы должны понять куда.

— Тогда мне срочно нужен Алекс, — требует Эд, и Марри тут же набирает номер сестры.

Вокруг глаз Алекса, обычно таких лучистых, — серые, землистые круги. Это не игра, и он это знает.

— Мама!

Я тяну его к себе на колени, словно ему пять лет. Он не вырывается, не сопротивляется, как обычно, если я начинаю слишком уж нежничать, да еще в присутствии чужих.

— Дядя Эд хочет расспросить тебя еще раз.

— Хорошо, — кивает Алекс.

— Алекс, ты сказал маме и папе, что Флора специально оставила знаки. Куда уходила Флора, когда вы играли? — Сейчас Эд нечто среднее между детективом и дядюшкой.

— Куда угодно. Иногда к морю. Иногда на луну. — Сын краснеет. — Я играл в эту глупую игру только потому, что Флора очень просила. — Алекс беспокойно ерзает у меня на коленях. — Тогда она снова захотела в нее поиграть. Но это такая скучища, и я пошел собирать дрова для костра.

— Понятно, Алекс. — Эд опускается перед нами на корточки. Теперь он любящий и любимый дядюшка. — Но во что именно



хотела поиграть Флора?

Алекс морщится. Можно подумать, он уже не раз все это рассказывал.

— Все из-за тех дурацких рисунков. Это бабушка ее попросила.

— Бабушка? Алекс, но бабушка не разговаривает. Как она могла ее о чем-то попросить? — Я попеременно смотрю на сына, на Марри, на Эда.

— И эти рисунки — не совсем игра, верно? — терпеливо спрашивает Эд. — Флора показала тебе, куда она хочет пойти?

— Ну да, — отвечает Алекс. — Она хотела поискать дедушку.

— Дедушку? — изумляется Марри. Его отец, единственный дедушка наших детей, умер еще до рождения Флоры.

— Ну да. — Алекса явно поражает наша тупость. — *Нового* дедушку. Того, которого бабушка попросила ее нарисовать. И бабушка не разговаривала с ней, — опережает Алекс следующий вопрос, — она ей показала. Ну, тогда, в больнице, ты еще очень долго разговаривала с медсестрами. Флора хвасталась, что бабушка поведала ей секрет.

— Правда? — Я точно натянутая струна, все во мне звенит от напряжения. — Алекс, очень важно, чтобы ты рассказал нам этот секрет. Тогда мы найдем Флору.

Пауза кажется нескончаемой — как время, что прошло после исчезновения Флоры. Алекс едва не плачет:

— Я не знаю. Флора не сказала мне, потому что я отказался играть в ее дурацкую игру.

Воздух со свистом вырывается из меня, я никну тряпичной куклой. Все молчат.

Эд везет нас в полицейской машине в Нортмир. Нам может помочь только моя мать, много недель не проронившая ни слова. И она заговорит, чего бы нам это ни стоило.

## Мэри

Через неделю о случившемся рассказали несколько газет и светских журналов, описав пышную свадьбу с побоями и изнасилованием. Благодаря недавно принятому закону об анонимности жертв преступлений на сексуальной почве я могла не опасаться, что в прессе всплывет мое имя. Никто никогда не узнает, кто подал в суд на Дэвида Карлайла, обвинив его в изнасиловании.

Через несколько месяцев, когда суд рассмотрел дело и вынес вердикт, моя история вновь попала на первые полосы. Фотография Дэвида, на лице которого удивление, неверие и раскаяние, появилась во всех газетах страны. В тот день его оправдали.

— Что вы чувствуете в связи с решением присяжных, мистер Карлайл? — Репортер сунул микрофон к губам Дэвида.

Я сидела одна в Нортмире и смотрела вечерние новости.

— Облегчение, — серьезно ответил Дэвид. — Я благодарен за то, что все закончилось и я могу жить дальше.

От тембра его голоса меня била дрожь — та самая дрожь ожидания, которую я ощущала, когда он входил в кафе или хватал меня за запястье и притягивал к себе. Страсть, привычный жар не исчезли. И Дэвид никуда не исчез.

— Вы верили, что вас признают невиновным по всем пунктам?

Пока у него брали интервью, я через заднюю дверь выскользнула из здания суда. Полицейский набросил мне на голову одеяло, чтобы пронырливый репортер не смог меня сфотографировать. Родители сразу увезли меня домой. Безвестность была мне гарантирована. Никто и никогда не узнает имя той, что кричала: «Насильник!» Что надрывалась: «Волк! Волк!» Меня обрекли на жизнь в молчании.

— Да, — просто ответил Дэвид. — Я верил, что присяжные признают меня невиновным.

Я смотрела, как он нервно, утрированно моргает, и вспоминала ту пытку, которой он меня подверг. Почему его выпустили? Почему я по-прежнему жертва, помеха, глупая девчонка, источник неприятностей, и только? Ведь он изнасиловал меня, а потом изрезал

ножом.

Суд опроверг обвинения в изнасиловании. Адвокат защиты убедил присяжных в том, что я искала секса, что это я была хищником, облюбовавшим жертву. Я выставляла напоказ свое тело, я вполне сознательно употребляла наркотические вещества, чтобы получить больше удовольствия. И они поверили, что я сама этого хотела.

Что касается моего истерзанного языка, изрезанных ног, то присяжные рассудили, что свидетельств, доказывающих справедливость этого обвинения, нет, особенно в свете сомнительных заявлений об изнасиловании.

— С таким же успехом можно утверждать, что раны мисс Маршалл нанес мистер Фелози, садовник или любой гость, присутствовавший на свадьбе, — заявил в заключительной речи адвокат. — Это не значит, что нападение не было жестоким, а виновник не должен получить по заслугам. Но отпечатки на охотничьем ноже, принадлежащем моему клиенту, вряд ли являются основанием для подобных обвинений.

— А наркотики, мистер Карлайл? Вы студент медицинского факультета. Как вы считаете, способен ли метаквалон обострить сексуальное удовольствие? — Микрофон втыкается в лицо Дэвида.

— Без комментариев.

— Присяжные решили, что секс был добровольным. Правда ли, что девушка забеременела? Вы будете поддерживать мать и ребенка?

Я смотрела, как переменялось на экране лицо Дэвида, словно его жизнь на мгновение остановилась. Я видела, что для него это новость, что он не задумывался о банальных последствиях секса. Мало кто знал о ребенке. Мне было так стыдно, что я не призналась даже адвокату, хотя это помогло бы склонить присяжных в мою пользу. И понятия не имела, откуда об этом проведал репортер.

— Без... без комментариев.

И Дэвид растворился в толпе.

Я выключила телевизор, стирая Дэвида Карлайла из памяти. Тридцать лет я жила без него.

Я не сразу села в автобус. Долго стояла на остановке — неподвижная и холодная, как металлическая опора, — и тупо смотрела на дорогу. Перед глазами цветными пятнами пролетали машины. Подошел автобус. Пассажиры обходили меня, поднимались в салон, усаживались, а я все стояла и смотрела перед собой. Нарывающий палец ныл все нестерпимей. Я изо всех сил сжала подушечку пальца, и полушарие нарыва сбоку от ногтя взорвалось желтым гноем.

Я развернулась и направилась обратно к больнице, на парковку, где укрылась за густыми кустами.

Да, я заражена, конечно, но гноем полон не только мой палец. Я должна снова увидеть Дэвида. Мне нужна информация. Я должна знать, что его жизнь не задалась, что он страдал от того, что со мной сделал. Я не смогу жить, если после работы он направится к счастливой семье, к жене и детишкам. Несмотря на внешнюю нормальность, я так и не исцелилась. Не помогли ни минувшие десятилетия, ни Джулия, ни приемные дети, ни внуки. Я так и не смирилась со случившимся. С тем, что он остался безнаказанным. Дэвид вышел на свободу, а я навечно заперта в тюрьме.

Два с половиной часа спустя Дэвид Карлайл покинул здание, накинув на костюм зеленую непромокаемую куртку. К уху он прижимал мобильный телефон. От страха и любопытства сердце у меня забилось быстрее. Он бурно жестикулировал, и даже с такого расстояния я видела, что он злится, недоумевает, успокаивается, — радуга эмоций на лице, которое я помнила таким, каким оно было тридцать лет назад.

Закончив разговор, Дэвид открыл машину, положил в багажник саквояж и снова закрыл. И пешком направился к центру города. Я последовала за ним, держась в отдалении, чтобы он не слышал моих шагов, но достаточно близко, чтобы уловить его запах. Во мне все горело от жажды мести.

Дэвид вошел в кафе — небольшую кондитерскую с клетчатыми занавесками на окнах и вьевшимся в кирпичные стены ароматом свежих булочек. Я осталась на улице. Несколько раз я проходила мимо окна. Он сидел в одиночестве, пил чай, посматривал на часы. И вдруг я снова оказалась в кафе «Делисио», как будто никогда и не покидала его. Как будто вот сейчас подойду к его столику, чтобы принять у него заказ.

Я бы смотрела, как он склоняется над книгой, заказывает яйца и кофе, шутит со мной, берет за руку, пока я вытираю стол, нашептывает на ухо милые глупости.

— Мэри, — говорил он, — я изучаю, как люди заболевают от любви. Не могла бы ты порекомендовать лекарство?

Я любовалась им, выставив перед собой полотенце, словно барьер, снова и снова вытирая руки, пока он терзал меня глазами и улыбкой, обнажающей кривоватый зуб, а потом разворачивалась, чтобы уйти, и позволяла счастьем растечься по моему лицу.

Неожиданно я натыкаюсь на совсем еще юную девушку. Похоже, она очень спешит.

— Простите, — говорю я.

Даже не заметив меня, она почти бежит к дверям кафе. Грациозным жестом откидывает назад волосы, и они рассыпаются по плечам, по спине — как когда-то рассыпались и мои. Она красива и будто озарена надеждой. Я наблюдаю через стекло, как она скользит между столиками и напрямик направляется к Дэвиду, вся так и лучась радостью. Садится рядом. Целует в сжатые губы. Дэвид равнодушно смотрит перед собой. Вот так же он игнорировал меня, рассчитывая, что я начну выведывать причину его дурного настроения.

Тогда я впервые увидела их вместе. И подумала, что девочка — его дочь. Вот только страсть в ее глазах быстро убедила меня в том, что ради любви к нему она готова на все, что ни одна девочка на свете не может так смотреть на отца. В поведении Дэвида угадывалась настороженность, он словно боялся, что за ними следят. Но за ним и вправду следили.

Мать искренне радовалась. Наконец-то в доме появится ребенок! Моя жизнь мало походила на то, что планировали родители: дочь выйдет замуж за местного парня, станет женой фермера, вырастит дюжину счастливых ребятишек и призовое стадо молочных коз, засеет пшеницей многие акры нашей земли. Я же предложила им совсем иную версию: изнасилование и беременность, судьба матери-одиночки. Казалось бы, вряд ли такая альтернатива могла их обрадовать. Но нет.

— Ерунда! — Мама говорила так о чем угодно, начиная с разбитой чашки и заканчивая моей разбитой жизнью. — Снова заживешь с нами.

Так я и поступила. Моя жизнь в Кембридже, эта неудавшаяся экспедиция в мир интеллекта, попытка вырваться из глуши превратились в протухшее воспоминание, загнанное в дальний чулан памяти. О прошлом никто не вспоминал, а закон об анонимности оказался вполне надежной защитой от огласки. Мое имя не появилось ни в одной газете. Да и мама расстаралась в своем стремлении скрыть правду от окружающих. Она постоянно придумывала истории о том, что со мной приключилось. И каждый раз выдавала новый вариант, не имевший никакого отношения к истине.

— Бедный муж Мэри угодил в аварию. А виновник скрылся с места происшествия. Его так и не нашли.

Подобные рассказы так шокировали любопытных, что они быстро затыкались со своими расспросами.

— Отца малышки убили в бою.

И никто не спрашивал, в каком таком бою, никто не желал признаваться, что он не в курсе о бушующей где-то войне.

— У Мэри агорафобия, вы не знали?

Разумеется, никто о моих фобиях и ведать не ведал.

— Он бросил ее ради другой женщины. Вместе с ребеночком.

И мой отсутствующий муж превращался в мерзкого подлеца.

— Она ухаживает за младенцем и больным мужем, бедняга сейчас в хосписе.

Эта история была придумана для владельца местной лавки и за несколько часов с потрясающими воображение подробностями распространилась по округе.

Но благодаря викарию и подругам, которыми мама окружила себя, точно стальным барьером, моя печальная судьба обросла более реалистичными деталями.

— Мэри влюбилась в мужчину, а он ее предал.

Какие уж тут расспросы. И мое поведение уже не выглядело странным, и я могла сколько угодно оплакивать свою незавидную

долю, и наши соседки искренне сочувствовали мне и поддерживали, особенно мать двоих детей, которых звали Марри и Надин. Если бы не она, я бы вряд ли сумела родить.

— Дыши, как мы тренировались, — приказывала Шона.

Над стерильной марлевой маской блестели глаза. Шона примчалась в Нортмир, как только мама сообщила ей по телефону, что вот оно, началось.

Стянув маску, Шона показала, как следует дышать, тщательно соразмеряя каждый вдох со схваткой. Много часов подряд она обтирала мое лицо розовой водой и безропотно терпела, когда я впивалась ногтями в ее руку. Она не обижалась на оскорбления, не реагировала на ненавидящие вопли.

— Девочка! — объявила Шона, когда спустя почти сутки последняя схватка изрыгнула дочь на руки повитухи.

Младенца положили на мой опавший живот, но я была не в силах посмотреть на него. Смогу ли я когда-нибудь обнимать, целовать, любить ребенка, неразрывно связанного с той дикой ночью, ставшего распиской о разрыве моих отношений с Дэвидом?

Но это была девочка, невинная девочка. И она не будет похожа на отца, решила я. Если бы родился сын, я бы вряд ли смогла его принять. Минуты перетекали в часы, и родовые муки, точнее, муки последних девяти месяцев стихали с каждым криком моей несчастной девочки. Наконец я набралась смелости, села и заглянула в кроватку. Шона возилась поблизости, не желая уходить, пока материнский инстинкт не даст о себе знать.

— Ну же! Она красавица, — подбодрила Шона.

К тому времени она уже помыла меня, напоила чаем, перепеленала ребенка, поведала мне о каждой крошечной черточке, о каждом пальчике, о каждом волоске моей дочери. Жадный ротик девочки искал мою грудь. Я лежала, закрыв глаза, пока любопытство и инстинкт не победили гнев и горечь.

— Да, она *красавица*, — прошептала я.

Кожа моей дочери была такой бело-розовой, такой сияющей. Пальчики так упорно исследовали мягкую пеленку, в которую ее завернули, а ножки так бойко пинали одеяльце, что я не устояла.

— И правда, самый прекрасный ребенок в мире!

Услышав мой голос, дочь на миг замерла и тут же забарахталась с удвоенной энергией. И мига того хватило, чтобы мы стали единым целым. Мать и дочь, связанные навечно.

— Я назову ее Джулия, — сказала я и осторожно извлекла малютку из кровати. — Ш-ш-ш, радость моя, тише, тише...

А потом, когда мы остались одни, я рассказала ей, кто ее отец, и пообещала, что он никогда не причинит ей вреда.

Джулия, Марри и Алекс врываются в кухню. Измученные, обессиленные, разочарованные и отчаявшиеся. Я вне себя от тревоги, но помочь ничем не могу. Что думает обо мне Джулия, глядя на то, как я сижу в бездействии?

— Мама, как ты? — с придыханием спрашивает Джулия. Я сразу понимаю, что она совсем обо мне позабыла. У меня сердце кровью обливается за нее.

Следом за ними появляется Эд. Теперь в кухне целая толпа. Бренна с Грэдином тоже спустились поглазеть, кто пришел.

— Мама, Эд хочет кое о чем тебя расспросить. И я тоже. Мы все, — нервно говорит Джулия.

Я опускаю веки и пытаюсь представить, что бы со мной случилось, если бы я потеряла ее в детстве. Никто не замечает, что руки у меня в пупырышках озноба. Если бы я потеряла дочь, все мои страдания были бы напрасны. Ее существование — плата за них.

— Миссис Маршалл, речь идет о вашей внучке. Я знаю, что вы нездоровы, но мы были бы очень благодарны вам за помощь.

Эд всегда держался со мной церемонно. Встречались мы несколько раз в году — на Пасху, дни рождения. Он берет стул.

— Как вы знаете, Флору до сих пор не нашли.

И в этот напряженный миг, когда все затаив дыхание ждут моих откровений, тишину в клочья разрывает крик Грэдина.

— *Нееееет! Нет! Нет!* — снова и снова вопит он, вдребезги разбивая уют и покой многих поколений, оставивших след в этой кухне.



Ураганом, о котором умолчали метеосводки, Грэдин проносится через помещение, опрокидывая все, что попадает на пути, он крушит, ломает, отшвыривает, нанося удары налево и направо. Минута — и руки его уже кровоточат, а лицо исцарапано. Деревянный стул вонзается в оконное стекло над раковиной, следом летит посуда со стола.

Марри и Эду потребовалось несколько минут, чтобы схватить и умирить мальчика. Перепуганный Алекс прижимается ко мне.

— Господи, господи, господи... — стонет Джулия.

Под ногами хрустят осколки. Грэдин умудрился опрокинуть посудный шкаф, и кухня усеяна битым стеклом, обломками фаянса.

— Я больше не выдержу, нет, нет, нет...

Моя дочь опускается на пол и плачет жалобно, как в тот самый первый миг своего появления на свет.

Эд и Марри все утихомиривают Грэдина, а я припоминаю, как они с Бренной прибыли в Нортмир. Я тогда обвинила их в краже тридцати фунтов, и Грэдин в ярости от подобной несправедливости перевернул стол. Так что же стало причиной для взрыва куда как более мощного?

— Значит, так, молодой человек. Я вас арестовываю, — свирепеет Эд, получив очередной удар. Под левым глазом у него алеет ссадина. — За нанесение ущерба и нападение на полицейского. Вы имеете право хранить молчание, однако это может быть истолковано против вас, если вы умолчите о фактах, на которые затем решите сослаться в суде. Все, что вы сейчас скажете, будет истолковано как свидетельство.

— Крошка! — Грэдина трясет. Он уже утомился, и глаза у него печальные и поразительно спокойные. — Помоги мне, Крошка. Не разрешай им засадить меня в тюрьму.

Эд защелкивает наручники на заведенных за спину руках Грэдина.

— А кто ж виноват, придурок? Зачем ты это сделал?

Бренна, по своему обыкновению, стоит привалившись к дверному косяку. Она пытается отстраниться от брата, от его вспышек ярости, от их общего прошлого, от себя. Бренна не в силах

ему помочь, но не хуже меня понимает, что дела его плохи. В этот свирепый приступ Грэдина ввергло возбуждение, у него есть тайна, которую он так пытается сохранить. Это чувство вины разгромило мою кухню. Не Грэдин.

Эд поднимает стул и толкает на него подростка:

— Сиди здесь и не рыпайся.

Грэдин так напуган, что едва может дышать, не то что рыпаться. Марри держит оборону у задней двери, но лучше бы он помог Джулии, которая так и сидит на полу, окруженная морем осколков.

Эд снова наклоняется ко мне:

— Мэри... Мэри...

Я мысленно произношу: *«Все не так...»*

## Марри

Я поднимаю ее туфлю. Потом браслет, кардиган, обруч для волос, коробку с бумажными платками. И наконец саму Джулию.

— Мамочка, что с тобой?

Алекс всегда называл ее только «мама». Он гладит ее руки, плечи. Джулия вздрагивает.

— Мама расстроилась из-за Флоры, — объясняю я и проглатываю комок страха, стоявший в горле после того, как Эд вместе с Грэдином покинули Нортмир. — От этой неразберихи ей стало еще хуже.

— Я сейчас подмету здесь, — предлагает Алекс.

Я ободряюще улыбаюсь ему, затем надеваю пальто и говорю сыну, что он остается за старшего, — я верю в магию еще одного шанса.

— Присмотри за мамой. Проследи, чтобы им с бабушкой было тепло, дай им выпить чего-нибудь горячего. Поищи целые чашки. И не открывай дверь никому, кроме меня и дяди Эда. От телефона далеко не отходи. А я найду твою сестру. — Потрепав Алекса по плечу, решаюсь поцеловать его в макушку.

— Давай, папа! Найди Флору! — кричит он мне вслед.

Через секунду я снова в кухне — забыл ключи от машины. Подмигиваю Алексу и посылаю воздушный поцелуй Джулии. Она отвечает мне тем же, и это самое большое потрясение в моей жизни.

Эд один у себя в кабинете. Он курит, подавшись к монитору компьютера. Я вхожу, и он оглядывается на дверь:

— Что, дежурный опять заснул?

— Нет, на посту, как и полагается. — Я сажусь напротив, вторгаясь в задымленную зону разочарования и отчаяния. — Вид у тебя не лучше, чем у меня.

— На поиски Флоры брошены все люди. Руководит один из наших лучших сыскарей. Я попросил, чтобы к расследованию

присоединились специалисты по киднеппингу. Они приедут утром. И завтра же я собираюсь еще раз обследовать реку, Марри.

— Она жива, Эд.

— Прошло два дня, и если произошел несчастный случай и она упала в воду, то... — он смотрит в сторону, — то завтра тело всплывет. Прости, Марри.

Мне нечего ему прощать. Пока. Пока! Я вскакиваю и впечатываю кулак в стол.

— Она жива. — Голос у меня тугой, как стянутая на горле петля. — И ты должен ее найти.

И тут компьютер Эда вдруг прекращает надсадно жужжать и выплевывает список имен. В самом верху — доктор Дэвид Карлайл.

Я достаю из кармана пиджака маленькую металлическую флягу, но она пуста. Швыряю ее на стол, и, проехавшись по гладкому пластику, фляжка летит на пол.

— Если хочешь, в шкафу есть виски. — Похоже, Эд и сам бы с удовольствием выпил.

— Нет. Не нужно.

Тело кричит о желании выпить. Алкоголь помог бы мне сосредоточиться, и на пару с Эдом, который не возражает против моего присутствия, мы собрали бы картину по кусочкам.

Если появятся новости о Флоре, мы узнаем о них первыми.

— Что ты искал в базе?

Эд играет мышкой, и черно-белая колода из восьмидесяти четырех лиц скользит по монитору то вверх, то вниз.

— Местных преступников, уже отсидевших, просто подозреваемых — в общем, всех, кто на свободе и живет в радиусе десяти миль от Нортмира.

— Но откуда в базе Карлайл? Он ведь поселился здесь совсем недавно.

— А вот и нет. — Эд наливает нам по порции виски. — В принципе, рабочий день закончился, так что можно. Я ведь не должен

говорить с тобой о Карлайле.

Я отталкиваю стакан с виски:

— Нет, не надо.

Поворачиваю стул, чтобы лучше видеть экран компьютера. Не буду пить. Сейчас и без выпивки моя жизнь напоминает ад.

Инстинктивно Эд пытается закрыть экран, но тут же разворачивает его ко мне.

— Мне не следует тебе этого говорить, но Карлайла обвиняли в изнасиловании еще в семидесятых. — На мониторе появляются изображения доктора в профиль и анфас. — Прости, что не сообщил об этом тебе и Джулии. — Эд вливает в себя виски и морщится. — Господи, я не имею права, но в таких обстоятельствах... — Он закрывает ладонями лицо.

Я поражен. Смотрю то на Карлайла, то на бокал с виски. Оба мне отвратительны.

— Что он сделал в тот раз? — Я встаю. Снова сажусь. — Изнасиловал кого-то? Почему я не знал об этом? Я же его адвокат, черт побери! — Похоже, не очень хороший адвокат.

— Это было в семьдесят шестом году. Ему предъявили два обвинения. Истица заявила, что ее изнасиловали, но Карлайл настаивал, что все произошло по согласию, и присяжные его поддержали. Кроме того, его обвинили в нанесении тяжких телесных повреждений, но об этом сохранились обрывочные сведения. Я так и не раскопал, о каких повреждениях шла речь. Как бы то ни было, свидетельств, подкрепляющих обвинение, не нашлось. — Эд одним глотком осушает стакан. — Не вини себя, Марри. Зачем Карлайлу рассказывать о том, что он побывал под судом, если он не обязан этого делать, тем более что его оправдали? Не думай, что мы не навестили его после того, как пропала Флора. Он значился первым в моем списке. Мы его не нашли, — предвосхищает Эд мой вопрос.

Я хочу сказать, что Карлайл был с Джулией утром того дня, когда пропала Флора. И еще я хочу схватить Эда за шкуру и как следует встряхнуть. Почему он не рассказал нам о том давнем деле? Но я лишь выдавливаю:

— И кого же он изнасиловал?

— Не знаю. Сначала надо получить разрешение судьи, а на это уйдет много времени. В семидесятых приняли закон, защищающий анонимность женщин, заявивших об изнасиловании. Но этой женщине суд не помог. И в любом случае, вряд ли это имеет отношение к исчезновению Флоры.

— Да, вряд ли, — соглашаюсь я, обдумывая невероятную новость.

— Послушай, Марри, я арестовал Карлайла, потому что в деле Коватты имелись важные улики. Служба уголовного надзора не приняла их, когда оказалось, что ДНК, мой главный козырь на суде, не совпадает с ДНК Карлайла. Образцы принадлежат другому человеку. Не Карлайлу. И служба наотрез отказалась принять во внимание давние обвинения. Ведь его *оправдали*. Поверь, я добьюсь правосудия ради Грейс и ее родных, но сначала найду племянницу. Если честно, я не думаю, что Карлайл с ней что-то сделает. На что ему восьмилетняя девочка?

— Ты не прав, Эд. Мы не разглядели общий знаменатель.

— Мы? С каких пор на юридическом факультете раздают полицейские значки?

Я делаю вид, что ничего не слышал.

— Джулия. Моя жена, твоя родственница. Она связывает дело Грейс и исчезновение Флоры. Подумай сам.

— Марри. Карлайл оказался первым в списке только потому, что его последним арестовали в нашем районе. Это не связано с пропажей Флоры.

— Эд, *подумай*, черт возьми! — Я не собирался кричать. — На Грейс Коватту напали. Кто ее нашел? Джулия. В какую школу ходила девочка? В ту, где преподает Джулия. Господи, да она же вела у нее английский! Ты понимаешь? — Я делаю паузу, подавляя желание схватить стакан с виски. — Карлайла арестовали за нападение на Грейс. И с кем он встречается? С Джулией. Тем временем Мэри Маршалл — мать Джулии — отказывается говорить, и последний человек, которого она видела перед тем, как онеметь, не считая приемных детей, это Дэвид Карлайл. Пропала маленькая девочка — и кто ее мать? *Джу-ли-я Мар-шалл!*

Уж не знаю, как выразиться яснее. Эд молчит. Смотрит на

монитор, где открыт файл с делом Карлайла.

— Не находишь, что история повторяется? — спрашиваю я. — И Карлайл снова выпорхнул на волю, свободный как птица?

Мне не хватает воздуха. Я чувствую, что тону, я умею плавать, но спутан по рукам и ногам. Перед глазами проплывает лицо Флоры, умоляющей спасти ее.

— Предлагаю найти толкового судью, который оперативно выдаст разрешение поднять то старое дело, — продолжаю я. — Нужно выяснить, кого тридцать лет назад изнасиловал Карлайл.

Внезапно меня сотрясает страх — я вспоминаю, что говорила Крисси о лечении Мэри. В реальность меня возвращает телефонный звонок. Я не знаю, связан Карлайл с исчезновением моей дочери или нет, но хочу, чтобы его убрали, навсегда убрали подальше от моей семьи.

Эд кладет трубку.

— Возможно, Флору видели недалеко от Хоганс-лейн. Скоро сюда привезут женщину, чтобы она дала показания.

— Хоганс-лейн... — задумчиво повторяю я. Название мне знакомо. — Хоганс-лейн... У тебя есть карта?

Через секунду на экране компьютера появляется подробная карта нашей округи.

— Только не говори, что я сошел с ума. — Я тычу в монитор: — Хоганс-лейн. Дом Карлайла.

## Джулия

Что мне предпринять? Как можно сидеть сложа руки?

— Алекс, ты знаешь хоть что-нибудь, что могло бы найти Флору? Она не вела себя странно, когда папа ушел с катера?

Я уже тысячу раз спрашивала его об этом. Алекс на грани срыва, бледный, с темными кругами под глазами, время от времени он начинает дрожать. Он сидит напротив мамы у камина. Огонь погас несколько часов назад. Я ползаю по полу, подбирая оставшиеся осколки. Никак не могу остановиться, словно это мой вклад в поиски дочери.

*Уже сутки без Флоры.*

Чтобы хоть как-то разорвать круговорот мыслей, шарю в буфете и нахожу бутылку хереса.

— Если твоему отцу это помогает, то и мне тоже поможет.

Я свирепо смотрю на изумленного Алекса. Не найдя стакана, прикладываюсь прямо к горлышку. Прежде чем поперхнуться, успеваю сделать пару приличных глотков. Алкоголь и впрямь распутывает узел мыслей, у меня появляется план.

— Поеду к Дэвиду.

Я присаживаюсь рядом с мамой, хочу ее обнять. Клянусь, она с отворачиванием отшатывается, когда я приближаю к ней лицо.

— Не возражаешь, если мы с Алексом уйдем ненадолго?

Смотрю на женщину, которой верила последние тридцать лет, и не узнаю. Она как чужая. Я встряхиваю ее за плечи:

— Мама, ты меня понимаешь? Я хочу поговорить с Дэвидом. Ради бога, скажи хоть слово! Ты должна!

Зрачки ее блестят, мне кажется, что в их глубине мечутся тени, точно мысли, не способные вырваться на волю. Ах, если бы только она выразила их словами! Наверное, я схожу с ума, но за спиной, когда мы уходим, слышу шелест *«Прощайте»*.

Мамин «лендровер» очень дряхл. Выглядит так, будто его не заводили много-много лет, а ездили и того раньше, во времена



Второй мировой. Да, шансов у меня мало, но я полна решимости. Автомобилем мама пользовалась редко, в деревню выбиралась исключительно на автобусе.

— Ничего, если потребуется, мы и пешком пойдем.

На моей машине уехал Марри, потому что его все еще в ремонте.

Ключи торчат в замке зажигания, и я боюсь, вдруг успели заржаветь. Алекс забирается в машину вслед за мной. Помню, в детстве поездка на «лендровере» была для меня восхитительным приключением. Иногда к нам присоединялись Марри и Надин. Их мама давала нам с собой бутерброды. Мы подпрыгивали на ухабах, пели, снятая брезентовая крыша валялась у нас под ногами, а мама весело улыбалась.

Чудесным образом ключ поворачивается, и после пары попыток колымага вдруг заводится, как будто на ней ездят каждый день.

— Слава богу! — восклицаю я и выпрыгиваю из машины, чтобы открыть огромные деревянные ворота.

Тусклый зимний день рассекают два конуса света; они маяками должны приманить Флору. Мы мчимся к дому Дэвида.

В семьях постоянно что-то происходит, говорю я себе. Ничего страшного. Нам послали испытание. Худа без добра не бывает. И до последнего времени мы были счастливы.

Флора прекрасно прижилась в школе. Она легко училась, обзавелась друзьями. Алекса взяли в школьную футбольную команду, меня повысили на работе, я вела дополнительные уроки, а Марри закрепился на новом месте. Начальница его — женщина властная и, похоже, твердо вознамерилась сделать из него хорошего работника.

Вот так, оседлав волну надежды, уверенные, что все у нас расчудесно, мы и плывем через море будней, не ценя радостей, затерявшись в тумане из домашней суеты, стирки-готовки, счетов. И вдруг с размаху натыкаемся на подводный риф — пристрастие Марри к выпивке. Такое впечатление, что мой муж устал от покоя и размеренности и решил пробить в нашем судне основательную дыру. И начал каждый вечер, каждый день, а затем и каждое утро накачиваться виски.

— Марри, тебе нужна помощь. А я не знаю, как тебе помочь. — Трясаясь от злости, я опорожнила в раковину две почти полные бутылки, залив пол, себя и все вокруг. Бутылки я нашла в сарае, в ящике со старыми игрушками. — Начинай лечиться или уходи.

Тогда я впервые пригрозила разводом. Но пришлось повторить эти слова тысячу раз, прежде чем он наконец мне поверил.

За несколько лет я перепробовала все, чтобы заставить Марри бросить пить. Мы вместе ходили на собрания анонимных алкоголиков, но он отказывался обсуждать свою проблему. Я договаривалась о встречах с психологом, но он не являлся на них. Забрав детей, я уехала на неделю в Нортмир, но когда вернулась, то обнаружила, что дом буквально завален пустыми бутылками. Сколько раз я пыталась вызвать его на разговор, но все неизменно заканчивалось скандалом. И тогда я начала прятать голову в песок, а Марри все пил и пил.

— Марри, ты спас меня. Я тоже хочу спасти тебя, — умоляла я его.

Почему он пьет, я не понимала.

— Все просто, — сказал он однажды. — Мне страшно. Мне страшно от того, что однажды проснусь утром, а ничего нет. Ничего.

В глазах у него стояли слезы. Мы были на кухне. Дети сидели за столом. Марри развел руками, словно обнимая комнату, обнимая нас. Тогда я не поняла, что он имеет в виду.

— Он прав, — снова и снова повторяю я. — Он прав, он прав, он прав. — Из-за слез я почти не вижу дороги.

— Кто?

— Твой отец. Он прав, это самое ужасное на свете. От этого легко запить.

— Мама, что ты говоришь? — пугается Алекс.

— Теперь я его понимаю, прекрасно понимаю. — На мгновение торможу, вытираю слезы и снова набираю скорость. — Однажды он сказал, что боится все потерять. Что ему даже думать об этом страшно. Поэтому он хотел избавиться от напряжения. У нас все было слишком хорошо.

— Что потерять, мама? Что было слишком хорошо?

— Всё, все мы. Наша семья. Папа, Флора, ты, я. Скажи, Алекс, мы ведь не останемся одни?

## Марри

Дорога как каток, уже на Хоганс-лейн машину повело в сторону, я ударил по тормозам, автомобиль развернуло, и он остановился, перегородив дорогу. Я оставляю фары включенными, потому что на улице темно, как в яме.

— Флора!

Я жалею, что не остался в участке, чтобы выслушать показания женщины, видевшей маленькую девочку где-то здесь. Она бы указала точное место. Дорога несколько миль змеится вдоль изгибов реки.

Иду вперед, вглядываясь в ночь. Эта женщина видела девочку вчера. И вряд ли то была Флора. Но я все равно иду и иду. Когда свет фар остается далеко позади, включаю фонарик. Я то иду по дороге, то сворачиваю на обочину, возвращаюсь, описываю фонариком дуги, чтобы не пропустить ни одного квадратного дюйма. Пару раз луч выхватывает из мрака блестящие глаза, и у меня екает сердце. Я ныряю в кусты, где прячется моя дочь, но там никого. Лишь легкий шорох удирающей зверушки. Если понадобится, я весь мир обыщу с фонариком, но я найду Флору.

Впереди показывается мост через Кем. Совсем недавно я проходил под ним на «Алькатрасе». Представляю карту. Я у самой реки. Если этот мост с желтыми граффити на одной стороне, то — я останавливаюсь, чтобы сосредоточиться, — там, через два или три поля... Сердечный ритм снова учащается.

— Там, — шепчу я темноте, — там дом Дэвида Карлайла.

В ответ, испугав меня до смерти, с дерева слетает сова.

Снова иду. Вот и мост. Шарю в темноте лучом и первым делом вижу ломаные формы ярко-желтых граффити, творчество местных неформалов. Старая кирпичная кладка подтверждает, что я не ошибаюсь: это тот самый мост. Снова представляю карту, там был какой-то съезд с дороги, где я оставил автомобиль в прошлый свой визит в дом Карлайла.

Разворачиваюсь и, поскользываясь, бегу обратно к машине.

Через пять минут, оставив машину у ворот на другом берегу

реки, я направляюсь по дорожке к дому доктора. В темноте светятся две бледные полосы. Прохожу через сад, мимо замерзших цветочных клумб, приближаюсь к окну и вжимаю лицо в холодное стекло.

Через несколько секунд глаза привыкают к свету. Сначала я не верю тому, что вижу в оранжевом сиянии пламени. Но, убедившись, что это не видение, не мираж, порожденный надеждой или паранойей, нашариваю под ногами камень и пробиваю себе дорогу.

## Джулия

Из-за рева «лендровера» я не слышу, как звонит телефон. Алекс говорит мне о звонке. Я суетливо нащупываю мобильник в сумке, но телефон выскальзывает из пальцев и падает куда-то под ноги. Останавливаюсь, отпихиваю газету, что валяется под ногами, машинально отметив, что газета не очень давняя — узнаю рождественское объявление. Поднимаю телефон и перезваниваю.

— Марри, что?!

Задыхаясь от волнения, но четко и ясно муж объясняет, что нашел нашу дочь.

Флора жива.

Дом Дэвида манит издалека. До него еще полмили, но на плоской равнине видно мерцание вокруг здания. Дом со всех сторон окружен полицейскими машинами. Наконец-то! Я искренне надеюсь, что Эд тоже там и своими глазами увидит, как добр Дэвид.

— Я еду, милый, еду, — шепчу я сквозь слезы.

Алекс выдает вопрос за вопросом, на которые у меня нет ответов.

— Мам, кто нашел Флору? Ее не обидели? А доктора снова арестуют?

Приподнявшись, он смотрит на пульсирующие голубые огни.

— Нет. Он *нашел* Флору. Слава богу, она у него дома. Неужели эта развалина не может ехать быстрее?

Я со всей силой жму на газ, но мы все равно тащимся не быстрее тридцати миль в час. Наконец сворачиваем на подъездную дорогу, и я вижу свою машину, криво припаркованную у ворот, как будто Марри в спешке выпрыгнул из нее. Странно, думаю я, что он не подъехал прямо к дому.

Торможу рядом с полицейской машиной и распахиваю тяжелую дверь:

— Быстрее!

Тяну сына за руку, и вот мы уже внутри, проталкиваемся между удивленными полицейскими.

— Флора! Марри, где ты?

Я слышу его голос и бегу в сторону кухни. Пролетев мимо Эда, врываюсь в комнату и останавливаюсь. Там, на отцовских коленях, восседает Флора. Мой ангел.

Все остальное перестает существовать. Я падаю на пол, к ногам Марри, и подхватываю дочь на руки. Со всей силой прижимаю ее к себе. Просто чтобы убедиться, что она настоящая. Что это не сон.

Я целую ее лоб, и мягкие волосы падают на мое лицо. У нее такая нежная кожа. Она обхватывает мою шею руками. Я шепчу ей на ухо, что больше никуда не отпускаю. Флора не слышит этого, но я знаю, что она все понимает.

*У меня было приключение,* — показывает она.

Руки трясутся, и я не могу ответить.

*Мамочка, я тебя люблю,* — снова и снова чертит она в воздухе грязными пальцами.

Я целую каждый пальчик — у них такой сладостный вкус — и говорю, что тоже ее люблю. Несколько минут я жадно упиваюсь близостью дочери. Наконец могу начать общаться жестами.

*Мы не знали, где ты,* — объясняю я. — *Мы так испугались! Но Дэвид тебя нашел, а это главное.*

Я оглядываю ее со всех сторон, страшась обнаружить синяки и ссадины.

— Нет, Джулия... — Марри встает, но не успевает ничего сказать.

— Слава богу, все обошлось, — вмешивается Эд, скрипучим голосом разбивая нашу идиллию.

— Джулия, Флору нашел не Дэвид.

Марри забирает у меня дочь, чтобы я встала. Я его слышу, но не понимаю.

— А кто тогда? — Голос какой-то чужой. Да разве это важно, кто ее нашел... Важно, что с ней все хорошо. — Я... я думала, ее спас

Дэвид. Поэтому вы все сюда и приехали.

— Нет, Джулия. — Он закрывает глаза. — Дэвид ее *похитил*.

Я едва не падаю, и Марри подставляет руку.

Должно быть, я что-то неправильно расслышала. Но я вижу, как Флора показывает у меня перед глазами: *Мамочка, не сердись. Дэвид меня не обижал. У нас было приключение. Алекс не мог поехать с нами.*

Сознание уплывает, в глазах у меня темнеет.

— Надо побеседовать с Флорой, пока она ничего не забыла, — снова вмешивается Эд.

Это неправда! Я знаю, полиции нужно заниматься своим делом, — в конце концов, Флору долго разыскивали... Но я не могу, не в силах поверить, что Дэвид сделал что-то... ужасное.

— Джулия, Флору должен осмотреть врач.

Эд не сводит с меня настойчивого взгляда.

Флора ему как родная, и его не меньше моего пугает, что с ней могли что-то сотворить. Только не *Дэвид*, — думаю я, а может, произношу вслух, потому что слова гремят набатом в голове. Он ведь обожает моих детей. Нам было так хорошо вместе. Я его любила. Вдруг настоящее превращается в прошлое.

— Дэвид похитил Флору?

Марри считывает слова с моих губ.

— Все будет хорошо. — Он прижимает меня к себе, и в эту минуту я понимаю, что мы никогда на самом деле не разлучались.

— Нам нужно побеседовать с Флорой, — повторяет Эд.

Я снова сижу на полу, Флора устроилась между моих ног. Я больше не могу сдерживаться.

— А как же... где... — Нет, не могу об этом думать. Не могу думать о том, что случилось. — Точнее, *почему* это случилось. В голове просто не хватает места для столь огромной в своей чудовищности мысли. — Где Дэвид? — наконец удается выдать мне.

Эд отходит к двери. Возможно, чтобы не смотреть мне в глаза.



— Его арестовали. — Он взмахивает рукой в сторону коридора, и я понимаю, что Дэвид еще в доме.

*Флора, как ты?* — нерешительно показывает Алекс, словно она вернулась другим человеком, и застенчиво целует ее в макушку, но она отпихивает брата.

*Что с тобой случилось?* — спрашивает Алекс, ничуть не обидевшись.

*Ничего,* — отвечает Флора и трясет головой, ее кудряшки бьют меня по лицу.

*Ты убежала? Тебя поймал плохой человек?* — спрашивает Алекс.

Флора качает головой и отказывается отвечать.

Эд приказывает всем покинуть дом, чтобы криминалисты приступили к работе. Он устал, он хочет домой к Надин, хочет снова стать дядей, а не полицейским.

Я с трудом поднимаюсь. В доме, на дороге, в том месте, где Дэвид схватил Флору, полиция будет тщательно все обыскивать, по крупицам восстанавливать последние двадцать четыре часа, готова Флора рассказать нам о том, что произошло, или нет. Прижимая дочь к себе, я выхожу на улицу, где уже стоит карета «скорой помощи». Вторая ночь — сплошной коктейль из проблесковых маячков, полицейской формы и властных голосов.

Мы с Марри и детьми стоим на ветру, и тут в моем мире становится тихо: из дома выводят Дэвида. Я пристально смотрю на него, наши взгляды скрещиваются в суете, что нас окружает. Он в наручниках, его сопровождают двое полицейских, — история повторяется. Не знаю, что шевелит мои волосы — ветер или ужас. Меня переполняют вопросы, которые я никогда не задам. Его заталкивают в полицейскую машину и увозят в ночь. В глазах за стеклом отражаются синие всплески.

Флора так плотно сжимает меня ногами, что перехватывает дыхание. Марри обнимает Алекса. Мы вместе.

— Тебе страшно? — шепотом спрашиваю я.

— Больше нет, — отвечает он, когда всполохи полицейских мигалок гаснут в темноте.

— И мне, — соглашаюсь я.

## Мэри

Ночью мне все время снились эти двое, как они сидят в кафе. Будто и не было последних тридцати лет, будто Джулия, Алекс и Флора — всего лишь иллюзорные фрагменты, затерявшиеся во времени, а я всегда знала только Дэвида. Жизнь обратилась в сон, и мне самой нужно решить, что реальнее.

Все эти годы я пыталась его забыть. Загоняла в темные углы сознания и тридцать лет верила, что сумела вычеркнуть его из своей жизни. Я вырастила Джулию, как проклятая трудилась на ферме, потом занялась приемными детьми. У меня всегда хватало дел, я вела активную жизнь, приносила пользу, и это помогало мне не вспоминать.

Но Дэвид всегда был рядом — в тайных мыслях, в запахе моей кожи, в доме, в мечтах. После смерти родителей я избавилась от старых радиоприемника и телевизора, а не то я бы видела его в каждом актере, слышала бы его голос по радио. Он остался лишь в моей дочери, а потом во внуках.

По правде говоря, он был рядом каждую минуту этих тридцати лет.

Я резко сбросила одеяла. Откуда только силы взялись. Суставы хоть и ныли от напряжения, но подчинялись. В доме было холодно, но я стояла у открытого окна спальни и ничего не чувствовала. Безжалостный ветер стелил по полям почти горизонтальные струи дождя. На часах половина пятого. Дождь превратился в снег.

Поверх крыши сарая я смотрела в ту сторону, где находился дом Дэвида. Он далеко, и увидеть его нельзя, но расстояние не столь велико, чтобы я не чувствовала теплое дыхание на своей шее. Я знала округу как свои пять пальцев и с легкостью вычислила, где живет Дэвид, — в старом доме Грэнгеров, недалеко от реки. Брошенная ферма пришла в запустение, но потом некий предприимчивый делец отреставрировал ее и продал.

Как мне рассказать Джулии об отце, не объяснив, кто он такой? Прошло столько времени, что она возненавидит меня за молчание. В раннем детстве ей была нужна только я. Она не задавала вопросов и не судила. Вопросы посыпались, когда она пошла в школу. Буквально

с той минуты, как Джулия родилась, я решила, что она никогда не узнает ни об отце, ни о том, что он сделал со мной. Как мать может сказать дочери, что она — следствие изнасилования?

Если бы я решилась рассказать ей правду, то пришлось бы пойти до самого конца и она узнала бы, что Дэвида признали невиновным, а меня обвинили в распутстве. И раз Дэвид невиновен, то я, само собой, лгу. В общем, ничего удивительного, что я всю жизнь молчала.

Конечно, с тех пор, как Дэвид снова вышел на сцену, появился риск, что однажды он расскажет Джулии правду. Мне надо было учитывать эту возможность. После суда он узнал о моей беременности и теперь с легкостью вычислил, что Джулия — его дочь. Возраст, внешность, отсутствие братьев и сестер говорили об этом столь же явно, как свидетельство о рождении. Дэвид прекрасно знал, кто она такая. Так чего же ему надо?

— Я приехал к тебе, Мэри, — сказал он по телефону в тот день, когда я была у него на приеме. — И к Джулии.

Я положила трубку. Он звонил еще и еще. Передал через Бренну сообщение: мол, хочет мне помочь. Слишком поздно, ответила я про себя.

За тридцать лет моя молчаливая ложь вызрела, окрепла и заматерела. Но теперь в нашей жизни появился Дэвид, а значит, рано или поздно дамба прорвется и правда обрушится на Джулию и сокрушит. Я не хотела участвовать в этом. И внутри меня, в горле, набухла густая слизь. Перекрыла гортань, мешая говорить, — предохранительный клапан, который вот-вот сорвет.

Снег заметал голые поля. Я достала из чулана старую одежду — свитер, драные брюки, рабочие ботинки — и с трудом оделась. Движения по-прежнему давались с трудом, но я не собиралась отступать. Медленно спустилась по лестнице, стараясь не наступать на скрипучие ступеньки, медленно, чтобы не застонали древние петли, приоткрыла дверь. Сняла с крючка пальто и выскользнула под снежный ливень.

Во дворе из кармана пальто выпала газета. Я помню, как сунула ее туда, когда в последний раз ходила в деревенский магазин. После этого газеты складывали у ворот, пока Джулия не забрала почту. Я не хотела оставлять следов, а потому подняла газету и взяла ее с собой.

Было так холодно, что я с трудом дышала.

Десятилетия тюремного заключения, которого я вовсе не заслужила, — это он должен был страдать в тюрьме — погнали меня в амбар. По двору я шла с такой решимостью, будто меня ждала смертельная битва. Я открыла большие амбарные ворота, вспоминая, как в детстве Джулия качалась на них.

«Лендровер» заводился лишь в половине случаев.

Если заведется, это хороший знак.

В машине пахло сеном и собаками. Я бросила газету на пол, повернула ключ, который почти примерз к замку, и, побурчав несколько секунд, машина ожила. Я выехала из Нортмира, моля о том, чтобы гул мотора никого не разбудил.

Дом оказался меньше, чем я ожидала. Вообще-то для меня Дэвид по-прежнему обитал в студенческой квартирке, заставленной книгами и пахнущей сигаретным дымом и чаем с бергамотом. Дом стоял к востоку от реки, отделенной от дороги невысокой изгородью. Я заглушила мотор в сотне ярдов от ворот. Мне не хотелось, чтобы он слышал машину и догадался раньше срока. Пусть все будет по-честному. Я это заслужила. Прошло столько времени, и теперь я хочу знать *почему*.

Я выбралась из машины и неуверенно побрела сквозь злые плети дождя и снега. Приближаясь к дому Дэвида, я, как ни странно, чувствовала себя спокойно. Занавески были задернуты.

Должно быть, спит. Я постучу. Он откроет. Я спрошу его, почему он это сделал. Все прояснится.

Но что-то — сама не знаю что — меня остановило, и я начала озираться. Снежные тучи вдруг разошлись, и показался слабый намек на лунный свет. Метель, припорошив землю, утихла. Тусклый свет извлек из черноты очертания деревьев, белую стену дома и воспоминания. Внезапно входная дверь открылась и в ночи зазвучали громкие голоса. Я стояла слишком близко, чтобы раствориться, исчезнуть. Кто-то сбежал с крыльца, упал на обледеневшей дорожке. Послышался плачущий женский голос, сыпавший ругательствами. Потом вступил мужской. Голос Дэвида.

— Возьми хоть мою куртку! Я не могу отпустить тебя в такую

ночь. На улице же мороз! Позвонить твоим родителям?

В освещенном дверном проеме четко вырисовывался силуэт Дэвида. Вот он исчез и снова появился. Наклонился, помог девушке подняться.

— Послушай, давай вернемся в дом. — Он почти умолял. А ведь Дэвид никогда никого не умолял.

Я не понимала, что происходит, но даже в темноте узнала молодую девушку, с которой столкнулась у кафе.

— Ничего ты мне не сделаешь! — выкрикнула она. — Я иду домой.

Девочка оглянулась через плечо, возможно надеясь, что Дэвид погонится за ней. Она семенила в дурацкой короткой юбке, на каблуках, даже не подумав надеть куртку. Так и шла, перекинув ее через руку. Дэвид смотрел на нее, пока она не дошла до ворот, а затем, покачав головой, закрыл дверь.

Девушка вышла на дорогу, направляясь в мою сторону. Я замерла от страха. Она вот-вот меня заметит.

Ждать я не стала. Заговорила первой. Я сделала это, чтобы спасти остаток своей жизни, спасти остаток жизни Джулии. Слово вырвалось из меня помимо моей воли, разорвав пелену немоты.

— Привет. — Мой слипшийся голос заставил ее вздрогнуть.

Я закашлялась, сама перепугавшись не на шутку.

Она резко остановилась футах в двадцати от меня. Выглядела она нелепо. Ноги у нее подворачивались на дурацких каблуках, менее всего приспособленных для ледяной жижи. По лицу была размазана тушь. Девчушка походила на дешевую шлюху. На меня тридцатилетней давности. И как у меня когда-то, из глаз ее сочилась боль.

— Кто вы? — удивленно спросила она.

— Старая знакомая доктора Карлайла. — Слова жгучей лавой поднимались у меня из груди. — С тобой все в порядке? Может, тебя подвезти?

Было ясно, что девочка мечтает поскорее оказаться дома. Я могу отвезти ее, а потом вернуться к Дэвиду.

— Да, да, вы знаете, было бы здорово. А то родители меня убьют. — Она все еще нервничала, все еще опасалась незнакомки, но желание поскорее добраться до дома было сильнее страха.

— Может, сначала позвонишь им? — язык ворочался с трудом, но я говорила, чего не делала уже несколько дней.

Мои мысли лихорадочно метались взад-вперед, между прошлым и настоящим, между этой девушкой и Дэвидом, между Дэвидом и Мэри, скручивая нас в единый узел. Что он с ней сделал? Она такая растрепанная. Расстроенная. Неужели все повторяется?

— Зарядка у телефона кончилась.

Она подошла ближе, и я разглядела заплаканное лицо, опухшие глаза. Помню, как я тоже плакала — одинокая, поруганная, обессиленная, грязная.

— Ну, пойдем. Забирайся внутрь. — Я подвела ее к «лендроверу». — Как тебя зовут?

— Грейс. Не могли бы вы одолжить мне телефон?

Она скинула туфли и принялась разминать ступни, лиловые от холода. Затем натянула куртку, которую дал ей Дэвид, — самая разумная вещь из всего, что на ней было надето.

— Мобильный телефон? — мой смех больше напоминал хриплое карканье. — Нет, у меня этой штуковины никогда не было.

Развернувшись у ворот, я заметила в зеркале заднего вида на фоне светлой стены дома массивный мужской силуэт.

— Скажи-ка, — я все еще не привыкла к звуку своего голоса, — почему такая молоденькая девушка разгуливает ночью по деревне? — Как будто я говорила сама с собой, какой я была в прошлом, смотрела в зеркало далеких шестидесятых. Мне многое нужно узнать. Она мне поможет.

— Долго рассказывать, — бормочет она.

— И ты мне это говоришь? — каркаю в ответ. Мы подпрыгиваем на ухабах.

— На перекрестке поверните направо, — просит она. Голос слегка дрожит. Намек на страх.

В лунном свете ее нос кажется больше, скулы заострились. Я

смотрю на ее губы. *Он касался их.* Я бы хотела отмыть, отскрести ее, содрать его прикосновения.

— Хорошо, — шепчу я, и поворачиваю в противоположную сторону.

Следует пауза. Секунду она думает, что сказать.

— Мы что, сначала заедем в другое место? — Рука ползет к дверной ручке.

Честно говоря, я не знаю, куда мы едем. Мне бы хотелось всю жизнь ехать с Грейс — с *самой собой* — на пассажирском сиденье. Тогда бы мне ничто не угрожало и, возможно, я бы предотвратила то, что случилось. Я бы расспросила ее о Дэвиде, узнала, встречалась ли она с Джонатаном, выяснила, работает ли она по-прежнему в кафе «Делисио», а может, поступила-таки в университет. И удалось ли ей в конце концов чего-то добиться. Я бы посоветовала ей не ходить на свадьбу и повесить табличку «Закррито», когда Дэвид проходил мимо кафе. Я бы сказала ей, что боль не уходит, не ослабевает, не перестает насиловать твою жизнь. Я могла бы все это сделать.

Чем дальше мы едем, тем отчетливее становится мысль. Растворяется во мне, как через несколько часов растворится ночной сумрак. За нами едет машина. Сначала фары похожи на светлячков, но по мере приближения превращаются в яркие луны. Я представляю, что за нами гонится Дэвид. Значит, все получится.



## Марри

Флора отказывается отходить от матери.

— Идите с ней, если хотите, — предлагает медсестра.

Врач протягивает руку Флоре, но та утыкается в плечо Джулии.

— Это правда необходимо? — спрашиваю я, когда мы входим в кабинет врача.

— Если есть следы... — она беззвучно артикулирует «насилия» поверх головы Флоры, — то полиция должна об этом знать. Тогда они возбудят уголовное дело. А Флоре придется пройти курс у психолога.

Голос у врача тихий, легкий, точно паутинка. Невесомый и неслышный.

— Она глухая, — объясняю я громко. — И не слышит, о чем вы говорите.

На секунду докторша закрывает глаза.

— Мне нужно проверить, был ли влагалищный контакт. Травма. Повреждения. Мы сделаем снимки. Возьмем мазок. — Теперь она говорит громко, отрывисто. Решительно.

— Никогда, — заявляет Джулия. — Дэвид никогда бы не тронул Флору.

*Дэвид обижал тебя, Флора?* — показываю я.

Дочка лежит на белой кушетке в больничном халатике. Ей пришлось раздеться, стоя на стерильной пластиковой простыне, — на случай, если выпадут какие-нибудь улики. Одежду положили в пакеты и наклеили на них этикетки. Даже куклу у нее забрали.

*Он тебя обижал?* — показываю снова.

Флора качает головой и отвечает: *Ты сказал не уходить с лодки, но мне стало скучно. Дэвид нашел меня на улице.*

— Видишь?! — радуется Джулия. — Он ее не похищал!

Я обнимаю ее. Она не говорила, что снова хочет быть со мной, но и не утверждала обратного. Она все еще немного верит в

невиновность Дэвида.

Флора со слезами на глазах ложится на кушетку. Выходя из комнаты, я вижу, как ее ручки чертят: *Прости меня*.

Врач приступает к работе. Мне там больше не место.

Через двадцать минут педиатр приглашает меня в кабинет.

Флора сидит на коленях у Джулии. Она посасывает леденец, но усталые глаза то и дело закрываются, а голова клонится вперед.

— Мистер и миссис Фрэнч, у меня хорошие новости. (Джулия не поправляет врача по поводу фамилии. Добрый знак.) С вашей дочкой все в порядке. Единственное, от чего она страдает, — от чувства вины из-за того, что ушла с лодки без разрешения. В остальном все прекрасно. Я попрошу детского психолога поговорить с ней. Чтобы окончательно убедиться.

Мы с Джулией дружно киваем. А я уже и не помню, когда мы были в чем-то согласны.

Эд ждет нас у входа в отделение.

— Ты здесь как дядюшка Эд или как инспектор уголовной полиции?

После того как я узнал, что Флора жива и невредима, в моем голосе появились новые нотки. Нотки надежды, первый ее проблеск за долгие месяцы печали. Вдруг у меня, как от яркого света, начинают слезиться глаза.

— И то и другое, — отвечает он. — Поэтому я советую всем пойти домой. Вместе.

Эд оглядывает мою семью. Пока мы занимались Флорой, он присматривал за Алексом.

— Пап, а я ехал в полицейской машине! И дядя Эд дал мне поговорить по рации! — Я ерошу ему волосы, и Алекс возмущенно отпрыгивает. — Ну пап!

— Кстати, о машинах, — оборачиваюсь я к Джулии, — твоя и «лендровер» Мэри все еще у... — Не знаю, как сказать. Мне не хочется даже произносить его имя. — Надо бы забрать их...

— Завтра, — отвечает Джулия.

Она закутывает Флору в свое пальто. Дочь уже спит, вцепившись в мою шею.

Эд предлагает нас подбросить домой, хотя, честно говоря, я не знаю, где теперь мой дом.

Камень угодил в лакированный столик, на котором стояли лампа и ваза. Услышав звон разбитого стекла, Дэвид резко обернулся. Флора не пошевелилась. Она стояла спиной к окну. Швыряя булыжник, я боялся ее задеть, но как-то же нужно было проникнуть внутрь. Вряд ли Карлайл гостеприимно распахнет передо мной дверь. Флора что-то рассматривала — фотографии, наверное, — и только когда я, обмотав руку курткой, выбил остатки стекла, она повернулась ко мне. Я запрыгнул в окно, ударившись головой о каменный карниз.

*Отойди!* — показал я, но из-за куртки жест вышел убогим.

Дэвид вскочил. Защищаться он и не пытался. Просто смотрел на меня, словно даже был рад моему приходу.

— Ублюдок! — заорал я и, подскочив к нему, дважды заехал по лицу. Затем с силой пнул и кулаком ударил в живот.

На этом я бы не остановился, если бы не Флора. Она расплакалась, руки ее метались в путаных жестах. Я толкнул Карлайла на диван. Он так и не произнес ровным счетом ничего, даже когда я набрал номер Эда и вызвал полицию.

— Что ты наделал, урод?!

Я нависал над ним, не оставив ни единого шанса вырваться. Со странным спокойствием Карлайл взял альбом с фотографиями, который рассматривала Флора, и не спеша начал перелистывать. От увиденного внутри все сжалось. На каждой странице были небрежно наклеены снимки Джулии, Мэри, детей, даже мои. Держались они на обрывках клейкой ленты или остатках пластилина.

*Все хорошо, солнышко,* — успокоил я Флору. — *Скоро приедет дядя Эд, он нам поможет.*

От желания снова ударить Карлайла адски горели руки.

*Ты побил Дэвида. Значит, ты плохой?* — подрагивающими пальцами показала Флора. В лицо мне она даже не смотрела. — *Тебя*

*посадят в тюрьму?*

Я покачал головой, глядя, как Дэвид все листает альбом, и подумал: «Нет, хотя следовало бы». Перед глазами мелькали снимки жены и детей. Как будто Карлайл демонстрировал, чего я лишал себя долгие годы, предпочитая бутылку.

*Если честно, Флора, — показываю я, — мне кажется, что меня только что освободили.*

В доме пахнет сыростью. Холод собачий. На улице, под желтыми фонарями, и то теплее, наверное.

Я включаю отопление, котел начинает шуметь, и через пятнадцать минут — ровно столько требуется, чтобы прикосновениями, улыбками, чаем и одеялами собрать мою семью, — мы чувствуем, как по дому ползет сухое тепло.

— Что ж, — произношу я.

Джулия устроилась за кухонным столом напротив. Ей хотелось вернуться к себе домой, в Или. Вместе со мной.

Мэри мы нашли мирно спящей, дыхание мерно поднимало ее грудь. Бренна и Грэдин сидели у себя в комнате. Когда Джулия заявила, что забирает их с собой в Или, они заерепенились.

— Мы будем хорошо себя вести, честное слово! — принялась заклинять Бренна.

Брат ее угрюмо молчал, явно еще не оклемавшись после отсидки в участке. Эд все же не стал заводить дела. Но он уверен, что парень что-то скрывает.

— Мы не можем вас оставить здесь. — Джулия быстро собирала вещи подростков. Оглянулась на меня: — Как ты думаешь, с мамой ничего не случится?

Я успокаивающе покачал головой. Какая она все-таки красавица. И как странно, что мы не грыземся и не обвиняем друг друга.

— Одна ночь, только одна ночь. Больше мне не нужно. Всего одна нормальная ночь дома, как раньше. И мы вчетвером.

— Плюс еще двое, — рассмеялся я. — Ребята тоже хотят спать.

*Всего одна ночь.* Если это все, на что я могу рассчитывать, то

надо запомнить ее так, чтобы воспоминаний хватило до конца жизни.

Чашку с чаем Джулия обхватила двумя руками.

— Ох, Марри, — вздыхает она.

Ее нога под столом касается моей.

Флора уже спит. Мы устроили для нее гнездо из одеял и мягких игрушек. Уложили в него наше сокровище и поцеловали — в щеки, одновременно, как всегда делали в прошлой нашей жизни.

А потом посмотрели на Алекса. Он читал в своей кровати и помахал рукой, явно не желая телячьих нежностей.

— Кое-что не меняется, — усмехнулся я.

— А кое-что меняется, — ответила она.

Сейчас мы сидим на кухне и пьем чай.

— Я так устала, что могу проспать тысячу лет.

— Так ложись, — отвечаю я. — А я посижу и постерегу тебя.

## Джулия

Вот мы и дома. Вернулись вчера вечером. Корреспонденция на коврике в прихожей висилась приличным холмиком. Еще одно письмо пришло сегодня утром. Начинаю с него. Из конверта выскальзывают бумаги. Я быстро просматриваю официальный текст, изучаю остальные документы. Все готово к разводу. Финал близок.

Марри уже ушел. Поехал в Нортмир, чтобы убедить маму лечь в больницу. Дети еще спали, и он настоял на том, чтобы я осталась с ними.

— Надин вызвалась поехать со мной, потом вернется на твоей машине. И еще я поговорил с Эдом. — Марри нерешительно помолчал. — Ему уже предъявили обвинение в похищении.

Я бросаю документы на стол. В дверях сонная Флора трет глаза. Выглядит чудесно, слава богу, вся эта безумная карусель, похоже, не особо сказалась на ней. Появляется Алекс, прямиком устремляется к холодильнику. Быстро засовываю бумаги обратно в конверт, чтобы он их не увидел.

*Привет, милая, — показываю я Флоре. — Хорошо спала?*

Уж я-то знаю, что хорошо. Ночью шесть раз смотрела, как она там.

На несколько мгновений верится, что все такое обычное, нормальное. Мы на кухне, готовимся завтракать. Марри рыщет по дому в поисках чистой рубашки. Алекс за кухонным столом дописывает домашнее задание, а Флора играет с куклами, хотя ей пора одеваться. Ну а я глажу найденную рубашку, вместе с Алексом спрягаю французские глаголы, напоминаю Флоре, что нужно собираться в школу. Затем быстро привожу себя в порядок, одеваюсь. На улице холодно, но нам весело. Забираемся машину. Наш такой обыкновенный день начинается.

Осознание, что жизнь больше никогда не будет прежней, вызывает почти физическую боль. Марри поселится на своем катере, мама останется совсем одна в Нортмире, и никто не услышит, если к ней вдруг вернется речь. А я буду жить с детьми.

— Марри, — зову я и представляю, будто он все еще здесь. Вот

он оборачивается, во взгляде ожидание и надежда. У него свежее, не истерзанное выпивкой лицо. — А может... Может, ты... *мы* попробуем начать все заново? (Выходит не очень убедительно.) Наверное, мы должны постараться ради детей... Может, нам следует обратиться к специалисту... (Нет, это ему точно не понравится.) — Марри Фрэнч, — я хватаю его за плечи, — я тебя люблю. Я люблю тебя, люблю тебя, — твержу я, и теперь он все понимает.

— Мама, с кем это ты разговариваешь? — С хитрой улыбкой Алекс шурует ложкой в тарелке с хлопьями и молоком.

— С твоим отцом, — отвечаю я, не отпуская плеч Марри.

— Но он тебя не слышит.

— О нет, слышит, — заверяю я, целуя невидимые губы.

## Марри

Он стоит на кухонном столе в Нортмире, прислоненный к мельничке с перцем, словно его забыли опустить в почтовый ящик. Скромный белый конверт. И надпись: *Джулия*. В первое мгновение я замираю, затем, нахмуясь, беру в руки и долго верчу, проводя пальцами по незапечатанному краю.

Пожав плечами, возвращаю на место, иду к двери, останавливаюсь. Почерк Мэри.

— Мэри, — зову я.

Ответа я не жду. Просто не хочу ее напугать. Пусть встанет, оденется, наверняка она там, где мы ее оставили вчера вечером, — в постели. Сегодня мы отвезем ее в больницу. Слава богу, Джулия хоть на одну ночь отвлеклась от наших злоключений. И эту ночь она провела со мной. Медленно поднимаюсь по лестнице, вспоминая.

Дверь в спальню Мэри чуть-чуть приоткрыта. Заглядываю. Так и есть. Спит, как дитя, точно жизнь ее перемотали к началу, — кожа поразительно гладкая, лицо умиротворенное.

— Мэри, — негромко окликаю я. — Это Марри.

Прохожу в комнату, раздвигаю занавески, впуская яркий солнечный свет.

Одеяло укрывает ее до плеч, волосы разметались по подушке, руки сцеплены на животе. На столике у кровати целая батарея пузырьков.

— О господи, Мэри! Мэри, нет!

Я трясусь безжизненное тело.

Стараюсь ни к чему не прикасаться. Удастся плохо, потому что меня колотит дрожь. Вываливаюсь в коридор, преследуемый сладковатой лекарственной вонью. Задыхаясь, скатываюсь вниз. Останавливаюсь только на кухне, с трудом усмиряю дыхание.

Конверт все так же стоит на столе. Я думаю о последствиях, что ждут меня, если я прочту письмо. И что произойдет, если я этого не



сделаю. Приходится сесть, потому что ноги не держат. Открываю конверт, достаю сложенный листок, разворачиваю. И в кухне раздается четкий голос Мэри Маршалл:

Дорогая моя Джулия!

Когда ты будешь это читать, я уже не смогу ничего объяснить. Читай внимательно и непредвзято. И помни, я в своем уме и полностью контролирую себя. Как всегда. Думаю, ты слышишь мой голос, слышишь, как я говорю — отчетливо, спокойно, без усилий. Вот только рука немного дрожит да слова выходят излишне высокопарные. Что ж...

Мое решение — решение труса.

Но оно лучше, чем молчаливая ложь, с которой я жила тридцать лет. Сказать правду, Джулия, было труднее, чем молчать. Я окружила тебя молчанием, которое ничуть не лучше обмана. И я не хочу, чтобы ты все узнала от него. Но смелости сказать правду, глядя тебе в глаза, не достало. Я боюсь. Боюсь, что ты меня возненавидишь. И всю жизнь этого боялась. Страх, стыд и вина — вот мои вечные спутники...

Закончив читать, роняю письмо на пол. Слова Мэри порхают вокруг бабочками, выпущенными на волю.

Охранник тюрьмы «Уайтгейт» меня помнит. Я не договаривался о свидании, не заказывал комнату для встреч. Я приехал сюда прямо из Нортмира, оставив Мэри в кровати.

Никто, кроме меня, не знает, что она наглotalась лекарств. Нужно торопиться, а то Джулия, не дождавшись меня, сама отправится на ферму. О смерти матери она должна услышать от меня.

— Боюсь, придется подождать, — говорит охранник. — Вы ведь не предупреждали о визите, так что нужно позвонить, чтобы вам оформили разрешение.

Для адвоката выгляжу я, наверное, немного странно. Футболка, джинсы, кроссовки. Куртка вся в засохшей грязи. И тоскливая физиономия. Шейла стала бы орать, чтобы я привел себя в порядок, встряхнулся. Не стоит говорить ей, что я больше не адвокат

Карлайла. И дежурному не стоит говорить. А то меня не пропустят.

Через полчаса меня вызывают. Полицейский за стойкой заполняет бланки. В кармане куртки я нащупываю сложенное письмо Мэри. Непроговоренного больше не осталось.

Он сидит за столом прямо в центре маленькой комнаты без окон. Как обычно, охранник оставляет нас наедине.

— Тридцать минут.

Мне хочется возразить, что история Мэри займет по меньшей мере несколько нет.

— Карлайл, — говорю я. Непонятно, раскаивается ли он. Тюремная роба, равнодушное лицо. — Я больше не буду вашим адвокатом.

— Вряд ли стоило приходить, чтобы сообщить об этом.

У него и голос равнодушный.

— Я знаю, кто вы. — Внутри бушует буря, но внешне я спокоен. — Я знаю, что вы отец Джулии. Но я хочу выяснить *почему*.

Я говорю почти шепотом, но Карлайл вздрагивает, как от крика. Я облокачиваюсь на стол. Сложно сказать, что именно меня интересует: почему он похитил мою дочь или почему изнасиловал тещу?

Я до сих пор так и не узнала, почему он обидел меня, Джулия. Не понимаю, почему в ту ночь твой отец превратился в другого человека. Я всегда винила в этом себя...

Он вздыхает.

— Вы о Флоре?

Я киваю. Начнем с этого.

— Она так похожа на Джулию. Я не видел, какой Джулия была в детстве. А Флора стала для меня вторым шансом. — Карлайл кладет руки на стол. Скользкий, заготовленный ответ. — Она не умеет говорить, а я не владею языком жестов, но мы и так понимали друг друга. Я не планировал ее забирать. И конечно, не думал держать ее у

себя дольше одного-двух часов. Но разве этого хватит, чтобы восполнить упущенное? Она моя внучка. Я поступил неправильно, я знаю.

— Неправильно? — вскидываюсь я. — И результат «неправильного» поступка — ужас, который пережила моя семья.

Как сладко было бы ударить его, швырнуть в него стол, превратить его лицо в кровавое месиво. Но Флора уже призналась, что сама ушла с лодки. *Папочка, мне было скучно. Я пошла по тропинке, а потом по дороге над мостом, чтобы тебя поискать. Дэвид проезжал мимо на машине. Он остановился и подобрал меня.* Что я мог на это ответить?

— Потому что я люблю ее, — продолжает Карлайл.

Не знаю, о ком он. О Мэри, Джулии или Флоре? Три поколения женщин семьи Маршалл. Он что, всех их любит?

— Я хотел ее до боли. Между нами простиралась пропасть, и дело не только в возрасте. Она стояла на одной стороне, а я на другой. Наши судьбы разделяла целая жизнь, и это было невыносимо. Но я не хотел причинить ей вреда.

Я преклонялась перед твоим отцом и знала, что по-своему он тоже меня любил. Хочу, чтобы ты знала: в твоей крови остались следы этой любви, Джулия. Обломки обреченного романа. Какая трагическая развязка, правда?

— Мэри, — произношу я.

Он говорит о Мэри. Пытаюсь представить, какими они были — самоуверенный студент-медик и девушка, с трудом зарабатывающая себе на жизнь.

— Я знаю, что вы с ней сделали. С какой жестокостью. И потом появилась Джулия.

Карлайл каменеет. Кожа приобретает серый оттенок, но спину он держит все так же прямо. Гордец. И похоже, всегда таким был.

— Верно. Джулия — моя дочь.

— Идиот, она же в тебя влюбилась. Ты что, не понимал этого?! А может, и ты в нее? Ты больной, да? На всю голову больной!

— Хватит! — Дыхание у него участилось, на щеках напряглись желваки. Маска равнодушия спала окончательно. — Я вовсе не ожидал, что так произойдет, что у нее возникнут такие чувства ко мне. Когда она позвонила на Рождество, я понял, что ей нужен не просто врач для матери. Ей нужно сильное плечо. Человек, способный стать отцом...

Карлайл молчит. Ему достает деликатности не приплетать сюда еще и мои отношения с Джулией.

— У меня появилась возможность узнать дочь, которой меня лишили, — после затянувшейся паузы продолжает он. — Признаюсь, я переехал сюда, чтобы наладить контакт с моей... семьей. Я надеялся, что после тридцати лет Мэри впустит меня в свою жизнь. Я не ожидал, что она объявится в кабинете. Да, я планировал когда-нибудь увидеться с ней, но не таким образом. После нашей встречи я в тот же день позвонил ей, но она не стала со мной говорить. А на Рождество мне в панике позвонила Джулия, и я понял, что Мэри серьезно больна. Ее словно закоротило. Столько лет прошло, а она все еще страдала. Я решил ей помочь.

И твой отец поместил меня в «Лонс», чтобы исправить то, что натворил много лет назад. Но он придумал не лучший способ убрать после себя. С одной стороны, мне нравилось там. Как будто в мире больше ничего нет. Убежище от боли. Но мне было страшно, что он все тебе расскажет. Я искала способ остановить его, чтобы он не разрушил твою жизнь. Нашу жизнь. И я мечтала о мести.

Я сильнее прежнего уверен, что Джулия не должна этого знать. И сделаю все, что от меня зависит, чтобы она не попала в зал суда.

— Я знаю, что в физическом плане Мэри была здорова. Тебя в любом случае лишат медицинской лицензии. Это низко — запереть здорового человека в дурдоме!

— Физически, может быть, но не психически. Ей действительно требовалось лечение. И виноват, что она оказалась в таком состоянии, только я. Я ничего не планировал заранее, тем более со злым умыслом. Я пытался помочь Мэри, хотел все исправить. Но было ясно, что она не согласится лечь в психиатрическую клинику. Да и для того, чтобы уговорить Джулию, требовалось серьезное медицинское обоснование. — Карлайл на секунду прикрывает

глаза. — Прошло столько времени, что мне кажется, будто другой человек натворил... все это. Я сильно изменился.

— И теперь, похоже, семье Маршалл придется оплатить нехилый счет.

Я вижу, как оставшийся кусок нортмирской земли разрезают на части и продают, чтобы погасить долг.

— О деньгах я позаботился. Все расходы оплачивает трастовый фонд. Родители оставили мне неплохое наследство, и часть его я перевел на Джулию. Ведь так родители должны поступать со своими детьми, верно?

Интересно, сколько он выделил Джулии? Да и примет ли она эти деньги? Что-то сомневаюсь.

Он угадывает мои мысли.

— Ей не нужно беспокоиться о будущем. Люди из фонда свяжутся с ней.

Мне становится не по себе. Ведь это я должен был сделать все, чтобы Джулия не беспокоилась о будущем. Помочь Мэри и подарить Джулии спокойную жизнь. А теперь выходит, что я гожусь лишь на одну роль — человека, который приносит дурные вести. Мать умерла. Отец... а отец — это тот, в кого она влюбилась.

— Если вас действительно заботит будущее Джулии, никогда не рассказывайте, кто вы такой. Не приближайтесь к ней. Не отвечайте, если она станет искать встречи. А деньги пустите на благотворительность. Мэри бы это одобрила. Детям, у которых не было детства. Все деньги.

Карлайл не возражает. Я снова комкаю в кармане листок.

Ничто не заставит меня забыть о том, что случилось, Джулия. Никакие деньги в мире не излечат меня. Кроме того, я сама так задолжала своей дочери, что мне остается лишь объявить о банкротстве.

— А фотографии Джулии и детей? Ты следил за ними?

Во мне опять нарастает гнев, и Карлайл быстро, как будто мы в суде, отвечает:

— Иногда я наблюдал за Джулией. Одно время я работал на медицинское агентство и при первой возможности отпраивался в Кембриджшир. Я хотел убедиться, что у нее все хорошо, что она счастлива.

— Иногда? По моим прикидкам, последние тридцать лет ты что ни месяц прятался за каждым углом, у каждого фонаря и следил за моей женой.

Чувствую, как от ярости на шее набухает вена. Смотрю на часы. Если я задержусь, Джулия начнет беспокоиться.

— Что плохого в том, что я наблюдал, как растет моя дочь? Фотографии — все, что у меня есть. Когда мы с Мэри... когда Мэри забеременела... Это неправда, что я ее ненавижу. Вовсе нет. Я так сильно ее хотел, что желание уже не отличалось от боли. — Карлайл молчит, переживая прошлое. — Я был потрясен, когда она заявила на меня в полицию, а следующая новость и вовсе сразила меня. Новость о том, что она беременна. Беременна моим ребенком.

Я представляю, как бью его по лицу — хук слева, потом справа — и он валится со стула, подвывая от боли в сломанной челюсти.

— Ты лишился права быть отцом, когда изнасиловал мать Джулии.

— Мне было восемнадцать. Я был глупым мальчишкой. В тот момент я верил, что Мэри хочет, чтобы я... я... Мы выпили, приняли таблетки. Согласен, она говорила «нет», но... она всегда так говорила. Такая уж она была. Но иногда «нет» означает «да». — Он обхватывает голову руками. — Больше я ничего не знаю.

Пора бы Карлайлу раскаться. Меня его иллюзии не трогают.

Оглядываясь назад, Джулия, я виню себя за то, что произошло в тот вечер. Присяжные тоже ведь обвинили меня, верно? Твой отец изнасиловал меня, и с тех пор грязь, стыд и чувство вины навечно прикипели ко мне. Их не смоешь. Игра окончена. Я покинула свой лагерь и сделала неправильный ход. И проиграла.

И исцеления для меня не было. Я жила, словно ходила по туго натянутой веревке, каждую секунду ожидая, что кто-нибудь подставит мне подножку. Но мне удавалось удерживать равновесие — до тех пор, пока я снова не

увидела твоего отца.

— Что бы Мэри ни говорила про... секс, ран я ей не наносил, — снова заговорил Карлайл. — После... после того... когда все закончилось, я вернулся в шатер, к другим гостям. Дождь прекратился. Я пошел пешком, а не поплыл на лодке. Так было быстрее. Я думал, Мэри оденется и присоединится ко мне. Теперь я понимаю, что нельзя было оставлять ее одну. Я был пьян и не задумывался о том, сколько выпила она. А в сочетании с наркотиками... Ее восприятие случившегося так непостижимо отличается от того, что на самом деле я совершил. Но я ее не резал. Клянусь!

Это стало освобождением, Джулия. Понимаешь? Попыткой заглушить боль внутри еще большей болью. Конечно, я обманула себя и всех остальных. Из меня вытекал яд, и я хотела взвалить вину на него. Если честно, теперь есть только один выход.

После того как все закончилось, я лежала на полу и плакала. Меня тошнило. Я была одна, мне было страшно. Меня разорвали на части, и некому было сшить меня снова. Никто меня не искал, никому не было до меня дела. Дэвид вернулся на вечеринку. Никто обо мне не вспоминал.

В углу комнаты я увидела нож Дэвида, которым он пытался взломать замок. Я потянулась к ножу, и все вдруг сжалось у меня внутри. С того момента прошло несколько часов. Я повертела нож в руках. Лизнула его. Вытерла о запястье. Я ненавидела себя, потому что позволила Дэвиду сделать с собой такое. Если у меня забрали жизнь, то зачем оставлять жизнь ему? Я боялась, что никто не поверит, что меня изнасиловали. Мне хотелось избавиться от него раз и навсегда.

Я села на полу, подтянула ногу и полоснула лезвием по пятке.

Неплохо.

Я делала это снова и снова. Серебристые сверкания успокаивали. Боль от ран заглушила другую боль. Она помогла мне сосредоточиться. Я была жертвой Дэвида.

Хлынула кровь.

Да, в тот момент я была не в себе, но у меня появился план. Скажу полиции, что Дэвид на меня напал. Очищусь сама, а его обреку на страдания. Это его нож. Он изнасиловал меня. А я скажу им, что он пытался заставить меня замолчать, изрезав мой язык. Я воткнула нож в рот. Боль была адская, но очень быстро мука сменилась умиротворением.

— Да, я знаю, что с ножом ты на нее не нападал, — подтверждаю я.

Карлайл внимательно смотрит.

— Но откуда вам вообще известно про нож?

— Мне много чего известно, — уклончиво говорю я. — Но это был твой нож. Мэри сама себя изрезала.

На лице Карлайла не удивление, нет. Это шок. Он открывает рот, но ничего не говорит. Понимание медленно прокатывается по нему.

— После того, что ты с ней сделал, она возненавидела себя. Она казалась себе грязной, оскверненной, жизнь ее закончилась. Ничего удивительного. Ведь ее изнасиловали.

Если бы в этой конуре имелось окно, я бы подошел к нему, выглянул на улицу, вцепился бы в подоконник, только бы не наброситься на него.

— Я ее унизил, — шепчет он. — Я понимаю, почему она это сделала. Тогда на суде я считал, что мне место в тюрьме. Я почти надеялся, что меня посадят.

— О, твое желание еще исполнится. — Я вскакиваю, обхожу стол, едва сдерживаясь, чтобы не ударить по нему кулаком. — Во всяком случае, за похищение моей дочери. У инспектора Хэллита еще открыто дело об убийстве Грейс. И главный подозреваемый — ты. Справедливое возмездие, тебе не кажется?

— Я не убивал Грейс Коватту. — Лицо его вновь напоминает маску. — Ее смерть опечалила меня.

Надо проверить, что там делает охранник.

— Сомневаюсь...



— Я видел Мэри вместе с Грейс в ту ночь, когда на нее напали, — перебивает он ровным, безжизненным голосом.

Я ему не мешаю. Мне надо знать, что ему известно.

Теперь, Джулия, я хочу справедливости. Финала. Понимаешь? Я не позволю, чтобы Дэвиду все снова сошло с рук. Только не с этой девушкой, у нее черные разводы от туши на щеках, окоченевшие ноги, и она безнадежно предана человеку, которого совсем не знает. Грейс Коватта по своей воле села в «лендровер».

— Грейс была моей пациенткой. Проблемной пациенткой. Она постоянно ссорилась с родителями. Я диагностировал у нее депрессию. Сначала она приходила на прием раз в месяц. Я выслушивал ее, давал советы. Она мне доверяла. Но затем она забеременела, и ее визиты участились — то раз в неделю, а иногда и три. Грейс начала звонить мне домой, настойчиво требуя встречи. Я беспокоился, что это повредит моей профессиональной репутации. Коллеги стали шушукаться. Я поступил глупо. Эта девушка была мне небезразлична. Я несколько раз встретился с ней не у себя в кабинете, и она вбила в голову, что у нас роман. В тот день, когда на нее напали, Грейс звонила мне раз десять. Это ужасно нервировало. Я предложил ей обратиться к другому врачу, но у нее началась истерика, и она призналась мне в любви. Грейс угрожала, что если я не разрешу ей прийти ко мне домой, то она скажет родителям, будто ребенок — мой. Я не знал, что делать.

— Так это твой ребенок?

— Конечно, нет! — Возмущение вполне искренне. И, как ни странно, я ему верю. — В тот вечер, точнее, далеко за полночь раздался требовательный стук в дверь. Это была Грейс. Очень взбудораженная. Возбужденная. Она снова принялась угрожать, и я объяснил, что простой тест докажет, что я не являюсь отцом ребенка. На улице было очень холодно. Я предложил ей войти, хотел вызвать такси или позвонить родителям. Но у нее началась очередная истерика. Она кричала на меня, снова и снова угрожала. Потом выскочила из дома. Одета она была совсем легко. Кто ее подвез и почему в таком виде — понятия не имею. Я бросился следом, заставил ее взять хотя бы мою куртку.

Карлайл залпом вливает в себя воду из стакана, который стоит

между нами. Лицо у него мокро от пота, дыхание сбилось, как у человека, который не сидел все это время на стуле, а бежал по пересеченной местности.

— Потом я вернулся в дом. И вдруг услышал на улице голоса. Я снова вышел на крыльцо. Сразу за воротами рядом с Грейс кто-то стоял. Я двинулся по дорожке...

— Кто это был?

Я придумала какое-то дурацкое объяснение, почему не везу ее сразу домой. В ту ночь я вырвалась из своего ступора, даже немота отступила, но лишь чтобы накинуться на меня позже, спеленать меня, сковать уже навсегда. Она немного нервничала, но радовалась, что не бредет в темноте, коченея от холода. Я же размышляла, что произошло в доме Дэвида. Почему девушка так возбуждена? Воспоминания, которые, как мне казалось, я надежно замкнула внутри, посыпались наружу — свежие, как снег на полях.

И тогда я внезапно развернула машину и по собственному следу поехала назад к дому Дэвида. Девушка снова спросила, куда мы едем, но теперь я ничего не ответила. Потому что не знала. Я свернула на Грозовую дорогу, в сторону кургана, что, полагаю, надгробием припечатывает твои мысли.

На этом лугу мы всегда выгуливали собак, а деревенские мальчишки прятались на кургане, чтобы покурить, помнишь? Я остановила машину, но мотор не выключила. Я не могла допустить, чтобы машина заглохла. Я вылезла из машины и велела Грейс сделать то же самое. Она удивленно подчинилась, немного испуганная и в то же время обрадованная, что мы не вернулись к Дэvidу.

— Голос был женский. Затем затарахтел двигатель. Шумно так. Я побежал к машине, но она уже тронулась с места. Но у ворот есть фонарь, и я разглядел номер на машине. Необычный, такой легко запомнить, — то ли старый, то ли именной. Водителя я так и не увидел. Они уехали, и я...

Внезапно, стукнув в дверь, входит охранник. Карлайл осекается.

Я киваю охраннику, и он выходит.

Я велела ей идти за мной. Безумная идея. Она снова надела туфли на этих нелепых каблуках, влезла в куртку Дэвида. Девушка сказала, что мать убьет ее. У нее было такое же живое лицо, какое когда-то было и у меня, — искреннее и скрытное одновременно.

Мы шли несколько минут. Она то и дело спотыкалась. Я предложила снять туфли. И она просто выбросила их. Она шла по обледеневшей траве. Ей вдруг стало весело. Она смеялась, хоть и дрожала от холода.

Помню, я все повторяла: «Не садись в лодку. Только не садись в лодку». Она спросила, что это значит. Но меня опять одолевали все эти непроговоренные слова, и я не ответила. Для того чтобы тебя поняли, нужны не слова.

Настроение у Грейс опять изменилось. Она заявила, что хочет домой. Теперь она выглядела очень испуганной. Лунное сияние ласкало ее нежные щеки, кожа была такой чистой, такой мраморной.

«Если ты хочешь все исправить, иди за мной, — сказала я. — Я знаю, что он с тобой сделал. Я тебе помогу. Ему не удастся опять уйти от наказания».

Я видела, что она меня не понимает, и все же девушка последовала за мной. Трудно сказать, возможно, она была немного пьяна. Ее бросало то в страх, то в веселье. Сомневаюсь, что она понимала, какие тридцать лет ждут ее впереди, если я ей не помогу сейчас.

«Я все знаю про тебя и Дэвида. Знаю, что он с тобой сделал».

«Да ничего он не сделал». — И она захихикала. Такая юная, такая наивная. И этот нервный смех. Она так хотела его защитить.

— А когда несколько дней спустя Джулия показывала мне Нортмир, я увидел в амбаре ту самую машину. — Карлайл встает и начинает расхаживать по комнате. — И понял, что в ту ночь с Грейс была Мэри. Это ее «лендровер» я видел у своего дома.

Наконец мы подошли к зарослям у кургана. Чуть выше открывался провал, который местная ребятня называет амфитеатром. Ты знаешь, о чем я, — о необычной дыре на верхушке холма. Грейс шагала быстро, должно быть, босые ноги у нее совсем замерзли. Она уже опережала меня на несколько шагов. На глаза мне попала суковатая палка, уж не знаю, откуда она там взялась, больших деревьев ведь нет вокруг. Я подобрала ее и с размаху опустила Грейс на голову. Она упала как подкошенная. По белой траве разлетелись красные брызги. Тогда я приступила к делу. Грейс попыталась встать. Еще один удар — и она потеряла сознание. Я стащила с нее куртку и швырнула в темноту. Туда же отправилась остальная одежда. Я никак не могла остановиться. И все время повторяла, что это месть, месть, месть. Еще раз стукнула ее дубинкой. А потом достала нож — ты знаешь, тот, что всегда ношу в кармане, — и принялась наносить быстрые секущие удары. По ногам. А потом рассекла ей язык, неглубоко. В точности как когда-то. И ушла.

На этот раз Дэвида накажут. Его куртка валялась в нескольких ярдах. Все остальное меня не волновало. Это была моя месть. Мой шанс.

Я залезла в «лендровер» и уехала.

Дома, за амбаром, я сожгла одежду Грейс. Нож завернула в газету и спрятала под задним сиденьем. Машиной никто не пользуется.

Затем я вошла в дом, поднялась к себе, разделась, грязную одежду затолкала под кровать. Я пыталась заснуть, но сон не шел. Я лежала, разглядывая потолок. Ждала, когда закончится жизнь Дэвида, а вместе с ней и мои страдания. Я снова была нема, мое тело снова превратилось в немощую грудку костей.

Джулия, я не хотела, чтобы она умерла. Но когда я увидела Дэвида и Грейс вместе, во мне все перевернулось. Я вдруг поверила, что смогу добиться справедливости. Если я раню ее так, как ранила себя тридцать лет назад, все увидят связь с той давней историей и твоего отца навсегда посадят в тюрьму. Нельзя дважды ускользнуть от

правосудия.

Мне очень, очень жаль.

Я обдумываю его слова.

— Так почему ты сразу не заявил об этом полиции?

Карлайл качает головой:

— Неужели непонятно?

— Объясни, будь любезен.

— Я люблю Мэри. Я всегда ее любил. Если надо, я отвечу за нее. Я никогда бы не донес на нее в полицию. Она и так настрадалась.

— Любил, — спокойно замечаю я, однако он явно не понимает. — Ты любил Мэри Маршалл. Она мертва, Дэвид. Вчера вечером она наглоталась таблеток.

Невыносимо видеть, как боль оползнем стекает по его лицу. Он и вправду любил Мэри, пусть в ней и была какая-то странность, даже извращенность. Наверное, мне было бы так же больно, услышь я, что Джулии больше нет.

— Мэри... умерла?

Я киваю.

— А вместе с ней — ее секреты. Больше она никому их не расскажет. А ты надолго сядешь в тюрьму из-за того, что она сотворила.

Похоже, Мэри все-таки удалось отомстить. Ценой жизни юной девушки.

Карлайл опускается на стул, оседает, словно из него вынули позвоночник. Он молчит, и я понимаю, что тайны Мэри останутся тайнами.

Выйдя на улицу, глубоко-глубоко втягиваю морозный воздух. Быстро иду прочь от тюремных ворот, сажусь в машину и срываюсь с места. Скорее отсюда. По дороге в Или я останавливаюсь лишь раз. На мосту. Рву письмо Мэри в мелкие клочки и швыряю в Кем. Джулия никогда его не прочитает.

«Господи, Марри, — раздается в голове неодобрительный голос Мэри. — Что за бардак ты учинил со своей жизнью?» — Она грозит мне пальцем — как одному из своих воспитанников-несмышленишек.

«Самое время навести порядок», — отвечаю я, глядя, как белые обрывки медленно плывут в темной воде. Жду, пока последний исчезнет из виду, и тороплюсь. Домой.

Дверь распахивается, когда я еще иду по дорожке. Синие глаза на усталом лице кажутся огромными. Она кидается ко мне, и мы стоим на холоде, прижавшись друг к другу. Я рассказываю о Мэри. Руки Джулии обхватывают меня еще сильнее, пальцы впиваются в спину. Она молчит, лишь тихо постанывает, уткнувшись мне в грудь. Я целую ее волосы. Веду Джулию в дом. До самого вечера она не произносит ни слова.

А потом Джулия вспоминает мать. Минуту за минутой, день за днем. Как та бранила ее, когда веревочные качели оборвались и Джулия с размаху шлепнулась в грязь. Как они собирали яблоки, и Мэри стояла на верхней ступеньке стремянки, и на локте у нее висела большая корзина. Как зимой, когда за окном сгущалась холодная тьма, Мэри стояла у плиты в натопленной кухне и помешивала жаркое в огромной кастрюле. Как на нашу свадьбу она купила себе платье, а на следующий же день отнесла его в комиссионку. Как плакала на кухне, поникнув над грязными чашками, не зная, что дочь смотрит на нее в непритворенную дверь.

Джулия вспоминает и вспоминает, и воспоминания умирят боль.

## Джулия

— Так и думала, что найду тебя здесь.

Флорина ладошка в варежке хватается за мою руку. Алекс колотит по кусту палкой. Он не хотел подходить к реке, но я сказала ему, что это глупо. Марри молча смотрит на воду.

— Как же это случилось? — спрашиваю я. Мне весело.

— Она исчезла. Просто исчезла. — Марри в отчаянии хлопает себя по бедрам.

— Ну не совсем исчезла, — возражаю я. — Вон труба торчит, видишь, из воды высовывается верхушка дымохода. Да и крышу можно разглядеть. А вон и твой ботинок плывет!

Я смеюсь — впервые с тех пор, как умерла мама. Не могу удержаться. Она бы тоже посмеялась.

— «Алькатрас» утонул, — грустно произносит Марри, но я улавливаю в его голосе облегчение. — А ведь это мой дом.

*Плохой дядя утопил папину лодку?* — показывает Флора, скидывая варежки.

Все последние дни я не отпускаю дочь от себя ни на шаг.

*Нет, солнышко. Лодка сама утонула, чтобы папа снова жил с нами.*

Флора улыбается. Похоже, она довольна моим незатейливым объяснением. Если бы все было так просто.

— Это больше не твой дом, — напоминаю я Марри.

После похорон мы переехали в Нортмир. Дом в Или скоро продадут. На день рождения мамы, на Рождество, в любой день, когда мы почувствуем, что соскучились, мы навестим ее могилу. Принесем цветы, а дети что-нибудь сделают для нее в подарок.

Снова беру Флору за руку, и мы идем прочь от реки. Марри с Алексом бегут наперегонки, Флора рвется за ними, я отпускаю ее и оглядываюсь на торчащую из воды трубу. Прощай, «Алькатрас». Твой хозяин вернулся к нам.

Дома мы устроили ужин при свечах. Впервые за долгое время мы вдвоем. Разве что мамин призрак с нами. Дети у Надин. Она заявила, что им с Эдом нужно как следует набраться опыта, и наши дети теперь частенько торчат у них. Надин с Эдом собираются усыновить малыша. Заявление они уже подали, и скоро в их доме появится маленький человечек.

— Ну вот. — От блюда идет чудесный запас. — Думаешь, мама была бы довольна?

Кухню теперь не узнать. Я переставила всю мебель, а Марри установил посудомоечную машину. Мы многое хотим здесь поменять.

— Нет, — отвечает Марри, — она бы с ума сошла от злости.

Мы прислушиваемся к ее шагам. Вот она заглядывает в гостиную и ворчит, обнаружив там телевизор. Перемещается в комнату Алекса и возмущается музыкальным центром.

Да, переменам бы мама не обрадовалась. Ведь это мама. Но нам бы точно обрадовалась. В этом я не сомневаюсь. Ей было бы приятно, что в доме теперь живем мы.

— Она бы порадовалась за Бренну с Грэдином. И расстроилась бы из-за своих куриц...

Незадолго до знакомства с новой приемной семьей Грэдин нерешительно сказал, что хочет что-то рассказать мне. В последние дни парень очень изменился. Как-то резко повзрослел. Меня тревожило, что в глазах его вечно стоит какое-то странное выражение, затаенная печаль. Но после смерти мамы он вдруг успокоился, вспышек ярости как не бывало. Словно проклятие, которое тяготило его, спало, оставив о себе лишь память, печалью осевшую во взгляде.

Грэдин признался, что придушил маминих кур, одну за другой. После того как мама забросила свое хозяйство, куры так шумели, что не давали ему спать, и он не мог совладать с охватывавшей его яростью. Вскakiвал ночами и гонялся за курами по двору. Он просто хотел их уговорить, но глупые создания почему-то умирали в его руках, от чего он еще больше свирепел. Меня окатило знакомое



чувство вины. Во время всех этих ужасных событий про мамин птичник я попросту забыла, ничего удивительного, что несчастные птицы требовали еды. Я постаралась успокоить Грэдина, сказала, что теперь все в прошлом и лучше смотреть вперед, чем оглядываться назад. И что мама его обязательно простила бы. А парень-то не такой уж и пропащий, как казалось мне раньше.

Удивительно, но и Бренна присмирела, глядя на изменившегося брата. Нет, бунтарский дух из нее вовсе не выветрился, но она стала мягче. И перестала командовать Грэдином. Теперь они почти на равных.

Подростки перебрались в новую семью, но наша связь не прервалась. Мы частенько видимся. Кроме того, по выходным они теперь навещают свою несчастную мать. Я верю, что все у них сложится хорошо.

— Хорошо, — произносит Марри, наливая себе в стакан воды. Не знаю, что он имеет в виду — еду, подростков или нас? — Звонила Шейла. Есть новости.

После смерти мамы Марри заявил Шейле, что отказывается от дела Карлайла. И принялся ждать, когда она прикажет ему убираться из конторы. Но вместо этого Шейла приказала ему взять отпуск по семейным обстоятельствам. Наверняка израсходовала весь отпущенный на ее долю запас сочувствия.

— Ну?..

— Мне предложили стать партнером.

— Ого! — сдержанно говорю я. — Но?

— Никаких «но». Дик Порше уволился. Укатил с девушкой своей мечты в Сидней. И в понедельник я переберусь в кабинет с видом на город.

— Не знаю, как ты объяснил Шейле, почему отказываешься от дела, убедив при этом, что умеешь работать.

Марри смотрит на меня поверх стакана с водой. Я больше не боюсь его запоев, перепадов настроения, скандалов. Все в прошлом.

— Шейла все поняла.

Я не уточняю, что это значит. Вдруг вспоминается письмо, которое пришло, когда мы вернулись в Или. После ужина я отыскиваю его.

— Смотри, что пришло. — Достаю из конверта листок, провожу пальцем по подписи Марри. Она удостоверяет, что он получил мое заявление о разводе. И согласен.

— Ну, ты же хотела этого, — говорит он, открывая кран и начиная мыть посуду. — Вот я и подписал.

— Нет, я не хотела этого. Но мне ничего другого не оставалось. Я сделала это ради себя. Ради детей. — Смотрю на Марри и не могу удержаться от смеха. — Эй, Марри!

Он оборачивается, и я киваю на новую посудомоечную машину.

— Старые привычки неискоренимы, да? — смеется он.

— Точно.

Подхожу, закрываю кран и обнимаю Марри за шею.

Когда он все-таки возвращается к грязным тарелкам, я рву документы на развод и бросаю их в мусор.

Весна принесла в мир краски и надежду. Маленькие ростки нарциссов выпустили сияющие желтые побеги, а на ветках набухли душистые почки. Небо без облачка.

— Папа, смотри! — Алекс запускает бумажный самолетик. Это его подарок бабушке. Мы пришли навестить маму.

Кладбище расположено в полумиле от Уизерли. Оставив машину в деревне, мы неспешно двинулись дальше пешком. Дети с Мило бежали впереди. Когда показались надгробия, пес вдруг присмирел, стал жаться к моим ногам. Я взяла его на поводок. Мы недолго постояли у могилы, потом заменили цветы, дети положили принесенные бабушке рисунки, а Алекс запустил свой самолетик.

— Подождите меня здесь, — прошу я.

Марри кивает. Он знает, кого я еще хочу навестить. У могилы я опускаюсь на колени и рассказываю Грейс, что одноклассники разбили у школы небольшой сад в память о ней.

— Тебя помнят, — шепчу я, опускаю на могилу цветы и

возвращаюсь.

Марри снимает с себя шарф и обматывает мою шею:

— Ты дрожишь. Знаешь, нам всем нужно отдохнуть. Как насчет пасхальных каникул? Может, съездим куда-нибудь?

— Давай, — соглашаюсь я. — Но... суд, ты помнишь.

Дэвиду предъявлено обвинение в похищении Флоры, правда, серьезное наказание ему не грозит, поскольку никакого вреда нашей дочери он не принес. Но Эд по-прежнему уверен, что Дэвид виновен в смерти Грейс, и жаждет доказать это. Если у него получится собрать против Дэвида серьезные улики, то из тюрьмы тот выйдет очень не скоро.

— Заметила, как Алекс вытянулся за последние недели? — спрашивает Марри. — Парень быстро взрослеет.

Флора оглядывается на нас, желая что-то сказать.

*Где бабушка? И дедушка?*

Проворные пальцы словно касаются моей души.

Все повторяется. Меня как будто отбросили на двадцать пять лет назад, когда на первом занятии в детском саду я нарисовала отца, которого у меня никогда не было. Марри с Алексом уходят вперед, свистнув Мило.

— Ох, Флора, — говорю я, взяв ее за плечи.

Она улавливает свое имя в дыхании ветра и смотрит на мои губы, хоть и не умеет по ним читать. Я рассказываю ей о том дне, когда мама запретила упоминать о моем отце, о том, как я расстроилась, но научилась жить с пустотой в сердце. Я так мечтала, чтобы у меня был папа.

*Разве у меня нет дедушки?* — показывает Флора.

*Нет,* — отвечаю я.

Она выглядит растерянной.

*Я никогда не знала своего отца, то есть твоего дедушку. А папин папа давно умер.*

Я прижимаю ее к себе. Как бы мне хотелось хотя бы один-единственный день провести с отцом, показать ему детей. Он бы

гордился ими. Но мама умерла, и этого уже никогда не случится.

*Я нарисую его для бабушки, — показывает Флора, — чтобы ей не было одиноко.*

*Тогда пойдем домой, чтобы ты быстрее начала.*

Я не вытираю слезу, которая бежит у меня по щеке.

На кухне тепло. Мы стаскиваем ботинки, сваливаем пальто на стулья. Я объявляю, что скоро будет чай с пирогом. Флора уже за столом, развязывает свою рисовальную папку. Она больше не прячет рисунки. Я смотрю через ее плечо.

Кто это?

В папке не меньше дюжины листов. И на всех какие-то мужчины. Очень разные, старательно нарисованные простым карандашом.

*Мои дедушки, — с гордостью объясняет Флора. — Теперь это не секрет, потому что бабушка улетела на небо. Это она попросила их нарисовать.*

Я хмурюсь. Господи, что за странные мысли посещают маленьких девочек. И как сложно смириться с отсутствием того, кто должен у тебя быть.

Сажусь рядом с Флорой. У нее будет дедушка!

*Надо их раскрасить. Как ты думаешь, какого цвета у него волосы? Темные или седые? Давай теперь вместе нарисуем дедушку.*

Флора кивает и принимается сосредоточенно рисовать. Вместе мы создаем идеального отца, идеального дедушку. Который никогда нас не покинет.

*Папа, смотри!*

Флора любит человека, у которого одна рука в два раза длиннее другой. На нем ярко-зеленый пиджак, он курит трубку. Рядом маленькая собачка. Вокруг разливается море синей травы.

К нам подходит Марри, опирается на мои плечи.

*Симпатия, — хвалит он, и Флора улыбается.*

Алексу тоже становится интересно.

— И я хочу рисовать! — заявляет он, усаживаясь рядом с сестрой.

Через секунду Марри хватается карандаш, и вчетвером мы с увлечением малюем, препираемся из-за карандашей, сравниваем рисунки и хохочем.

Вскоре весь стол завален. С каждого листа на нас смотрит отец или дедушка. Тут и высоченные громилы, и носатые уродцы, и сгорбленные старички с тросточками. Все они наши. Все выдуманные.

— На целую жизнь хватит, — с гордостью говорю я. — Никто в нашей семье больше без отца не останется.

Марри задумчиво смотрит на меня, прижав карандаш к губам, словно хотел сказать что-то очень важное, но оно так и осталось непроговоренным.

— Что? — спрашиваю я.

— Ничего, — отвечает он. — Правда, ничего.

Странно, но я понимаю его молчание. И впервые за долгие годы чувствую себя счастливой.

---

---

<b>notes</b>
--------------

## Примечания

В 1977 году английская королева Елизавета II праздновала 25-летие своего правления. — *Здесь и далее примеч. ред.*

Игра слов. *Dick* — уменьшительное от имени Ричард и эвфемизм для мужского члена.



**3**

Детская игра в карты.